

ВАДИМ РОГОВИН

**СТАЛИНСКИЙ
НЕОНЭП**

Введение

*Солона вода, и хлеб твой горек,
Труден путь сквозь толщу прошлых лет,
Нашего величия историк,
Нашего страдания поэт.
Только б ты не допустил ошибки,
Полуправды или лжи,
Не смешал с гримасами улыбки
И с действительностью миражи.*

М. Алигер

Восстановление исторической правды о сталинизме представляло длительный, противоречивый и драматический процесс. После смерти Сталина расчёт с наследием сталинизма осуществлялся сугубо половинчато и сопровождался многочисленными попятными движениями. Правящая бюрократия оказалась не способной к развенчанию сталинистских идеологических стереотипов и возрождению подлинно марксистского менталитета не только из-за своей косности и невежества. Социальный инстинкт, интересы самосохранения подсказывали ей, что развенчание насаждавшихся на протяжении нескольких десятилетий идеологических и исторических мифов опасно: оно неумолимо должно вести к устранению её с политической арены как узурпатора власти партии и народа.

Любая идеология представляет не что иное, как проект переустройства либо консервации сложившихся общественных отношений. К идеологическим мифам относятся ложные прогнозы, иллюзорные политические программы, несбыточные социальные проекты. Постсталинистские режимы, возглавляемые ограниченными и хвастливыми парткратами, были не менее щедры на велеречивые и радужные обещания "светлого будущего", чем сталинский тоталитарный режим. Крах этих обещаний (от построения к 1980 году коммунистического общества до перестроечной "революции сверху", якобы несущей "социалистическое обновление") жесточайшим образом скомпрометировал в сознании миллионов советских людей коммунистическую идею. Это явилось одним из решающих факторов, позволивших реакционным силам после подавления "странного путча" в августе 1991 года осуществить незаконный разгон коммунистической партии и открыто провозгласить программу реставрации капиталистических отношений в республиках распавшегося Советского Союза.

После этих трагических событий новая, прокапиталистическая власть перешла к насаждению идеологических мифов о скорых благодетельных последствиях "рыночных реформ". Непредвзятый поиск истины снова был вытеснен худшим видом идеологии - воинствующей социальной демагогией, представ-

ляющей, по удачному выражению советского философа М. Лифшица, "уродливый двойник демократии"¹.

Идеологические мифы, однако, не могли бы оказывать столь сильное дезориентирующее влияние на массовое сознание, если бы они не подкреплялись историческими мифами. Такого рода мифы всегда, а особенно в кризисные эпохи, выступали излюбленным духовным оружием реакционных политических сил. В отличие от псевдопрогнозов и нереальных обещаний они представляют не продукт политического заблуждения или социальной демагогии, а результат исторического невежества либо сознательного замалчивания одних фактов и тенденциозной интерпретации других.

В принципе мифы, касающиеся прошлого, развенчать легче, чем демагогические проекты "судьбоносных" преобразований, обнаруживающие свою несостоятельность лишь в ходе их проверки социальной практикой. Для опровержения исторических мифов необходимо восстановить действительные факты прошлого, скрывавшиеся или искажавшиеся заинтересованными в этом политическими силами. Однако на такой путь - очищения исторической правды от многочисленных мифологических напластований сталинской школы фальсификаций - косная постсталинская бюрократия не могла и упорно не желала встать.

Даже в лучшие времена Хрущёвской "оттепели" в "партийных документах" и исторических работах, посвящённых тому, что тогда именовалось "культом личности и его последствиями", содержались многочисленные оправдания ошибок и преступлений сталинской клики. Да и как могло быть иначе, если у власти оставались запятанные соучастием в сталинских преступлениях представители этой клики и взращённые ею партократы, обязанные своему выдвижению "большому террору".

Осудив наиболее одиозные и криминальные деяния Сталина, Хрущёв не решился довести свои разоблачения даже до пересмотра фальсифицированных процессов 30-х годов и "ограничил" преступную деятельность Сталина периодом, последовавшим за убийством Кирова. Советская историография Хрущёвского периода сохраняла в неприкосновенности версии внутрипартийной борьбы 20-30-х годов, согласно которым Сталин "отстоял ленинизм" в борьбе с "антипартийными" течениями в ВКП(б). Она не сделала ни единого шага к переосмыслению идейного наследия и политической роли оппозиционных сил в ВКП(б) и международном коммунистическом движении. Над несколькими поколениями советских учёных продолжал довлеть запрет на сколько-нибудь объективное исследование и освещение данной проблематики.

Отстранение Хрущёва от власти в 1964 году означало долговременную победу консервативных сил в руководстве КПСС. Брежневско-сусловское руководство наложило табу на всякую критику Сталина и сталинизма, на пересмотр бесчисленных идеологических и судебных подлогов.

Лишь с 1987 года, на гребне обманчивой "перестройки", в советской официальной идеологии аморфный термин "культ личности Сталина", мало что дающий для понимания трагедии большевистской партии и советского народа,

¹ Лифшиц М. А. Собр. соч. в трёх томах. Т. III. М., 1988. С. 236.

был заменён термином "сталинизм", впервые выдвинутым левой оппозицией 30-х годов. На основе начавшегося восстановления исторической правды открывалась возможность реконструкции логической цепи ошибок и преступлений сталинизма и раскрытия подлинно социалистической альтернативы исторически сложившемуся течению событий, той, что обосновывалась левой оппозицией в ВКП(б).

Однако с 1989 года прокапиталистические силы, захватившие ведущие политические и идеологические позиции в СССР, заменили критику сталинизма злостным извращением марксистской теории и революционной практики большевизма. Итогом этого стала реставрация (хотя и с обратным, негативным знаком) основного тезиса сталинистской пропаганды: "Сталин - верный продолжатель дела Ленина и Октябрьской революции".

Тем самым вновь были закрыты пути к объективному изучению основных этапов и сущности антибольшевистского, бонапартистского переворота, осуществлённого сталинской кликой. Место прежних мифов заняли не менее произвольные и фантастические мифы и исторические подлоги.

Ведущее место среди фальсификаторов 80-90-х годов принадлежало ренегатам коммунизма из среды партократов и псевдоучёных, сделавших карьеру на апологетике "реального социализма" и "борьбе с буржуазной идеологией". Подобное отступничество от коммунистических убеждений встречается в истории не впервые. Однако такого рода отступники приходили к своему новому идеологическому кредо разными путями. Можно не соглашаться, например, с идеями М. Джиласа, но нельзя не признать, что они родились в процессе мучительных духовных исканий и за их пропаганду автор расплатился долгими годами пребывания в "коммунистической" тюрьме. Ничего похожего нельзя сказать про бывших высокопоставленных партократов типа Ельцина или Яковлева и бывших ортодоксальных историков и философов типа Волкогонова или Ципко. Поспешное обличение ими "коммунистического режима" возникло не на основе самостоятельного идейного поиска, а на основе механического репродуцирования исторических версий, пущенных в обращение наиболее реакционной частью белоэмигрантских публицистов 20-х годов, западных советологов времён холодной войны и советских диссидентов 70-80-х годов.

На первый взгляд, работы, принадлежащие перу историков-профессионалов антикоммунистического толка, откуда черпают свои аргументы нынешние российские "демократы", производят более благоприятное впечатление, чем сталинистские и постсталинистские учебники истории. Их авторы избегают грубых и откровенных исторических передержек, используют более широкий круг источников, приводят более достоверные статистические данные и расчёты, чем официальная советская историография 30-80-х годов. Однако эти антикоммунистические труды также созданы под влиянием определённого политического заказа. Что же касается современной российской антикоммунистической публицистики, то она тенденциозна и предвзята в ещё большей степени: вся её "аргументация" сводится к кликушеским проклятиям в адрес большевизма. Подобно тому, как сталинисты многократно пытались прикрыть "окончательной гробовой плитой" ненавистный им "троцкизм", так и нынешние демократы стремятся наложить такую же "гробовую плиту" на

весь "коммунистический эксперимент" и "утопическую" коммунистическую идею.

В этой книге я не вступаю в прямую полемику с нынешней исторической мифологией, полагая, что правдивое изложение и освещение событий одного из самых трагических периодов новейшей отечественной и мировой истории позволит читателю самому убедиться, какова истинная цена аргументов людей, с упоением отдававшихся антикоммунистической истерии. Ограничусь только перечислением здесь основных исторических мифов, опровержению которых служит данная работа.

Первый миф сводится к суждениям о безраздельном господстве "командно-административной системы" на всех этапах развития советского общества. Между тем данное понятие не тождественно даже понятию "сталинизм": существовавшая при Сталине социально-экономическая система не была всецело и неизменно административной. Это относится в особенности к периоду, рассматриваемому в данной работе. "Сталинский неонэп" 1934-1936 годов характеризовался известной либерализацией экономических отношений, частичным возвращением к рыночным механизмам, разрушенным в предшествующие годы.

Второй миф касается политической жизни и борьбы в советском обществе. Он сводится к объявлению всех жертв сталинских репрессий "кроликами" (пользуясь выражением А. Солженицына), не оказывавшими никакого сопротивления тоталитарному режиму. Этот миф насаждался как антикоммунистической историографией, утверждавшей, что в 30-е годы в партии не существовало серьёзной оппозиции, так и Хрущёвым и его подголосками, экстраполировавшими свою былую веру в "величие" Сталина на всю партию. Известный вклад в поддержание этого мифа внесли реабилитационные кампании 50-80-х годов, в ходе которых делался вывод о произвольности и сфабрикованности всех политических обвинений, предъявлявшихся жертвам сталинского террора.

В пользу версии об абсолютной "монолитности" партии в 30-е годы и ослеплённости всех коммунистов тех лет культом Сталина, казалось бы, свидетельствуют широко известные мемуары очевидцев, в том числе узников сталинского режима, прозрение которых наступало только в тюрьмах и лагерях. Однако эти мемуары принадлежат, как правило, представителям младшего поколения элитарных слоёв тогдашнего советского общества (например, Е. Гинзбург, О. Адамовой-Слиозберг), которые до своего ареста были далеки от каких-либо оппозиционных настроений. Те же, кто были действительно причастны к оппозиционным элементам партии, не смогли оставить свидетельств о настроениях и поведении своей среды, поскольку они были почти полностью выжжены в годы великой чистки. Лишь в последние годы появились воспоминания нескольких уцелевших "троцкистов", которые дополняют свидетельства, принадлежавшие старым большевикам - "невозвращенцам". Нет оснований сомневаться в том, что идейные настроения этих людей, сумевших вырваться из СССР и тем самым избежать гибели в сталинских застенках (Раскольников, Раисе, Кривицкий, Бармин, Орлов), разделялись большинством деятелей старой партийной гвардии, истреблённых в 30-е годы.

Реконструкции реальных политических процессов, происходивших в то время в партии и в стране, способствует также анализ недавно обнародованных архивных документов, позволяющих полнее представить деятельность антисталинских оппозиций в 30-е годы. Этот анализ показывает, что, наряду с новыми оппозиционными группами (Сырцова-Ломинадзе, Рютина-Каюрова, А. П. Смирнова-Эйсмонта и др.), в СССР продолжала действовать левая оппозиция, которая оставалась наиболее массовым политическим движением, противостоявшим сталинизму. Как сможет убедиться читатель этой книги, работы оппозиционеров, не капитулировавших и не сломленных тоталитарным режимом, неведомыми для сталинских опричников путями переправлялись к Троцкому и публиковались на страницах "Бюллетеня оппозиции". Коммунистическое оппозиционное подполье обладало альтернативной сталинизму программой по всем коренным вопросам мирового революционного движения и социалистического строительства в СССР. Страхом по поводу возможного усиления влияния этого движения в партии и стране и объяснялась непрерывно ужесточавшаяся свирепость сталинской репрессивной машины по отношению к "троцкистам".

Специфика осуществлённого Сталиным антибольшевистского переворота, переросшего в превентивную гражданскую войну против всей плеяды большевиков-ленинцев, состояла в том, что он происходил под прикрытием нескончаемых заверений о верности делу Ленина и Октябрьской революции. Тщательно скрывая - даже от своего ближайшего окружения - подлинные мотивы и цели своего политического поведения, Сталин маскировал все свои политические акции псевдомарксистской фразеологией и грубо подтасованными цитатами из ленинских трудов.

Утверждению единоличной власти Сталина в СССР и в международном коммунистическом движении способствовали объективные исторические обстоятельства, которые он умело использовал и на которых ловко паразитировал. Главным из них было существование Советского Союза во враждебном капиталистическом окружении. Именно этим обстоятельством Сталин обосновывал закрытость советского общества, предельное сужение информационного пространства в стране, насаждение атмосферы безгласности и секретности. В результате большинство советских людей не представляло действительных масштабов политических репрессий, одни социальные группы были лишены информации о тяготах и бедствиях, выпадавших на долю других. Можно не сомневаться в том, что если бы в 30-е годы существовала система зарубежных радиопередач, через которую до советских людей могли доноситься идеи и разоблачения Троцкого, Сталину было бы намного сложнее осуществлять свои наиболее зловещие акции.

В обстановке тотальной дезинформации Сталину удавалось изображать оппозиционные ему силы заговорщиками, вынашивавшими замыслы о реставрации капиталистического строя. Официальная пропаганда всё более отождествляла партийное единство с беспрекословным подчинением воле вождя, упорно обрабатывала массовое сознание в духе культа Сталина. Успехам такого рода идеологических манипуляций благоприятствовал низкий уровень политической культуры масс, социальное сознание которых было отягощено

многовековым наследием культурной отсталости. Как показал и последующий опыт маоистского Китая, идейный и нравственный вакуум, возникающий в результате крушения традиционного религиозно-патриархального сознания, способен легко заполняться тем, что К. Маркс называл светской религией, а М. Вебер - харизмой, т. е. обожествлением всеведущего и всемогущего "вождя". Впрочем, как показал исторический опыт, вождистские режимы в первой половине XX века с относительной лёгкостью утверждались и в странах, обладавших традициями демократической политической культуры.

Для людей со слабым социальным и политическим самосознанием психологически легче принимать на веру упрощённые догмы и мифы, освящённые авторитетом непогрешимого вождя, чем разбираться в сложном спектре аргументов и доказательств, которыми оперируют оппозиционные силы.

Торжество бюрократического абсолютизма стало трагедией не только большевистской партии и советского народа, но и всего мирового коммунистического движения - самого массового политического движения в истории человечества.

Большевистский прогноз о победе международной социалистической революции на исходе первой мировой войны не осуществился. Однако это не означает, что данный прогноз носил утопический характер применительно к более широкой исторической перспективе. После поражения революционной волны на Западе в 1918-1923 годах и непродолжительного капиталистического "просперити" 20-х годов новые революционные возможности открылись с наступлением мирового капиталистического кризиса 1929-1933 годов, по своей продолжительности и глубине не имевшего равных в истории капитализма. Этот всеохватывающий кризис капиталистического хозяйства дополнился в середине 30-х годов политическим кризисом всей капиталистической системы, предельным обострением межимпериалистических противоречий, расколом капиталистического мира на два враждебных военно-политических блока. Противоречия между ведущими капиталистическими странами приобрели более острый характер, чем противоречия между СССР и его капиталистическим окружением. В начале второй мировой войны Советский Союз оказался единственной крупной европейской державой, не втянутой в военный конфликт.

Неимоверно возросшие бедствия народных масс даже в самых передовых странах капитализма умножали число сторонников свержения капиталистической системы. Однако революционное движение, обладавшее могучим потенциалом, оказалось подорванным изнутри - политикой сталинизированного Коминтерна, подчинившего всю деятельность коммунистических партий государственным интересам СССР и уделявшего "борьбе с троцкизмом" намного больше внимания, чем антиимпериалистической и антифашистской борьбе. Перманентные чистки коммунистических партий и отход от коммунистического движения тысяч и тысяч людей, разочаровавшихся в "советском эксперименте", скомпрометированном сталинизмом, ослабили революционные силы как раз в тот исторический момент, когда возникли объективные возможности для их мощного подъема во всём мире.

Поражение революционных сил сначала в Германии, затем во Франции и Испании во многом явилось результатом ошибочной политики Коминтерна, в

свою очередь обусловленной страхом Сталина перед возможностью спонтанного возникновения социалистических революций в других странах. Победа таких революций в Европе могла перенести центр коммунистического движения из Советского Союза в более развитые страны, вызвать подъём антисталинских коммунистических и социалистических сил (как это произошло на первых этапах гражданской войны в Испании) и в конечном счете вырвать из рук Сталина господство над зарубежными компартиями. Для Сталина были приемлемы только такие коммунистические режимы, возникновение которых было вызвано его геополитическими расчетами и которые находились под его полным контролем^{1*}.

Вторая мировая война стала не только следствием жестоких межимпериалистических противоречий, но и расплатой за предательство сталинизмом международной социалистической революции. Поражение фашизма в этой войне было достигнуто, по словам Андре Жида, "благодаря антинацистскому тоталитаризму"². После войны сталинский тоталитаризм явился, по признанию П. Тольятти, "подобием смиренной рубашки, которая не позволила коммунистическому движению в момент, когда была окончена война и оно завоевало столько новых позиций, продемонстрировать всю свою силу, развить все свои творческие способности, показать всему миру, что социалистический строй, за который мы боремся, является строем подлинной демократии во всех областях социальной жизни"³.

Сталинистское перерождение советского общества и международного коммунистического движения привело к тому, что исторические законы стали пробивать себе дорогу другими путями. Уже в 30-е годы обнаружилось, что Октябрьская революция объективно принесла больше прав и свобод трудящимся передовых капиталистических стран, чем народам Советского Союза. Оказавшись перед лицом социального вызова социализма, правящие круги буржуазно-демократических государств были вынуждены пойти на немалые уступки трудящимся своих стран (а затем - колониальным народам), которые существенно изменили всю капиталистическую систему. "Если на другой день после Октября не совершилась мировая революция, которую исступлённо ждали массы среди гражданской войны и разрухи, то совершилась мировая реформа, и это было побочным результатом неслыханных жертв, принесённых нашим народом для общего дела социализма"⁴.

Начало этой "мировой реформы", или социальной перестройки капитализма, относится к середине 30-х годов, когда в ряде крупнейших капиталистиче-

¹ Даже после второй мировой войны, когда такие режимы возникли в странах Восточной и Центральной Европы, Сталин оказался не в силах подавить вырвавшийся из-под его контроля коммунистический режим в Югославии. Этот режим сумел выжить даже в условиях экономической блокады, неистовой клеветы, политических провокаций и полной изоляции в мировом коммунистическом движении. Другое дело, что Тито и его соратники, прошедшие в 30-е годы выучку безропотного служения сталинизму и неистовой расправы с "троцкистами" в собственной партии, оказались неспособны выдвинуть и реализовать подлинно социалистическую альтернативу сталинизму.

² Два взгляда из-за рубежа. М., 1990. С. 59.

³ Тольятти П. Избранные статьи и речи. Т. II. М., 1965. С. 790.

⁴ Лифшиц М. А. Собр. соч. Т. III. С. 256.

ских стран было введено прогрессивное социальное законодательство (законы о социальном страховании, платных отпусках, правах профсоюзов, государственной помощи безработным, "справедливом" найме рабочей силы и т. д.) и существенно расширилось государственное регулирование экономики с использованием плановых начал. В одних странах (например, во Франции) эти реформы были вызваны революционными выступлениями рабочего класса, в других (прежде всего в США) они стали результатом гибкой и предусмотрительной политики буржуазных правительств, их стремления предотвратить социальный взрыв, грозящий потрясением и ломкой господствующей системы. Но во всех случаях такие реформы означали внедрение некоторых социалистических принципов при сохранении экономических основ капиталистического строя.

Сравнительно короткий исторический период, рассматриваемый в данной работе, был временем бурных социальных изменений не только в капиталистических странах, но и в Советском Союзе. Исторические сдвиги, произошедшие в нашей стране за эти три года, показали, что стремительные ритмы общественной жизни могут быть характерны не только для революционных эпох, но и для эпох победоносного наступления реакции.

Внимательное прочтение сталинских речей и статей той поры свидетельствует: инспирируя всё новые политические кампании против "контрреволюционного троцкизма", Сталин в то же время внимательно изучал новые работы Троцкого и использовал некоторые их идеи в своей практической политике. Так, выход из периода "экономической чрезвычайщины" был достигнут в результате переориентации внутренней политики на осуществление мер, настойчиво предлагавшихся Троцким в годы первой пятилетки: установление более низких и реалистических заданий для второго пятилетнего плана. В не меньшей степени идеи Троцкого оказали влияние на внешнеполитический курс Сталина, отказавшегося от трактовки социал-демократии как "социал-фашизма" и ориентировавшего советскую дипломатию и Коминтерн на установление широких антифашистских союзов. "Когда речь шла о безопасности собственного правления, Сталин с готовностью прислушивался к совету своего противника, хотя часто с запозданием и всегда в своей грубой и извращённой манере"¹.

Эта извращённая форма реализации даже правильных идей вытекала из того, что Сталин в вопросах большой политики неизменно оставался грубым прагматиком и эмпириком, неспособным к глубоким научным обобщениям и теоретическому предвидению. Как неоднократно подчёркивал Троцкий, Сталин никогда не обладал сколько-нибудь чётким стратегическим планом и умением предвидеть даже ближайшие последствия своей политики; он никогда не исходил в выработке своей тактики из теории и стратегии, а, наоборот, приспособливал теорию и стратегию к потребностям тактики. Он изменял свой политический курс лишь под влиянием явных и непосредственных трудностей, с которыми сталкивался в своей политической практике, причем немалая

¹ Дойчер И. Троцкий в изгнании. М., 1991. С. 270.

часть этих трудностей была порождена его бессистемной и лишённой всякого научного обоснования политикой.

Об отсутствии у Сталина политической дальновидности писал и Ф. Раскольников: "Предпринимая какой-нибудь шаг, он не в состоянии взвесить его последствий. Он постериорен. Он не предусматривает события и не руководит стихией, как Ленин, а плетётся в хвосте событий, плывёт по течению"¹. Этот сталинский хвостизм не мог быть скорректирован и его ближайшим окружением, откуда Сталин с конца 20-х годов последовательно изгонял самостоятельно мыслящих людей и в котором он предпочитал оставлять самоучек, способных лишь к беспрекословному служению его личной власти. Хотя в середине 30-х годов в сталинском окружении ещё оставались яркие личности, "вождь" подавлял их индивидуальность, добивался от них слепого повиновения и при малейшем намёке на сопротивление прибегал к беспощадным репрессиям.

В 1933 году в Советском Союзе завершилась растянувшаяся на шесть лет фактическая гражданская война правящей бюрократии с большинством крестьянства. Едва одержав победу в ней, бюрократия "стала из всех сил возвращать новую аристократию"². Формирование новых привилегированных групп, составлявшее социальное содержание сталинского неонэпа, не могло не вызывать протеста в народных массах и в рядах большевистской партии. Этим объясняется то парадоксальное, на первый взгляд, обстоятельство, что ослаблению "чрезвычайщины" в сфере экономики и стабилизации социально-политической обстановки в стране сопутствовало ужесточение "чрезвычайщины" в политической жизни.

Эта "чрезвычайщина" нашла выражение в новой волне террора, который сопровождался чудовищными судебными подлогами, положившими начало компрометации большевизма в сознании миллионов людей. Согласно этим подлогам большевистская партия с первых лет её существования возглавлялась людьми, способными к самым низким уголовным преступлениям. Вакуум доверия к партии стал заполняться верой в исключительность и величие Сталина. Цепочка возникших на этой основе ложных схем распалась сразу же после разоблачения на XX съезде сталинских преступлений. Это в свою очередь породило новый вакуум доверия: Сталин представал теперь в своём истинном облике тоталитарного злодея, с его же главных политических противников не были сняты пятнавшие их обвинения.

Вместо того, чтобы прояснить неизбежно возникающие в этой связи недоумённые вопросы, преемники Сталина избрали постыдную фигуру умолчания. На всякое положительное или даже нейтральное упоминание о деятельности большевистских лидеров, возглавлявших оппозиционные группировки после смерти Ленина, по-прежнему налагалось безусловное табу. В советских энциклопедиях 50-80-х годов содержались персоналии Гитлера, Муссолини и т. д., но отсутствовали какие бы то ни было биографические справки о Троцком, Зиновьеве, Бухарине и других ведущих деятелях большевизма. Положи-

¹ Раскольников Ф. О времени и о себе. Воспоминания, письма, документы. Л., 1989. С. 523.

² Троцкий Л. Д. Преданная революция. М., 1991. С. 226.

тельно характеризовались лишь несколько ближайших соратников Ленина, которым "посчастливилось" умереть до сталинского террора.

Тянувшаяся десятилетиями дезориентация советского общественного мнения относительно основных вопросов истории большевизма явилась решающей идеологической предпосылкой того, что в условиях горбачевской "гласности" антикоммунистической пропаганде удалось сравнительно легко "развенчать" в глазах широких масс весь большевизм во главе с Лениным.

"Перестройщики" и "реформаторы!" создали - совсем в духе сталинской "методологии" - очередную амальгаму^{1*}, отождествляя на этот раз - под общим клеймом "тоталитаризма" - большевизм и сталинизм. В этой оголтелой антикоммунистической кампании терялись голоса немногих честных исследователей, пытавшихся объективно осветить содержание внутрипартийной борьбы 20-30-х годов, воздать должное мужеству тех большевиков, которые сохраняли верность своему делу и своим убеждениям перед лицом жестокой клеветы, свирепых преследований и надвигающейся неминуемой гибели.

Необходимая дифференциация должна быть проведена и внутри внешне монолитного лагеря сталинцев 30-х годов. Одна из задач данной работы состоит в проведении чёткой грани между трагической виной тех, кто был обманут или сломлен тоталитарной машиной сталинизма, и преступлениями Сталина (вкуче со сравнительно узкой кликой его приспешников). Политические заблуждения и нравственные компромиссы отнюдь не равнозначны на весах истории с ответственностью тех, кто сознательно насаждал ложь и террор ради сохранения собственной власти.

Адекватное понимание событий 30-х годов возможно лишь с позиций марксистского взгляда на историю, т. е. взгляда "с точки зрения тех, кто её творит, не имея возможности наперёд *непогрешимо* учесть шансы, а не с точки зрения интеллигента-мещанина, который морализирует: "Легко было предвидеть... не надо было браться..."².

Говоря о судьбах большевизма, мы не склонны забывать, что прогрессивность и жизненность всякого политического движения измеряются прежде всего результатами его деятельности. В этой связи коснемся прогноза одного из наиболее честных и глубоких теоретиков русской эмиграции Г. П. Федотова (к его идеям мы ещё не раз будем обращаться в этой книге). "Пятнадцать лет для партии революции - срок огромный, небывалый, - писал он в 1933 году. - В революции годы должны считаться за десятилетия... Пятнадцать лет власти, успехов и побед - в величайшую, ответственнейшую эпоху в жизни России - и Европы - дают право на исторический памятник... Очертания этого памятника... зависят теперь от двух величин, с которыми связано их (большевиков - В. Р.) историческое дело. Эти величины: Россия и социализм. Если Россия не развалится, а будет жить как великое государство и великий народ, то её революция войдёт тоже как "великая" на скрижали истории... То же самое с социа-

¹ Понятие "амальгама" (в прямом значении - сплав разнородных металлов) широко употреблялось в 20-30-е годы Троцким для характеристики провокационных приёмов сталинизма: отождествления оппозиционной деятельности с антисоветскими заговорами, направленными на реставрацию капиталистического строя, а затем - со шпионажем, вредительством и т. д.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 379.

лизмом. Если победит в мире социализм, или даже просто трудовое рабочее общество, оно канонизирует всех борцов за рабочее дело, и в ряду этих борцов Ленину отведёт одно из первых мест. Рядом с Марксом и, может быть, впереди его"¹.

На первый взгляд может показаться, что этот прогноз потерпел полный крах. Великая страна, ещё недавно именовавшаяся во всём мире сверхдержавой, распалась на конгломерат государств, переживающих жесточайший экономический и политический кризис. Большинство стран с национализированной собственностью и плановой экономикой совершают откат к отсталому полукOLONIALному капитализму. В этих странах памятники Ленину и другим борцам за рабочее дело сбрасываются с постаментов в буквальном смысле этого слова. Память большевиков оскверняется клеветнической кампанией, не имевшей себе равных в истории. Националистические и "демократические" силы призывают к дальнейшему развязыванию вандализма, направленного на уничтожение большевистской символики.

Однако исторический процесс, открытый Октябрьской революцией, не завершён, а лишь временно приостановлен. Огромное историческое поражение, понесённое социализмом на рубеже 90-х годов, не означает, что грядущие десятилетия пройдут под знаком триумфального шествия капитализма во всём мире. Политический застой 70-80-х годов вновь сменяется вступлением человечества в эпоху стремительных исторических ритмов. Распад "социалистического содружества" привел к нарушению глобального исторического равновесия. Смена общественного строя в СССР и странах Восточной Европы ввергает народы этих стран в пучину небывалых бедствий и кровавых междоусобных войн. Подобно странам "третьего мира" эти страны становятся объектами неокOLONIALной экспансии со стороны передовых капиталистических государств и транснациональных корпораций.

Все эти кризисные процессы не могут не вызвать нового подъёма коммунистического движения. Его успех будет в немалой степени зависеть от его вооружённости научной идеологией, обогащённой глубоким анализом исторического опыта XX века, переосмыслением уроков прежних социалистических революций.

Автор этой книги надеется, что она внесёт посильный вклад в решение этой насущной задачи.

¹ Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Т II. С.-П., 1991. С. 19-20.

Экономическая либерализация в СССР

Пик экономических трудностей, пережитых страной в результате осуществления насильственной коллективизации и форсированной индустриализации, был пройден в 1933 году. Ликвидация "чрезвычайщины" в экономической жизни была предопределена отказом от амбициозных планов и ажиотажных темпов развития промышленности. Последним партийным форумом, на котором ставились подобные задачи, предусматривался новый большой скачок в экономике, была XVII конференция ВКП(б) (январь-февраль 1932 года). В её решениях утверждалось, что вторая пятилетка станет периодом полной и окончательной ликвидации классовых различий в СССР. В этой связи нелишне заметить, что вопрос о бесклассовом обществе, подобно вопросу о полной и окончательной победе социализма, на протяжении последующих десятилетий был предметом бесчисленных "поправок" и "уточнений". Хотя Сталин в 1936 году объявил о полной победе социализма в СССР, он не решился заявить, что в стране возникло бесклассовое общество. Последнее "открытие" в этом плане было сделано в 1981 году, на XXVI съезде партии, где был выдвинут тезис о возможности построения бесклассового общества в "исторических рамках социализма", т. е. в неопределённой исторической перспективе.

XVII конференция приняла директивы к составлению второго пятилетнего плана (1933-1937 гг.), в соответствии с которыми за это пятилетие предполагалось догнать передовые капиталистические страны по важнейшим экономическим показателям. Эта установка подкреплялась контрольными цифрами, согласно которым "безусловно необходимым" считалось довести в 1937 году производство электроэнергии не менее чем до 100 млрд. кВт/ч, добычу угля - не менее чем до 250 млн. тонн, выплавку чугуна - не менее чем до 22 млн. тонн, производства зерна - не менее чем до 130 млн. тонн, увеличить за пятилетие добычу нефти в 2,5 - 3 раза и продукцию машиностроения в 3 - 3,5 раза по сравнению с предполагавшимися результатами 1932 года¹.

Не менее грандиозные задачи ставились в сфере народного благосостояния. Обеспечение основными потребительскими товарами, в том числе продуктами питания, предполагалось увеличить за пятилетие не менее чем в два-три раза².

Нереальность этого "большого скачка" обнаружилась уже в 1932 году, когда оказалось, что производство электроэнергии составило лишь 13,5 млрд. кВт/ч, (против 22 млрд. по первому пятилетнему плану), добыча угля - 64,4 млн. тонн (против 75 млн. тонн), выплавка чугуна - 6,2 млн. тонн (против 10 млн. тонн). Ещё менее утешительными явились итоги 1933 года, в котором прирост промышленной продукции составил всего 5,5 % (против 16,5 % по годовому плану и 25,2 % по оптимальному варианту первой пятилетки).

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9. Т. 5. М., 1984. С. 394, 396.

² Там же. С. 393.

Учитывая срыв плановых заданий первой пятилетки, Сталин на январском пленуме ЦК 1933 года провозгласил отказ от политики "наиболее ускоренных темпов", заявив, что теперь нет необходимости "подхлестывать и подгонять страну". В соответствии с этим он предложил для второй пятилетки 13-14 % ежегодного прироста промышленной продукции "как минимум"¹.

Основные задания второго пятилетнего плана были приняты на XVII съезде ВКП(б), созванном спустя два года после XVII партконференции. В решениях съезда подтверждались установки конференции, согласно которым основными политическими задачами второй пятилетки являются "окончательная ликвидация" не только капиталистических элементов, но и классов вообще, а также "преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей"². Вместе с тем контрольные цифры пятилетки были существенно снижены по сравнению с директивами XVII конференции. Производство электроэнергии к концу пятилетки планировалось довести до 38 млрд. кВт/ч, чугуна - до 16 млн. тонн, нефти и газа - до 46, 8 млн. тонн, стали - до 17 млн. тонн, зерна - до 105 млн. тонн. Среднегодовой прирост промышленной продукции должен был составить за 1933-37 годы 16,5 %³.

Важной особенностью второго пятилетнего плана была установка на развитие отраслей группы "Б", производящих предметы потребления, более быстрыми темпами, чем отраслей группы "А", выпускающих средства производства. В соответствии с этой установкой в план были заложены высокие показатели роста жизненного уровня населения: удвоение производства сельскохозяйственной продукции, повышение уровня потребления населения в 2-3 раза, снижение розничных цен на 35 % и увеличение вдвое реальной заработной платы рабочих и служащих⁴.

Хотя задания второй пятилетки, особенно в части роста народного благосостояния, не были выполнены, её результаты были более успешными, чем результаты первой пятилетки. Обнаружилось, что "запаздывающая модернизация" экономики осуществляется значительно успешнее в условиях, когда отсутствует безудержное ускорение темпов, то, что Сталин цинично назвал "подхлестыванием страны".

Производительность труда за 1933-1937 годы увеличилась вдвое против 41 % за первую пятилетку. Начали давать отдачу реальности индустриализации. В строй вступили 4500 крупных предприятий. Валовая продукция промышленности выросла в 2,2 раза (против двух раз в первой пятилетке), хотя численность рабочих и служащих росла в 4 раза медленнее, чем в первой пятилетке.

Успехи в развитии промышленности позволили отказаться от экспорта зерна ради покупки машин и промышленного оборудования. Советский Союз прекратил ввоз тракторов и других сельскохозяйственных машин, покупка которых за рубежом в предыдущую пятилетку обошлась в 1150 млн. рублей. Был

¹ Сталин И. В. Соч. Т. 13, М., 1951. С. 184-186.

² XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчёт. М., 1934. С. 660.

³ Там же. С. 661, 663.

⁴ Там же. С. 660, 661, 668.

прекращён также импорт хлопка, на который в первой пятилетке была затрачена примерно такая же сумма. Затраты на ввоз чёрных металлов снизились с 1,4 млрд. руб. в первой пятилетке до 88 млн. рублей во второй. Импорт станков для машиностроительной промышленности сократился в общем объёме потребления станков с 66 % в 1928 году до 14 % в 1935 году. В целом импорт машин уменьшился в 1934-1935 годах в десять раз по сравнению с 1931 годом. Прекращение импорта тракторов и автомобилей и значительное сокращение импорта промышленного оборудования, цветных и чёрных металлов позволили снизить задолженность по иностранным кредитам с 6300 млн. рублей в 1931 году до 400 млн. рублей в 1936 году. Если в 1931-1932 годах наблюдалось существенное превышение экспорта над импортом, то с 1934 года СССР имел активный торговый, а с 1935 - и активный платёжный баланс. Этому способствовал и быстрый подъём добычи золота в стране. В 1936 году эта отрасль заняла первое место в мире. Благодаря накоплению золотых и валютных ресурсов Советский Союз перешёл в основном к покупкам товаров за наличные и отказался от кредитов у зарубежных фирм, вызывавших крупные переплаты по импортным заказам.

Всё это свидетельствовало об обретении страной экономической самостоятельности. Однако сталинское руководство оказалось неспособным использовать новую благоприятную ситуацию. Не сумев поставить на службу стране выгоды международного разделения труда, оно перешло к автаркическим методам развития экономики. Объёмы экспорта и импорта снизились с 4,5 млрд. рублей в 1930 году до 1,4 млрд. рублей в 1936 году. Удельный вес импортной продукции в общем потреблении страны составил в 1936 году менее 1 %.

За годы второй пятилетки крупные успехи были достигнуты в укреплении обороноспособности страны. Если в 1930-1931 годах авиационная промышленность выпускала 860 самолетов в год, то в 1935-1937 годах её среднегодовая продукция составила 3578 самолетов. Среднегодовое производство танков возросло соответственно с 740 до 3139 боевых машин, артиллерийских орудий - с 1911 до 5020, винтовок - с 174 тыс. до 397 тыс. штук.

Существенные сдвиги произошли в области механизации сельского хозяйства, преимущественно его зерновой отрасли. За 1933-1937 годы было произведено свыше 500 тыс. тракторов (в 15-кратном исчислении), 123,5 тыс. комбайнов, свыше 142 тыс. грузовых автомобилей для села. Однако помимо создания земледельческой техники, государство не осуществляло почти никаких вложений в развитие сельского хозяйства. Такие достижения, как правильный севооборот, селекция семян, химические удобрения, фермы племенного скота в стране практически не внедрялись. В результате колхозно-совхозное производство не только всё более отставало по урожайности земледелия и продуктивности скота от фермерского производства в передовых капиталистических странах, но и не превышало соответствующих показателей царской России. Хотя во второй пятилетке не было неурожайных годов, а 1937 год в метеорологическом отношении был самым благоприятным за 20-30-е годы, ни в одной отрасли сельского хозяйства не были достигнуты успехи, хотя бы в отдалённой степени напоминавшие успехи промышленности.

Валовая продукция сельского хозяйства в целом оставалась на уровне 1924-1928 годов. Сбор зерновых культур, достигший в 1934 году самой низкой отметки с 1925 года (67,6 млн. тонн), затем стал расти, хотя и неустойчиво. После 1936 года, когда он составил всего 55,8 млн. тонн, в следующем, 1937 году, был получен небывало высокий в истории страны сбор зерновых - 97,4 млн. тонн. Однако среднегодовые сборы зерна составили во второй пятилетке 72,9 млн. тонн против 73, 5 млн. тонн в первой, а средняя урожайность зерновых в 1933-1937 годах была несколько меньшей, чем в 1922-1928 годах.

Более устойчивым был рост производства хлопка - с 1,2 млн. тонн в 1934 году до 2,7 млн. тонн в 1939 году. Валовый сбор сахарной свеклы поднялся с 10 млн. тонн в 1934 году до 16 млн. тонн (в среднем) в последующие 5 лет, а в 1937 году составил 21,6 млн. тонн. Валовые сборы овощей в 1935-1939 годах были меньше, чем в 1934 году (в некоторые годы - более чем в 2 раза). Валовые сборы картофеля колебались весьма значительно, превысив уровень 1933 года в 1,5 раза лишь в 1935 и 1937 годах, а в остальные годы были немного выше или даже ниже показателей 1933 года.

Быстрыми темпами происходил рост животноводческой продукции (начавшийся с ужасающе низкой отметки 1933 года). Производство мяса увеличилось с 2,3 млн. тонн в 1933 году до 5,1 млн. тонн в 1939 году, молока - соответственно - с 19,2 млн. тонн до 27,2 млн. тонн, яиц - с 3,5 млрд. до 11,5 млрд. штук, шерсти - с 64 тыс. до 150 тыс. тонн.

Поголовье крупного рогатого скота выросло с 33,5 млн. голов в 1933 году до 53,5 млн. голов в 1939 году, свиней - соответственно с 9,9 до 25,2 млн., овец и коз - с 37,3 до 80,9 млн. голов. Основная часть этого поголовья находилась в личных подсобных хозяйствах колхозников. Поголовье скота превысило уровень 1928 года только в 1958 году.

Лишь к концу 30-х годов производство зерна, мяса, молока достигло уровня, на котором оно находилось в годы, предшествовавшие коллективизации. Тем не менее начавшийся рост сельскохозяйственного производства позволил осуществить важную политическую акцию: отменить карточную систему. Ноябрьский (1934 года) пленум ЦК принял решение об отмене с 1 января 1935 года карточек на хлеб, муку и крупы. С октября 1935 года были отменены карточки и на все другие нормируемые ранее товары. Эти меры были призваны убедить население в том, что наибольшие экономические трудности и материальные лишения остались позади и что многочисленные обещания об улучшении жизненного положения трудящихся начинают сбываться.

После введения в 1928-1929 годах карточной системы совокупное влияние изменений номинальной заработной платы и розничных цен привело к значительному снижению реальной заработной платы рабочих и служащих. В 1932 году рыночные цены превышали карточные в 8 раз, в 1933 году - в 12-15 раз. Распределение по карточкам, дающее гарантию приобретения по низким государственным ценам определённого набора продуктов и промтоваров, распространялось на относительно небольшую часть населения страны. Из 165 млн. жителей СССР по карточкам получали в 1934 году хлеб только 40 млн. чел., мясопродукты - 6,5 млн., масло - 3 млн. человек. Остальные были вынуждены приобретать продукты по значительно более высоким ценам - на колхозных

рынках, в магазинах потребкооперации и в государственных коммерческих магазинах. Если в 1931 году через последние реализовывалось 10 % продовольственных товаров, проходящих через государственную торговлю, то в 1932 году - уже 39 %. В 1933 году килограмм пшеничного хлеба стоил в коммерческих магазинах 4 рубля, мяса - 16-18 руб., колбасы - 25 руб., масла 40-45 руб. (при средней заработной плате промышленного рабочего, составлявшей 125 рублей в месяц).

Когда в начале первой пятилетки советское руководство пошло на введение карточек, это трактовалось сталинской пропагандой не как вынужденная временная мера, а как ступень к полной ликвидации рыночных отношений, прямому безденежному распределению продуктов. "Торговля и рынок, как связующее звено между десятками миллионов мелких земледельцев и крупной промышленностью, - утверждалось, например, в передовой журнала "Большевик", - начинают преодолеваться, поскольку на базе растущей крупной промышленности начинает преодолеваться мелкое хозяйство в земледелии"¹.

На протяжении первой пятилетки Троцкий едко высмеивал подобные изыскания сталинских "теоретиков", представлявших замену рубля карточкой как переход к социалистическим формам распределения. В середине 30-х годов ущербность этих идей осознал и Сталин, отказавшийся от представлений о скором утверждении безденежной экономики и замене торговли нормированным распределением. На XVII съезде ВКП(б) он обвинил в пропаганде таких взглядов неких безымянных "наших работников", среди которых имела хождение "левацкая болтовня... о том, что советская торговля является якобы пройденной стадией, что нам надо наладить прямой продуктообмен, что деньги будут скоро отменены, так как они превратились якобы в простые расчётные знаки"².

Идеи о восстановлении свободной торговли и товарно-денежных отношений Сталин развил в речи на ноябрьском пленуме ЦК 1934 года. Здесь им было заявлено, что карточная система представляла собой политику канцелярского, механического, пайкового распределения продуктов, которая не считалась с живыми людьми, с потребителями. Смысл отмены карточной системы Сталин усматривал в замене "простого распределения" политикой товарооборота, считающейся с ценами, которые складываются на рынке, и кладущей конец хаосу, вакханалии в области цен, огромному разрыву между рыночными и пайковыми ценами.

Сталин утверждал, что при наличии нескольких цен на один и тот же товар неизбежна спекуляция, в том числе со стороны даже самых честных рабочих, продающих по рыночным ценам часть хлеба, полученного ими по карточкам, ради приобретения других необходимых продуктов.

Сталин заявил, что вводимые новые единые цены будут выше пайковых, но значительно ниже цен в коммерческих магазинах, а это повлечёт снижение цен на рынках. В результате крестьяне поймут, что выгодно использовать излишки зерна для прокорма скота, и тем самым будет обеспечен подъём животноводческой отрасли. Другим важным следствием перехода от карточного нормиро-

¹ Большевик. 1929. № 21. С. 13.

² XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). С. 26.

вания к торговле Сталин объявил укрепление денежной системы - одного из тех "буржуазных аппаратов экономики", которые "социалисты должны использовать до дна". Восстановление рыночных отношений позволит обеспечить "некоторый более или менее устойчивый курс рубля", необходимый для того, чтобы "наше планирование было не канцелярским, а реальным". Наконец, переход к торговле, по словам Сталина, должен побудить торговые организации уважать потребителя, учитывать его вкусы и потребности как в отношении количества товаров, так и особенно в отношении их качества¹.

Данные установки Сталина, закреплённые в решениях ноябрьского пленума, свидетельствовали о резкой переориентации как практической политики, так и обосновывающей её официальной "теории". Отныне взгляды, пропагандирующие скорый переход от торговли к прямому безденежному продуктообмену, стали квалифицироваться как очередное проявление "левацкого уклона".

После отмены карточного распределения рабочие и служащие стали реализовывать свой заработок на колхозном рынке, с его свободными ценами и в государственных магазинах, где при фиксированных ценах имелась известная возможность потребительского выбора. Таким образом, в стране возник более широкий потребительский рынок. Обладая свободой в выборе сфер приложения своего труда, жители городов теперь в большей степени руководствовались соображениями заработной платы и другими потребительскими стимулами. Стало быть, в стране существовал и рынок рабочей силы, побуждавший предприятия к конкуренции за привлечение работников.

Упразднение карточной системы не ликвидировало острых проблем в сфере потребления. Сама эта административная мера оказалась возможной потому, что сохранялась система обязательных поставок колхозами, колхозниками и единоличниками своей продукции государству по ценам, во много раз ниже рыночных. Помимо этого, колхозам приходилось платить большую натуральную плату государственным машинно-тракторным станциям за пользование сосредоточенными в них основными средствами сельскохозяйственного производства. В результате всего этого сельское хозяйство по-прежнему оставалось главным источником средств для развития промышленности, которая с 1931 года стала нерентабельной и оставалась таковой на всём протяжении второй пятилетки.

Хотя валовый сбор зерна упал с 73,3 млн. тонн в 1928 году до 67,6 млн. тонн в 1934 году, государственные заготовки за это время возросли с 10,8 до 22,7 млн. тонн. Тем самым государство получило возможность обеспечивать намного увеличившееся население городов хлебом, отказавшись от пайкового нормирования. Однако низкий уровень производства продовольственных и непродовольственных предметов потребления не позволял на всём протяжении 30-х годов обеспечить их бездефицитную продажу населению на всей территории страны. Вплоть до начала войны на периферии сохранялись огромные очереди за хлебом и другими предметами первой необходимости. Относительная насыщенность потребительского спроса существовала лишь в Москве и некоторых других крупных городах. Богатство ассортимента продуктов, со-

¹ Горизонт. 1990. № 12. С. 8-13.

зданное в Москве, по словам А. Орлова, с целью вызвать "впечатление некоего благосостояния - хотя бы в столице - напоказ иностранным дипломатам и журналистам"¹, щедро рекламировалось официальной пропагандой. К открытию съезда Советов в 1935 году в одном из центральных магазинов Москвы было вывешено объявление, что в нём имеется в продаже 220 сортов хлеба. Спустя два года в "Правде" с восторгом сообщалось о том, что в московских гастрономах имеются сотни сортов колбасных и рыбных изделий².

Комментируя "реабилитацию рубля" и смену соответствующих "теоретических" установок сталинизма, Троцкий писал: "Давно ли тот же Сталин обещал отправить нэп, т. е. рынок, "к чорту"? Давно ли вся пресса трубила об окончательной замене купли-продажи "непосредственным социалистическим распределением"?.. Сами советские деньги должны были, согласно этой теории, превратиться уже к концу второй пятилетки в простые потребительские карточки, вроде театральных или трамвайных билетов... Но все эти обещания тем более меркли, чем более вторая пятилетка близилась к концу. Бюрократии приходится ныне обращаться "к чорту" с покорнейшей просьбой вернуть сданный ему на хранение рынок. Правда, торговля должна, по замыслу, осуществляться только через органы государственного аппарата. Будущее покажет, в какой мере удастся выдержать эту систему... Не легко установить границу, за которой торгующий колхозник превращается в торговца. Рынок имеет свои законы"³.

Восстановление рынка Троцкий характеризовал как показатель того, что суеверие административного плана и иллюзия административной цены потерпели окончательное крушение. Упразднение карточной системы и унификацию цен он рассматривал как установление своего рода неонэпа, призванное смягчить накопившиеся глубокие противоречия советской экономики. "Экономические отношения трудящихся города и деревни к государству и друг к другу переводятся на денежный язык. Рубль оказывается орудием воздействия населения на хозяйственные планы, начиная с количества и качества предметов потребления. Никакими другими путями нельзя рационализировать советское хозяйство... Вытеснение карточки рублём есть лишь отказ от фикций и открытое признание необходимости создавать предпосылки для социализма посредством возвращения к буржуазным методам распределения"⁴.

Троцкий отмечал, что новый курс Сталина имел целью и некоторое облегчение положения колхозного крестьянства ради повышения производительности его труда. "Главная цель возвращения к рынку и к устойчивой денежной системе (последняя пока ещё в проекте), - писал он, - состоит в том, чтобы непосредственно заинтересовать колхозников в результатах их собственного труда и тем устранить наиболее отрицательные последствия принудительной коллективизации"⁵.

¹ Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. М., 1991. С. 43.

² Правда. 1937. 1 января.

³ Бюллетень оппозиции. 1935. № 42. С. 2.

⁴ Троцкий Л. Д. Преданная революция. С. 67.

⁵ Бюллетень оппозиции. 1935. № 42. С. 2.

Отмена карточной системы представляла известный шаг на пути поворота от чисто административных методов руководства экономикой к экономическим методам. Ради создания колхозникам хотя бы ограниченных стимулов в результатах собственного труда бюрократия ещё в 1932 году пошла на частичное восстановление рыночных отношений, разрешив колхозам, колхозникам и единоличникам реализовывать излишки своей продукции на колхозном рынке, где цены определялись спросом и предложением. Эта мера, как подчёркивал Троцкий, явилась фактическим признанием несвоевременности ликвидации нэпа, но признанием эмпирическим, частичным, непродуманным и противоречивым. "Упразднив рынок и восстановив азиатские базары, бюрократия создала, в довершение всего, условия самой варварской пляски цен, следовательно, подвела мину и под план и под коммерческий расчёт". Восстановление базаров в условиях замены взаимовыгодных рыночных взаимоотношений между государством и колхозами натуральным налогом дало импульс развитию спекулятивных тенденций и усилению социального расслоения. "Базарная торговля даже со стороны колхоза, как целого, - писал Троцкий, - является спекуляцией на нужде ближайшего города в предметах продовольствия и, по последствиям своим, ведёт к социальной дифференциации, т. е. к обогащению меньшинства более счастливо расположенных колхозов. Но главное место в торговле (на базарах - В. Р.) занимают не колхозы, а отдельные колхозники, наряду с единоличниками. Торговля колхозников, продающих свои избытки по спекулятивным ценам, ведёт к дифференциации внутри колхозов. Так базар развивает в "социалистической" деревне центробежные силы"¹.

Ещё одной отдушиной для колхозников стало поощрение личных подсобных хозяйств, содержания в них коров, свиней, коз и домашней птицы. В обмен на эти уступки со стороны государства, как констатировал Троцкий, "крестьянин соглашается мирно, хотя пока и без большого усердия, работать в колхозах, которые дают ему возможность выполнить свои обязательства по отношению к государству и получить кое-что в собственное распоряжение"². Стабилизации положения в деревне способствовала и ликвидация ноябрьским пленумом 1934 года введённых в начале 1933 года политотделов при МТС, которые Троцкий называл "сверхпартийными и сверхсоветскими милитаризованными аппаратами для жестокого контроля над колхозами".

Все эти меры способствовали росту благосостояния сельского населения (хотя этот рост шёл с очень низкой исходной отметки). По данным бюджетов колхозников, потребление основных продуктов питания в среднем на душу населения увеличилось за вторую пятилетку более чем в два раза.

Однако уступки колхозному крестьянству простирались до определённой грани, за которой Сталин сознательно тормозил рост его благосостояния. На совещании в ЦК по вопросам коллективизации (июль 1934 года) он цинично заявил по поводу предложения о создании в колхозах подсобных промыслов, перерабатывающих предприятий и т. д.: "Откуда же вы рабочих получите в городах... если у колхозов дела пойдут лучше... Если колхознику дать вполне достаточную обеспеченность, то он никуда на завод не пойдёт, а вот на подзе-

¹ Бюллетень оппозиции. 1932. № 31. С. 9.

² Троцкий Л.Д. Преданная революция. С. 110.

мельные работы их и на аркане не затащишь"¹. Иными словами, Сталин недвусмысленно провозгласил, что необходимо поддерживать заведомо более низкий уровень жизни колхозного крестьянства, чем рабочих, - дабы "экономическим способом" побуждать колхозников идти на самые тяжёлые и непривлекательные работы в промышленности.

Ещё более жёсткую политику Сталин проводил по отношению к единоличникам, составлявшим к началу второй пятилетки более трети сельского населения. На том же совещании в ЦК он потребовал "создать такое положение, при котором индивидуалу в смысле усадебного личного хозяйства жилось бы хуже, чтобы он имел меньше возможностей, чем колхозники... Надо усилить налоговый пресс"².

Эта установка была реализована осенью 1934 года, когда были повышены ставки сельхозналога для единоличных хозяйств. Кроме того, для них был введён единовременный налог и увеличены нормы обязательных поставок продукции государству. В 1935 году средняя сумма налога с единоличного хозяйства составила 191 руб. против 35,6 руб. в 1933 году. Для тех же единоличников, которые попадали под индивидуальное обложение, средняя сумма налога составила 1312 руб.

Налоговый нажим сделал своё дело. В 1937 году колхозы охватили 93 % крестьянских хозяйств.

Ещё один классовый маневр Сталина был связан с известным облегчением положения "раскулаченных" или "спецпоселенцев". Как указывалось в записке Ягоды Сталину, к январю 1932 года в спецпоселениях было расселено около 1,4 млн. человек³. Весной 1935 года 640 тысяч спецпоселенцев трудились в промышленности (в основном лесной и добывающей), а 445 тысяч - в т. н. неуставных сельскохозяйственных артелях, отличавшихся от колхозов тем, что во главе их стоял комендант. С 1932 года началось снятие ограничений и предоставление гражданских прав отдельным категориям спецпоселенцев. 27 мая 1934 года было принято постановление ЦИК, восстанавливающее спецпоселенцев в гражданских правах. Однако спустя несколько месяцев Сталин одобрил предложение Ягоды добавить в это постановление положение о том, что данная мера не даёт спецпоселенцам права на выезд из мест вселения⁴.

В сентябре 1938 года неуставные артели были переведены на общий устав сельхозартелей (колхозов). К началу 1941 года в местах бывших спецпоселений 930,2 тыс. чел. работали в условиях, близких к общим в стране.

Политически ослабленная репрессиями предшествующих лет и получившая некоторые уступки рыночного характера, советская деревня к середине 30-х годов оказалась "умиротворённой". Однако ограниченный характер этих уступок обусловил сохранение низкой производительности труда в колхозном производстве, по-прежнему скованном административными ограничениями и мелочной опекой со стороны партийных и государственных органов.

¹ Наше отечество. Опыт политической истории. Т. II. М., 1991. С. 275-276.

² Там же.

³ История СССР. 1990. № 6. С. 38.

⁴ Вопросы истории. 1990. № 3. С. 15.

Глубокими противоречиями характеризовалось и положение рабочего класса, особенно его новых, неквалифицированных слоёв, на которых, как и раньше, падало социальное бремя форсированной индустриализации.

После отмены карточной системы государственные пайковые цены на все виды товаров были повышены в несколько раз. Хотя это повышение цен было частично компенсировано повышением зарплаты, а цены в свободной торговле стали ниже прежних коммерческих цен, приобретение товаров оставалось труднодоступным для основной массы рабочих. "Отмена продовольственных карточек, - констатировал Троцкий, - прямо и непосредственно бьёт по рабочим, особенно по их низшим, крайне плохо оплачиваемым слоям, т. е. по огромному большинству"¹.

Рост цен в сочетании с принудительным распределением государственных займов (займы, размещаемые среди населения, увеличились с 1 млрд. руб. в 1927 году до 17 млрд. руб. в середине 30-х годов) позволил сократить бумажно-денежную эмиссию и уменьшить находящуюся в обороте денежную массу. Эти меры, обеспечившие известную стабилизацию финансовой системы, однако, не приостановили инфляционные процессы. Государственные розничные цены продолжали расти более высокими темпами, чем рост средней заработной платы.

Хотя в 1937 году производство пищевой промышленностью мяса составило 168 % от уровня 1932 года, сахара - 292 %, животного масла - 257 %, на душу городского населения по-прежнему приходилось меньше основных продовольственных продуктов, чем до начала коллективизации. СССР превосходил капиталистические страны только по производству и потреблению на душу населения зерна, особенно ржи, и картофеля. Это обусловило непомерно высокий удельный вес ржаного хлеба и картофеля в потреблении продуктов питания, что всегда считалось классическим признаком бедности.

Упор на модернизацию прежде всего тяжёлой промышленности имел своим следствием крайне низкое качество промышленных товаров народного потребления. Троцкий формулировал "своеобразный закон советской промышленности" (по сути, действовавший и на всём протяжении дальнейшего развития советской экономики): "Изделия по общему правилу тем хуже, чем ближе они к массовому потребителю"².

Вопреки пятилетнему плану промышленность группы "Б" не превзошла по темпам роста группу "А". В стране продолжали накапливаться и иные хозяйственные диспропорции. Создание современных автомобильных заводов соседствовало с малочисленностью и низким качеством шоссеиных дорог. Возникновение и бурный рост новых промышленных городов сопровождалось упадком многих старых городов. Строительству дорогих театров и дворцов культуры в промышленных центрах сопутствовали запущенность жилищного хозяйства и обострение квартирного голода. В среднем на одного горожанина приходилось меньше жилой площади, чем до революции.

На протяжении второй пятилетки Советский Союз по-прежнему проходил стадию заимствования и усвоения технических достижений Запада. Однако

¹ Бюллетень оппозиции. 1935. № 42. С. 2.

² Троцкий Л. Д. Преданная революция. С. 14.

новая импортная техника не давала тех результатов, что в капиталистических странах. Вопиющая разница в выработке на одного рабочего СССР и США объяснялась не только недостаточной квалификацией рабочих, но прежде всего плохой организацией труда. Как подчёркивал Троцкий, "бюрократия изо всех сил подстёгивает рабочих, но правильно использовать рабочую силу не умеет"¹. В результате в советской промышленности сохранялись крайне высокая себестоимость и, как следствие, высокие цены производимой продукции при низком её качестве.

Согласно данным официальной советской статистики, валовая продукция промышленности выросла в 1936 году в 6 раз по сравнению с довоенным уровнем, тогда как исчисленная в натуральных показателях добыча нефти, угля, чугуна, производство других основных видов промышленной продукции - только в 3-3,5 раза. Основная причина несовпадения этих показателей состояла в том, что в СССР были созданы новые отрасли промышленности, отсутствовавшие в царской России. Другая причина, как подчёркивал Троцкий, крылась в тенденциозных манипуляциях статистики, вызванных "органической потребностью всякой бюрократии - подкрашивать действительность". Обращая внимание на то, что в советских статистических отчётах производство и ремонт автомобилей суммируются в едином показателе, Троцкий писал: "Все суммарные оценки в рублях имеют лишь относительную ценность: неизвестно, что такое рубль, и не всегда известно, что за ним скрывается, постройка машины или её преждевременная поломка"².

Корректировкой официальных статистических показателей советской статистики занималась после второй мировой войны экономико-статистическая школа, созданная в США для исследования проблем измерения экономического развития СССР. По расчётам её основателя А. Бергсона, в 1937 году валовой национальный продукт СССР (в ценах 1937 года и в современном масштабе измерения номинала рубля) составил 28,1 млрд. руб. против 18,2 млрд. в 1928 году. Потребление населением материальных благ и услуг выросло значительно скромнее - с 15,8 млрд. руб. в 1928 году до 19,65 млрд. в 1937 году³. С учётом роста населения это означает, что к концу второй пятилетки страна в лучшем случае достигла среднего уровня потребления, существовавшего на исходе нэпа.

Низкий жизненный уровень подавляющей массы рабочих и крестьян явился одной из главных причин сохранения низкой производительности труда, отстававшей от производительности труда передовых капиталистических стран в 3-10 раз. Это обуславливало и существенное отставание Советского Союза от США и стран Западной Европы по уровню жизни, которое усугублялось тем, что капитальные вложения поглощали в СССР 25-30 % национального дохода - намного большую его долю, чем в передовых капиталистических странах.

В 1937 году Троцкий подчёркивал, что в СССР "низкая производительность труда при высоких капитальных затратах, огромных военных расходах и ужасающем хищничестве бесконтрольного аппарата означает и сейчас край-

¹ Там же. С. 16.

² Там же. С. 15.

³ Коммунист. 1991. № 1. С. 73-74.

ний недостаток важнейших предметов личного потребления для масс населения. Экономические успехи, слишком скромные для значительного материального и культурного подъёма всего народа, оказываются уже вполне достаточны для выделения широкого привилегированного слоя¹. Как будет показано далее (см. гл. XXXV), сталинское руководство сознательно проводило курс на резкое усиление социально-экономической дифференциации.

Несмотря на все противоречия "сталинского неонэпа", в 1934-1936 годах был достигнут наиболее высокий за все послевоенные годы рост эффективности производства. Эти экономические успехи связывались зарубежной и эмигрантской печатью с наступлением "советской весны", "порозовением Красной России". В 1936 году эмигрантский Институт экономических исследований характеризовал сдвиги в советской экономической системе как "попытку организовать производство и обмен между государственными предприятиями на принципах конкурентного хозяйства, на началах личной заинтересованности, рентабельности, прибыльности"².

"Сталинский неонэп" существенно отличался от нэпа 20-х годов. Главные отличия состояли в том, что либерализация экономической жизни в условиях нэпа сопровождалась сознательным сдерживанием роста социального неравенства и резким уменьшением политических репрессий по сравнению с годами гражданской войны. Сталинский же "неонэп" сочетал ослабление административно-командных рычагов в управлении экономикой с усилением социальной дифференциации и непрерывным нагнетанием политических репрессий ради подавления всякой оппозиционности и критики в партии и стране, ради закрепления господствующей роли бюрократии и режима личной власти.

Как подчёркивал Троцкий, с отходом в прошлое наиболее острых экономических трудностей, вызванных насильственной коллективизацией, естественно было бы ожидать расширения духовной свободы и демократизации политического режима. Но на этот путь сталинская бюрократия не могла встать, поскольку он грозил утратой её монопольной власти в партии и стране. "Чем сложнее становятся хозяйственные задачи, - писал Троцкий, - чем выше требования и интересы населения, тем острее противоречие между бюрократическим режимом и потребностями социалистического развития; тем грубее бюрократия борется за сохранение своих позиций; тем циничнее она прибегает к насилию, обману, подкупу... Отсюда также и возрастающая необходимость маскировать репрессии при помощи подлогов и амальгам"³. Этим объяснялась кратковременность "сталинского неонэпа", на смену которому пришли большой террор и резкое ужесточение трудового законодательства, переросшее в прямую милитаризацию труда.

Такое развитие событий не представлялось в середине 30-х годов реальным большинству советских людей и зарубежных наблюдателей советской жизни. Экономические успехи и стабилизация социально-политической обстановки в СССР порождали надежды, что экономическая либерализация будет дополнена демократизацией политической системы, которую обещала Конституция

¹ Бюллетень оппозиции. 1937. № 54-55. С. 49.

² Бюллетень экономического кабинета проф. С. Н. Прокоповича. Прага, 1936. № 131. С. 108.

³ Бюллетень оппозиции. 1935. № 43. С. 6.

1936 года. Доверчивому, некритическому восприятию стереотипов сталинской пропаганды об СССР как стране "победившего социализма" способствовало и зрелище очевидного кризиса, поразившего всю капиталистическую систему.

II

Судьбы мирового капитализма в 30-е годы

В течение 30-х годов капиталистический мир пережил самый масштабный и острый за всю свою историю структурный кризис. Этот кризис был открыт "великой депрессией", внезапно разразившейся в 1929 году после нескольких лет послевоенного "просперити". Правда, и само это "просперити" было весьма относительным. Так, в 1929 году в Англии объём промышленной продукции едва достиг довоенного уровня.

По глубине падения промышленного производства экономический кризис 1929-1933 годов не имел себе равных в прошлом. Во время предыдущих кризисов падение производства считалось значительным, если оно достигало 10-15 %. За годы "великой депрессии" объём промышленного производства во всех капиталистических странах снизился более чем на треть. В 1933 году была парализована половина производственных мощностей ведущих отраслей промышленности капиталистического мира. Капиталистическая индустрия в целом оказалась отброшенной по объёму производства примерно к 1908-1909 годам, а в Германии и Англии - к 1896-1897 годам.

Экономический кризис начала 30-х годов был не только самым глубоким, но и самым продолжительным в истории капитализма. Лишь в 1934-1935 годах промышленное производство капиталистических стран приблизилось к докризисному уровню. Даже в 1937 году оно превзошло уровень 1929 года всего на 5 %, а во Франции, Италии, Бельгии не достигло и этого уровня. В 1936 году индекс хозяйственной деятельности в США был на 10 % ниже уровня 1929 года и лишь в начале 1937 года превысил его на 2,5 %.

С особой силой экономический кризис поразил наиболее богатую капиталистическую страну - Соединенные Штаты Америки, где промышленное производство к 1932 году сократилось по сравнению с 1929 годом на 46 %, в том числе производство средств производства - на 72 %. Национальный доход страны за 1929-1933 годы снизился более чем вдвое.

Уже в 1931 году национальный доход в капиталистических странах составил всего 113 % от довоенного уровня. Это означало, что с учётом роста населения доход в расчёте на душу населения за 16 лет не вырос, а потребление трудящихся даже уменьшилось. В 1933 году в США уровень средней зарплаты снизился почти вдвое по сравнению с докризисным периодом.

Одним из наиболее тяжких социальных последствий кризиса стала массовая безработица. В 1932 году в Англии безработными были 22 % рабочих, а в отдельных отраслях (угольная, металлургическая, судостроительная промышленность) - до 60 %. К марту 1933 года в США армия безработных достигла 17 млн. чел., не считая нескольких миллионов частично безработных. При этом безработные были лишены всяких средств к существованию, поскольку в стране отсутствовал закон о социальном страховании.

В сознании западной общественности все эти явления нашли отражение в форме "комплекса Шпенглера", убеждения в тупиковом характере буржуазной

цивилизации. Всё больше людей на Западе переживало ощущение смертельной болезни, поразившей капиталистический мир, разделяло мысль о дегуманизации и упадке капиталистической системы, нуждающейся в обновлении, в обуздании сил индивидуализма и стихии анархической конкуренции. Даже сторонники экономического либерализма всё чаще признавали возможность поражения свободно-рыночной модели экономики в соревновании с социалистической моделью планового хозяйства. В 1933 году Г. П. Федотов писал, что "необычайность" успехов Советского Союза "подчёркивается острым недоумением капиталистического мира, колоссальной безработицей и хозяйственной безнадёжностью, охватившей все народы"¹.

Под влиянием подобных идей Рузвельт впервые в истории капиталистического мира приступил к освоению принципов централизованного планирования, механизмов государственного регулирования экономической жизни. Одной из первых акций его "нового курса" стало принятие в июле 1933 года закона о создании национальной администрации по оздоровлению промышленности. Вся промышленность была разделена на 17 групп, для каждой из которых был выработан "кодекс честной конкуренции", устанавливающий объём производства, уровень заработной платы, продолжительность рабочего дня, распределение рынков между фирмами. В "кодексах" регламентировалась минимальная заработная плата, признавалось право рабочих объединяться в профсоюзы и заключать коллективные договоры с предпринимателями. Такие "кодексы" за короткий срок охватили 95 % американской промышленности и торговли. Для проведения "нового курса" в сельском хозяйстве в мае 1933 года была создана специальная Администрация, одной из главных функций которой стало регулирование цен на сельскохозяйственную продукцию.

Не меньшее влияние на ограничение "рыночной свободы" оказала социальная политика Рузвельта. В 1935 году впервые в истории США был принят закон о социальном страховании, предусматривающий введение пенсий для рабочих, достигших 65-летнего возраста, и оказание государственной помощи больным и инвалидам. В том же году был принят "национальный акт о трудовых отношениях", который запрещал властям и предпринимателям применять репрессии за принадлежность к профсоюзам и вмешиваться во внутренние дела рабочих организаций, легализовал стачки и пикетирование предприятий забастовщиками. Судам вменялось в обязанность рассматривать жалобы профсоюзов на нарушения закона.

Решающее значение всех этих мер для предотвращения социального взрыва в США признавалось ведущими политиками капиталистического мира. В 1943 году на тегеранской встрече Черчилль поднял тост за Рузвельта "как человека, который... несомненно предотвратил революцию в Соединенных Штатах" благодаря своей политике "нового курса", улучшившей положение "слабых и беспомощных"².

Вслед за США "социальная перестройка" капитализма развернулась и во многих странах Европы. В 30-е годы социальное законодательство было принято во всех скандинавских странах. Такого рода законодательство было при-

¹ Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Т. II. С. 18.

² Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. В 2-х томах. Т. 2. М., 1958. С. 489.

нято в 1936 году и во Франции, но лишь после волны революционных выступлений трудящихся (см. гл. XXXI).

Однако все эти существенные уступки трудящимся со стороны господствующих классов не помогли мировому капитализму обрести социально-политическую стабильность. Едва завершился экономический кризис, как на авансцену общественной жизни выступил глобальный политический кризис капитализма, выразившийся в предельном обострении противоречий между крупнейшими империалистическими державами. Если первая мировая война вспыхнула внезапно, то, начиная с 1933 года, всё человечество жило предчувствием новой мировой войны. Всё более очевидной становилась позорная роль лидеров буржуазно-демократических государств Европы, попустительствовавших реваншистским и экспансионистским устремлениям стран милитаристско-фашистской "оси". В 1931 году Япония захватила Манчжурию, а в 1935 году Италия начала агрессивную войну против Абиссинии. В 1936 году состоялся аншлюс - насильственное присоединение Австрии к Германии.

Загнивание мирового капитализма выражалось и в наступлении на демократические права и свободы в большинстве капиталистических стран. Как отмечал в 1936 году М.М. Литвинов, буржуазно-демократические свободы сохранились не более чем в 10 из 26 европейских капиталистических государств. В остальных странах господствовали режимы фашистской или полуфашистской диктатуры¹. Опасность захвата власти фашистскими силами ощущалась во Франции, Англии и даже в США (об этом выразительно рассказывалось в романе американского писателя Синклера Льюиса "У нас это невозможно", вышедшем в 1936 году).

Всё это способствовало революционизированию народных масс в капиталистических странах. Как писал в 1932 году Г. Федотов, Запад "живёт накануне революции - во всяком случае, в предреволюционных настроениях... Вне этих настроений в благополучном, консервативном оптимизме на Западе пребывает лишь очень малое число очень ограниченных людей"².

Возникновение объективных условий для превращения мирового коммунистического движения в ведущую политическую силу эпохи и для победы международной революции обусловило резкий перелом в политической стратегии Троцкого.

¹ Правда. 1936. 29 ноября.

² Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Т. II. С. 4-5.

III

Новая стратегия Троцкого.

Строительство IV Интернационала

17 июля 1933 года, вскоре после прихода к власти во Франции блока радикалов и социалистов во главе с Даладье, Троцкий получил от французского правительства разрешение на пребывание в этой стране и покинул Турцию. Теперь перед ним открылась возможность более тесных контактов с левыми политическими деятелями Европы и других континентов. Во Франции Троцкого посещали его сторонники из Германии, США, Англии, Испании, Австрии, Китая, других стран. Среди первых посетителей были лидер социалистической молодёжи Бельгии Спаак, будущий генеральный секретарь НАТО, который "тогда почитал Троцкого и прилежно, хотя и с опасением, подчинялся ему", и французский писатель Андре Мальро, который "пытался примирить свои сталинистские наклонности с симпатией и восхищением перед Троцким"¹.

Прибытие Троцкого во Францию было крайне негативно встречено правой буржуазной прессой, которая писала, что Троцкий приехал в Европу, чтобы инициировать там социалистическую революцию. С другой стороны, крайне агрессивно вела себя коммунистическая партия Франции, требовавшая высылки Троцкого из страны. Давление на французское правительство в целях высылки Троцкого оказывалось и правительством СССР, причем это давление усиливалось по мере начавшегося сближения Советского Союза и Франции.

В начале 1934 года французский министр внутренних дел подписал распоряжение о высылке Троцкого. Эта акция, однако, не состоялась, потому что в мире не нашлось ни одного правительства, которое согласилось бы принять Троцкого. Весной того же года французская полиция предложила ему покинуть Барбизон (небольшой город вблизи Парижа), объявив, что не ручается за его безопасность. В обстановке слежки и угроз со стороны как сталинистов, так и французских фашистов Троцкому приходилось часто менять место жительства и даже внешность.

Во время пребывания Троцкого во Франции буржуазные газеты сообщили о том, что он якобы собирается вступить в переговоры о возвращении в СССР с народным комиссаром иностранных дел Литвиновым, находившемся на французском курорте. Размышляя по поводу этих слухов, Троцкий 11 августа 1933 года сделал следующую запись в своём дневнике: "Вместе с моими единомышленниками я неоднократно заявлял в печати, что каждый из нас готов по-прежнему, на любом посту служить советскому государству. Но сотрудничество с нами не может быть достигнуто путём отказа с нашей стороны от наших взглядов и от нашей критики. Между тем к этому сводится как раз весь вопрос для правящей группы. Она успела полностью израсходовать свой авторитет. Не будучи в силах обновить его через нормальный съезд партии, она

¹ Дойчер И. Троцкий в изгнании. С. 315, 320.

нуждается всё в новых и как можно более громких признаниях своей непогрешимости. Но именно этого она не может ждать с нашей стороны. Лояльное сотрудничество - да! Покрытие её ложной политики перед общественным мнением Советов и всего мира - нет! При такой ясности взаимных позиций нет никакой надобности нарушать летний отдых народного комиссара по иностранным делам"¹.

За несколько месяцев до этой записи Троцкий в последний раз попытался предложить советскому руководству лояльное сотрудничество со стороны левой оппозиции. В секретном письме, направленном 15 марта 1933 года в Политбюро ЦК ВКП(б), он писал: "Я считаю своим долгом сделать ещё одну попытку обратиться к чувству ответственности тех, кто руководит в настоящее время советским государством".

Призывая советское руководство восстановить в партии режим доверия, не мыслимый без партийной демократии, Троцкий заявлял о готовности левой оппозиции к переговорам и соглашению, направленному на то, чтобы "перевести партию на рельсы нормального существования без потрясений или с наименьшими потрясениями"².

Спустя два месяца Троцкий разослал более широкому кругу партийных руководителей в СССР это письмо с дополнением, в котором говорилось, что на его обращение в Политбюро сталинская клика ответила новым разгулом репрессий против оппозиционеров. "Мы рассылаем этот документ ответственным работникам, - писал Троцкий, - в предположении, даже в уверенности, что среди слепцов, карьеристов, трусов имеются и честные революционеры, у которых глаза не могут не раскрыться на действительное положение вещей. Мы призываем этих честных революционеров связаться с нами. Кто захочет, тот найдет пути"³.

На чём могли основываться предположения и даже уверенность Троцкого в том, что "честные революционеры" из среды руководящих партийных работников захотят и решатся вступить с ним в контакт?

Как явствует из переписки Троцкого с Л. Седовым, осенью 1932 года оппозиционер Э. Гольцман передал в Берлине Седову сообщение И. Н. Смирнова о создании объединённого блока бывших оппозиционных групп и о желании его участников наладить связь с Троцким. Троцкий положительно отнесся к этому предложению и указал, что сотрудничество с блоком для начала может принять форму взаимного обмена информацией. Однако в ближайшие месяцы в СССР прошла новая волна арестов участников различных оппозиционных групп, договорившихся о формировании антисталинского блока. Сообщая об этих событиях, Седов писал Троцкому, что, хотя "арест старейшин" представляет большой удар, "рядовые работники" остались в безопасности⁴.

Одновременно с сообщением о блоке Гольцман передал Седову статью Смирнова "Хозяйственное положение Советского Союза", которая в конце

¹ Троцкий Л. Д. Дневники и письма. М. 1994. С. 75.

² Там же. С. 54-55.

³ Там же. С. 56.

⁴ Арч Гетти. Д. Троцкий в изгнании: основание IV Интернационала - Вопросы истории КПСС, 1991. № 5. С. 78.

1932 года была опубликована под псевдонимом "КО" в "Бюллетене оппозиции". В ней впервые освещались действительные масштабы забоя скота в годы коллективизации, серьёзные диспропорции, возникшие в промышленности, последствия инфляции для советской экономики и т. д. Статья заканчивалась сообщением о том, что в результате "неспособности нынешнего руководства выбраться из хозяйственно-политического тупика, в партии растёт убеждение в необходимости смены партруководства"¹.

Не знавший тогда о попытке образования нового оппозиционного блока и его контактах с Троцким, Сталин тем не менее резко ужесточил репрессии по отношению к оппозиционерам.

Опираясь на официальную и нелегальную информацию из Советского Союза, Троцкий в 1933 году пришёл к выводу о завершении термидора в СССР. Конечный итог этого процесса он видел в том, что диктатура пролетариата переродилась во всевластие бюрократии над обществом, а большевистская партия превратилась в "официальную карикатуру на партию"².

Если раньше Троцкий считал, что левая оппозиция должна выступать за изменение сталинской политики путём кардинальных реформ, но без революционной перестройки политических отношений, то с 1933 года он называл иллюзией возможность "мирной", "уставной" перегруппировки партийного руководства, устранения Сталина и возрождения партии путём партийной реформы.

Троцкий подчёркивал, что "нигде в мире подлинный ленинизм не преследуется с такой зверской жестокостью, как в СССР". Подобно тому, как Гитлер особенно свирепо расправился со своими оппозиционными соратниками по партии, Сталин обрушил мощь своей репрессивной машины прежде всего на большевиков, сохранивших верность традициям Октябрьской революции. "Революционный террор, который в героический период революции являлся орудием пробуждённых масс против угнетателей... окончательно уступил своё место холодному и злобному террору бюрократия, которая остервенело борется за свои посты и пайки, за свои бесконтрольность и самовластие"³.

Окончательное подавление всех демократических институтов в партии и стране, как указывал Троцкий, поставило левую оппозицию в СССР в такие тяжёлые условия, которые не позволяли ей играть руководящую роль в международном масштабе. Более благоприятные возможности для консолидации подлинно коммунистических сил, способных противостоять сталинизму, складывались на Западе. Опасность для Сталина "подкрадывается - уже подкралась - извне, с международной арены. Те самые идеи Маркса и Ленина, которые внутри СССР караются тюрьмой, ссылкой и даже расстрелом, как "контрреволюционный троцкизм", находят сейчас всё более широкое и открытое признание со стороны наиболее сознательных, активных, самоотверженных элементов международного пролетарского авангарда. Гнусные клеветы, которые наёмные журналисты, без чести и совести, продолжают и сейчас повторять на страницах печати Коминтерна, вызывают всё большее возмущение в

¹ Бюллетень оппозиции. 1932. № 31. С. 20.

² Бюллетень оппозиции. 1933. № 36-37. С. 11.

³ Бюллетень оппозиции. 1935. № 45. С. 3-4.

рядах самих компартий, изолируя в то же время секции Коминтерна от более широких кругов"¹.

Если до 1923 года в большинстве капиталистических и колониальных стран численность коммунистических партий неуклонно росла, то за последующие десять лет эти партии не только потеряли тысячи коммунистов, изгнанных или вышедших из их рядов, но и подверглись глубокому качественному перерождению. Коминтерн потерпел удручающие поражения, обусловленные сектантской политикой его руководства и полной утратой самостоятельности входящих в него партий.

В зарубежных коммунистических партиях выделилась и захватила господствующие позиции своя бюрократия, скроенная по образцу и подобию советской бюрократии и проникнутая раболепием по отношению к Сталину, беззастенчиво тасовавшему коминтерновских "вождей". В результате всего этого политику Коминтерна, как указывал Троцкий, стало невозможно характеризовать только как цепь бессознательных ошибок. "На собственных ошибках партии учатся, отбирают кадры, воспитывают вождей. Но в нынешнем Коминтерне мы имеем не ошибки, а ложную систему, которая делает правильную политику невозможной. Социальным носителем этой системы является широкий бюрократический слой, вооружённый огромными материальными и техническими средствами, фактически независимый от масс и ведущий бешеную борьбу за своё самосохранение ценой дезорганизации пролетарского авангарда и его ослабления перед классовым врагом. Такова сущность сталинизма в мировом рабочем движении". Характерной чертой бюрократического абсолютизма как в СССР, так и в зарубежных коммунистических партиях является "недоверие к массам и стремление заменить их революционную самостоятельность верхушечными комбинациями или голым командованием"².

В июле 1933 года Троцкий пришёл к выводу, что Коминтерн перестал быть революционной силой, превратившись в послушное орудие Сталина, поэтому нужно строить новый, IV Интернационал, способный перехватить ведущую роль в международном коммунистическом движении у Коминтерна.

"С чем он (Сталин) не может примириться, так это с возрождением мирового революционного движения под самостоятельным знаменем". Подтверждением реальности такой перспективы Троцкий считал боевые выступления рабочего класса во Франции, Испании и Австрии. Он подчёркивал, что сталинисты недооценивают революционность пролетариата капиталистических стран. "Промежду себя московские бюрократы объясняют упадок Коминтерна "неревolucionным характером" западного пролетариата и неумелостью западных вождей. Опровергать клевету на мировой пролетариат, особенно после свежих событий в Австрии и Испании, нет надобности"³.

"Наблюдая по печати из своей изолированности за постепенными, медленными, но надёжными успехами идей подлинного ленинизма в Америке и Европе, - продолжал Троцкий, - я не раз говорил друзьям: близится момент, когда принципиальное "качество" этой международной тенденции начнёт пре-

¹ Бюллетень оппозиции. 1935. № 41. С. 8.

² Бюллетень оппозиции. 1933. № 34. С. 24.

³ Бюллетень оппозиции. 1935. № 41. С. 8.

вращаться в массовое "количество"; этот момент должен будет прозвучать в ушах сталинцев, как сигнал смертельной опасности: ибо одно дело раздавить революционную марксистскую группировку тяжестью бюрократического аппарата в период революционного отлива, усталости, разочарования и упадка масс; другое дело - выгнать из мирового рабочего авангарда сталинский суррогат "большевизма" силой марксистской критики. Но именно поэтому - так говорилось не раз в беседах и письмах - сталинская верхушка не сможет пассивно дожидаться торжества ленинизма. Она должна будет принять "свои" меры. Конечно, не меры идейного порядка: здесь её бессилие настолько очевидно, что Сталин за последние годы вообще перестал высказываться по вопросам международного рабочего движения. "Свои" меры для Сталина значит: усиление репрессий, новые, более чудовищные формы амальгам"¹.

Исходя из этих посылок, Троцкий решил апеллировать к здоровым элементам в мировом коммунистическом движении и объединить их в новом Интернационале, способном поднять массы на международную революцию. В такой революции он видел единственную возможность спасти человечество от угрозы новой мировой войны и ослабить позиции сталинизма в СССР и во всём мире.

Для этих выводов у Троцкого были серьёзные политические основания. Победа фашизма в Германии обусловила не только резкое изменение соотношения мировых политических сил в пользу наиболее агрессивных отрядов империализма. Наступление фашизма вызвало резкое полевение рабочего класса и интеллигенции буржуазно-демократических стран Европы. Мировое революционное движение получило новые импульсы для своего развития. В этих условиях создание IV Интернационала и превращение его в крупную политическую силу становилось фактором, способным изменить всю мировую ситуацию.

За объединение своих сторонников в интернациональном масштабе Троцкий боролся с момента своей высылки из СССР. Первым итогом этих усилий стала международная конференция в Париже (1930 год), на которой были представлены 8 партий и групп левой оппозиции. Они объявили, что формально остаются в рядах Коминтерна, и создали постоянный координационный орган - Международный секретариат левой оппозиции. В том же году к интернациональной левой оппозиции присоединилась болгарская группа "Освобождение" и греческая секция, численность которой доходила до 3 тысяч человек.

Вторая конференция международной левой оппозиции, включавшая представителей 11 стран, состоялась в феврале 1933 г. К этому времени членом Международного секретариата стала Рут Фишер, в середине 20-х годов возглавлявшая компартию Германии. В начале 30-х годов заметную роль в рядах интернациональной левой оппозиции играла испанская секция во главе с А. Нином, которая затем откололась и образовала независимую партию ПОУМ.

Укрепление идейного влияния Троцкого произошло после прихода к власти Гитлера. Это событие убедительно показало банкротство политики Ко-

¹ Там же. С. 8-9.

минтерна в Германии и правильность альтернативной стратегии, выдвигавшейся Троцким. По словам И. Дойчера, "даже закалённые сталинисты" впоследствии говорили ему и признавали публично, что они "тайком восхищались ясной и бесстрашной позицией Троцкого"¹.

Вера социал-демократов в парламентскую демократию оказалась жестоко подорванной в результате падения Веймарской республики, обнаружившей неспособность противодействовать утверждению террористической диктатуры и расистской идеологии в одной из самых передовых капиталистических стран. "Едва ли в Европе осталась хоть одна социалистическая партия, которая под влиянием событий в Германии торжественно не вписала в той или иной форме формулировку о "пролетарской диктатуре" в свою программу. Внутри этих партий радикальные и левые группы обращали взоры к Троцкому, находя его идеи куда более рациональными и привлекательными, чем всё, что мог предложить официальный коммунизм"². С учётом этого Троцкий рекомендовал своим сторонникам во Франции действовать в рядах социалистической партии, за которой шло большинство французских рабочих.

В 1933 году новые троцкистские группы возникли в Польше, Чехословакии, Дании и других странах, а также среди немецких эмигрантов. В августе этого года на совещании левой оппозиции в Париже присутствовали уже представители 14 партий. Троцкий не участвовал в работе этого совещания из соображений конспирации, но подготовил его основные документы. Три партии, представленные на совещании, приняли резолюцию о необходимости активизировать работу по созданию IV Интернационала.

Несмотря на ничтожность материальных ресурсов, находившихся в распоряжении Троцкого, и оголтелую травлю, которой он подвергался со стороны открыто антикоммунистических сил и сталинистов всего мира, его идеи оказывали растущее влияние не только на его прямых приверженцев в различных странах, но и на более широкие круги радикализующихся левых сил. Ни одна русская книга в 30-е годы не выходила таким большим тиражом на Западе, как "Моя жизнь". Как пишет современный немецкий историк М. Рейман, творчество Троцкого воздействовало "не только на идеи "экстремистских", "троцкистских" групп, как иногда ошибочно считают в СССР, но также на широкий спектр социалистического мышления, а частично - на мышление либеральное и даже консервативное. Это влияние было особенно сильным там, где речь шла об оценке истории и развития СССР, как и некоторых аспектов международного коммунистического движения"³.

Будучи не в силах противопоставить растущему идейному влиянию Троцкого убедительное идейное контрвлияние, Сталин неизбежно должен был двигаться по пути непрерывных политических провокаций и всё новой клеветы на Троцкого, подхватываемой официальной коммунистической прессой различных стран. Обвинения в адрес Троцкого стали "в СССР, как и в коммунистических партиях и других странах, в течение многих десятилетий орудием подавления любых проявлений самостоятельной, тем более независимой мысли. При

¹ Дойчер И. Троцкий в изгнании. С. 266.

² Там же.

³ Рейман М. Перестройка и изучение советской истории - Вопросы истории. 1989. № 12. С. 156.

помощи этих обвинений из общественно-политической жизни устранялись, арестовывались и уничтожались десятки, сотни тысяч людей, осуществлялось вмешательство сталинского руководства в жизнь других партий и стран"¹.

Борьба с "троцкизмом" в 30-е годы была проявлением не только личной ненависти Сталина к своему самому сильному и непримиримому политическому противнику. Она была тесно связана со страхом Сталина перед возможностью спонтанного возникновения социалистических революций в капиталистических странах, победа которых неизбежно вырвала бы из его рук власть над международным коммунистическим движением. Сталин отчётливо сознавал, что усиление позиций "троцкизма" на Западе грозило возникновением альтернативной Коминтерну политической силы, способной перехватить революционную инициативу и привлечь на свою сторону значительную часть леворадикальных элементов в капиталистических странах.

Чтобы не допустить претворения этой возможности в действительность, понадобился террор невиданных в истории масштабов, направленный сначала против оппозиционных групп в ВКП(б) и других коммунистических партиях, а затем против этих партий в целом. Существенным толчком, побудившим Сталина к развязыванию этого террора, явились внутренние процессы в СССР, нашедшие отражение в событиях, которые произошли во время работы XVII съезда ВКП(б) (январь-февраль 1934 года).

¹ Там же.

IV

XVII съезд: "победители" и "обозники"

В статье "Накануне съезда" Троцкий писал: "Предстоящий вскоре съезд правящей партии Советского Союза призван вынести по заранее заготовленной формуле одобрение политическому руководству, хозяйственному плану и работе Коминтерна. Между тем эти три области, тесно связанные между собой, выдвигают ряд жгучих вопросов, на которые съезд не сможет и не захочет ответить. Не потому, что вопросы противоречат интересам рабочего государства, а потому, что самая постановка их несовместима с интересами правящей бюрократии"¹.

Напоминая, что в 1917-1923 годах партийные съезды собирались ежегодно, Троцкий обращал внимание на то, что после смерти Ленина все съезды партии созывались со значительными опозданиями, которые вызывались потребностями закулисных бюрократических маневров. Особенно большой промежуток времени разделил XVI и XVII съезды. "В течение тех двадцати месяцев, когда Центральный Комитет, уже не только по существу, но и по букве Устава правил в порядке узурпации, в партии не раздалось ни одного голоса протеста. По двум причинам: 1) никто не верит более, что съезд аппарата способен что бы то ни было изменить в работе правящей верхушки; 2) если бы кто-нибудь, в наивности своей, попытался поднять протест, то был бы немедленно исключён из партии. Предшествовавшая съезду "чистка" исключала десятки тысяч людей за менее тяжкие грехи. Если в классический период большевизма каждому съезду предшествовала горячая дискуссия, занимавшая ряд недель, то нынешнему съезду предшествовала бюрократическая чистка, растянувшаяся на полгода. При этих условиях съезд явится лишь внушительным парадом бюрократии"².

Парадный характер съезда нашёл отражение уже в определении его как "съезда победителей". Этому определению, на долгие годы вошедшему в историко-партийную литературу, соответствовал крайне мажорный тон докладов и речей, в которых полностью замалчивались трагические события, произошедшие после предыдущего партийного съезда. Во всех выступлениях не было сказано ни единого слова о том, что страна только что вышла из полосы длительной гражданской войны, что по ней прокатились тысячи жестоко подавленных крестьянских восстаний, что в 1933 году голод унёс миллионы жизней. Если торжественные рапорты об успехах и перемежались упоминаниями о трудностях и упущениях, то последние неизменно объяснялись либо сопротивлением классового врага, либо просчётами местных партийных организаций.

В отчётном докладе Сталин причудливо перемешал достоверную статистику с фальсифицированной. Особенно наглядно это проявилось в разделе о "подъёме сельского хозяйства", где приводились данные о производстве ос-

¹ Бюллетень оппозиции. 1934. № 38-39. С. 1.

² Там же. С. 2.

новых земледельческих культур. Так, Сталин объявил об успешном решении в стране зерновой проблемы, поскольку в 1933 году сбор зерновых составил, по его словам, 89,8 млн. тонн¹. (Согласно расчётам современных статистиков в действительности в этом году было произведено всего 68,4 млн. тонн зерна, т. е. меньше, чем в любой из предшествующих восьми годов).

Подобной манипуляции Сталин, однако, не мог проделать с данными о животноводческой отрасли, положение которой было особенно удручающим. В докладе была приведена таблица, согласно которой за 1929-1933 годы поголовье лошадей, овец и коз уменьшилось более чем вдвое, крупного рогатого скота и свиней - на 70 %.

Существенной фальсификации в докладе подверглась и демографическая статистика. Сталин объявил, что население страны за 1931-1933 годы выросло на 7,5 млн. чел. Между тем в его распоряжении имелись достоверные данные о демографической ситуации в СССР. По свидетельству А. Орлова, в докладе ОГПУ, составленном для Сталина, указывалось, что в 1933 году от голода умерло 3,3-3,5 млн. чел.² Кроме того, 2 млн. чел. (в основном кочевники - скотоводы Казахстана) в результате массового голода покинули страну.

Как показали недавние исследования архивных материалов Центрального управления народнохозяйственного учёта (ЦУНХУ), этот главный статистический орган страны разрабатывал два вида расчётов - один для печати, а другой для служебного пользования. Согласно засекреченным расчётам, которые не могли не доводиться до сведения Политбюро, за 1933 год население страны уменьшилось на 1,6 млн. чел.^{3*}

Ещё более "оптимистически", чем положение в стране, Сталин обрисовал положение в партии. Он утверждал, что в отличие от предшествующих съездов, на этом съезде уже нет нужды доказывать кому-либо правильность линии партии, "да пожалуй - и бить некого. Все видят, что линия партии победила"⁴. Заявив, что "теперь у нас нет больше опасности раскола", Сталин на этом основании предложил ликвидировать Центральную Контрольную Комиссию, заменив её Комиссией Партийного Контроля при ЦК ВКП(б), "работающей по заданиям партии и её ЦК и имеющей на местах независимых от местных орга-

¹ Сталин И. В. Соч. Т. 13. С. 320, 330.

² Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. С. 43.

³ Фальсифицированными демографическими выкладками Сталин руководствовался и в дальнейшем. В декабре 1935 года он повторил свою "крылатую" фразу, выдав её за "голос народа": "У нас теперь все говорят, что материальное положение трудящихся значительно улучшилось, что жить стало лучше, веселее". Из этого, по словам Сталина, следовало, что "население стало размножаться гораздо быстрее, чем в старое время. Смертности стало меньше, рождаемости больше, и чистого прироста получается несравненно больше. Это, конечно, хорошо, и мы это приветствуем. Сейчас у нас каждый год чистого прироста населения получается около трёх миллионов душ. Это значит, что каждый год мы получаем приращение на целую Финляндию". ("Правда". 1935, 4 декабря). Этот пропагандистский пассаж представлял особенно грубую фальсификацию. Если бы численность населения в 30-е годы росла ежегодно на 3 млн., то она достигла бы к 1939 году почти 190 млн. чел. (по переписи 1926 года в СССР насчитывалось 140 млн. чел.) Однако перепись 1939 года зафиксировала всего 170,4 млн. чел. Понятно, что на основе завышенных данных об основном демографическом показателе - численности населения - невозможно было разрабатывать реалистические планы экономического и социального развития.

⁴ Сталин И. В. Соч. Т. 13. С. 347.

низаций представителей¹. Таким образом, отныне даже формально ЦК превращался в единственный руководящий орган партии, до отношению к которому орган партийного контроля был превращён в чисто подсобное учреждение.

На XVII съезде культ Сталина был окончательно возведён в норму партийной жизни. Не было ни одного выступления, в котором не содержалось бы хвалебных слов о Сталине и которое не завершалось бы здравицей в его адрес или восторженными восклицаниями, подчёркивавшими мудрость его руководства. Речи членов Политбюро, наркомов, секретарей республиканских и областных партийных организаций буквально пестрели эпитетами "великий", "гениальный", "гениальнейший", никогда ранее не употреблявшимися на партийных съездах. Имя Сталина на съезде прозвучало более 1500 раз. В выступлениях Кагановича оно было употреблено 37 раз, Орджоникидзе - 40 раз, Микояна - 50 раз, Косиора - 35 раз.

Особое раболепие перед Сталиным было продемонстрировано в речах не "победителей", а "побеждённых", то есть бывших лидеров оппозиции, саркастически названных Кировым "теми, которые до сегодняшнего дня были в обозе". Замечая, что "съезд без особого внимания слушал выступления этих товарищей", Киров под смех зала заявил, что "обозники" "пытаются тоже вклиниться в это общее торжество, пробуют в ногу пойти, под одну музыку, поддержать этот наш подъём. Но как они ни стараются, не выходит и не получается"².

Действительно, бывшие лидеры оппозиционных группировок, которым было позволено выступить на съезде, старались в своих речах ещё и превзойти ту "музыку", которая звучала в речах "победителей". Как мажорные рапорты "победителей", так и униженное самооплёвывание "обозников" свидетельствовали о том, что негласной нормой партийной жизни стало двурушничество. Ведь партийные руководители, выразившие полное единодушие в безраздельной поддержке сталинской "генеральной линии", лучше, чем кто-либо другой, знали, что среди упоминаемых ими побед многие являются преувеличенными или бумажными и что даже действительные успехи оплачены огромными человеческими жертвами. Но ещё больший разлад с собственной совестью должны были испытывать "обозники", ещё недавно резко критически оценивавшие Сталина и его политику, а теперь, после нагромождения новых сталинских ошибок и преступлений, лицемерно восхвалявшие его, в том числе и за то, что он их беспощадно "бил".

На протяжении многих лет в мировой исторической литературе, посвящённой сталинизму, дискутируется вопрос о причинах "признаний" бывших лидеров оппозиций на московских процессах. Думается, что лучший ответ на него дают выступления "обозников" на XVII съезде, которые не были вырваны пытками или боязнью за жизнь своих близких, а объяснялись прежде всего политической и нравственной деградацией, которая произошла с этими людьми уже к началу 1934 года. Все они как бы соревновались друг с другом в предельном сервилизме и лицемерии, свидетельствовавшими о полной утрате ими

¹ Там же. С. 374.

² XVII съезд Вессоюзной, Коммунистической партии (большевиков). С. 253.

гражданского и просто личного человеческого достоинства. Между тем именно лидеры бывших оппозиций, обладавшие наибольшим политическим опытом среди выступавших, не могли не отдавать себе отчёта в том, насколько фальшивы их самобичевания и безудержные панегирики в адрес Сталина. Тем не менее они униженно повторяли сталинские квалификации их поведения как "преступного" и "контрреволюционного", твердили о "гибельности" тех путей, которые предлагались ими в прошлом, и заверяли съезд, что теперь в полной мере осознали правоту и величие Сталина.

Самое трагичное заключалось, быть может, в том, что шансы "обозников" "обелить" себя, стать снова "своими", вернуть доверие большинства съезда были практически нулевыми. Истерия, сопутствовавшая прежней внутрипартийной борьбе и только подогреваемая униженным самооплёвыванием бывших оппозиционеров, породила устойчивое недоверие к последним. Это, несомненно, чувствовали сами кающиеся, хотя они в разной степени оценивали безнадёжность своего положения. Видимо, это чувство глубокой обречённости и отодвигало последние рубежи самоуважения, превращало принципиальность, искренность и даже обычный человеческий стыд в недоступную роскошь.

Ни одному из восьми "обозников", выступавших на съезде, не удалось пережить годы большого террора. Двое из них покончили в 1935-1936 годах самоубийством, пятеро были осуждены на открытых процессах, один расстрелян по приговору закрытого суда.

Первую группу "обозников" составляли лидеры "правого уклона", которые к тому времени ещё оставались членами ЦК.

Бухарин, подробно перечислив "целый ряд теоретических предпосылок правого уклона, сформулированных прежде всего мною", заявил, что "товарищ Сталин был целиком прав, когда разгромил, блестяще применяя марксо-ленинскую диалектику", эти "предпосылки". Он называл Сталина "могущественным глашатаем не только экономического, но и технического и научного прогресса на нашей планете", "славным фельдмаршалом пролетарских сил".

Вспоминая свои прежние "ошибки", Бухарин объявил выдвигавшееся им в 1928-1929 годах "обвинение партийного режима в военно-феодальной эксплуатации крестьянства" "одним из отравленных лозунгов", "одной из острейших, граничащих с преступлением, парфянских стрел, которые были пущены со стороны оппозиции". Он заявил, что "обязанностью каждого члена партии является борьба со всеми антипартийными группировками, активная и беспощадная борьба, независимо от каких бы то ни было прежних личных связей и отношений, сплочение вокруг ЦК и сплочение вокруг товарища Сталина как персонального воплощения ума и воли партии, её руководителя, её теоретического и практического вождя". В этой связи Бухарин утверждал, что "после признания бывшими лидерами правых своих ошибок подспудные течения и открытое сопротивление со стороны врагов партии нашли своё выражение в разных группировках, которые всё быстрее и всё последовательнее скатывались к контрреволюции, каковыми были и охвостья антипартийных течений, в том числе и ряд моих бывших учеников, получивших заслуженное наказа-

ние¹. Особая постыдность этих слов Бухарина состояла в том, что они были сказаны в условиях, когда большинство его учеников томилось в тюрьмах.

Рыков обещал съезду "дожимать тут до конца, пока не исчезнет всякое подозрение, что у меня остался какой-то след старых правоуклонистских идей или осадок каких-то обид за то, что меня совершенно поделом и совершенно вовремя побили. Я должен сказать, что могли побить, имели все основания побить гораздо больше, чем это сделали". Говоря о заслугах Сталина, Рыков заявлял, что Сталин после смерти Ленина "сразу и немедленно выделился из всего состава тогдашнего руководства" и что "в борьбе против теперешнего руководства и против товарища Сталина - одна из моих величайших ошибок, моя огромная вина перед партией, которую я старался и я должен загладить во что бы то ни стало"².

Каясь в своих нападках на партийный режим и "на того, кто олицетворял единство партии", Томский объяснял эти нападки тем, что "товарищ Сталин был самым последовательным, самым ярким из учеников Ленина... был наиболее зорким, наиболее далеко видел, наиболее неуклонно вёл партию по правильному, ленинскому пути... был более теоретически и политически подкованным в борьбе против оппозиции" и поэтому "наиболее тяжёлой рукой колотил нас". Томский уверял съезд, что "на любой партийной трибуне, перед любой аудиторией я готов защищать от начала и до конца всю линию партии, каждый её практический шаг"³.

Другая группа "обозников" состояла из бывших "троцкистов". Она включала Пятакова и Радека, которые занимали в то время высокие посты, и Преображенского, только что вернувшегося из ссылки. Пятаков, уделивший в своей речи основное внимание успехам тяжёлой промышленности, которой он фактически руководил, и удостоившийся за это неоднократных аплодисментов, ограничился ритуальными словами о заслугах Сталина в разгроме "троцкизма" и "всякого рода последующих оппортунистических групп и группочек"⁴. Более подробно затронул эту тему Радек, фактически посвятивший ей всю свою речь. Он утверждал: взгляд "той части партии, к которой я принадлежал", на партийные съезды как на съезды аппаратчиков представлял собой "или клевету на партию, или ночные кошмары. Аппарат нашей партии оказался самым могучим историческим аппаратом созидания социализма". Далее Радек поделился воспоминаниями о том, как он "был партией послан, немножко недобровольно (*смех*) на переучебу ленинизму в не столь отдалённые города" и там "должен был только с грустью констатировать, что то, что не вошло в разум через голову, должно было войти с другой стороны (*взрыв хохота*)". Продолжая эту мысль, Радек говорил, что "мы, которые столько времени дрались против линии партии, должны иметь хотя бы настолько разума, чтобы, учтя уроки нашей борьбы, не претендовать на руководство, а уметь быть такими рядовыми, которых партия наша воспитала миллионы"⁵.

¹ Там же. С. 125-129.

² Там же. С. 210-212.

³ Там же. С. 250-251.

⁴ Там же. С. 456.

⁵ Там же. С. 627.

Преображенский каялся в том, что он "оказался в группе, которая в дальнейшем имела самую презренную судьбу". Он сообщил съезду, что в последнее время избавился от своего прежнего "ослепления", перечитывая характеристики, которые давал левой оппозиции Сталин, и "в некотором смысле как бы читал их впервые, читал эти книжки и документы, на которых были мои карандашные иронические записи, как совершенно новый документ". Посвятив значительную часть своей речи нападкам на Троцкого и обличению собственных "ошибок", Преображенский особо отмечал: "Должен опять-таки с той горечью, с которой я должен признавать все мои ошибки, сказать и о ряде моих ошибок в отношении товарища Сталина. В отношении товарища Сталина у меня есть чувство глубочайшего стыда - не в персональном смысле, а в политическом смысле, потому что здесь я ошибался, быть может, больше всего". К заслугам Сталина Преображенский относил то, что "даже Ленину не удалось осуществить столь большое единство, которого достигла партия в настоящее время под руководством товарища Сталина".

Признавшись, что у него "язык не поворачивается" "что-нибудь политическое сказать не совсем так, как думаешь", Преображенский назвал это качество... своим политическим недостатком. Пути избавления от этого "недостатка" он видел в следовании "принципу": "Если у тебя не поворачивается язык говорить всё в деталях так, как говорит партия, ты всё же должен идти с партией, должен говорить, как и все, не надо умничать... Тем более, товарищи, теперь, когда я во всём разбираюсь, всё понимаю, все свои ошибки достаточно осознал, я повторяю себе ...голосуй с товарищем Сталиным - не ошибешься"¹. Однако и такое самобичевание Преображенского было признано следующими ораторами недостаточным. Кабаков назвал заявление Преображенского неправильным и неуместным, поскольку, по его мнению, Преображенский призывал голосовать "за тезисы Сталина" "слепо", а не "горячо и убежденно", "с воодушевлением"².

Третья группа "обозников" включала лидеров бывшей "ленинградской оппозиции" Зиновьева и Каменева, лишь несколько месяцев назад возвращённых из второй ссылки и непосредственно перед съездом восстановленных в партии. Зиновьев назвал доклад Сталина на съезде "редким и редчайшим в истории мирового коммунизма документом, который можно и должно перечитывать по многу раз", "докладом-шедевром", "вошедшим в сокровищницу мирового коммунизма в тот самый момент, когда он был здесь произнесен, и уже ставшим на ряд лет основным законом партии". В его речи возникли пассажи, полные слащавого умиления: "Лучшие люди передового колхозного крестьянства стремятся в Москву, в Кремль, стремятся повидать товарища Сталина, пощупать его глазами, а может быть и руками, стремятся получить из его уст прямые указания, которые они хотят понести в массы".

Называя съезд триумфом партии, Зиновьев подчёркивал, что "это есть триумф руководства, триумф прежде всего того, кто возглавлял это руководство в решающий, трудный период... Вот почему особенно тяжело и больно тем, которые пытались потрясать авторитет этого руководства, которые выступали

¹ Там же. С. 236-239.

² Там же. С. 245.

против авторитета этого руководства". Говоря об особенном стыде, который он испытывает за свою былую критику Сталина, Зиновьев заявлял, что "в борьбе, которая велась товарищем Сталиным на исключительно принципиальной высоте, на исключительно высоком теоретическом уровне, - что в этой борьбе не было ни малейшего привкуса сколько-нибудь личных моментов". Своё "грехопадение" Зиновьев объяснял тем, что он не слушал "основных партийных кадров, с которыми вместе вырос и которые тебя предостерегали и предостерегали, которые увещевали и увещевали и которые потом били и били, били поделом"¹.

Каменев заявлял, что на нём "лежит печальная обязанность на этом съезде победителей представить летопись поражений, демонстрацию цепи ошибок, заблуждений и преступлений, на которые обрекает себя любая группа и любой человек, отрывающиеся от великого учения Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина, от коллективной жизни партии, от директив её руководящих учреждений". Подобно другим оппозиционерам, своё наибольшее раскаяние Каменев выражал по поводу того, что "мы, естественно, в этой фракционной борьбе направили самое ядовитое жало, всё оружие, которое у нас тогда было, против того, кто более всего нас бил, кто пронизательнее всего указывал ту преступную дорогу, на которую мы встали, против товарища Сталина".

Далее Каменев перечислял основные этапы внутрипартийной борьбы, в ходе которой, по его словам, "прошли одна за другой по крайней мере три волны подлинной контрреволюции". Первой волной он назвал, разумеется, "троцкизм", а второй - "волну кулацкой идеологии". Во время этой второй волны, по словам Каменева, замыслился блок его группы с "правыми"^{2*}, оформлению которого помешала "бдительность Центрального Комитета, теоретическая выдержанность его руководителя товарища Сталина, его идейная непримиримость". Третьей "уже не волной, а волнишкой" Каменев объявил деятельность рютинской группы, идеологию которой он назвал идеологией "совершенно оголтелого кулачья, вернее остатков кулачества, на которое железная пята пролетариата уже наступила... С этой идеологией, которой мы хотя бы пассивно помогали, с этой идеологией бороться теоретическим путём, путём идейного разоблачения было бы странно. Тут требовались другие, более материальные орудия воздействия, и они были применены и к членам этой группы, и к её пособникам, и к её укрывателям, и совершенно правильно и справедливо применены были и ко мне".

Общей чертой трёх "волн", по словам Каменева, было "заострение всей борьбы... против Центрального Комитета и, конечно, против товарища Сталина как его вождя. Это была неизбежная черта любой возникшей контрреволюционной группки, как бы она ни называлась".

Формулируя свои обязательства перед партией, Каменев подчёркивал, что важнейшим из них является "абсолютное доверие к командиру, против кото-

¹ Там же. С. 492-497.

² Мысль о блоке "левых" и "правых", уже применительно к современному этапу, была развита в заключительном слове Сталина, который заявил, что теперь "левые" открыто присоединились к контрреволюционной программе правых для того, чтобы составить с ними блок и повести совместную борьбу против партии". (Сталин И. В. Соч. Т. 13, С. 363).

рого мы боролись, который нас поборол - поборол правильно и справедливо". Поэтому "на каждом из нас, особенно на нас лежит обязанность, всеми мерами, всеми силами, всей энергией противодействовать малейшему колебанию этого авторитета, малейшим попыткам в какой бы то ни было степени подорвать этот авторитет". Он заверил съезд, что считает "того Каменева, который с 1925 по 1933 г. боролся с партией и с её руководством, политическим трупом"¹.

Наконец, на съезде выступил один из лидеров "право-левацкого" блока Ломинадзе, который назвал ошибками своей группы критику сложившегося партийного режима, отрицание роста материального и культурного уровня рабочих и требование о сокращении капитального строительства. "Величайшим грехом" Ломинадзе, как и другие каявшиеся "обозники", называл выступление "против руководства нашей партии, против вождя партии товарища Сталина"².

Восторженная оценка доклада Сталина, звучавшая во всех выступлениях как "победителей", так и "обозников", была закреплена в речи Кирова, озаглавленной "Доклад товарища Сталина - программа всей нашей работы". Киров назвал сталинский доклад "самым ярким документом эпохи" и заявил, что съезду не следует "напрасно ломать голову" над выработкой резолюции по отчётному докладу ЦК, которая принималась на всех предшествующих съездах. Вместо этого необходимо "принять к исполнению, как партийный закон, все положения и выводы отчётного доклада товарища Сталина"³. Сразу же после речи Кирова Сталин отказался от заключительного слова, поскольку "прения на съезде выявили полное единство взглядов наших партийных руководителей, можно сказать, по всем вопросам партийной политики"⁴. В качестве резолюции по отчётному докладу было принято решение в несколько строк, выдержанное в духе предложения Кирова.

¹ Там же. С. 516-521.

² Там же. С. 119.

³ Там же. С. 252.

⁴ Там же. С. 259.

XVII съезд. Итоги тайного голосования

После публично продемонстрированного триумфа Сталина ошеломляющими оказались итоги выборов в Центральный Комитет. Они показали, что даже после ликвидации всех оппозиционных групп в руководящем эшелоне партии нарастало резкое недовольство Сталиным:

События, происходившие за кулисами XVII съезда и нашедшие отражение в тайном голосовании на нём, тщательно изучались комиссией Президиума ЦК, работавшей в начале 60-х годов. Опросив уцелевших старых большевиков, которые помнили эти события, комиссия сочла доказанным, что во время работы съезда на квартире Орджоникидзе состоялось тайное совещание группы партийных руководителей. В числе участников этого совещания, на котором обсуждался вопрос о замене Сталина на посту генсека Кировым, назывались Киров, Эйхе, Шеболдаев, Шарангович, Микоян, Косиор, Петровский, Орахелашвили, Варейкис. От кого-то из них (по-видимому, от самого Кирова) Сталин немедленно узнал как о самом совещании, так и об отказе Кирова от сделанного ему предложения.

В воспоминаниях Хрущёва говорится, что инициатива организации этого совещания принадлежала Шеболдаеву, который пришёл к Кирову и сказал: "Старики поговаривают о том, чтобы возвратиться к завещанию Ленина и реабилитировать его, то есть передвинуть Сталина, как рекомендовал Ленин, на какой-нибудь другой пост, а на его место выдвинуть человека, который более терпимо относился бы к окружающим. Народ поговаривает, что хорошо было бы выдвинуть тебя на пост генерального секретаря"¹.

Аналогичный рассказ записал со слов Молотова писатель Ф. Чуев. В 70-х годах Молотов в кругу своего близкого окружения рассказывал о своём разговоре со старым большевиком, делегатом XVII съезда Оганесовым, которого он называл "ненавистником Сталина". Оганесов сообщил Молотову, что во время работы съезда он принял участие в совещании нескольких делегатов, собранном Шеболдаевым (в этом месте рассказа один из сотрапезников Молотова при молчаливом одобрении последнего заявил: "Вот за это участие он и сидел, негодяй!"). Участники совещания пригласили Кирова и сказали, что хотят его выдвинуть генеральным секретарём. По этому поводу Киров, по словам Оганесова, "нас высмеял, изругал: "Что вы глупости говорите! Какой я генеральный?"².

Согласно некоторым свидетельствам, полученным комиссией ЦК, Сталин заявил Кирову, сообщившему ему об этом совещании (или совещаниях?): "Спасибо, я тебе этого не забуду!" Как справедливо замечал Хрущёв, подобное заявление характерно для Сталина: "в этом "спасибо" нельзя понять, благодарит ли он Кирова за сообщение (об отказе стать генсеком - В. Р.) или же угро-

¹ Вопросы истории. 1990. № 3. С. 77.

² Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991. С. 307-308.

жает ему. Этот эпизод приоткрывает занавес над причиной, почему была организована затем мясорубка¹.

Опрошенные комиссией делегаты XVII съезда и другие старые большевики сообщили, что им было известно о происходивших во время съезда переговорах по поводу необходимости сместить Сталина с поста генсека. На основании этих сообщений комиссия пришла к выводу, что в начале 1934 года была предпринята попытка выполнить на основе уставных партийных средств совет, содержащийся в ленинском завещании.

Некоторые свидетельства позволяют сделать вывод о том, что попытка выполнить на основе уставных партийных средств совет, содержащийся в ленинском завещании, не ограничивалась совещаниями узкого круга партийных руководителей. Так, по словам старой большевички З. Н. Немцовой, во время съезда "рассказывали, что делегации ходят друг к другу и договариваются: будем выбирать генсеком Кирова"². Член партии с 1930 года Т. Ф. Кузьмина вспоминает, что делегат съезда В. И. Кириллов в день голосования сказал своим родным: "Мы идём сегодня вычёркивать Сталина"³.

В список для избрания нового ЦК было внесено ровно столько кандидатов, сколько требовалось выбрать. Несмотря на это, возможные результаты тайного голосования вызывали беспокойство Сталина. Об этом свидетельствовало его собственное поведение при голосовании. Как вспоминал Хрущёв, Сталин "демонстративно на глазах у всех, получив списки, подошел к урне и опустил туда, не глядя". Даже для Хрущёва, искушённого в аппаратной механике, "этот поступок выглядел как-то по-особому". Лишь спустя некоторое время он нашёл объяснение такому поведению Сталина: "Ни одной кандидатуры без благословения Сталина не было в списки занесено, поэтому ещё раз читать их ему не было никакой необходимости"⁴.

Очевидно, этот шаг Сталина был рассчитан на то, что делегаты последуют его примеру, поняв, что незачем соблюдать внешний декорум, прикрывающий "выборы без выбора". Однако даже в условиях фактической предрешённости результатов голосования (каждый кандидат, получивший более пятидесяти процентов голосов, был "обречён" на избрание в ЦК), после получения бюллетеней "делегаты сейчас же разбредались, присаживались и штудировали списки: решали, кого оставить, а кого вычеркнуть. Некоторые товарищи (судя по личному наблюдению) довольно усердно занимались этим делом"⁵.

О попытке Сталина повлиять на результаты выборов свидетельствует ещё один эпизод, рассказанный Хрущёвым. Перед голосованием Каганович "доверительно" инструктировал молодых делегатов, рекомендуя им вычеркивать некоторых кандидатов, в частности Молотова и Ворошилова. Каганович мотивировал это тем, что по политическим соображениям не должно получиться так, что Сталин наберет меньше голосов, чем другие члены Политбюро. Хотя инструктируемые, по словам Хрущёва, "отнеслись к такому призыву с пони-

¹ Вопросы истории. 1990. № 3. С. 77.

² Огонёк. 1988. № 27. С. 6.

³ Сообщение Т. Ф. Кузьминой автору книги.

⁴ Вопросы истории. 1990. № 3. С. 67.

⁵ Там же.

манием", Хрущёв добавлял, что на него этот "инструктаж" произвел удручающее впечатление: "Как же так? Член Политбюро, секретарь ЦК и Московского Комитета партии, большой авторитет для нас, и вдруг рекомендует заниматься столь недостойной для члена партии деятельностью"¹.

Результаты тайного голосования превзошли самые неблагоприятные ожидания Сталина. Счётная комиссия обнаружила, что против него подано около 300 голосов. Её председатель Затонский немедленно сообщил об этом Кагановичу, который тут же отдал ему распоряжение: указать в протоколе счётной комиссии, что против Сталина было подано на один голос меньше, чем против Кирова. Эти фальсифицированные результаты голосования были доложены делегатам съезда.

Когда комиссией ЦК в начале 60-х годов были вскрыты хранившиеся в Центральном партийном архиве документы тайного голосования, обнаружилось отсутствие ведомости о выдаче делегатам избирательных бюллетеней. Результаты голосования были отражены лишь в списке кандидатов, где указывалось число голосов, поданных за и против каждого из них. Согласно этому списку, все кандидаты получили абсолютное большинство голосов, против Сталина было подано 3 голоса, против Кирова - 4. Такому раскладу голосов соответствовало и количество хранившихся в запечатанном пакете бюллетеней, использованных делегатами. Однако в этом пакете было обнаружено всего 1054 бюллетеня (такое же число голосовавших было указано и в упомянутом списке). Между тем мандатной комиссией съезда было утверждено 1225 мандатов с решающим голосом. Таким образом, выходило, что по непонятным причинам в выборах не приняло участие 166 делегатов.

Впервые официальное сообщение о результатах работы данной комиссии (включая фотокопию указанного списка), было опубликовано в 1989 году². Однако вскоре после этого бывший член комиссии Шатуновская^{3*} выступила со статьёй, в которой сообщала о фактах, выявившихся при подготовке этой публикации. Из архива Политбюро, куда в 1961 году были переданы документы комиссии, к 1989 году исчезли сообщения о совещании у Орджоникидзе, полученные от его помощника Махова, присутствовавшего на этом совещании, и от свояченицы Кирова С. Л. Маркус. Кроме того, Шатуновская указала, что "при выборах в ЦК на съезде фамилия Сталина была вычеркнута в 292 бюллетенях. Сталин приказал сжечь из них 289 бюллетеней, и в протоколе, объявленном съезду, было показано всего 3 голоса против Сталина"⁴. Таким образом, против Сталина голосовали почти четверть делегатов съезда с решающим голосом.

¹ Там же.

² Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 114-121.

³ О. Г. Шатуновская, старая большевичка, прошедшая 18 лет в сталинских лагерях, была включена Хрущёвым в состав Комитета партийного контроля и комиссии Президиума ЦК, созданной для расследования событий на XVII съезде, обстоятельств убийства Кирова и московских процессов 1936-1938 годов. В ходе расследования Шатуновской чинились многочисленные помехи. Сулов неоднократно поднимал вопрос об её отстранении от данной работы. В 1962 году Шатуновская была отправлена на пенсию.

⁴ Аргументы и факты. 1990. № 22.

Эти выводы основывались также на опросе членов съётной комиссии, оставшихся к тому времени в живых. Все 63 её члена были репрессированы в 1937-1938 годах, из них к середине 50-х годов уцелело лишь три человека, отбывших длительные сроки заключения в концлагерях. Заместитель председателя съётной комиссии Верховых, не будучи знаком с другими результатами расследования, назвал ту же цифру - 292 голоса, поданных против Сталина. Аналогичные свидетельства, были получены и от двух других опрошенных.

Слухи о результатах голосования на XVII съезде, свидетельствовавших об эфемерности поддержки Сталина даже тогдашней партийно-государственной верхушкой, циркулировали среди членов партии и даже проникли на Запад. Уже в феврале 1934 года в меньшевистском журнале "Социалистический вестник", выходившем в Париже, сообщалось, что "после подсчёта записок выяснился следующий конфуз. Наибольшее число голосов получил не Сталин, а Калинин. Сталин же оказался лишь на третьем месте. Кто на втором месте, до сих пор мы ещё не выяснили"¹. Хотя это сообщение было неточным, утечка информации, нежелательной для Сталина, была налицо.

Хотя Сталин и в случае оглашения действительных результатов голосования был бы избран в ЦК, столь внушительная цифра голосовавших против была для него крайне тревожным сигналом. Она свидетельствовала, что даже среди делегатов съезда, тщательно отфильтрованных аппаратом, почти четверть составляли тайные противники Сталина.

По этому поводу Хрущёв в своих воспоминаниях справедливо замечал: "Кто мог голосовать против Сталина? Это могли быть только ленинские кадры. Нельзя было даже предположить, что Хрущёв или подобные ему молодые люди, которые выдвинулись при Сталине, могут проголосовать против него.

А вот старые партийцы, которые общались с Лениным, работали под его руководством, хорошо знали Ленина и чьё завещание всегда оставалось в их памяти, конечно, не могли мириться с тем, что Сталин после смерти Ленина набрал к XVII съезду партии такую силу и перестал считаться с ними, стал всю проявлять те черты своего характера, на которые указывал Владимир Ильич. Вот они-то, видимо, и решили поговорить с Кировым и проголосовать против Сталина. Сталин понял, что старые кадры, которые находятся в руководстве, недовольны им и хотели бы его заменить, если это удастся. Эти люди могли повлиять на делегатов очередного партсъезда и добиться изменений в руководстве"².

Хрущёв считал, что ставший известным Сталину факт тайного совещания и результаты голосования на съезде явились главным побудительным мотивом убийства Кирова и последующей массовой резни, учинённой в партии и стране.

Аналогично оценивал данные факты и Микоян, подчёркивавший, что они вызвали у Сталина "враждебность и мстительность ко всему съезду и, конечно, к самому Кирову"³.

¹ Социалистический вестник. 1934. 25 февраля. С. 14.

² Вопросы истории. 1990. № 3. С. 78.

³ Огонёк. 1987. № 50.

VI

Состав ЦК XVII съезда.

Новые выдвиженцы Сталина

Несмотря на крепнущее в среде старой партийной гвардии убеждение в необходимости "убрать Сталина" с поста генсека, такой "революции сверху" на XVII съезде не произошло. Но и Сталин в свою очередь не одержал победу над своими действительными и потенциальными противниками.

Характерно, что в официальном сообщении о результатах выборов в руководящие органы партии Сталин именовался не генсеком, а лишь одним из секретарей ЦК. По-видимому, это должно было служить вытравлению из партийного лексикона самого понятия "генсек", ставшего одиозным в результате знакомства многих членов партии с запретным завещанием Ленина. Подтверждением этого служит тот факт, что и во все последующие годы в официальных документах, подписанных Сталиным, он именовался просто секретарём ЦК, а не генеральным секретарём.

Ни состав делегатов XVII съезда, ни состав избранного на нём ЦК не могли удовлетворить Сталина. Состав делегатов отражал сохранявшееся преобладание в руководящих органах партии и государства коммунистов, вступивших в партию в годы подполья и гражданской войны. Из 1225 делегатов с решающим голосом 981 человек (80 %) вступили в партию до 1920 года, тогда как в партии в то время коммунисты с таким стажем составляли всего десять процентов. Из сознания этих людей не могла выветриться память о нормах и принципах партийной жизни, действовавших при Ленине.

Несмотря на подавление всех оппозиций, состав ЦК, избранного XVII съездом, обновился в незначительной степени. Из 71 члена ЦК 62 избирались в его состав на предшествующих съездах. Столько же были членами партии с дореволюционным стажем. От такого ЦК Сталин мог ожидать не беспрекословного служения ему на основе личной преданности, а серьёзного отпора и даже свержения в критический момент, например, в случае неблагоприятно складывающейся войны.

В своих воспоминаниях Хрущёв объяснял причины уничтожения Сталиным подавляющего большинства делегатов XVII съезда и избранного им Центрального Комитета тем, что "созревали условия для замены Сталина... партия уже не могла высказывать свою волю... Руководство уже не являлось избранной партией, Центральным Комитетом. Сталин что хотел, то и делал: хотел - казнил, хотел - миловал"¹. Такое положение, на которое в те годы указывали только Троцкий и его приверженцы в СССР (в анонимных листовках, распространявшихся в стране, и в корреспонденциях, публиковавшихся в "Бюллетене оппозиции"), не могло восприниматься в качестве нормальной подавляющей частью старых большевиков, в том числе находившихся в руководящих органах партии.

¹ Вопросы истории. 1990. № 3. С. 81.

Нужные Сталину изменения в составе ЦК были осуществлены в незначительной мере. Рыков, Бухарин и Томский были переведены из членов в кандидаты в члены ЦК. Кандидатами в члены ЦК впервые были избраны сотрудники личного секретариата Сталина Поскребышев и Товстуха, а также ответственный редактор "Правды" Мехлис, долгие годы проработавший в сталинском секретариате.

Своего рода преддверием "кадровой революции", задуманной Сталиным, очевидно, сразу же после XVII съезда, стало избрание на съезде членами ЦК (минуя кандидатский стаж) трёх лиц, прошедших как перед самим съездом, так и вскоре после него полосу стремительного продвижения и в дальнейшем сыгравших важную (хотя и существенно различающуюся) роль в истории партии и страны. К ним относились Ежов, Берия и Хрущёв.

Особенно головокружительной была карьера Ежова. В 1922-1927 годах он работал секретарём ряда обкомов партии, а в 1927-1930 годах - заместителем заведующего отделом ЦК и заместителем наркома земледелия СССР. После 1930 года Ежов последовательно занимал посты заведующего распределом, отделом кадров и промышленным отделом ЦК. В 1934 году он стал заместителем председателя, а в 1935 году - председателем Комиссии партийного контроля при ЦК. После смерти Кирова занял освободившийся пост секретаря ЦК.

Если Ежов легко прошёл этапы своего возвышения в партийной иерархии, то по-иному обстояло дело с другим сталинским ставленником, Берией, который был переведён на партийную работу после длительной работы в органах ЧК - ГПУ Закавказья. По-видимому, первая встреча Берии со Сталиным произошла в 1931 году, во время отдыха последнего в Цхалтубо, где Берия руководил его охраной. Уже во время пребывания в Цхалтубо Сталин передал в Москву распоряжение о созыве совещания руководителей Закавказской федерации. Как вспоминал А. В. Снегов - в то время заведующий орготделом Закавказского крайкома, все участники этого совещания обратили внимание на отсутствие на нём Орджоникидзе. "Улучив удобную минуту, - рассказывал Снегов, - я спросил у сидевшего рядом Микояна: "Почему нет Серго?" Тот ответил мне на ухо: "Да с какой стати Серго будет участвовать в коронации Берии? Он его хорошо знает". Так вот в чём дело! Я, таким образом, первым из приехавших узнал, что нам предстоит".

Итоги совещания, обсуждавшего хозяйственные вопросы, подвел Сталин, который, завершая своё выступление, неожиданно для всех спросил: "А что, если мы так сформируем новое руководство крайкома: первый секретарь - Картвелишвили, второй секретарь - Берия?" Тогдашний первый секретарь Закавказского крайкома Картвелишвили на это предложение сразу же отреагировал словами: "Я с этим шарлатаном работать не буду!" Председатель Совнаркома Закавказской федерации Орахелашвили спросил: "Коба, что ты сказал, может я ослышался?" Тогда Сталин заявил: "Ну, что ж, значит, будем решать вопрос в рабочем порядке"¹.

¹ Комсомольская правда. 1988. 21 февраля.

Вскоре после этого совещания Берия был избран первым секретарём ЦК Компартии Грузии. Даже по словам его ближайшего приспешника Деканозова, "все, кто хорошо его знал, были буквально ошеломлены его назначением на эту должность"¹.

Уже в первые месяцы работы Берии на этом посту в большинстве районов Грузии, как вспоминал Снегов, "появились новые первые секретари райкомов. Они до этого занимали посты начальников районных отделов НКВД. Мне кажется, это очень характерно. Не менее характерно, чем тот факт, что никто из тех, кто был вызван в Москву (на совещание 1931 года - В. Р.), не умер естественной смертью. Я один выжил после 18 лет в лагерях"².

Спустя несколько месяцев после совещания Картвелишвили был переведён на работу в Западную Сибирь, а в 1933 году стал первым секретарём Дальневосточного крайкома (сменив, по указанию Сталина, свою фамилию на русскую - Лаврентьев). На посту первого секретаря Заккрайкома его заменил Орахелашвили, через год переведённый в Москву на работу заместителем директора Института Маркса-Энгельса-Ленина (Орахелашвили, бессменно находившийся в ЦК с 1923 года, не был избран в его состав на XVII съезде). Только тогда Берия сделался первым секретарём Заккрайкома, сохранив за собой пост первого секретаря ЦК компартии Грузии и одновременно получив ещё одну должность - первого секретаря Тбилисского горкома. Так Сталин проделал одну из своих самых хитроумных операций, позволившую ему поставить надёжного ставленника во главе партийной организации Закавказья, где было особенно много коммунистов, хорошо знавших его, Сталина, прошлое и оппозиционно к нему настроенных.

Многие закавказские коммунисты с неприязнью относились к Берии - не только из-за его отрицательных личных качеств, но и потому, что им было известно о его сомнительной роли в годы гражданской войны, когда он был связан с мусаватистской разведкой. Надёжную опору Берия нашёл только в Багирове, чья биография была тесно переплетена с его собственной. Прошлое Багирова было политически запятанным: во время генеральной чистки 1921 года он был исключён из партии за взяточничество и избивание арестованных во время работы в Азербайджанской ЧК, в 1929 году вновь привлекался за злоупотребление властью к партийной ответственности Президиумом ЦКК. Тем не менее Багиров был избран в 1933 году первым секретарём ЦК Компартии Азербайджана, а на XVII съезде ВКП(б) - кандидатом в члены ЦК.

В январе 1934 года прокурор СССР Акулов направил докладную записку в ЦК, в которой говорилось о многочисленных случаях фальсификации следственных дел в органах ГПУ Грузии и Азербайджана. Сразу после этого Берия и Багиров обратились к Сталину с письмом, обвинявшем Акулова в "преднамеренной клевете на Закавказскую федерацию"³. В 1935 году Акулов был перемещён на пост секретаря ЦИК. В том же году Берия и Багиров приступили к крупномасштабным репрессиям против закавказских коммунистов. Они оказа-

¹ Берия: конец карьеры. М., 1991. С. 305.

² Комсомольская правда. 1988. 21 февраля.

³ Вопросы истории КПСС. 1990. № 3. С. 108.

лись единственными первыми секретарями республиканских ЦК, пережившими террор 1937-38 годов.

Необычной была карьера и третьего сталинского выдвиженца - Хрущёва. Не отличаясь по возрасту от большинства членов ЦК, в том числе от некоторых членов Политбюро (Кагановича, Андреева, Микояна), он вступил в партию не до революции, как они, а только в 1918 году. В 20-е годы это означало резкий рубеж, влиявший на престиж и продвижение партийных руководителей. С 1924 года Хрущёв занимал посты в среднем звене партийного аппарата - сначала в Юзовке, где он до революции работал слесарем, а затем - в ЦК Компартии Украины. Его быстрое восхождение началось после направления его на учебу в Промакадемию, которая на рубеже 30-х годов была "цитаделью" правой оппозиции. Возглавив борьбу с группой старых большевиков - сторонников "правого уклона", Хрущёв в 1930 году стал секретарём партийного комитета Академии. Дальнейшему продвижению по карьерной лестнице способствовали сложившиеся у него хорошие отношения с Н. С. Аллилуевой, обучавшейся в Промакадемии. Благодаря этому Хрущёв получил возможность бывать в доме Сталина, присутствовать на устраиваемых там обедах, куда допускались только особо близкие Сталину лица.

В 1931 году Хрущёв был отозван из Промакадемии и стал первым секретарём Бауманского, а спустя ещё несколько месяцев - Краснопресненского райкома Москвы. В следующем году Сталин посоветовал Кагановичу взять Хрущёва на работу в Московский комитет партии. Это предложение соответствовало желанию самого Кагановича, у которого во время работы на Украине в 20-х годах сложились хорошие отношения с Хрущёвым. Хрущёв стал вторым секретарём Московского горкома, а спустя ещё два года - первым секретарём МГК и вторым секретарём Московского обкома партии. В 1935 году, когда Каганович был переведён на должность наркома путей сообщения, Хрущёв сменил его на посту первого секретаря Московского обкома.

Сам Хрущёв, похоже, был изумлён своей стремительной карьерой и, сознавая ограниченность своих знаний и опыта, был готов к тому, что она может прерваться. Долгое время он находился ещё во власти традиций 20-х годов, когда нередко рабочие, выдвинутые на партийные посты, спустя несколько лет возвращались на свою прежнюю работу. Поэтому до 1935 года он постоянно возил с собою и хранил свои личные слесарные инструменты. "Я ещё не порвал мысленно связь со своей былой профессией, - рассказывал он в воспоминаниях, - считал, что партийная работа - выборная и что в любое время могу быть неизбранным, а тогда вернусь к основной своей деятельности - слесаря"¹. Хрущёв был своего рода промежуточной фигурой между старой партийной гвардией и "новобранцами 1937 года". В его сознании причудливо смешивались психологические качества и первой, и второй когорты партийных руководителей. С одной стороны, он сохранял черты, присущие старым большевикам: интернационализм, демократизм, приверженность духу партийного товарищества. Вспоминая о своём отношении к товарищам по партии в 20-е годы, он писал в мемуарах, что в то время "смотрел на вещи идеалистически: если

¹ Вопросы истории. 1990. № 3. С. 69.

человек с партийным билетом и настоящим коммунист, а не жулик, то это мой брат и даже больше. Я считал, что нас всех связывают невидимые нити идейной борьбы, идей строительства коммунизма, нечто возвышенное и святое. Каждый участник нашего движения был для меня, если говорить языком верующих, вроде апостола, который во имя идеи готов пойти на любые жертвы"¹_{2*}. Не случайно, что Хрущёв переходит здесь на религиозный язык: в партийных нравах и в сознании рядовых коммунистов, даже низовых аппаратчиков того времени, не знавших об аппаратных интригах, развёртывавшихся в партийной верхушке, было нечто от "первоначального христианства с его демократически-революционным духом"³.

С другой стороны, Хрущёв, оказавшийся в первых рядах партийных руководителей уже во время всевластия и культа Сталина, как бы предвосхищал психологические качества следующей генерации аппаратчиков, тех, кто занял посты, освободившиеся в годы великой чистки, и кто был воспитан в духе исключительной личной преданности "вождю". В мемуарах Хрущёв признавался, что в 30-е годы был "буквально очарован Сталиным, его предупредительностью, его вниманием, его осведомлённостью, его заботой, его обаятельностью и честно восхищался им"⁴. Именно такие "кадры" были нужны Сталину, который понимал, что подобной ослеплённости он не сможет встретить среди старого поколения большевиков. Как подчёркивал Троцкий, "Сталин никак не мог терпеть на ответственных административных постах людей, которые знали правду и которые сознательно говорили ложь в качестве доказательства своей верности вождю. К преданным, но знающим прошлое, Сталин относился, пожалуй, с большей враждебностью, с большей неприязнью, чем к открытым врагам. Ему нужны были люди без прошлого, молодёжь, которая не знала вчерашнего дня, или перебежчики из другого лагеря"^{5*}, которые смотрели на него снизу вверх, ему необходимо было полное обновление всего партийного аппарата"⁶.

¹ Вопросы истории. 1990. № 4. С. 82.

² К этому пассажи Хрущёв сделал примечательное добавление: "Ведь тогда, действительно, чтобы быть настоящим коммунистом, больше проходило приносить жертв, чем получать благ. Это не то, что сейчас среди коммунистов, когда есть идейные люди и много неидейных, чиновников, подхалимов и карьеристов. Сейчас членство в партии, партийный билет - это надежда на лучшее приспособление к нашему обществу... Это факт и большой бич в наше время. А в то время всего этого было меньше, хотя уже начиналось". ("Вопросы истории". 1990, № 4, С. 82).

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 43.

⁴ Вопросы истории. 1990. № 3. С. 67.

⁵ К таким "перебежчикам", сыгравшим активную роль в проведении сталинского антибольшевистского похода 30-х годов, относились например, Вышинский и Заславский, перед Октябрьской революцией находившиеся в рядах ярых противников большевизма.

⁶ Троцкий Л. Д. Сталин. Т. II. М., 1990. С. 264.

VII

Объективные и субъективные причины сталинского террора

Задуманный Сталиным после XVII съезда план "кадровой революции" не мог в то время представляться вероятным даже лицам из его ближайшего окружения - настолько он был дьявольским. Суть этого плана сводилась к физическому истреблению всего партийного, государственного, хозяйственного, военного, чекистского аппарата в центре и на местах и замене его новой генерацией, не имевшей никаких связей со старыми большевиками и готовой бездумно следовать любым предначертаниям - лишь бы они исходили от Сталина. Этот план был порождён не просто личной мстительностью и подозрительностью Сталина, а имел глубокие политические причины, связанные с новой ориентацией его внешней и внутренней политики.

Несмотря на то, что наиболее серьёзные внутривнутриполитические трудности остались позади, Сталин не мог чувствовать стабильности своего всевластия. Политикой "чрезвычайщины", продолжавшейся на протяжении шести лет (1928-1933 годы), он восстановил против себя миллионы советских людей, вызвал недовольство во всех социальных слоях общества. Свежая память об этих трагических годах не могла скоро изгладиться в сознании народа.

Вопреки своей внешней "монолитности"; партия в её тогдашнем составе не могла служить надёжной и устойчивой опорой Сталина. Это касалось даже высших слоёв бюрократии, личные качества которой не соответствовали той функциональной роли, которую ей предназначал Сталин, - обеспечению успешного завершения антибольшевистского переворота, начатого в 20-х годах ликвидацией легальной внутрипартийной оппозиции. Руководящее ядро партии в центре и на местах по-прежнему состояло преимущественно из старых большевиков, в значительной своей части сохранявших незамутнённое представление о коммунистических идеалах и подлинном содержании марксистского мировоззрения. "Этих стариков, прошедших лучшие годы своей жизни в царских тюрьмах или в ссылке, - писал А. Орлов, - Сталин не мог надеяться подкупить. Правда, немногие из них, сломленные житейскими невзгодами и опасаящиеся за судьбу своих детей и внуков, скрепя сердце, примкнули к сталинскому лагерю. Но остальные - подавляющее большинство - продолжали считать, что Сталин изменил делу революции. С горечью следили эти люди за торжествующей реакцией, уничтожавшей одно завоевание революции за другим"¹.

Несмотря на политическое, нравственное и бытовое перерождение, охватившее значительную часть правящего слоя, большинство входивших в него лиц, даже не участвовавших ранее ни в каких оппозициях, не могли искренне принимать и поддерживать ни растущее социальное неравенство, ни массовые политические репрессии, ни душливую духовную несвободу, ни принимав-

¹ Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. С. 47.

ший всё более уродливые формы культ Сталина. Между этими людьми продолжали сохраняться тесные формальные и неформальные контакты, старые дружеские связи, берущие начало от героических лет подполья и эмиграции, Октябрьской революции и гражданской войны.

Всё сказанное в известном смысле относится и к некоторым членам избранного после XVII съезда Политбюро, состав которого в основном остался таким, каким он был после изгнания лидеров оппозиций¹.

В исторической литературе часто говорится о существовании в начале 30-х годов в Политбюро двух групп: экстремистской, стопроцентно сталинской, включавшей Молотова, Кагановича и Ворошилова, и "умеренной", "либеральной", к которой обычно относят Кирова, Куйбышева и Орджоникидзе. Эта версия, переходящая из одной работы в другую², берёт начало от статьи Б. Николаевского "Как подготовлялся московский процесс (из письма старого большевика)". Между тем сам Николаевский в письмах своим друзьям признавал: многое из того, что содержалось в этой статье, не основывалось на вполне достоверных источниках, а было им домыслено.

Опубликованные к настоящему времени документы не дают оснований для вывода о наличии в Политбюро (даже во время присутствия в нём бухаринской "тройки") стабильных групп, неизменно занимавших противоположные позиции при возникновении разногласий. Так, в 1928 году за расстрел "шахтинцев" голосовали бухаринцы, тогда как Сталин и его союзники считали возможным ограничиться более мягкой мерой наказания. При решении судьбы Троцкого в 1929 году за его арест высказались Ворошилов и Рыков, а остальные члены Политбюро проголосовали за его высылку.

После изгнания "правых" из Политбюро внутри него установилась своеобразная иерархия, связанная с выделением в нём "руководящей группы". Как вспоминал Молотов, в эту группу, которая обсуждала "все наиболее важные вопросы", "не входили ни Калинин, ни Рудзутак, ни Косиор, ни Андреев"³.

Как свидетельствуют недавно опубликованные письма Сталина Молотову, относящиеся к 1930-1933 годам, даже члены "руководящей группы" (например, Орджоникидзе и Каганович) в этот период вызывали у Сталина временами гнев и подозрения в "антипартийном" поведении. Однако в отличие от послевоенного (в том числе постсталинского) периода, когда "первый человек" в порядке простой канцелярско-бюрократической рутины мог смещать одних членов Политбюро и ставить на их место новых безликих бюрократов, в середине 30-х годов власть Сталина так далеко ещё не простиралась.

Конечно, ни Киров, ни кто-либо другой из членов Политбюро не представляли реальной альтернативы Сталину. Все они проявили себя его приверженцами в расправе над внутрипартийными оппозициями, в осуществлении насильственной коллективизации и установлении тоталитарно-бонапартистского политического режима. Но они ещё не прошли через заклю-

¹ В 1934 году членами Политбюро были Сталин, Андреев, Ворошилов, Каганович, Калинин, Киров, Косиор, Куйбышев, Молотов, Орджоникидзе, кандидатами в члены Политбюро - Микоян, Постышев, Петровский, Рудзутак, Чубарь.

² См., напр. Коэн С. Бухарин. Политическая биография. М., 1988. С. 410-413, 421-423.

³ Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 424.

чительную стадию своего перерождения, не были готовы к беспощадному уничтожению собственной партии и даже её оппозиционных элементов.

При всём этом Сталин не мог править без своего ближайшего окружения. Чтобы обеспечить его абсолютную покорность, было необходимо очистить его от не вполне "надёжных", а оставшихся повязать кровавой круговой порукой, соучастием в ещё более страшных преступлениях - физическом истреблении своих ближайших друзей и соратников.

В политических расчётах Сталина немалую роль играл страх перед грядущей войной с самым сильным и безжалостным противником СССР - гитлеровской Германией. Сталин хорошо помнил т. н. "тезис о Клемансо", выдвинутый Троцким в 1927 году. Говоря о намерении оппозиции в случае поражений в будущей войне сменить сталинское руководство, Троцкий проводил историческую аналогию с эпизодом первой мировой войны: когда немцы стояли в 80 километрах от Парижа, группа, возглавляемая французским политическим деятелем Клемансо, пришла к власти и своей политикой обеспечила победу Франции¹.

Сознавая ограниченность своих ресурсов как полководца, Сталин мог предполагать, что при первых поражениях Советского Союза в войне с Германией в советском политическом и военном руководстве консолидируются силы, способные свергнуть его как виновника этих поражений.

Не меньшее беспокойство, чем ситуация в партии и стране, у Сталина должно было вызывать положение за рубежом, где вызревали коммунистические силы, сплачивавшиеся вокруг Троцкого - единственного политического деятеля, который представлял альтернативу Сталину в качестве лидера мирового коммунистического движения.

Конечно, самым простым решением было бы убийство Троцкого, для чего у Сталина имелись широкие возможности и ресурсы в виде разветвленной агентуры ГПУ за рубежом. Однако Сталин сознавал, что внутри СССР левая оппозиция, действовавшая в подполье, была ещё достаточно многочисленной. Как и в 1924 году, когда он впервые обсуждал со своими тогдашними союзниками вопрос о целесообразности убийства Троцкого, он имел основания ожидать, что наиболее решительные оппозиционеры ответят на этот акт политического гангстеризма контртеррористическими актами. Кроме того, Сталин не мог не понимать, что ответственность за убийство Троцкого, какими бы подлогами оно ни было обставлено, неминуемо будет возложена на него всеми непредубеждёнными людьми в СССР и за рубежом.

Поэтому, не отказываясь от мысли о террористическом акте против Троцкого (см. гл. XLV) Сталин вынашивал и параллельный сценарий, направленный на ослабление влияния Троцкого путём дискредитации, дезавуирования его в глазах мировой общественности. Для этого требовалось создание новых, ещё более чудовищных подлогов, в результате которых слово "троцкист" в массовом сознании стало бы синонимом слов "террорист", "изменник", "шпион", "диверсант", "вредитель". Речь шла о подготовке ещё невиданной в истории политической провокации, итогом которой стало бы отождествление вся-

¹ См. Сталин И. В. Соч. Т. 10. С. 52.

кой критики Сталина и сталинизма с "троцкизмом", а "троцкизма" - с наиболее зловещими видами преступлений.

Таким образом, нагнетание всё новых репрессий и фальсификаций было не просто орудием мести Сталина его бывшим и настоящим политическим противникам, а единственно возможным и доступным для него методом политической борьбы с враждебными ему силами в ВКП(б) и международном коммунистическом движении.

Как вспоминал В. Кривицкий, Сталин тщательно изучал донесения зарубежных резидентов ГПУ о кровавой расправе Гитлера над штурмовиками во главе с капитаном Ремом, учинённой в ночь на 30 июня 1934 года. Немало позаимствовав у Гитлера, Сталин избрал иной путь, более соответствующий ситуации, которая сложилась в СССР. Если Гитлер нанес молниеносный удар по оппозиции внутри его партии, уже оформившейся и готовой дать ему бой, то перед Сталиным в середине 30-х годов не было такой организованной политической силы, бросившей ему открытый вызов. Свою задачу он видел в том, чтобы поэтапно осуществить крупномасштабные превентивные акции, предотвращающие возникновение враждебного ему массового движения внутри партии и Коминтерна. Поэтому Сталин выжидал, продвигаясь к своей цели шаг за шагом¹.

Во всём, что касалось упрочения своей власти и борьбы со своими противниками, Сталин проявлял необычайную, сверхчеловеческую силу воли, которую Ф. Раскольников считал его основным психологическим качеством, дающим ему "решительный перевес, как сила делает льва царем пустыни". Эта воля сочеталась со способностью осуществлять свои наиболее коварные планы по частям, выжидая с невероятным терпением и выдержкой наиболее благоприятный момент для претворения их в жизнь. Вспоминая однажды услышанную от Сталина фразу "Поскольку власть в моих руках, я - постепеновец", Раскольников подчёркивал, что Сталин "всегда знает, чего хочет, и с неуклонной, неумолимой методичностью постепенно добивается своей цели". Наконец, выполнению преступных планов Сталина благоприятствовали специфические свойства его интеллекта. "На фоне других, более выдающихся современников, - писал Раскольников, - он никогда не блистал умом. Можно сказать, что весь его ум ушёл в хитрость, которая у всех ограниченных людей вообще заменяет ум. В искусстве "перехитрить" никто не может соревноваться со Сталиным"².

Аналогичные наблюдения, только в более развёрнутом виде, мы встречаем у Троцкого, который писал, что "при исключительном, поистине дьявольском честолюбии и столь же исключительной воле он (Сталин - В. Р.) отличался общей посредственностью умственных качеств. Из этого основного противоречия... выросла осторожность, вкрадчивость, хитрость, получившие в свою очередь сверхъестественное развитие. Мы имеем здесь ту сверхкомпенсацию, которая нередко в биологическом мире заполняет органическую слабость. Отсюда же, из этого противоречия, которое через всю его жизнь проходило, взялась и зависть - внутренняя, не заживающая рана - и её молочная сестра -

¹ Кривицкий В. "Я был агентом Сталина". М., 1991. С. 208.

² Раскольников Ф. О времени и о себе. С. 522, 524.

мстительность"¹. Одну из субъективных причин победы Сталина над его противниками Троцкий видел в том, что "такие свойства интеллекта, как хитрость, вероломство, способность играть на низших свойствах человеческой природы, развиты у Сталина необычайно и, при сильном характере, представляют могущественные орудия в борьбе". Эти психологические качества поистине неценены там, "где дело идёт об отборе привилегированных, об их сплочении духом касты, об обессилении и дисциплинировании масс... и они по праву сделали его вождём бюрократической реакции и термидора"².

Эти качества органически дополнялись специфическими особенностями памяти Сталина. "Память - зеркало интеллекта и даже характера в целом. Хорошей и плохой памяти нет. Есть память хорошая в одном отношении, плохая - в другом. Она отражает духовный интерес, общее направление способностей, умственный склад. Память имеет волевой характер. Память Сталина эмпирична. Он очень плохо передает содержание идей, логических систем, теоретических дискуссий. Но он запоминает всё, что выгодно или невыгодно для него. Его память есть прежде всего злопамятство"³.

Наконец, Сталин отличался удивительным искусством политической и просто человеческой мимикрии, непревзойденной способностью скрывать свои подлинные замыслы от своих будущих жертв. "Сталин был прежде всего реалистом в политике и руководствовался трезвым расчётом, - писал А. Орлов. - Известно много случаев, когда он подчинял этому расчёту свои чувства и эмоции. На пути к власти он неоднократно поступался своим самолюбием, высказываясь в пользу собственных врагов, притом наиболее ненавидимых"⁴. Вплоть до нанесения решающего удара он вёл сложную психологическую игру со многими оппозиционерами, создавая у них впечатление о своём дружеском расположении и готовности забыть о прежних расправах.

Как подчёркивал Троцкий, ещё в 20-е годы Сталин "создал свой пятилетний и даже десятилетний план мести"⁵. Этот чудовищный истребительный план, проводимый по частям, предполагал осуществление в определённый момент рискованных шагов, направленных на то, чтобы накалить до предела политическую и психологическую атмосферу в стране и расчистить путь массовому террору.

Таким шагом явилось убийство Кирова. Подготавливая его в глубочайшей тайне даже от своих ближайших соратников, Сталин одновременно создавал "правовые" предпосылки, позволяющие "на законном основании" развязать государственный террор в небывалых в истории масштабах и формах.

¹ Троцкий Л. Д. Сталин. Т. II. М., 1990. С. 204.

² Там же. С. 167.

³ Там же. С. 206.

⁴ Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. С. 40.

⁵ Троцкий Л. Д. Сталин. Т. II. С. 204.

VIII

"Правовой фундамент" массовых репрессий

Вскоре после XVII съезда партии Сталин приступил к резкому ужесточению уголовного законодательства. Этот курс, как и другие наиболее жестокие политические акции Сталина, осуществлялся с определёнными попятными движениями и зигзагами.

В начале 30-х годов, когда главное остриё репрессий было направлено на крестьянство, упорно не желавшее мириться с насильственной коллективизацией, сталинскому руководству приходилось принимать известные меры, нацеленные на ослабление массовых беззаконий и произвола. Так, 25 июня 1932 года было принято постановление ЦИК и СНК, в котором отмечалось наличие "значительного числа нарушений революционной законности со стороны должностных лиц и искривлений в практике её проведения, особенно в деревне"¹.

Спустя всего полтора месяца после этого решения был принят написанный Сталиным закон "Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности". По этому закону за хищение общественного имущества даже в незначительных размерах предусматривались draconianские меры, вплоть до расстрела. Однако судебные органы при рассмотрении дел о хищениях часто игнорировали этот закон и продолжали применять соответствующие статьи уголовных кодексов, которые не были отменены и предусматривали значительно более мягкое наказание. Так поступали суды Ленинградской области в девяти из десяти случаев рассмотрения уголовных дел о хищениях, суды Московской области в каждом втором случае. Когда же хищения квалифицировались по закону от 7 августа 1932 года, тысячи судей зачастую обращались к статье 51 УК РСФСР и соответствующим статьям уголовных кодексов союзных республик, которые давали право применять наказание ниже низшего предела (в данных случаях - менее 10 лет)². Даже Вышинский счёл нужным призвать к "решительному отпору левацки настроенным администраторам", которые "готовы так и воспринять декрет 7 августа - расстрелять и баста! Или - побольше расстрелять да закатать в концлагери и дело в шляпе"³.

В 1933 году был создан общегосударственный орган контроля над соблюдением законности - Прокуратура СССР. Эта мера, казалось бы, должна была сузить сферу судебного и внесудебного произвола. Однако, как и всегда, для Сталина на первом плане стояли не дух и буква принимаемых решений, а "кадры", призванные действовать под их прикрытием. Первым прокурором СССР был назначен член партии с 1907 года Акулов, а его заместителем, контролирующим соблюдение законности в органах ГПУ, - Вышинский. В марте

¹ Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР (СЗ). 1952. Отдел 1. № 50. Ст. 298.

² Коммунист. 1990. № 10. С. 106-107.

³ Вышинский А. Я. Революционная законность на современном этапе. М., 1933. С. 102.

1935 года, когда Акулов был переведён на другую работу, Вышинский занял освободившийся пост прокурора СССР.

В 1933 году начальник секретно-политического отдела ОГПУ Молчанов по прямому распоряжению Сталина дал указание установить слежку за членами партии, ведущими "неосторожные разговоры". "Мы точно знали, кто и где ... плохо отзывался о Сталине. На каждого вели формуляры", - вспоминал ответственный работник ОГПУ тех лет Попов¹.

В письмах, опубликованных в 1933 году в "Бюллетене оппозиции", сообщалось, что в "партийных инстанциях постановили: довольно анекдотов, за анекдоты будем исключать из партии" и что группе комсомольцев "предъявили обвинение в подготовке террористических актов(!) и настойчиво допрашивали, как они, молодёжь, дошли до таких мыслей"².

В 1934 году Сталин добился внесения серьёзных изменений в уголовное законодательство, призванных расширить "правовую основу" политических репрессий. 8 июня ЦИК СССР принял решение дополнить положение о государственных преступлениях статьями об измене Родине. Согласно этому постановлению, в случае побега или перелёта военнослужащего за границу совершеннолетние члены его семьи, совместно с ним проживавшие или находившиеся на его иждивении, подлежали ссылке в отдалённые места Сибири сроком на пять лет³. Тем самым впервые была введена норма, совершенно необычная для советского права, - наказание для членов семьи, даже в том случае, если они не только не способствовали совершённому или готовящемуся преступлению, но и не знали о нём. Эта норма была расширена законом о наказании семей изменников Родины, принятым 30 марта 1935 года. Отныне ближайшие родственники лиц, осуждённых за попытку покинуть страну или за невозвращение из зарубежных стран (не только военнослужащих, как это было ранее), подлежали ссылке в отдалённые районы.

Таким образом, во-первых, понятием измены Родине стали охватываться не только воинские преступления и шпионаж, но и отказ гражданина СССР вернуться из-за рубежа и его самовольный переход за границу. Во-вторых, неотъемлемой частью законодательства стала система заложничества. Введение института заложников имело целью свести к минимуму число граждан, которые в условиях массовых репрессий и грозящей им лично расправы решились бы покинуть страну или не пожелали бы вернуться в неё из-за границы.

Совершенно чудовищным было постановление ЦИК и СНК от 7 апреля 1935 года, которое предписывало "несовершеннолетних, начиная с 12-летнего возраста, уличённых в совершении краж, в причинении насилия, телесных повреждений, в убийстве или попытках к убийству, привлекать к уголовному суду с применением всех мер уголовного наказания"⁴. Одним из назначений этого закона, как стало ясно в дальнейшем, было вымогательство ложных показаний у жертв будущих процессов, стремившихся, естественно, уберечь своих детей от "всех мер уголовного наказания", включая смертную казнь.

¹ Кириллина А. А. Выстрелы в Смольном - Родина. 1989. № 1. С. 73.

² Бюллетень оппозиции. 1933. № 33. С. 25,26.

³ СЗ СССР. 1934. Отдел 1. № 33. СТ. 255.

⁴ СЗ СССР. 1935. Отдел 1. № 19. СТ. 155.

Подготовке новой волны репрессий, превосходящей все прежние, служило и дальнейшее ужесточение уголовно-процессуального законодательства. 10 июля 1934 года были приняты постановления ЦИК "Об образовании общесоюзного НКВД" и "О рассмотрении дел о преступлениях, расследуемых НКВД СССР и его местными органами". Этими постановлениями ОГПУ было ликвидировано, а вместо него было образовано Главное управление государственной безопасности НКВД. Судебная коллегия ОГПУ была упразднена, а НКВД и его местным органам поручалось направлять дела по расследованным ими преступлениям в судебные органы.

Вместе с тем при Наркоме внутренних дел было образовано Особое совещание (ОСО), которое наделялось правом в административном порядке применять к лицам, "признаваемым общественно опасными", ссылку и заключение в исправительно-трудовые лагеря на срок до 5 лет. Особому совещанию предоставлялось право рассматривать дела в отсутствие обвиняемого, без участия свидетелей, прокурора и адвоката¹. 25 мая 1935 года приказом наркома внутренних дел права Особого совещания распространялись на "тройки", образуемые в наркоматах и управлениях НКВД республик, краёв и областей. Таким образом, внесудебные репрессии, полностью разрушающие гарантии прав обвиняемого, были возведены в ранг юридических норм.

В 1934 году в Верховном суде СССР и в судебных органах на местах для рассмотрения дел о политических преступлениях были учреждены военные коллегии в составе председателя и двух членов суда, Дела об измене, шпионаже, терроре, поджогах и иных видах диверсии подлежали рассмотрению только Военной коллегией Верховного Суда СССР и военными трибуналами округов.

Наряду с "правовой" подготовкой массового государственного террора Сталин осуществлял его идеологическую подготовку, продолжая прямо и косвенно напоминать свой тезис о неизбежном обострении классовой борьбы по мере успехов в строительстве социализма. Ссылаясь на высказанные Сталиным положения, нарком юстиции Крыленко в 1934 году писал, что классовый враг в стране сохраняется "в лице живых представителей бывших господствующих классов", которые связаны "тысячами нитей ... со своими оставшимися, ещё существующими за границей и продолжающими свою преступную работу друзьями, агентами и руководителями"².

Вместе с тем имеются свидетельства того, что Сталин вынужден был соглашаться на меры, направленные на смягчение политических репрессий и ограничение произвола карательных органов. Летом 1934 года на заседании Политбюро обсуждался доклад Ягоды о раскрытии нескольких молодёжных групп, занимавшихся самостоятельным изучением марксизма. Ягода сообщил, что в некоторых таких группах велись разговоры о том, что при отсутствии демократии радикальным средством исправления положения в стране может стать индивидуальный террор. В решении Политбюро по этому вопросу было указано, что высшая мера наказания может применяться только в тех случаях,

¹ СЗ СССР. 1934. Отдел 1. № 36. Ст. 283, 284.

² Советская юстиция. 1934. № 9. С. 2.

когда в деле имеются неопровержимые доказательства не просто "террористических намерений", но прямой подготовки террористических актов¹.

15 сентября 1934 года на заседании Политбюро были рассмотрены заявления лиц, осуждённых по делу т. н. "Тракторцентра" и жаловавшихся на применение недопустимых приёмов следствия. По предложению Сталина была создана комиссия по проверке работы органов НКВД в составе Кагановича, Куйбышева и Акулова. Перед ней ставились задачи: "освободить невинно пострадавших, если таковые окажутся. Очистить ОГПУ от носителей специфических "следственных приёмов" и наказать последних, невзирая на лица"².

Все эти "либеральные" тенденции были решительно прерваны зловещим выстрелом в Смольном.

¹ Наше отечество. Т. II. С. 390-391.

² Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. С. 345.

IX

Почему Киров?

Пожалуй, наиболее ошеломляющее впечатление на советских людей, впервые знакомившихся с докладом Хрущёва на XX съезде, произвели содержащиеся в нём намёки на то, что убийство Кирова было совершено по приказу Сталина. Это ставило вопросы о массовых репрессиях и великой чистке 1936-1938 годов в совершенно новый контекст, ибо единственным реальным преступлением, якобы совершённым "троцкистско-бухаринской бандой", было убийство Кирова.

Киров не был столь значительной политической фигурой, как это стала изображать официальная пропаганда после его убийства. По месту в партийной иерархии он уступал Молотову, Кагановичу и Ворошилову и стоял примерно в одном ряду с Орджоникидзе, Куйбышевым и Калининым. Политическая роль Кирова была сознательно преувеличена в ходе последовавшей за его убийством пропагандистской кампании, сопровождавшейся массовым переименованием в его честь городов и улиц, присвоением его имени многочисленным заводам, колхозам, учебным заведениям и т. д. Хорошо известный коммунистам термин "любимец партии" (применённый в ленинском "Завещании" для характеристики Бухарина) стал использоваться применительно к Кирову только после его смерти.

Вместе с тем Киров заметно отличался от других членов сталинского Политбюро такими своими качествами, как ораторский талант, демократизм, простота, доступность и близость к рабочим массам. Как отмечал в книге "Тайная история сталинских преступлений" А. Орлов, Киров "был единственным членом Политбюро, не боящимся ездить по заводам и выступать перед рабочими"¹.

Свидетельства о политической позиции Кирова и его отношениях со Сталиным весьма противоречивы. Внешне эти отношения носили характер ничем не омрачённой дружбы, основанной на безоговорочном признании младшим (Киров был моложе Сталина на шесть лет) превосходства старшего. Ещё в 1924 году на подаренной Кирову книге Сталин сделал надпись: "Другу моему и брату любимому". В последний вечер пребывания Кирова в Москве (за два дня до убийства) он был вместе со Сталиным в театре, а после спектакля Сталин провожал его до вокзала.

В публичных выступлениях первой половины 30-х годов Киров произносил обязательные похвалы в честь Сталина, вкладывая в них неподдельный пафос, - в отличие от других членов Политбюро, способных изъясняться лишь канцелярско-бюрократическим языком и повторявших ритуальные хвалебные формулы. Речь Кирова на XVII съезде партии вылилась в необычайно жаркий панегирик Сталину - подобного не содержалось ни в одном другом выступлении. Но и до этого в прославлении Сталина Киров нередко шёл дальше других

¹ Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. С. 26.

членов Политбюро. Так, в речи на Ленинградской партийной конференции 17 января 1934 года он говорил: "Трудно представить себе фигуру гиганта, каким является Сталин. За последние годы, с того времени, когда мы работаем без Ленина, мы не знаем ни одного поворота в нашей работе, ни одного сколько-нибудь крупного начинания, лозунга, направления в нашей политике, автором которого был бы не товарищ Сталин. Вся основная работа - это должна знать партия - происходит по указаниям, по инициативе и под руководством товарища Сталина. Самые большие вопросы международной политики решаются по его указанию, и не только эти большие вопросы, но и, казалось бы, третьестепенные и даже десятистепенные вопросы интересуют его"¹. Этот пассаж был настолько необычен даже по тем временам, что он на всю жизнь врезался в память Молотова, который в 70-е годы с неодобрением пересказывал его в кругу своего близкого окружения: "Но так однобоко говорить о нём (Сталине - В. Р.), как говорил Киров, я считаю неправильно: "Ни одного вопроса у нас нет, автором которого был бы не Сталин"².

Однако существуют и свидетельства иного рода о поведении Кирова в годы, предшествующие его гибели. Хрущёв в своих мемуарах вспоминал о недоумённых рассказах Микояна, что Киров почему-то упорно молчит на заседаниях Политбюро³. В мемуарах самого Микояна рассказывается о появившемся ещё в 20-е годы фельетоне "Правды", иронически описывавшем не названного по имени ответственного работника, который переехал из Баку в Ленинград. Все поняли, что речь идёт о Кирове и что такой материал не мог появиться без прямого указания Сталина. Микоян вспоминал и о том, что однажды Сталин организовал на заседании Политбюро "обсуждение "неудачных" фраз в статье Кирова, опубликованной в 1913 году!"⁴. По-видимому, речь идёт о статье, свидетельствующей о близости Кирова в то время к кадетской партии. Об этой странице биографии Кирова дважды упоминалось в рютинской платформе, и Сталин, очевидно, напомнил соответствующие факты для того, чтобы усилить своё давление на Кирова.

По свидетельству хорошо информированного А. Орлова, весной и летом 1934 года в Политбюро возникали конфликты, связанные с попытками Кирова улучшить продовольственное снабжение ленинградских рабочих. Киров обвинил наркома торговли Микояна в дезорганизации обеспечения Ленинграда продовольствием. Без разрешения Москвы Киров использовал часть неприкосновенных продовольственных запасов Ленинградского военного округа, что вызвало резкое недовольство Ворошилова⁵.

В 30-е годы Ленинград оставался одним из центров наибольшей активности оппозиционеров. Как и все местные руководители, Киров был обязан докладывать о любых проявлениях такой активности в ЦК. В ленинградском партийном архиве хранится его письмо, адресованное секретарю ЦК Косиору: "Сегодня, 19 января, в Ленинграде с утра по заводам и фабрикам Ленинграда,

¹ Киров С. М. Избранные статьи и речи. М., 1937. С. 479.

² Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 263.

³ Вопросы истории. 1990. № 3. С. 74-75.

⁴ Огонёк. 1987. № 50. С. 6.

⁵ Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. С. 24.

а также в жакетах и на улицах распространены троцкистами (это слово зачеркнуто Кировым) оппозиционерами листовки. Экземпляр листовки прилагаю¹. Вместе с тем известно, что Киров сохранял некоторых бывших оппозиционеров на руководящих постах и отказывался санкционировать аресты тех "зиновьевцев", которые, согласно агентурным данным НКВД, вели недоброжелательные разговоры о Сталине.

Немаловажное значение имеет и тот факт, что после смерти Кирова в его библиотеке были обнаружены книги Троцкого "Моя жизнь", "Сталинская школа фальсификаций", "История русской революции", "Перманентная революция и сталинская бюрократия", а также несколько номеров "Бюллетеня оппозиции" и работа американского "троцкиста" М. Истмена "После смерти Ленина".

Французский историк П. Бруэ ссылается на обнаруженные им в зарубежных архивах письма Седова с информацией по поводу ходивших в Москве слухов о хороших личных отношениях Кирова с бывшими участниками правой^{2*} и левой оппозиций, а также на воспоминания советской журналистки Завалишкиной "Вокруг убийства Кирова", где сообщалось, что Киров поощрял работу по созданию истории ленинградского комсомола, в которой участвовали большинство лиц, впоследствии обвинённых по делу "Ленинградского центра" (см. гл. XIII). В этой работе рассказывалось о заслугах "зиновьевцев" в первые годы революции³.

Имеется немало свидетельств о том, что Киров после XVII съезда говорил своим друзьям, что его голова "теперь на плахе". В воспоминаниях Н. Иоффе приводятся слова, сказанные Кировым незадолго до смерти одному из его ближайших ленинградских соратников П. Смородину: "Петро! Мне всё равно не жить, он мне не простит (обсуждения вопроса о замене Сталина на посту генсека и голосования на XVII съезде - В. Р.)"⁴.

Совершенно новая информация о позиции Кирова в последние месяцы его жизни была сообщена в 1978 году старым французским коммунистом Марселем Боди. В воспоминаниях, опубликованных левым журналом "Le Refractaire", Боди рассказывал: летом 1934 года ему передали, что с ним хочет встретиться находящийся в Париже кремлёвский врач Л. Г. Левин (один из будущих подсудимых на процессе "правотроцкистского блока"). "Встреча состоялась, - писал Боди, - и скоро беседа приняла столь важный характер, что я был изумлён. Доктор Левин информировал меня о сокровенных мыслях Кирова. Это были мысли "умеренного" политика, который хотел положить конец внутренней борьбе (в партии - В. Р.), так же как внутренней политике, проводимой в его огромной стране. Согласно Кирову, они (Киров и его единомышленники - В. Р.) хотели вернуться к более гуманной политике, близкой к той, которую предлагал Ленин во время нэпа, и отказаться от жестокой коллекти-

¹ Аврора. 1989. № 10. С. 13.

² В письме Ворошилову от 31 августа 1936 года Бухарин вспоминал о том, что, когда он был в опале, Киров приехал к нему и проявил "такую нежную заботу, что я буду помнить об этом и перед самой смертью" ("Источник". 1993, № 2, С. 14).

³ Broue P. Party Opposition to Stalin (1930-1932) and the First Moscow Trial. Zn: Essays on Revolutionary Culture and Stalinism. Slavica Publishers. 1956. P. 108-109.

⁴ Иоффе Н. А. Время назад. М., 1992. С. 95.

визации в деревне". Левин передал, что "Киров хочет восстановить внутрипартийную демократию и свободное выражение каждого течения в партии". "Включая течение троцкистов?" - спросил Води. Левин ответил на этот вопрос утвердительно. - "И включая возвращение Троцкого в СССР?". Левин ответил, что "это должно быть обсуждено". После этой встречи Води позвонил Л. Седову и сообщил ему о беседе с Левиным. Седов встретился "с доверенным лицом Кирова и беседовал с ним три часа"¹.

Узнав о данном рассказе, П. Бруэ решил отыскать его подтверждение в архиве Троцкого. Прямых подтверждений найти не удалось. Бруэ объясняет это тем, что Троцкий и Седов были опытными конспираторами и либо не писали друг другу о столь важном и секретном факте, либо уничтожили соответствующие документы. Однако историк считает, что косвенные доказательства правдивости рассказа М. Боди содержатся в сообщении Седова о том, что в Советском Союзе "очень ответственные товарищи обсуждают вопрос о возвращении Троцкого". Бруэ резонно полагает, что "мы не можем представить среди очень ответственных товарищей", которые могли бы обсуждать этот вопрос в то время, никого, кроме Кирова и "ему подобных"².

Сообщения М. Боди и П. Бруэ ставят вопрос о причинах убийства Кирова в совершенно новый контекст. Кроме того, они позволяют лучше оценить связь этого убийства с последовавшей вслед за ним свирепой облавой на оппозиционеров.

¹ Broue P. Party Opposition to Stalin (1930-1932) and the First Moscow Trial. P. 109.

² Ibid. P. 110.

Х

Убийство Кирова

Все исследователи советской истории 30-х годов сходятся на том, что выстрел в Кирова позволил Сталину практически без сопротивления развязать террор в растерянной, остолбеневшей от этого наглого убийства стране. Однако до сего дня сохраняются представления о том, что эта трагедия либо принадлежит к числу нередких в истории тщательно подготовленных политических убийств, которые не раскрываются до конца никогда, либо к тем редким стечениям исторических обстоятельств, которые настолько точно соответствуют интересам определённого лидера, что подозрения в его адрес остаются навсегда.

Наибольший свет на события, связанные с убийством Кирова, могли бы пролить лица, наиболее близкие к Сталину в тот период, - Молотов и Каганович. Однако они оба не оставили никаких воспоминаний, а в единственных источниках мемуарного характера - беседах с писателем Ф. Чуевым - решительно отрицали причастность Сталина к убийству Кирова. Такая позиция полностью соответствовала логике поведения, избранного ими после их исключения из партии в 1957 году, - признания необходимости большого террора 30-х годов. Однако бесспорным является тот факт, что комиссии Президиума ЦК, созданной в конце 1955 года (т. е. тогда, когда Молотов и Каганович находились в составе Президиума) для расследования материалов о сталинских репрессиях, было поручено начать работу с изучения обстоятельств убийства Кирова. Этот факт, на наш взгляд, свидетельствует о том, что версия об организации данного убийства Сталиным имела широкое хождение в тогдашней партийной верхушке. Записка председателя данной комиссии Поспелова, прямо наталкивающая на мысль о направляющей роли Сталина в убийстве, была направлена в Президиум ЦК вскоре после XX съезда, т. е. опять-таки во время пребывания в нём Молотова и Кагановича.

Более тщательное расследование "кировского дела" было осуществлено специальной комиссией Президиума ЦК, образованной в 1960 году.

На XX и XXII съездах партии Хрущёв решился обнародовать лишь небольшую часть фактов, выявленных комиссиями Президиума ЦК в 50-60-е годы. О. Шатуновская рассказывала, что после получения докладной записки о результатах второго расследования Хрущёв сказал ей: "Я всю ночь читал вашу записку и плакал над нею. Что мы наделали! Что мы наделали!" Тем не менее Хрущёв заявил, что полностью материалы расследования не будут оглашены. В ответ на возражения Шатуновской он сказал: "Нас сейчас не поймут. Мы вернёмся к этому вопросу через 15 лет"¹.

Известные ему факты об убийстве Кирова Хрущёв сообщил лишь в мемуарах, написанных во время пребывания на пенсии.

¹ Аргументы и факты. 1990. № 22.

Третье расследование "кировского дела", было проведено комиссией Политбюро, созданной в конце 80-х годов. Хотя результаты этого расследования не были опубликованы, некоторые его участники выступили с заявлениями о том, что террористический акт был задуман и совершён одним Николаевым и что "в деле нет материалов, объективно подтверждающих причастность Сталина и органов НКВД к организации и осуществлению убийства Кирова"¹. После того, как этот вывод был оспорен в печати, председатель комиссии Политбюро Яковлев выступил с пространной статьёй, в которой признал, что многие факты и документы, относящиеся к убийству, не были проанализированы его комиссией, назвал много вопросов, требующих дальнейшего расследования, и предложил "ещё раз вернуться к исследованию всех обстоятельств, связанных с убийством С. М. Кирова"². Однако после августовского переворота 1991 года ни Яковлев, превратившийся в яркого антикоммуниста, ни другие "демократы", получившие доступ ко всем партийным и чекистским архивам, не проявили ни малейшего интереса к такому исследованию. Правдивое воссоздание одной из самых трагических страниц послеоктябрьской истории было вытеснено бесплодными поисками в архивах "компромата" на подлинных большевиков и прежде всего на Ленина.

Между тем уже комиссии 50-60-х годов, расследовавшие убийство Кирова, обнаружили, что в архивах содержится огромный материал, касающийся "кировского дела". Одни лишь следственные и судебные документы 1934-1935 годов составляют 58 томов. Помимо этого, в тщательном изучении нуждались документы, содержащиеся в следственных делах 1937-1938 годов (Ягоды, Енукидзе, Запорожца, группы работников НКВД, обвинённых в убийстве кировского охранника Борисова, и т. д.).

Естественно, что внимание комиссий 50-60-х годов было направлено прежде всего на изучение материалов, связанных с непосредственным убийцей Кирова Николаевым. Было установлено, что Николаев характеризовался близкими знавшими его людьми как психически неуравновешенный человек, страдавший эпилепсией и манией величия. Он неоднократно говорил, что войдёт в историю, что ему будут ставить памятники, и сравнивал себя с Радищевым и Желябовым. Среди изъятых у него документов находились личный дневник и истерически-озлобленное письмо, адресованное Политбюро, под названием "Политическое завещание. Мой ответ перед партией и отечеством", в котором говорилось о готовности пожертвовать собой "во имя исторической миссии".

За 13 лет Николаев сменил одиннадцать мест работы, что было вызвано главным образом его неуживчивым характером. До 1932 года он был простым рабочим и конторщиком, затем перешёл на работу в партийный аппарат. В 1933 году он работал в Ленинградском обкоме ВКП(б), а затем в Ленинградском институте истории партии. В марте 1934 года был исключён парткомом института из партии, а затем уволен с работы за отказ явиться в комиссию по мобилизации коммунистов для работы на транспорте. Райком партии заменил исключение строгим выговором с занесением в личное дело. В течение девяти месяцев до убийства Николаев находился без работы, отказываясь от предло-

¹ Правда. 1990. 4 ноября.

² Правда. 1991. 28 января.

женного ему места на заводе и требуя предоставления номенклатурной должности. На протяжении всего этого времени он непрерывно писал жалобы на "несправедливое отношение к живому человеку со стороны отдельных должностных лиц". Некоторые из этих жалоб он сумел вручить лично Кирову (когда тот выходил из машины) и другим ленинградским руководителям. В одном из писем Николаева к Кирову говорилось: "Я на всё буду готов, если никто не отзовется, ибо у меня нет больше сил". В другом письме Кирову, написанном за девять дней до преступления, Николаев писал: "Мои дни сочтены, никто не идет мне навстречу. Вы простите мне за всё. К смерти своей я ещё напишу Вам много - завещание"¹. Эти документы свидетельствуют, что Николаев находился в состоянии невротического смятения и ещё не сделал окончательного выбора.

Расследованием было установлено, что 15 октября 1934 года Николаев был задержан. У него были обнаружены револьвер и описание маршрута Кирова. Однако вскоре после задержания он был освобожден работниками Ленинградского УНКВД.

1 декабря Николаев проник в специальный, т. н. секретарский подъезд, ведущий к кабинету Кирова. Как отмечал Хрущёв, "без помощи лиц, обладавших властью, сделать это вообще было невозможно, потому что все подходы к Смольному охранялись, а особенно охранялся подъезд, которым пользовался Киров"². Когда Киров проходил к своему кабинету, Николаев выстрелил ему в затылок. Вторым выстрелом он пытался убить себя, но промахнулся.

Как сообщил в 1956 году Фомин, один из немногих оставшихся в живых руководящих работников Ленинградского УНКВД того времени, "убийца долгое время после приведения в сознание кричал, забалтывался и только к утру стал говорить и кричать: "Мой выстрел раздался на весь мир"... На неоднократные вопросы... "Кто побудил тебя, Николаев, произвести этот выстрел?", он впадал в истерику и начинал кричать, но ответа никакого не давал"³.

Излагая материалы, полученные комиссиями по расследованию убийства Кирова, Хрущёв рассказывал, что в день убийства Николаев требовал от следователей передать его работникам центрального аппарата НКВД, утверждая, что там знают, почему им был совершён террористический акт.

На первых допросах Николаев заявлял, что никаких соучастников у него не было и что он рассматривал убийство Кирова как "сигнал перед партией о несправедливом отношении к живому человеку" и "историческую миссию"⁴.

В письме, найденном у Николаева, говорилось и о том, что "Киров поселил вражду между мною и моей женой, которую я очень любил". Это утверждение соответствовало ходившим в Ленинграде слухам о романтических отношениях между Кировым и женой Николаева, работавшей в Ленинградском обкоме партии. Данную версию следствие объявило придуманной Николаевым "в целях сокрытия следов преступления и своих соучастников, а также в целях маскировки подлинных мотивов убийства Кирова". Уже 2 декабря "за распростра-

¹ Родина. 1989. № 1. С. 71.

² Вопросы истории. 1990. № 3. С. 75.

³ Свободная мысль. 1992. № 8. С. 68.

⁴ Там же. С. 69.

нение контрреволюционных слухов, порочащих имя Кирова", был исключён из партии рабочий, член ВКП(б) с 1918 года Бердыгин, заявивший, что Киров "убит на почве ревности"¹.

Опубликованное на следующий день во всех газетах извещение "От ЦК ВКП(б)" утверждало, что Киров погиб "от предательской руки врага рабочего класса", хотя в опубликованном ниже правительственном сообщении указывалось, что личность убийцы только ещё выясняется. Это извещение, обнародованное до проведения каких-либо следственных действий, открыло шумную истерическую кампанию в печати, на первых порах направленную против "террористов" вообще.

4 декабря было опубликовано сообщение Президиума ЦИК о принятии постановления, устанавливающего особый порядок расследования и рассмотрения дел о подготовке или совершении террористических актов. Хотя в сообщении указывалось, что это постановление было принято на заседании ЦИК, состоявшемся 1 декабря, в действительности оно было подписано в этот день секретарём ЦИК Енукидзе по личному распоряжению Сталина. Согласие на него членов Политбюро (не говоря уже о членах высшего государственного органа, от имени которого оно было издано) было оформлено опросом лишь через день после его подписания.

Постановлением ЦИК был установлен особый порядок расследования и рассмотрения дел о терроре. Следствие по таким делам должно было вестись ускоренным порядком и продолжаться не более десяти дней; обвинительное заключение вручалось обвиняемым за одни сутки до рассмотрения дела в суде; дела слушались без участия сторон - прокурора и защитника; кассационное обжалование приговоров и даже подача ходатайств о помиловании не допускались; приговор к высшей мере наказания должен был приводиться в исполнение немедленно после его вынесения².

8 декабря Прокурор СССР Акулов и председатель Верховного суда СССР Винокуров подписали директиву, в которой содержался перечень лиц, покушение на жизнь которых должно было квалифицироваться как террористические акты. Этой же директивой предписывалось придать закону обратную силу, т. е. все дела о терроре, не законченные до 1 декабря, рассматривать в порядке, установленном новым законом.

Людам, не отравленным до конца сталинской пропагандой, было ясно: убийство Кирова не могло ничего изменить в структуре власти, оно могло быть выгодно только Сталину. Поэтому трудно усомниться в правдивости косвенного рассказа А. Солженицына о своём первом восприятии известия об убийстве. В романе "В круге первом" Солженицын так описывает реакцию на это известие своего alter ego Глеба Нержина: "Неуёмчивое чувство на отгадку исторической лжи, рано зародясь, развивалось в мальчишке остро. Всего лишь девятиклассником был Глеб, когда декабрьским утром протиснулся к газетной витрине и прочел, что убили Кирова. И вдруг почему-то, как в пронзающем свете, ему стало ясно, что убил Кирова - Сталин, и никто другой. И одиноче-

¹ Аврора. 1959. № 10. С. 26.

² СЗ СССР. 1934. Отдел 1. № 64. С. 459.

ство ознобило его: взрослые мужчины, столпленные рядом, не понимали такой простой вещи!¹.

Присущее Солженицыну чувство собственной исключительности не позволило ему задуматься о том, что и другие люди могли подобным образом воспринимать сообщение об убийстве Кирова. Между тем известно, что в среде ленинградских рабочих в 30-е годы шепотом распевалась частушка: "Эх, огурчики да помидорчики... Сталин Кирова убил в коридорчике"². В партийных кругах, особенно ленинградских, с самого начала шли разговоры о том, что убийство было инспирировано Сталиным. Жена второго секретаря Ленинградского обкома партии Чудова говорила в лагере А. М. Лариной: "С самого верха это идёт, по указанию "хозяина". Это поняли многие ленинградские товарищи после выстрела, понимал и Чудов"³.

Имеется немало свидетельств того, что убийство Кирова было однозначно расценено многими коммунистами, прежде всего бывшими оппозиционерами, как сигнал к новым страшным сталинским расправам. Эренбург вспоминал, как Бухарин сообщил ему в редакции "Известий" об убийстве: "На нём не было лица. Он едва выговорил: - Вы понимаете, что это значит? Ведь теперь он сможет сделать с нами всё, что захочет! И после паузы добавил: "И будет прав."

Предложив Эренбургу написать отклик на убийство, Бухарин спустя некоторое время отменил свою просьбу. "Поезжайте домой, - сказал он. - Не надо вам об этом писать. Это грязное дело"⁴.

Ещё более определённо смысл убийства Кирова был расценен "троцкистами". Югославский коммунист В. Вуйович, в 1926 году исключённый вместе с Троцким из Президиума ИККИ, в день убийства Кирова сказал: "Это уже конец. Начнётся с нас, а потом пойдёт, как лавина"⁵. Н. И. Муралов в семейном кругу говорил: "Это дело его рук, это сигнал к тому, чтобы начать варфоломеевскую ночь"⁶.

В архиве Седова находятся несколько писем 1934-1935 годов с информацией об убийстве Кирова, подозрительной роли ленинградского УНКВД, слухах о соучастии Сталина и т. д.

Понимая, насколько грубо и топорно было подготовлено убийство, Сталин принял немедленные меры с целью отвести подозрения от себя и направить их на тех, кто должен был стать его первыми жертвами. Вечером 1 декабря он отправился в Ленинград, дабы сразу же дать нужное ему направление следствию.

¹ Новый мир. 1990. № 2. С. 75.

² Вопросы истории. 1989. № 6. С. 117.

³ Ларина А. М. Незабываемое. М., 1989. С. 14.

⁴ Эренбург И. Из литературного прошлого - Октябрь. 1988. № 7. С. 162.

⁵ Московский комсомолец. 1989. 2 ноября.

⁶ Николай Муралов. М., 1990. С. 189.

XI

Первые версии и первые подлоги

Отправившись в Ленинград вместе с Молотовым, Ворошиловым, Ждановым, Ежовым, Ягодой и Аграновым, Сталин не включил в эту группу Орджоникидзе. Между тем имя Орджоникидзе не случайно значилось в некрологе Кирова вторым после Сталина. Орджоникидзе и Кирова связывала тесная дружба ещё со времён гражданской войны. Приезжая в Москву, Киров всегда останавливался на квартире Орджоникидзе.

Один из ближайших сотрудников Орджоникидзе С. З. Гинзбург рассказывает, что Орджоникидзе говорил Сталину о своём желании отправиться с ним в Ленинград. Сталин категорически воспротивился: "Тебе нельзя ехать, с твоим больным сердцем". "Я глубоко убеждён, - подчёркивает Гинзбург, - что Сталин отговаривал Серго от этого намерения потому, что знал: Орджоникидзе сделает всё, чтобы разобраться в подлинных обстоятельствах гибели Кирова"¹.

Одной из первых акций Сталина в Ленинграде был допрос Николаева. Он завершился крайне неблагоприятно для сталинской версии. Когда Сталин спросил Николаева о причинах убийства, тот, указав на находившихся рядом чекистов, заявил, что убил Кирова по их заданию².

В тот же день произошло убийство охранника Борисова, человека, чьей обязанностью было неотлучно находиться рядом с Кировым. Поскольку 1 декабря дежурство по охране Кирова несли девять человек, а в момент выстрела ни одного охранника около него не оказалось, показания Борисова приобретали крайне важное значение. О том, как был устранён этот свидетель, рассказал в 1960 году водитель машины, на которой Борисова везли на допрос к Сталину. Машина была случайным грузовиком, Борисов вместе с двумя чекистами находился в кузове. Во время движения сидевший рядом с водителем чекист внезапно вырвал из его рук руль и направил машину на угол ближайшего дома. Аварии не произошло, машина только помяла крыло. В момент столкновения шофёр услышал характерный звук на борту грузовика.

Ленинградскому партийному активу было сообщено, что Борисов погиб в результате аварии, вызванной неисправностью рулевого управления. Однако в ходе расследований, проводившихся в 50-60-х годах, были получены свидетельства от бывшего начальника лечебно-санитарного отдела Ленинградского УНКВД и врача, участвовавшего во вскрытии тела Борисова: смерть наступила от удара тяжёлым предметом по голове.

Сотрудники НКВД, сопровождавшие Борисова, были осуждены в 1935 году к незначительным срокам заключения по обвинению в халатности. Спустя же два года они были расстреляны по обвинению в преднамеренном убийстве Борисова.

¹ Вопросы истории КПСС. 1991. № 3. С. 89.

² Свободная мысль. 1992. № 8. С. 65.

На протяжении первых двух недель после убийства Кирова сообщения советской печати наталкивали на мысль, что нити убийства тянутся к белогвардейским эмигрантским кругам. В газетах были опубликованы сообщения о расстреле в Москве, Ленинграде, Киеве и Минске 94 человек по обвинению в подготовке террористических актов¹. Было объявлено, что террористы тайно проникли в СССР через Польшу, Румынию, Литву и Финляндию. Была поднята шумная кампания против "окопавшихся на Западе" белоэмигрантских организаций, которые "уже не впервые посылают своих эмиссаров в Советский Союз с целью совершения террористических актов". Всё это создавало впечатление, что Николаев был связан с заговорщиками из среды эмиграции.

Представление убийства Кирова, делом рук белогвардейцев было бы наиболее правдоподобной версией. В эмиграции действительно существовало несколько военизированных организаций, включавших террор в арсенал своих средств борьбы с Советской властью. Наиболее активной из них был Российский общевойсковой союз (РОВС), состоявший из бывших генералов и офицеров белой армии. Эта организация не скрывала, что она замышляла и готовила террористические акты с целью "разрушить легенду о неуязвимости власти". Один из таких актов, взрыв партклуба в Ленинграде, удалось осуществить в 1927 году, после чего террористическая группа благополучно вернулась из СССР.

В 1934 году от зарубежных резидентов ОГПУ были получены сведения о направлении РОВСом в СССР двух лиц для осуществления убийства Кирова. Летом этого года чекистами был проведён крупномасштабный поиск этих террористов. Они были обнаружены железнодорожной охраной, но при перестрелке скрылись. По-видимому, агенты РОВСа были связаны с существовавшим в Ленинграде антисоветским подпольем, о наличии которого свидетельствовало распространение в городе листовок белогвардейского содержания.

Другой активной антисоветской организацией за рубежом был созданный в 1930 году национальный союз русской молодёжи, впоследствии переименованный в Народно-трудовой союз (НТС). Эта организация, принимавшая в свои ряды только лиц, родившихся после 1895 года, публично одобрила убийство Кирова.

В личной канцелярии Кирова хранилось посланное ему 2 июля 1933 года письмо ленинградского студента Логинова (с указанием адреса автора). В нём автор сообщал, что недавно на представлении в Ленинградском цирке оказался рядом с двумя лицами, говорившими по-немецки. Из дошедших до него обрывков разговора он уловил, что речь шла о шпионских планах и, возможно, о подготовке убийства Кирова. Логинов писал, что он хотел лично рассказать об этом Кирову, но его не пропустили ни в обком партии, ни в управление ОГПУ².

По-видимому, руководствуясь подобными данными, Ягода и его помощники вначале пытались направить следствие по линии поиска связей Николаева с резидентами зарубежных разведок. В речи на февральско-мартовском пленуме ЦК (1937 год) Ежов говорил, что чекисты не верили в организацию террори-

¹ Правда. 1934. 6, 12, 18 декабря.

² Аврора. 1989. № 10. С. 13.

стического акта зиновьевцами и "на всякий случай страховали себя ещё кое-где и по другой линии, по линии иностранной, возможно, там что-нибудь выскочит"¹. Эту версию Ежов повторил во время суда над ним, утверждая, что "Ягода и другие предатели ЧК считали, что убийство Кирова - дело рук латвийской разведки"² (по-видимому, исходя из контактов Николаева с агентом НКВД - латвийским консулом, о котором речь пойдет ниже - В. Р.).

Однако версии об организации убийства белоэмигрантами или иностранными агентами противоречили замыслам Сталина, который с самого начала дал Ежову указание: "Ищите убийцу среди зиновьевцев".

На очной ставке с Радеком, проведенной 13 января 1937 года в присутствии Сталина, Бухарин сообщил, что на второй день после убийства Кирова Сталин вызвал его и Мехлиса (редакторов двух крупнейших газет) и заявил им, что Киров был убит "зиновьевцем". Сталин подтвердил правильность этого сообщения, уточнив, что данный разговор произошёл после возвращения его из Ленинграда³.

Уже 2 декабря Сталин затребовал от ленинградских чекистов сведения о подпольной деятельности бывших членов зиновьевской оппозиции. Ему было доложено агентурное дело "Свояки", само название которого свидетельствовало о поиске связей между "троцкистами" и "зиновьевцами" (свояками были Троцкий и Каменев). В деле находились ордера на арест нескольких бывших оппозиционеров, выписанные ещё в октябре. Однако эти люди оставались на свободе, поскольку Киров не санкционировал их арест (в то время аресты членов партии по политическим обвинениям могли производиться только с санкции партийных органов).

В агентурной разработке "Свояки" значились все будущие сопроцессники Николаева. Трое из них были арестованы уже 2 декабря. В тот же день ленинградским аппаратчикам было приказано составить списки всех бывших оппозиционеров.

Хрущёв, находившийся в то время в Ленинграде во главе московской делегации, вспоминал: "уже там им сказали, что Николаев не то был исключён из партии, не то имел взыскание за участие в троцкистской оппозиции, так что поэтому - это дело рук троцкистов. По-видимому, они организовали убийство"⁴.

Комиссии, расследовавшие "кировское дело", не обнаружили никаких данных о принадлежности Николаева к "троцкистской" или "зиновьевской" оппозиции. Было установлено лишь, что Николаев встречался с некоторыми бывшими оппозиционерами, значившимися в разработке "Свояки".

Спустя три дня после убийства Сталин приказал заменить ленинградских следователей новой следственной группой во главе с заместителем наркома внутренних дел Аграновым, имевшим богатый опыт фабрикации фальсифицированных дел и процессов. Все сотрудники этой группы, за исключением

¹ Реабилитация. Политические процессы 30-50-х годов. М., 1991. С. 153.

² Совершенно секретно. 1992. № 4.

³ Реабилитация. С. 153-154.

⁴ Вопросы истории. 1990. № 3. С. 73.

Л. Шейнина (будущего популярного писателя детективного жанра) и чекиста Люшкова, сбежавшего в 1938 году в Японию, были расстреляны в 1937 году.

Контроль над следствием был поручен Ежову. Ягода и его помощники, привыкшие к тому, что их деятельность контролируется и направляется исключительно самим Сталиным, на первых порах пытались противиться участию Ежова в следствии. Тогда, по свидетельству Ежова, "пришлось вмешаться в это дело т. Сталину. Товарищ Сталин позвонил Ягоде и сказал: "Смотрите, морду набьём"¹.

Группа Агранова с самого начала стремилась добиться от Николаева показаний о совершении им убийства по указанию подпольной зиновьевской группы. 4 декабря Агранов в донесении Сталину сообщал, что его агентам, посаженным в камеру Николаева, удалось выяснить, что "лучшими друзьями" последнего были "троцкисты" Котолынов и Шатский. Однако, как доносил далее Агранов, Николаев на допросах держится крайне упорно, категорически отрицает участие троцкистов и зиновьевцев в террористическом акте и соглашается лишь признать, что на его решение повлияли разговоры с "троцкистами", которых он, однако, знал "не как членов группировки, а индивидуально"².

Сознательное смешение - даже в служебном донесении - "зиновьевцев" с "троцкистами" - свидетельствует о том, что Агранов понимал, в каком направлении, по замыслу Сталина, должно двигаться следствие.

Лишь 13 декабря от Николаева удалось добиться показаний о том, что он "должен был изобразить убийство Кирова как единоличный акт, чтобы скрыть участие в нём зиновьевской группы". Спустя ещё неделю в показаниях Николаева появилась новая версия: "Когда я стрелял в Кирова, я рассуждал так: *наш* (курсив мой - В. Р.) выстрел должен явиться сигналом к взрыву, к выступлению внутри страны против ВКП(б) и Советской власти"³.

Как сообщил в 50-х годах бывший сотрудник НКВД, приставленный к Николаеву в камере, убийца согласился дать показания о своей принадлежности к организации "зиновьевцев" только после обещания следователей сохранить ему за это жизнь.

17 декабря в печати появилось сообщение: Киров убит "рукой злодея-убийцы, подосланного агентами классовых врагов, подлыми подонками бывшей зиновьевской антипартийной группы"⁴. С этого момента, послужившего сигналом для развязывания террора против бывших участников левой оппозиции, начался новый поединок между Сталиным и Троцким, без анализа которого невозможно понять логику последующих "дел" и процессов.

В этом поединке на стороне Сталина была безграничная власть над всеми арестованными. К тому же в его распоряжении находилась вся советская и зарубежная официальная коммунистическая печать, подхватывавшая и разносившая на весь мир нужные ему версии убийства. На стороне Троцкого была сила логики и аргументов, вскрывавших беспримерные фальсификации, на которых строились сталинские версии.

¹ Реабилитация. С. 154.

² Свободная мысль. 1992. № 8. С. 69.

³ Родина. 1989. № 1. С. 77.

⁴ Правда. 1934. 17 декабря.

В дальнейшем изложении, освещая события, последовавшие за убийством Кирова, мы будем сопоставлять как официальную советскую информацию тех лет, так и результаты позднейших расследований с комментариями Троцкого по поводу сообщений советской печати.

ХII

Начало расправы над "зиновьевцами"

Почему Сталин избрал первым объектом расправы не "троцкистов", а "зиновьевцев"? Это объяснялось, на наш взгляд, двумя обстоятельствами. Во-первых, Киров работал в Ленинграде - городе, партийная организация которого в середине 20-х годов почти целиком состояла из сторонников "новой оппозиции". Во-вторых, "зиновьевцы" и прежде всего их лидеры после разгрома объединённой оппозиции в 1927 году проявили намного большую готовность к отречениям и покаяниям, чем основная часть "троцкистов".

Только в январе-феврале 1935 года в Ленинграде было арестовано 843 члена бывшей "новой", или "ленинградской оппозиции". Многие из них до этого времени прошли уже не один круг репрессий. Так, Я. С. Цейтлин - в прошлом секретарь ЦК комсомола - был в начале 1933 года арестован и исключён из партии как организатор подпольной троцкистско-зиновьевской группы. На следствии единственным своим проступком Цейтлин признал тот факт, что он не передал в контрольную комиссию, а уничтожил "подсунутый ему неизвестным лицом старый документ (письмо Троцкого о лишении его гражданства СССР)". 17 июня 1933 года Партколлегия ЦКК восстановила Цейтлина в партии. Ежов в записке Кагановичу опротестовал это решение, ссылаясь на то, что Цейтлин был осуждён коллегией ОГПУ к ссылке. 27 августа Президиум ЦКК отменил постановление Партколлегии и исключил Цейтлина из партии. В августе 1934 года он снова был восстановлен - на этот раз кандидатом в члены ВКП(б). 8 декабря Цейтлин успешно прошёл проверку районной комиссии по чистке партии, а буквально на следующий день был арестован и исключён из партии "как контрреволюционер"¹.

16 декабря очередь дошла до Зиновьева и Каменева. После возвращения из второй ссылки они вели себя крайне осторожно. У Зиновьева сохранялась надежда, что Сталин привлечёт его и Каменева на "настоящую" работу, на которой они помогли бы исправить ошибки, улучшить партийный режим и т. д.². Каменев смотрел на своё положение более трезво, хотя он и был выдвинут в 1934 году на ряд ответственных постов. Постановлением Политбюро от 4 мая он был утверждён директором Института литературы им. Горького, а постановлением ЦК от 1 сентября - членом правления и президиума Союза советских писателей. Инициатором этих назначений был Горький, который, по свидетельству Бухарина, хотел видеть Каменева "лидером советской литературы"³. Об этом было известно в литературных кругах, где предполагалось, что Каменев выступит с докладом на съезде писателей и что ему вообще на этом съезде будет принадлежать ведущая роль. Такого, правда, не произошло, но Каменев действительно связал свои интересы всецело с художественной литературой и литературоведением. К. Чуковский вспоминал, что Каменев "с утра

¹ Реабилитация. С. 137-138.

² Там же. С. 160.

³ Источник. 1993. № 2. С. 9.

до ночи сидел с профессорами, с академиками - с Оксманом, с Азадовским, толкуя о делах Пушкинского дома, будущего журнала и проч... Мы, литераторы, ценили Каменева: в последнее время, как литератор, он значительно вырос, его книжка о Чернышевском, редактора "Былого и дум" стоят на довольно высоком уровне"¹.

Вместе с тем Каменев стремился "не высовываться" даже в той ограниченной сфере, в которую был допущен. Когда Бухарин предложил ему "как намечаемому главе литературы" вести литературный отдел "Известий" и выразил готовность поговорить об этом со Сталиным, Каменев ответил: "Я хочу вести тихую и спокойную жизнь, чтоб я никого не трогал и меня чтоб никто не трогал. Я хочу, чтоб обо мне позабыли, и чтоб Сталин не вспоминал даже моего имени"².

О поведении Каменева в дни после гибели Кирова рассказывается в дневнике Чуковского, который 5 декабря был приглашён к Каменеву на ужин. Там находился и Зиновьев, рассказавший, что пишет статью "Пушкин и декабристы". После ужина Чуковский отправился вместе с Каменевым к гробу Кирова. "Красноармейцы, составляющие цепь, узнали Каменева и пропустили нас, - нерешительно, как бы против воли... Процессия проходила мимо нас, и многие узнавали Каменева и не слишком почтительно указывали на него пальцами... К гробу Кирова он шёл вместе со мною в глубоком горе, негодуя против гнусного убийцы"³. Каменеву даже удалось добиться, чтобы его пропустили в почётный караул.

В последующие дни до Зиновьева и Каменева не могли не доходить сообщения о начавшихся арестах их бывших сторонников в Ленинграде. Как опытные политические деятели, хорошо знавшие Сталина, они чувствовали, что очередь скоро должна дойти и до них. О состоянии глубокой подавленности и деморализованности, в котором находился Зиновьев к моменту ареста, свидетельствует его письмо, написанное Сталину во время обыска. В нём Зиновьев стремился уверить Сталина в своей безграничной личной преданности. "Я говорю Вам, товарищ Сталин, честно, - униженно писал он, - с того времени, как распоряжением ЦК я вернулся из Кустаная (место последней ссылки Зиновьева - В. Р.), я не сделал ни одного шага, не сказал ни одного слова, не написал ни одной строчки, не имел ни одной мысли, которые я должен был бы скрывать от партии, от ЦК, от Вас лично. Я думал только об одном: как заслужить доверие ЦК и Ваше лично, как добиться того, чтобы Вы включили меня в работу... Ни в чём, ни в чём, ни в чём я не виноват перед партией, перед ЦК и перед Вами лично... Умоляю Вас поверить этому честному слову. Потрясён до глубины души"⁴. Такое письмо могло лишь укрепить Сталина в мысли о том, что дальнейшее давление на Зиновьева (в целях получения желательных "признаний") окажется успешным.

В изъятых при аресте Зиновьева и Каменева их обширных личных архивах никаких компрометирующих материалов не оказалось. Тем не менее аресты их

¹ Знамя. 1992. № 77. С. 159, 162.

² Источник. 1993. № 2. С. 9.

³ Знамя. 1992. № 11. С. 158-159.

⁴ Реабилитация. С. 154-155.

бывших сторонников продолжались. 22 декабря в печати появилось сообщение НКВД о том, что в Москве арестованы 15 членов "бывшей антисоветской группы Зиновьева" и что в отношении семи из них (Зиновьева, Каменева, Евдокимова, Залуцкого, Фёдорова, Сафарова и Вардина) не обнаружено "достаточных данных" для предания суду по обвинению в причастности к убийству Кирова; поэтому Особое совещание НКВД решило ограничиться их административной ссылкой¹.

Очень скоро, однако, часть этих людей была включена, наряду со многими другими, в новое сфабрикованное дело, получившее название "дела ленинградской контрреволюционной зиновьевской группы Сафарова, Залуцкого и других". Среди 77 членов этой "группы" было 65 коммунистов, в том числе 23 - вступивших в партию в дореволюционные годы, 40 - в 1917-1920 годах. Большинство из них в прошлом участвовали в "ленинградской оппозиции", в 1927-1928 годах были исключены за это из партии и после подачи капитулянтских заявлений восстановлены. Среди проходивших по данному делу были братья Емельяновы, укрывавшие в 1917 году Ленина и Зиновьева в Разливе и принадлежавшие, по словам Ленина, к числу "лучших питерских рабочих-большевиков "старой гвардии"² а также бывшая жена Зиновьева С. Н. Равич. В 1956 году Равич, которой было отказано в реабилитации, писала своей подруге по революционному подполью: "Была я арестована в декабре 1934 года в связи с делом Кирова фактически только из-за знакомства с Зиновьевым. Никакого суда не было. Меня следователь по особо важным делам допросил один-единственный раз и должен был заявить, что никаких данных против меня нет... И тем не менее я административным путём была выслана на 5 лет в Вилуйск, а в 1938 году тоже административным путём - на 5 лет в лагерь, где из-за войны пробыла 8 лет, а после - ссылка в Красноярский край"³.

В дело "контрреволюционной группы" были включены не только бывшие соратники Зиновьева и Каменева, но и их родственники, близкие и знакомые, а также брат и жена Николаева, сестра последней и её муж. Последняя группа обвиняемых была приговорена к небольшим срокам ссылки, но спустя несколько месяцев по приговору военной коллегии была расстреляна.

Многие из привлечённых по данному делу оппозиционеров в 20-е годы были убеждёнными противниками сталинского политического курса. Об этом красноречиво говорят их заявления 1926-1927 годов: "Я считаю, что взгляды оппозиции, касающиеся основных вопросов нашей партийной политики, верны, я в них убеждён и не могу от них отказаться, ибо это значило бы отказаться от самого себя"; "в политической линии партии не может быть ничего секретного для членов партии, в этом я убеждён на основании завещания Ленина"; "всеми своими действиями группа Сталина-Бухарина усиленно старается сбить оппозицию на путь второй партии... Лозунг двух партий - не наш лозунг. Это лозунг Сталина... Ни бешеные гонения, ни травля, ни исключения, ни аре-

¹ Правда. 1934. 22 декабря.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 89-90.

³ Голоса истории. М., 1990. С. 227.

сты, ни ссылки - ничто не заставит большевика, убеждённого в своей идейной и политической правоте, свернуть с ленинского - на сталинский путь"¹.

Особенно резкий характер носили выступления наиболее известных политических деятелей, включённых в данное дело, - Сафарова и Залуцкого. В письмах, направленных в 1926-1927 годах в Политбюро и ЦКК, Сафаров писал: "В период "военного коммунизма" партия всё же обходилась без доносов, без ссылок в Китай, без расчётов с заводам за "оппозицию" и т. д. и т. п. Под пулеметами Колчака и Деникина, когда Красная Армия только ещё лишь складывалась, партия могла дискутировать с полной свободой обсуждения о принципах строительства Красной Армии. А теперь, на шестой год нэпа малейший намёк на нестандартизированную постановку любого вопроса влечёт за собой с молниеносной быстротой роковые оргвыводы"; "мы боремся, боремся, несмотря ни на какие ссылки и преследования, за возврат к ленинской внутрипартийной демократии, за возврат к ленинскому режиму в партии". В заявлении, обращённом к октябрьскому (1927 года) пленуму ЦК, Залуцкий писал, что в стране "преуспевает безидейное ловкачество, стяжательство и угодничество, а всё партийно-правильное, талантливое, сильное, яркое отбрасывается", что сталинский "аппарат готов пойти на всё ради сохранения своих привилегий"².

Едва ли можно полагать, что в последующие годы, когда сталинские преступления многократно возросли, эти люди сменили свои оценки на прямо противоположные и "изжили" свои оппозиционные настроения.

В ходе следствия от 30 обвиняемых удалось добиться признаний об их разговорах между собой, в которых речь шла о том, что "нынешнее партийное руководство ведёт гибельную политику для страны", что Сталин "отменил внутрипартийную демократию, заменив её безраздельным господством аппарата", и т. д.³.

О характере следствия по данному делу свидетельствуют факты, приведённые в 1956 году одним из немногих уцелевших к тому времени осуждённых. Он сообщил, что следователь на допросе заявил ему: "Протокол - это формальная сторона, а по существу дело всё в том, что весь ленинградский пролетариат, возмущённый убийством Кирова, требует высылки всех, кто прямо или косвенно был связан с оппозицией, что, несмотря на непричастность к убийству, их хорошую работу, они всё равно будут подлежать наказанию, хотя бы самому лёгкому - ссылке"⁴.

Все обвиняемые по данному делу 16 января решением Особого совещания под председательством Ягоды были приговорены к заключению в концлагеря или к ссылке сроком на 4-5 лет. Наиболее мягкое наказание (ссылка сроком на два года) было назначено Сафарову, который, будучи сломлен следствием, дал провокационные ложные показания против Зиновьева и Каменева. Подобные показания против своих товарищей он продолжал давать в ссылке, а затем - в концлагере, куда он был заключён в 1936 году. Очередь этого окончательно

¹ Реабилитация. С. 136, 140, 141.

² Там же. С. 132, 133, 135.

³ Там же. С. 144.

⁴ Там же. С. 142.

морально искалеченного человека наступила в 1942 году, когда он был расстрелян в концлагере.

Сразу же после первого сообщения о расправах с зиновьевцами Троцкий опубликовал статью "Сталинская бюрократия и убийство Кирова". В ней подчёркивалось, что уже указание на принадлежность Николаева к бывшей зиновьевской оппозиции было "сделано не случайно: оно не могло означать ничего иного, как подготовку судебной "амальгамы", т. е. заведомо ложного пристегивания к убийству Кирова людей и групп, которые не имели и не могли иметь ничего общего с такого рода террористическим актом"¹. Отмечая, что все 15 человек, об аресте которых было сообщено 22 декабря, являлись старыми большевиками, Троцкий писал: "Они не могли внезапно поверить в пригодность индивидуального террора для изменения социального строя, если допустить на минуту нелепость, будто они действительно стремились к "восстановлению капиталистического режима". Столь же мало могли они верить, что убийство Кирова, не игравшего к тому же никакой самостоятельной роли, может приблизить их к власти"².

Зачем же в таком случае Сталин избрал Зиновьева, Каменева и их бывших соратников по оппозиции для фабрикации новой чудовищной провокации? Отвечая на этот вопрос, Троцкий гипотетически реконструировал (как мы увидим далее, с поразительной точностью) действительное поведение этих людей в период, предшествовавший убийству Кирова. "Тлупый и подлый вздор, будто она (группа Зиновьева - В. Р.) могла иметь прямое или косвенное отношение к кровавому акту в Смольном, к его подготовке и к его политическому оправданию! Зиновьев и Каменев вернулись в партию с твёрдым намерением заслужить доверие верхов и снова подняться в их ряды. Но общее состояние низшей и средней бюрократии, к которой они приобщились, помешало им выполнить это намерение. Отдав в официальных заявлениях должное "величию" Сталина, в которое они могли верить меньше, чем кто-либо другой, они в повседневном обиходе заразились общим настроением, т. е. судачили, рассказывали анекдоты о невежестве Сталина и пр. Генеральный секретарь не оставался, конечно, в неведении на этот счёт. Мог ли Сталин наметить для себя лучшую жертву, чем эта группа, когда выстрелы в Смольном побудили его дать шатающейся и разлагающейся бюрократии урок?"³.

Троцкий подчёркивал, что ударом по группе Зиновьева Сталин преследует две, одинаково важные для него цели. Первая цель состоит в том, чтобы "подтянуть бюрократические ряды", вторая - в том, что "по ступеням зиновьевской группы Сталин хочет добраться до "троцкизма". А добраться ему необходимо во что бы то ни стало"⁴.

Уже 10 декабря, когда сообщения советской печати подталкивали к выводу о том, что убийство Кирова представляет собой дело рук белогвардейцев, секретариат Международной Лиги коммунистов-интернационалистов направил Троцкому письмо, в котором высказывалось предположение о подготовке

¹ Бюллетень оппозиции. 1935. № 41. С. 1.

² Там же. С. 2-3.

³ Там же. С. 6.

⁴ Там же. С. 7.

Сталиным новой грандиозной амальгамы, направленной против "троцкистов". Сам Троцкий после первых сообщений об аресте Зиновьева и Каменева заявил своим друзьям: "На этом этапе дело не остановится; завтра они выдвинут "троцкизм". Когда же в конце декабря в западных газетах появились сообщения о том, что в Советском Союзе "имя Троцкого всё чаще и чаще произносится рядом с именем Зиновьева", Троцкий высказался о замыслах Сталина с большей определённостью: "Какой характер должен принять ближайший удар, этот вопрос не решён ещё окончательно, может быть, даже и в самом узком кругу заговорщиков (Сталин-Ягода-Ярославский и К°). Многое зависит от дальнейшего хода событий. Но одно ясно: недостатка ни в злой воле, ни в материальных средствах у заговорщиков нет... какой путь ни будет подсказан ходом событий и творческим воображением Сталина-Ягоды, подготовка "общественного мнения" будет идти по линии опасностей терроризма, угрожающих со стороны "троцкистов"... "L'Humanite" уже пишет о "троцкистской террористической группе" в Ленинграде: лакеи всегда забегают впереди господ"¹.

¹ Там же. С. 9.

ХІІІ

Процесс Николаева-Котолынова

По первоначальному замыслу Сталина намечалось осудить Зиновьева и Каменева по одному делу с Николаевым. Однако аппарат Ягоды оказался неспособным подготовить в короткий срок такую амальгаму. Николаев был выведен на процесс, на котором, помимо него, были ещё 13 подсудимых - бывших оппозиционеров младшего поколения. Примерно половина из них была до ареста знакома с Николаевым. На закрытом судебном заседании военной коллегии Верховного Суда СССР, проходившем 28-29 декабря, всем подсудимым было предъявлено обвинение в принадлежности к заговорщической организации, готовившей убийство Кирова (на следующих процессах эта "организация" именовалась "ленинградским центром").

На процессе только двое подсудимых (не считая самого Николаева) признали себя виновными в этом преступлении. Особенно решительно отрицали свою причастность к убийству Кирова Котолынов и Шатский, согласно обвинительному заключению, являвшиеся руководителями "центра". Судя по последнему слову Котолынова, он принимал участие в деятельности подпольной антисталинской организации, но эта организация не вынашивала никаких замыслов об убийстве Кирова. "Я любую кару могу принять на себя, - говорил Котолынов, - но ни о какой пощаде я не молю, а требую сурового наказания, но в этом убийстве я не участвовал, и в этом заключается моя трагедия... С полной ответственностью последний раз заявляю, что виноват в контрреволюционной зиновьевщине. Я отвечаю за тот выстрел, который был сделан Николаевым, но я в организации этого убийства участия не принимал¹". По-видимому, как можно судить из этого сумбурного "полупризнания", следователям удалось внушить Котолынову, что оппозиционные высказывания, которыми некоторые обвиняемые делились с Николаевым, подвигли последнего на террористический акт.

Известное представление об атмосфере суда даёт письмо, направленное в 1961 году Хрущёву конвоиром специальной камеры при военной коллегии. В нём сообщалось, что Николаев признавался, что на следствии он оговорил невинных людей, посаженных вместе с ним на скамью подсудимых. Лишь после того, как председатель военной коллегии Ульрих допросил Николаева в отсутствие других подсудимых, тот подтвердил данные им на следствии признательные показания. Услышав, что ему вынесен смертный приговор, Николаев закричал: "Обманули!"².

Ульрих, за плечами которого было уже проведение нескольких фальсифицированных процессов, по-видимому, чувствовал себя неуверенно в связи с отказом на сей раз большинства подсудимых сознаться в приписываемых им преступлениях. В письме, направленном в 1956 году в КПК вдовой Ульриха, сообщалось, что в перерыве, объявленном для вынесения приговора, Ульрих,

¹ Свободная мысль. 1992. № 8. С. 70-71.

² Родина. 1989. № 7. С. 74; Вопросы истории. 1989. № 6. С. 109-110.

"не удовлетворённый, видимо, чем-то в следствии, звонил по прямому проводу в Кремль, запрашивая разрешения на исследование... Получил от т. Сталина резкий краткий ответ: "Какие ещё исследования? Никаких исследований. Кончайте"¹. После этого Ульрих подписал приговор о расстреле всех подсудимых, приведённый в тот же день в исполнение.

Хотя комиссии Президиума ЦК ещё в 50-60-е годы пришли к выводу о не причастности сопроцессников Николаева к террористическому акту, последние не были реабилитированы. Не спешила с их реабилитацией и комиссия Яковлева. Решение о реабилитации было принято только в конце 1990 года.

В обвинительное заключение и приговор по делу "ленинградского центра" была включена новая версия с целью протянуть нить от "террористов" - через зарубежные секретные службы - непосредственно к Троцкому. В подтверждение этой версии приводились показания Николаева о его неоднократных встречах с не названным по имени консулом "одного иностранного государства", который выдал ему 5 тысяч рублей на организацию убийства. Николаев заявил: консул передал, что сможет установить связь с Троцким, если "я вручу ему письмо от группы к Троцкому"². После появления этого сообщения "Юманите" поспешила опубликовать статью Ж. Дюкло, в которой утверждалось: "Доказано, что существовали связи между убийцей Николаевым и его сообщниками - Троцким и дипломатическим представителем одной империалистической державы, позволяющие установить ответственность Троцкого за убийство Кирова... Консул служил связующим звеном между Троцким и группой убийц в Ленинграде... Руки Троцкого красны от крови пролетарского вождя"³.

Ознакомившись с этой версией, Троцкий немедленно передал в мировую печать своё заявление. В нём говорилось: консул, если он и существовал в действительности, был агентом НКВД, подосланным к Николаеву для организации провокации. Троцкий высказывал предположение, что анонимный консул относился к одному из соседних с СССР малых государств, поскольку ГПУ не решилось бы использовать в своих целях консула великой державы. Он обращал внимание и на то, что в обвинительном заключении не сообщалось о реакции Николаева на предложение о письме. Из этого, как подчеркнул Троцкий, могло лишь следовать, что Николаев с изумлением ответил консулу: "А зачем я стану писать Троцкому?"⁴.

В комментарии к ленинградскому процессу Троцкий писал, что первоначальная амальгама (о связи Зиновьева и Каменева с террористическим актом) рассыпалась в прах, неожиданно оказавшись заменённой амальгамой с участием консула, также страдавшей очевидными неувязками. В официальных сообщениях не указывалось, было ли письмо написано Николаевым и передано консулу (имя которого "по дипломатическим соображениям" не называлось). Эти сообщения преследовали одну цель: внушить общественному мнению, что "консул символизирует связь террористов и Троцкого с мировым империализ-

¹ Свободная мысль. 1992. № 8. С. 71.

² Правда. 1934. 27, 30 декабря.

³ Цит. по: Бюллетень оппозиции. 1936. № 52-53. С. 13-14.

⁴ Троцкий Л. Д. Дневники и письма. С. 153.

мом... по самой сути своей эта часть амальгамы предназначена для заграницы. В обвинительном акте говорится лишь о стремлении "консула" получить письмо для Троцкого - без выводов". Тем не менее "лакеи из "L.Humanite" пишут, что участие Троцкого в убийстве "доказано"¹.

После того, как консульское совещание в Москве потребовало от советского правительства назвать имя консула, некоторые предположения Троцкого подтвердились. В сообщениях ТАСС для зарубежной печати было объявлено, что речь шла о консуле Латвии в Ленинграде. В советских газетах сообщалось лишь, что "консул, о котором упоминалось в обвинительном акте,.. отозван своим правительством из СССР"². Сам консул ни разу не выступил с каким-либо сообщением.

Версия о консуле и связи его с Троцким не фигурировала на последующих процессах, "открывавших" всё новых организаторов убийства Кирова.

Нетрудно предположить: убедившись, что "амальгама с консулом" скомпрометирована Троцким в глазах мирового общественного мнения, Сталин отложил эту версию в сторону и потребовал сосредоточить усилия НКВД на подготовке нового процесса с участием Зиновьева и Каменева.

Решение об организации этого процесса, названного "делом московского центра" было принято только в январе 1935 года, т. е. после расстрела участников процесса "ленинградского центра".

¹ Бюллетень оппозиции. 1935. № 47. С. 11-12.

² Правда. 1935. 4 января.

XIV

Процесс "Московского центра"

Следствие по этому делу возглавлялось Ежовым, Вышинским и Аграновым. Сталин систематически заслушивал их доклады, ознакомился с протоколами допросов арестованных и участвовал в составлении наиболее важных документов будущего процесса.

В 1960 году в сталинском личном архиве были обнаружены списки Московского и Ленинградского "центров", которые Сталин лично составлял для "доказательства" связи между этими вымышленными центрами. При этом он сначала включал одних бывших оппозиционеров в "Московский центр", а затем "переводил" их в Ленинградский и наоборот. Не испытывая беспокойства по поводу суда истории, Сталин не позаботился даже об уничтожении следов своего прямого участия в грубейших судебных подлогах. Проведённая в начале 60-х годов Прокуратурой СССР графологическая экспертиза подтвердила, что эти списки были написаны рукой Сталина¹.

На протяжении нескольких недель после ареста Каменев и Зиновьев отрицали своё участие в какой-либо подпольной организации. Каменев заявил, что с 1930 года утратил надежду на возвращение в партийное руководство, а с ноября 1932 года не встречался с бывшими оппозиционерами, за исключением Зиновьева, с которым проживал на одной даче. После предъявления ему обвинения Каменев подал заявление, в котором указывал: приписывание ему принадлежности к организации, "поставившей себе целью, устранение руководителей Советской власти", не соответствует всему характеру следствия, заданным ему вопросам и предъявленным ему в ходе следствия обвинениям. Поэтому он подчёркивал: "Изо всех сил и со всей категоричностью я обязан протестовать против такой формулировки, как абсолютно не соответствующей действительности, и идущей гораздо дальше того материала, который мне был предъявлен на следствии"².

Иной характер носило поведение Зиновьева, который в условиях тюрьмы и следствия пережил новый этап деморализованности. В написанном за два дня до суда пространном "Заявлении следствию" он выражал "самое горячее раскаяние" по поводу того, что после возвращения из ссылки "с преступным легкомыслием не раскрыл партии всех лиц и всех попыток антипартийных сговоров... со всеми конкретными именами и деталями". Уверая, что теперь "готов сделать всё, всё, всё, чтобы помочь следствию раскрыть всё, что было в антипартийной борьбе моей и моих единомышленников", Зиновьев заявлял, что теперь называет "всех лиц, о которых помню и вспоминаю, как о бывших участниках антипартийной борьбы".

Зиновьев сообщал, что после возвращения из последней ссылки они с Каменевым решили вести себя так, чтобы, "если, скажем, через год спросят о нас и нашем поведении ОГПУ - ОГПУ ответило: ничего плохого сказать о них не

¹ Аргументы и факты. 1990. № 22. С. 6-7.

² Реабилитация. С. 165.

можем". В соответствии с этим решением он даже с одним из своих ближайших друзей Евдокимовым разговаривал в столь "благонамеренном" духе, что "читал у него в глазах: ты что это - всерьёз?" Однако (прибавляя с сожалением Зиновьев) в последующем он не мог удержаться от разговоров с Каменевым и Евдокимовым о происходящих политических событиях и в этих разговорах давал "опять отрицательные характеристики многому из того, что делало партруководство".

Принимая казуистическую логику, навязанную ему следователями, Зиновьев писал, что только в тюрьме понял: подобные разговоры с узким кругом бывших соратников означали "наличие центра", роль которого "на деле была, конечно, антипартийной, т. е. контрреволюционной". "Двурушничество" и "политическую двойственность" своей группы Зиновьев усматривал в том, что она не только не смогла проникнуться "чувствами полного признания" к Сталину, но испытывала к нему "враждебные чувства". "Если бы я имел возможность всенародно покаяться, - писал он по этому поводу, - это было бы для меня большим облегчением, и я сказал бы: вот вам ещё один пример, как великим людям, великим борцам мирового пролетариата приходится пройти через полосу клеветы и оскорблений и пусть только со стороны озлобленной кучки, но всё же способной немало брёвен положить на дороге этого великого вождя пролетариев".

Наконец, Зиновьев писал, что он "должен был помнить, что в Ленинграде остались люди, которые шли за нами, которые не покинули антипартийных позиций, которые, вероятно, друг с другом встречаются" и до которых могли доходить его "отдельные отзывы, замечания, слова". Поэтому он "должен признать морально-политическую ответственность бывшей "ленинградской оппозиции" и мою лично за совершившееся преступление". Заявляя в заключение, что трагично "кончать мне свои дни по обвинению в той или иной прикосновенности к террору против вождей партии", Зиновьев заверял: "Всё отдам, чтобы хоть немного загладить свою великую вину"¹.

После получения "Заявления" Зиновьева, работниками сталинского секретариата были внесены изменения в уже утверждённое судом и врученное подсудимым обвинительное заключение, где говорилось, что главные обвиняемые свою вину не признали. Новый вариант обвинительного заключения был объявлен подсудимым и опубликован в печати лишь на второй день процесса. В этом варианте утверждалось, что в результате получения "новых данных" о существовании "подпольного Московского центра" дела по обвинению Зиновьева, Каменева и других лиц, осуждённых Особым совещанием к административной ссылке, были подвергнуты переследствию и переданы на рассмотрение Военной коллегии Верховного суда СССР.

В обвинительном заключении и официальных сообщениях о процессе подчёркивалось, что "политически в антипартийном подполье слились в одну сплошную реакционную массу все контрреволюционные антипартийные группировки", среди которых самой опасной являлась зиновьевская группа, применявшая "все гнуснейшие средства из арсенала фашизма". Среди этих

¹ Там же. С. 159-164.

средств, однако, назывались только "злостная, враждебная критика важнейших мероприятий партии" и распространение "самой гнусной клеветы, "слухов" и сплетен о руководстве партии". Поэтому выводы обвинительного заключения ограничивались казуистической формулировкой: "Следствием не установлено фактов, которые давали бы основание предъявить членам "Московского центра" прямое обвинение в том, что они дали согласие или давали какие-либо указания по организации совершения террористического акта, направленного против т. Кирова. Но вся обстановка и весь характер деятельности подпольного контрреволюционного "Московского центра" доказывают, что они знали о террористических настроениях членов этой группы (Ленинградского центра - В. Р.) и разжигали эти настроения". На этом основании указывалось, что обвиняемые должны нести не только моральную и политическую ответственность, но и "ответственность по советским законам" "за последствия их подпольной террористической деятельности, толкнувшей на путь террористических выступлений их ленинградскую группу"¹.

В день опубликования обвинительного заключения Троцкий начал вести дневниковые записи по поводу процесса "московского центра", объединённые затем в статью "Дело Зиновьева, Каменева и др.". В ней он прежде всего обращал внимание на неувязки между процессами двух "центров". В обвинительном акте и приговоре по делу "ленинградского центра" ни единым словом не упоминалось о Зиновьеве и Каменеве, хотя к тому времени они были уже арестованы "в связи" с убийством Кирова и приговорены к административной ссылке. После суда над 14 ленинградцами и их расстрела казалось, что дело об убийстве Кирова завершено. "Но так могло казаться лишь тем, кто забыл о главной задаче всего предприятия: об амальгаме"².

Троцкий подчёркивал, что Зиновьева и Каменева "арестовали не *почему-либо*, а *для чего-либо*. Их арестовали для амальгамы, т. е. для установления связи между террористическим убийством и оппозицией, *всякой* вообще оппозицией, *всякой* вообще критикой, прошлой, настоящей и будущей". Отмечая, что решения о высылке Зиновьева и Каменева и о предании их военному суду отделены почти месяцем, Троцкий писал: "Получается такая картина, как если бы Зиновьева и Каменева подвергли попытке неизвестностью: "Мы вас можем оставить в партии, но мы можем вас и расстрелять". Похоже на то, что Сталин чего-то домогается от Зиновьева и Каменева, играя на их не очень стойких нервах. Чего же он может домогаться? Очевидно, каких-либо "подходящих", "нужных", "полезных" показаний. Зиновьев, Каменев и их друзья, поставленные под угрозу расстрела, должны помочь Сталину исправить и доделать ту амальгаму, которую жестоко скомпрометировал слишком медлительный консул"³.

Из обвинительного заключения следовало, что от Каменева, Зиновьева и их сопроцессников не удалось добиться признаний в подстрекательстве к убийству Кирова. Им вменялось в вину участие в "контрреволюционной деятельности" вообще. "Что это значит, мы знаем хорошо, - писал Троцкий. - Контрре-

¹ Правда. 1935. 16 января.

² Бюллетень оппозиции. 1935. № 42. С. 7.

³ Там же. С. 7-8.

волюцией является всё то, что не совпадает с интересами, взглядами, зигзагами и предрассудками бюрократической верхушки". Что же касается того, в чём конкретно выражалась "контрреволюционная деятельность" Зиновьева и других, "мы, пожалуй, так и не узнаем. Вернее всего в том, что они в тесном кругу жаловались на Сталина, вспоминали "Завещание" Ленина, ловили бюрократические слухи и мечтали о "настоящем" партийном съезде, который сметит Сталина. Вряд ли было что-либо более серьёзное. Но они представляли ту опасность, что могли стать осью для недовольной Сталиным низшей и средней бюрократии. А в этой области верхушка не шутит"¹.

Троцкий констатировал, что из обвинительного акта отчётливо видна полная непричастность московской группы обвиняемых к убийству Кирова. "Сталин возлагает на Зиновьева, как *бывшего* вождя *бывшей* ленинградской оппозиции, *политическую* ответственность за террористические тенденции". Эти обвинения прежде всего основывались на показаниях Сафарова, привлечённого к процессу в качестве свидетеля. Однако Сафаров утверждал, что контрреволюционная деятельность Зиновьева, Каменева и других носила особенно активный характер в 1932 году. Но за эту деятельность они были тогда же исключены из партии и сосланы. Как подчёркивал Троцкий, это происходило в то время, когда "паническая коллективизация ... породила неисчислимые жертвы и буквально поставила на карту судьбу советского режима. Всё кипело в стране, и вся бюрократия шушукалась в недоумении и страхе"².

В показаниях Сафарова указывалось, что после 1932 года "контрреволюционная деятельность" зиновьевской группы приняла "ползучий характер". Однако обвинительный акт не сообщал, в чём именно состояла эта "ползучая контрреволюция". Он упоминал лишь о "вражде группы Зиновьева к вождям, о дававшихся ею политических директивах (каких? когда? кому?) и пр., но тщательно избегал пояснений, фактов, дат". Аналогично обстояло дело с обвинениями подсудимых в том, что они поддерживали связь с ленинградской террористической группой и "в борьбе с советской властью не останавливались ни перед какими средствами". "К сожалению, ни одно из этих средств не названо! - комментировал эту часть обвинительного заключения Троцкий. - Равным образом не указано, к какому времени относились эти сношения... Обвинительный акт ни словом не упоминает о связи этих обвиняемых с Николаевым"

Анализируя приводившиеся в обвинительном акте "признания", Троцкий подчёркивал, что в них заключается самая гнусная сторона затеянной Сталиным судебной инсценировки. "По существу обвинения Зиновьев и Каменев ничего не признали, да и не могли ничего признать, ибо никакого материального состава преступления не было. Но поставленные под топор военного суда, они согласились принять на себя "политическую" ответственность, чтобы избежать расстрела за террористический акт. Зиновьев ничего не показывает, ничего не рассказывает, он лишь покорно рассуждает на тему о том, что "прежняя деятельность" "бывшей оппозиции" - в силу "объективного хода вещей" - "не могла не способствовать вырождению этих преступников". Зиновьев соглашается признать не юридическую, а "философскую" амальгаму советской

¹ Там же. С. 8.

² Там же. С. 9.

печати: если б не было на свете оппозиций и критики, то не было бы и вредных заблуждений, молодые люди были бы послушны, и террористические акты были бы невозможны".

Раскрывая смысл "этой отвратительной и вполне сознательной путаницы", Троцкий с удивительной точностью реконструировал деятельность Сталина по подготовке процесса. "Сталин поставил Зиновьеву и Каменеву ультиматум: они сами должны доставить ему такую формулу, которая оправдала бы его репрессии против них, тогда он снимет обвинение в организации убийства Кирова. Формула Зиновьева должна была десять раз переходить из тюрьмы в кабинет Сталина и обратно, пока, после всех необходимых поправок, была признана приемлемой. После этого был инсценирован военный суд. Так, угрозой большей репрессии Сталин вымогает признания, которые оправдывают меньшую репрессию"¹.

Процесс "Московского центра" немного прибавил к тому, о чём говорилось в обвинительном заключении. В сообщении о процессе указывалось, что обвиняемые "не могли не принять на себя ответственность за убийство Кирова, по крайней мере, в отношении моральном и политическом". В подтверждение этого приводились слова Зиновьева: "Объективный ход событий таков, что с поникшей головой я должен сказать: антипартийная борьба, принявшая в прежние годы в Ленинграде особенно острые формы, не могла не содействовать вырождению этих негодяев (т. е. лиц, расстрелянных по делу "Ленинградского центра" - В. Р.)"².

На процессе подсудимые конкретизировали содержание своих "контрреволюционных разговоров", причем из этой конкретизации становилось ясно, что последние сводились к критике чудовищных ошибок и преступлений сталинской клики. Так, Евдокимов заявлял, что "в оценке коллективизации ...мы называли безумием и авантюрой превращение миллионов мелких хозяйчиков в коллективные хозяйства в кратчайший срок... Мы говорили, что вся писанина в прессе об успехах индустриализации не соответствует действительности, обвиняя ЦК в обмане пролетариата и партии... Мы клеветнически утверждали, что материальное положение рабочего класса не улучшается, а ухудшается... Мы говорили, что перенапряжение, с которым строится социализм в нашей стране и которое создано искусственно неверной политикой партии, восстанавливает рабочий класс против партии... В вопросах внутрипартийной демократии нами давалась самая злобная критика существующему в партии режиму... Мы злобно шипели о том, что партии нет, что нет ЦК, нет внутрипартийного режима, бросая по адресу т. Сталина злобные контрреволюционные инсинуации. Мы обвиняли партийное руководство в том, что оно не принимает мер к активизации международного рабочего движения, клеветнически утверждая, что Центральный Комитет тормозит развитие этого движения. Для примера приведу разговор свой с Зиновьевым в конце 1934 года. Зиновьев обвинял ЦК в том, что инициатива в руководстве рабочим движением во Франции отдается в руки II Интернационала"³.

¹ Там же. С. 9-10.

² Правда. 1935. 16 января.

³ Там же.

Любой здравомыслящий человек в СССР и за рубежом, очистив эти показания от эпитетов "злобный", "контрреволюционный", "клеветнический" и т. п., легко мог увидеть справедливость и обоснованность критики сталинской политики и несуразность попыток связать эту критику с убийством Кирова.

Как сообщил в 1956 году бывший работник НКВД, конвоировавший на суде Каменева, к последнему непосредственно перед началом судебного заседания обратился помощник начальника секретно-политического отдела НКВД Рутковский со словами: "Лев Борисович, Вы мне верьте, Вам будет сохранена жизнь, если Вы на суде подтвердите Ваши показания... Учтите, Вас будет слушать весь мир. Это нужно для мира". Видимо, поэтому Каменев на суде заявил: "Здесь не юридический процесс, а процесс политический"¹.

На суде некоторые подсудимые продолжали отрицать своё участие в "Московском центре". Так, Куклин заявил: "Я до вчерашнего дня не знал, что я действительно член центра. Я вчера только услышал от Зиновьева, что я был членом центра"².

Во время процесса публиковались сообщения о массовых митингах, на которых выносились резолюции с требованием расстрела обвиняемых. Тем самым осуществлялась подготовка общественного мнения к самому жестокому приговору. Однако шаткость "показаний" подсудимых вынудила суд повторить в приговоре вывод следствия о том, что не установлено фактов, которые дали бы основание квалифицировать действия подсудимых "как подстрекательство к гнусному преступлению"³. Поэтому Зиновьев был приговорен "только" к десяти годам, Евдокимов - к восьми, Каменев и другие - к пяти годам тюремного заключения. Однако данная формулировка приговора не могла не наталкивать на мысль о возможности получения в будущем новых "фактов", которые позволили бы вновь вернуться к обвинению подсудимых в подготовке убийства Кирова.

Поставленная Сталиным перед следствием и судом цель не была достигнута в полной мере. После завершения процесса Агранов на оперативном совещании в НКВД заявил: "Нам не удалось доказать, что "Московский центр" знал о подготовке террористического акта против тов. Кирова"⁴.

Анализируя итоги процесса, Троцкий ставил вопрос: какие же преступления признали на нём обвиняемые? "Подготовку реставрации капитализма? Подготовку военной интервенции? Подготовку убийства Кирова и Сталина? Нет, не совсем это. Под дулом револьвера они признали: 1) что очень критически относились к методам коллективизации; 2) не питали к Сталину-Кагановичу никаких симпатий; 3) не скрывали своих мыслей и чувств от своих ближайших друзей. Только! Всё это было в 1932 году. За эти тяжкие преступления, главным образом, за отсутствие любви к Сталину, они и были в своё время исключены. После того они, однако, покаяться и были восстановлены в партии. Какое же преступление вменено им за время после покаяния? Из воро-

¹ Реабилитация. С. 168.

² Там же.

³ Правда. 1935. 18 января.

⁴ Реабилитация. С. 155.

ха пустых фраз и лакейских ругательств мы извлекли одно-единственное конкретное указание: в декабре 1934 года Зиновьев говорил своим друзьям, что политика единого фронта ведется Коминтерном неправильно... Самый факт, что такого рода критическая оценка новейшей политики Сталина-Бела Куна приводится на суде, как преступный акт и официально цитируется, как доказательство контрреволюционного заговора, показывает, до какого неслыханного унижения довел партию разнузданный произвол термидорианско-бонапартистской бюрократии!"¹

Возвращаясь спустя год к оценке процесса, Троцкий писал: "Зиновьев и Каменев уличены в страшном преступлении: они критиковали (в четырёх стенах!) авантюристские темпы коллективизации, которые привели к бессмысленной гибели миллионов людей. Подлинно пролетарский суд, разобравши дело, посадил бы несомненно в тюрьму авантюристов-коллективизаторов. Суд Сталина-Ягоды посадил... в тюрьму Зиновьева и Каменева по обвинению... в террористическом акте, к которому они не имели и не могли иметь ни малейшего отношения!"²

При анализе итогов процесса Троцкий выражал уверенность в том, что Сталин пытался добиться от обвиняемых признаний в их связях с "троцкистами", однако эти попытки не увенчались успехом, поскольку даже имя Троцкого на процессе не упоминалось. "Было бы, однако, преступным легкомыслием думать, - предупреждал Троцкий, - что Сталин откажется от попыток подкинуть им какое-нибудь новое "дело", подстроенное ГПУ и его иностранными агентами. Других методов для борьбы с нами у Сталина нет. Дело Зиновьева, помимо своего собственного значения, важно, как предупреждение"³.

Топорность, с которой был подготовлен и проведён первый процесс Зиновьева-Каменева, неспособность следствия и суда протянуть от последних нити к Троцкому заставили Сталина отсрочить на полтора года исполнение своего главного замысла: представить Троцкого организатором всеобъемлющего заговора, включавшего подготовку террористических актов, связь с иностранными разведками и другие зловещие преступления.

Пока же Сталин приказал провести ещё один процесс, также приведший к результатам, далёким от тех, какие он планировал.

¹ Бюллетень оппозиции. 1935. № 42. С. 12.

² Бюллетень оппозиции. 1936. № 48. С. 6.

³ Бюллетень оппозиции. 1935. № 42. С. 10.

XV

Процесс ленинградских чекистов

Спустя неделю после завершения процесса "Московского центра" весь мир узнал из советских газет о новом закрытом суде - на этот раз над двенадцатью руководящими работниками Ленинградского управления НКВД во главе с его начальником Медведем. В приговоре по этому делу утверждалось, что подсудимые, "располагая сведениями о готовящемся покушении на тов. С. М. Кирова", обнаружили "преступную халатность к основным требованиям охраны государственной безопасности"¹. Однако, несмотря на столь серьёзные обвинения, суд ограничился мягким приговором - заключением подсудимых в концлагерь на два-три года.

Для понимания причин организации этого процесса важно иметь в виду, что слухи о причастности ленинградских чекистов к покушению на Кирова стали циркулировать в Ленинграде сразу после убийства. В этой связи существенный интерес представляет "дело" М. Н. Волковой, с 1931 года являвшейся секретной сотрудницей НКВД. Волкова, молодая малограмотная женщина, неоднократно доносила о существовании заговорщических антисоветских организаций, однако руководство Ленинградского УНКВД признавало её сообщения недостоверными.

Как вспоминала старая большевичка Д. А. Лазуркина, работавшая в 1934 году в Ленинградском горкоме партии, за месяц до убийства Кирова Волкова пыталась попасть на приём к председателю исполкома Леноблсовета Струппе. Поскольку Струппе отсутствовал, она сообщила его секретарю, что недавно во время пребывания в доме отдыха НКВД она слышала разговоры пьяных чекистов о подготовке убийства Кирова. После возвращения из командировки Струппе пытался найти Волкову, но оказалось, что она помещена в психиатрическую больницу. После убийства Кирова секретарь Струппе через Ежова передал эту информацию Сталину, от которого последовало распоряжение немедленно привезти Волкову в Смольный. Там с ней беседовали все члены правительственной комиссии. После этой беседы Волковой была предоставлена отдельная меблированная квартира, ей многократно выделялись денежные пособия и бесплатные путёвки в санатории и дома отдыха.

Вслед за беседой в Смольном, по полученным ранее доносам Волковой были арестованы десятки людей. В последующие годы Волкова продолжала писать доносы, один из которых в 1949 году попал к Сталину. По указанию Сталина все названные в этом доносе лица были арестованы. Как утверждала Волкова, в связи с этим доносом она была вызвана на приём к Сталину.

В 1956 году Волкова обратилась с письмом в ЦК КПСС, где заявляла, что в месяцы, предшествовавшие убийству Кирова, она по заданию "органов" "гуляла" с человеком по фамилии Николаев, и от него узнала о готовящемся покушении. По её словам, за месяц до убийства она отослала "предупредительные"

¹ Правда. 1935. 24 января.

письма Кирову и в ЦК ВКП(б). После того, как эти письма были перехвачены "органами", руководители УНКВД водворили её в психиатрическую больницу.

Это заявление Волковой проверялось работниками КГБ, которые признали её сообщения недостоверными. Между тем в письме Волковой наряду с явно фантастическими измышлениями содержались и некоторые действительно факты, достоверно назывались фамилии и должности многих работников Ленинградского УНКВД того времени и лиц, осуждённых по процессу "Ленинградского центра". Известно также: пяти подсудимым, проходившим по процессу чекистов, вменялось в вину игнорирование сообщений Волковой и водворение её в психиатрическую больницу¹. Можно предположить: одна часть руководителей УНКВД сознательно втягивала Волкову в готовившуюся провокацию, а другая их часть, не зная об этой провокации, сочла её доносы очередной нелепой выдумкой и попыталась избавиться от неё.

Процесс чекистов представлял новую амальгаму, поскольку, наряду с Запорожцем (как мы увидим далее, одним из непосредственных организаторов убийства), на скамью подсудимых был посажен близкий друг Кирова Медведь.

Незадолго до убийства Кирова Ягода пытался заменить Медведа Е. Г. Евдокимовым - одним из наиболее нечистоплотных чекистов, участвовавшим в фабрикации ряда фальсифицированных процессов, начиная с "шахтинского дела" 1928 года. Попытка Ягоды не увенчалась успехом, поскольку Киров выразил по поводу неё резкий протест Сталину².

Процесс Медведа призван был отвести подозрения от Ягоды, которому на одном из заседаний Политбюро Орджоникидзе бросил обвинение: "Вы являетесь виновником смерти Кирова". Однако в то время Сталин ещё не был склонен пожертвовать своим главным помощником в организации репрессий против оппозиционеров. Он лично отредактировал и утвердил составленное и подписанное Ягодой "Закрытое письмо НКВД СССР", в котором говорилось, что руководители ленинградского НКВД "ослепли, оглохли и уверенно уснули (? - В. Р.) на своём революционном посту"³. Таким образом, даже в документе, предназначенном исключительно для "органов", Медведю и его сотрудникам ставилась в вину всё та же необъяснимая "халатность". После процесса 12-ти по стране ходила многозначительная шутка: "Не медведь съел ягоду, а Ягода съел Медведа".

Осуждённые чекисты оказались на Колыме, причем некоторым из них было разрешено приехать туда с семьями. Они не только не были заключены в концлагерь, но получили ответственные посты в руководстве Дальстроя - треста по дорожному и промышленному строительству, находившегося в ведении НКВД. В 1937 году Медведь и другие осуждённые по процессу 12-ти были расстреляны.

На процесс чекистов Троцкий немедленно откликнулся статьёй "Всё постепенно становится на своё место". В ней он уточнял свои прежние предположения о подлинных виновниках убийства Кирова. Уже после процесса "Ленинградского центра" Троцкий, исходя из сообщения о "консуле", высказывал

¹ Источник. 1994. № 2. С. 59-70.

² Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. С. 28.

³ Свободная мысль. 1992. № 8. С. 67.

уверенность, что руководство НКВД знало о готовящемся террористическом акте. Теперь подтверждение этого он находил в процессе ленинградских чекистов. Правда, Троцкий продолжал считать, что в планы Сталина-Ягоды не входило убийство Кирова. Он полагал, что перед НКВД ставилась следующая цель: подготовить заговор, косвенно впутать в него оппозиционеров и в последний момент предотвратить покушение. Задача Ленинградского УНКВД, по его мнению, состояла в том, чтобы "найти подходящего консула, свести его с Николаевым, внушить Николаеву доверие к консулу и пр.; одновременно надо было подстроить связь между группой Зиновьева-Каменева и ленинградскими террористами. Это не простая работа. Она требует времени. А Николаев не стал ждать. Расхождение темпов работы Медведя и работы Николаева и привело к кровавой развязке"¹.

После раскрытия действительного имени консула от версии о нём как о посреднике между террористами, Троцким и зарубежными секретными службами пришлось отказаться, дабы не вызвать нежелательных разоблачений со стороны самого консула, находящегося за границей. Поэтому на процессах Зиновьева-Каменева и Медведя о консуле уже не упоминалось. Обращая внимание на это обстоятельство, Троцкий писал: "Если консул не был агентом ГПУ^{2*}, как хотят нас уверить лакеи Сталина, то он мог действовать только по поручению какого-либо иностранного правительства, латышского или германского (как намекала сталинская печать). Почему же не вывести преступную банду на чистую воду? Почему бы, например,... не поставить вопрос о террористических преступлениях дипломатии на обсуждение Лиги Наций? Казалось бы, игра стоит свеч. Между тем Сталин не проявляет ни малейшего интереса к дипломату-террористу и его вдохновителям"³.

Тщательно избегая малейших неточностей и не вполне достоверных предположений, Троцкий в целом правильно расценил смысл и назначение как самого "процесса 12-ти", так и недомолвок и недосказаний в официальном сообщении о нём. Комментируя предъявленное чекистам обвинение в том, что они знали о готовящемся покушении, он подчёркивал: "Знать это они могли только от собственных агентов, принимавших участие в подготовке террористического акта. Однако об этих агентах на процессе не было сказано ни слова."

Отмечая, что "признание о фактическом соучастии ГПУ в преступлении прикрито жалкой фразой насчёт "небрежности", Троцкий писал: "Нет, "небрежность" тут ни при чём. Избыток усердия, азартная игра за счёт головы Кирова - это объяснение более отвечает сути дела". По поводу же того, что подсудимые признали это обвинение, Троцкий замечал: у них не оставалось другого выбора. "Обвиняемые выбрали из двух зол меньшее. Не могли же они, в самом деле, заявить, что участвовали в преступной провокации с целью амальгамы по прямому поручению Ягоды: такое признание стоило бы им головы. Они предпочли быть обвинёнными за "преступную небрежность".

¹ Бюллетень оппозиции. 1935. № 42. С. 11.

² В статьях 1934-1935 годов Троцкий употреблял старое название главного разведывательного и карательного учреждения страны.

³ Там же. С. 12.

Троцкий особо подчёркивал, что ни ленинградские чекисты, ни даже Ягода не могли вести "азартную игру" на свой личный страх и риск: "Без прямого согласия Сталина - вернее всего, без его инициативы, - ни Ягода, ни Медведь никогда не решились бы на такое рискованное предприятие".

Троцкий приходил к выводу, что "дело Медведя бросает яркий свет на дело Зиновьева-Каменева, на его место в стратегии Сталина". В промежутке между судами над действительными участниками убийства - Николаевым и ленинградскими чекистами - был проведён процесс над старыми революционерами, сподвижниками Ленина, строителями партии по обвинению их "в преступлении, к которому они - в отличие от Сталина, злонамеренно игравшего с огнём, - не имели ни малейшего отношения. Дело Зиновьева есть грандиозная дымовая завеса для дела Сталина-Ягоды"¹.

Суммируя итоги трёх процессов, прошедших после убийства Кирова, Троцкий подчёркивал, что Сталин не только не достиг преследуемых им целей, но и потерпел ряд неудач в стремлении навязать советской и особенно зарубежной общественности свои версии убийства. Поэтому от него следует ожидать дальнейших судебных подлогов. "Насколько я могу судить издали, в качестве изолированного наблюдателя, стратегия, развёрнутая вокруг трупа Кирова, не принесла Сталину больших лавров. Но именно поэтому он не может ни остановиться, ни отступить. Сталину необходимо прикрыть сорвавшиеся амальгамы новыми, более широкого масштаба и... более успешными. Нужно встретить их во всеоружии!.. Ни один честный пролетарский революционер не смеет молчать. Из всех политических фигур самой презренной является фигура Понтия Пилата"².

¹ Там же. С. 11.

² Там же. С. 12.

XVI

Как было организовано убийство Кирова

Даже после второго процесса Зиновьева-Каменева (август 1936 года) самые серьёзные аналитики на Западе были весьма далеки от понимания подлинных причин и механизма организации убийства Кирова. Об этом наглядно свидетельствует опубликованная в конце 1936 - начале 1937 года в меньшевистском журнале "Социалистический вестник" статья "Как подготовлялся московский процесс" (с подзаголовком "Из письма старого большевика"). Эта анонимная статья была представлена редакцией журнала в качестве корреспонденции, полученной из СССР. Лишь спустя много лет бывшие редакторы "Социалистического вестника" сообщили, что в действительности она была написана видным деятелем меньшевистской эмиграции Б. Николаевским, крупным специалистом по русской революционной истории и одним из наиболее серьёзных знатоков советской действительности. Как впоследствии вспоминал сам Николаевский, сообщения, изложенные им в этой статье, частично основывались на беседах с Бухариным весной 1936 года, частично на информации, полученной из других источников, прежде всего от известного русско-французского коммуниста Шарля Раппопорта, после второго зиновьевского процесса (август 1936 года) отошедшего от официального коммунистического движения.

Статья включала немало правдивых фактов о личности Николаева, о содержании найденного у него дневника, об его общении с группой Котельникова, работавшей по заданию Ленинградского института истории партии над книгой о ленинградском комсомоле, и т. д. Однако выводы статьи не подводили к мысли об участии Сталина в организации убийства. Концепция статьи сводилась к тому, что выстрел Николаева прервал развернувшуюся в 1933-1934 годах "борьбу за душу Сталина", которую вели, с одной стороны, сторонники "примирения" с бывшими оппозиционерами, возглавляемые Кировым и Горьким, с другой - сопротивлявшиеся этому процессу аппаратчики во главе с Кагановичем и Ежовым. О Николаеве говорилось как об озлобленном одиночке, который под влиянием чтения книг о террористах периода самодержавия пришёл к своему замыслу; террористическим актом он стремился выразить протест против растущего в партии бюрократизма, причем в этом "жертвенном" настроении его невольно укрепляли отдельные критические высказывания оппозиционеров, с которыми он был знаком. Роковой выстрел прервал начавшийся процесс "замирения", к которому склонялся и сам Сталин¹.

Как мы могли убедиться, Троцкий уже со времени первых сообщений о расправах над оппозиционерами был весьма далёк от этой наивной версии. Разоблачая сталинские подлоги, он указывал на несомненную направляющую роль Сталина в организации покушения на Кирова, хотя и ошибочно полагал при этом, что завершение данной провокации убийством "не входило в программу Сталина"². Эта ошибка, на наш взгляд, была связана не столько с недо-

¹ Социалистический вестник. 1937. № 1-2. С. 17-19.

² Бюллетень оппозиции. 1935. № 42. С. 7.

оценкой Троцким криминальных качеств Сталина (способность убить своего ближайшего соратника), сколько с недооценкой масштабов террора, который Сталин замыслил развязать. Такие масштабы требовали хотя бы одного террористического акта, завершившегося убийством видного партийного руководителя.

Более точные, в основном совпадающие с результатами расследований 50-60-х годов выводы были сделаны Троцким в 1939-1940 годах, после тщательного анализа материалов показательных московских процессов. В статье "Сверхборджиа в Кремле" Троцкий писал, что во время процессов прозвучавшие на них обвинения "казались мне фантазмагорией. Позднейшая информация и более внимательный анализ обстоятельств заставили меня изменить эту оценку. Не всё в процессах было ложью... Основные элементы сталинских подлогов не извлечены из чистой фантазии, а взяты из действительности, большей частью из дел или замыслов самого мастера острых блюд"¹.

С этой точки зрения Троцкий обращал внимание на сенсационные признания Ягоды и его личного секретаря Буланова, прозвучавшие на процессе "право-троцкистского блока" в марте 1938 года. Во время допроса Буланов заявил, что Ягода знал о готовившемся покушении на Кирова, что "в Ленинграде у него был верный человек, посвящённый во всё - заместитель начальника управления НКВД по Ленинградской области Запорожец, и что тот организовал дело так, что убийство Николаевым Кирова было облегчено, проще говоря, было сделано при прямом попустительстве, а значит и содействии Запорожца. Я помню, что Ягода мельком рассказал, ругая, между прочим, Запорожца за его не слишком большую распорядительность: был случай чуть ли не провала, когда по ошибке охрана за несколько дней до убийства Кирова задержала Николаева, и что у того в портфеле была найдена записная книжка и револьвер, но Запорожец вовремя освободил его. Ягода далее рассказал мне, что сотрудник ленинградского управления НКВД Борисов был причастен к убийству Кирова. Когда члены правительства приехали в Ленинград и вызвали в Смольный этого Борисова, чтобы допросить его как свидетеля убийства Кирова, Запорожец, будучи встревожен этим и опасаясь, что Борисов выдаст тех, кто стоял за спиной Николаева, решил Борисова убить. По указанию Ягоды Запорожец устроил так, что машина, которая везла Борисова в Смольный, потерпела аварию. Борисов был при этой аварии убит, и таким образом они избавились от опасного свидетеля. Мне стала тогда понятна та исключительно необычайная забота Ягоды, которую он проявил, когда Медведь, Запорожец и остальные сотрудники были арестованы и преданы суду. Я припомнил, что лично мне он поручил заботу о семье Запорожца, о семье Медведя, помню, что он их отправил для отбывания в лагерь не обычным путём, он их отправил не в вагоне для арестованных, а в специальном вагоне прямого назначения. Перед отправкой он вызывал к себе Запорожца и Медведя"².

В этих показаниях Буланова ни один факт (за исключением сообщения о причастности Борисова к убийству) не вызывает сомнений в свете последующих расследований.

¹ Троцкий Л. Д. Портреты революционеров. М., 1991. С. 74, 76.

² Судебный отчет по делу антисоветского "право-троцкистского блока". М., 1938. С. 493-494.

В тот же день состоялся допрос Ягоды, на котором тот повторил большинство фактов, названных Булановым. Разумеется, Ягода прибавил к этому, что распоряжение Запорожцу "не препятствовать совершению террористического акта над Кировым" было сделано им по указанию "правотроцкистского центра"¹.

Можно предположить, что столь подробное изложение Ягодой и Булановым действительных фактов, связанных с убийством Кирова (хотя и перемешанных с ложью о "правотроцкистском центре" как ещё одном организаторе убийства), было вызвано инцидентом, который произошёл на процессе за несколько дней до их допросов. Во время допроса Бухарина он, а вслед за ним и Рыков категорически отрицали, что им было что-либо известно о подготовке убийства Кирова. Тогда Вышинский обратился к Ягоде, который заявил: "И Рыков, и Бухарин говорят неправду. Рыков и Енукидзе участвовали на заседании центра, где обсуждался вопрос об убийстве Сергея Мироновича Кирова". Ободренный этим своим "успехом", Вышинский решил продолжить допрос Ягоды. Тогда и произошёл острый диалог между прокурором и подсудимым.

Вышинский: "Вы лично после этого приняли какие-нибудь меры, чтобы убийство Сергея Мироновича Кирова осуществилось?"

Ягода: "Я лично?"

Вышинский: "Да, как член блока."

Ягода: "Я дал распоряжение..."

Вышинский: "Кому?"

Ягода: "В Ленинград Запорожцу. Это было немного не так."

Вышинский: "Об этом после будем говорить. Сейчас мне нужно выяснить участие Рыкова и Бухарина в этом злодействе."

Однако Ягода продолжал рассказывать об освобождении Запорожцем задержанного Николаева. Тогда Вышинский задал ему вопрос: "А Вы дали потом указания не чинить препятствий к тому, чтобы Сергей Миронович Киров был убит?"

Ягода: "Да, дал... не так."

Вышинский: "В несколько иной редакции?"

Ягода: "Это было не так, но это неважно."²

Эти недоговоренности Ягоды не могли не укрепить слухи о действительных обстоятельствах убийства Кирова, которые продолжали циркулировать по стране. Эти слухи, по-видимому, шли от подлинных соучастников преступления, у которых в предчувствии своего неминуемого ареста и гибели развязывались языки в разговорах с близкими людьми. Задачей опровергнуть эти слухи и объяснялось появление новой амальгамы Буланова-Ягоды, в которой причудливо смешивалась правда и ложь. Видимо, эта версия - эффектная и одновременно рискованная - была запущена по прямому приказу Сталина.

Комментируя эту часть процесса, Троцкий писал, что распоряжение Ягоды "не препятствовать" готовившемуся покушению "было равносильно приказу организовать убийство". Объявление об этом во всеуслышание "может быть объяснено только тем, что Сталину необходимо было во что бы то ни стало

¹ Там же. С. 505-506.

² Там же. С. 335-336.

восстановить своё алиби... оторваться от Ягоды, создать между собою и Ягодой ров и свалить в этот ров труп Ягоды. Так выросла для Сталина необходимость пожертвовать своим сотрудником № 1¹.

Выводы Троцкого получили фактическое подтверждение в воспоминаниях Хрущёва, где он договорил всё то, что не решился сообщить на XX и XXII съездах КПСС. Тщательно изучивший материалы и выводы комиссий, расследовавших обстоятельства убийства Кирова^{2*}, Хрущёв считал безусловно доказанным, что оно "было подготовлено руководителем ОПТУ Ягодой, который в свою очередь мог действовать только по секретному поручению Сталина, данному, как говорится, с глаза на глаз... Кирова принесли в жертву, чтобы воспользовались его смертью, встряхнуть страну и расправиться с людьми, негодными Сталину, со старыми большевиками, обвинив их в том, что они подняли руку на Кирова"³.

Хотя в ходе великой чистки были уничтожены почти все лица, что-либо знавшие о механизме организации убийства Кирова, за рубежом оказался человек, осведомлённый о предшествующих убийству событиях. Им был уже упоминавшийся ответственный работник НКВД А. Орлов, ставший в 1938 году "невозвращенцем" и проживавший после этого в США. Решившись лишь в 1953 году опубликовать книгу "Тайная история сталинских преступлений"^{4*}, Орлов видел её главную задачу в том, чтобы "восстановить те недостающие звенья, без которых трагические события, произошедшие в СССР, приобретают характер неразрешимой загадки"⁵. Орлов рассказывал, что сообщаемая им информация основывается на секретных сведениях, переданных ему сотрудниками НКВД, многие из которых находились у него в подчинении, и на записях устных указаний, которые Сталин давал руководящим работникам НКВД.

"Недостающие звенья", о которых рассказал Орлов, заключались в следующем. Николаев был отобран на роль убийцы Кирова после получения Ягодой секретного донесения Запорожца о том, что ему был передан выкраденный у Николаева дневник, в котором говорилось о намерении совершить убийство председателя ленинградской комиссии партийного контроля, в котором Николаев видел главного виновника своих злоключений.

После этого состоялся разговор Сталина с Ягодой и Запорожцем о необходимости приставить к Николаеву провокатора, который должен был внушить ему мысль об убийстве Кирова. "Избежать личного разговора Сталина с Запорожцем было нельзя: последний никогда не взялся бы за такое чрезвычайное

¹ Троцкий Л.Д. Сталин. Т. II. С. 272.

² Чтобы получить достоверную информацию, Хрущёв включил в состав этих комиссий, наряду с высокопоставленными бюрократами, не только упомянутую выше О. Г. Шатуновскую, но и старого большевика А. В. Снегова, также прошедшего 18 лет в тюрьмах и лагерях и внёсшего в 50-60-е годы немалый вклад в разоблачение сталинских преступлений.

³ Вопросы истории. 1990. № 3. С. 75, 77.

⁴ Поскольку в этой книге не содержалось никаких антикоммунистических пассажей, эмигрантские издательства не спешили с её публикацией: на русском языке она впервые вышла за рубежом в 1983 году. После XX съезда КПСС книга Орлова была переведена в СССР на русский язык и издана лишь для сверхузкого круга высших аппаратчиков. Известно, что с ней успел познакомиться Хрущёв.

⁵ Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. С. 9.

задание, касающееся члена Политбюро, если б оно исходило всего лишь от Ягоды и не было санкционировано самим Сталиным¹.

Можно предполагать, что провокатор, вошедший в доверие Николаева, свел его с членами группы Котлынова и с латвийским консулом - для создания "двойной амальгамы".

Разумеется, Троцкому были недоступны сообщённые Орловым сведения, которые могли быть известны лишь нескольким людям из близкого окружения Ягоды и Запорожца. Тем не менее, основываясь почти исключительно на официальных советских сообщениях, Троцкий сумел с поразительной точностью определить организаторов убийства, его причины и механику его осуществления.

¹ Там же. С. 29.

XVII

"Кировский поток"

Первые "послекировские" процессы сопровождались истерической пропагандистской кампанией, призванной убедить советских людей в том, что "не-разоружившиеся" оппозиционеры неминуемо перерождаются в контрреволюционеров и террористов. Особо гнусная сторона этой кампании состояла в том, что Сталин заставил участвовать в ней бывших лидеров оппозиций, ещё оставшихся на высоких постах. Так, в конце 1934 года Бухарин опубликовал статью "Суровые слова", в которой говорилось: "Любая "оппозиция" и любой уклон ("левый", правый, право-левацкий, националистический) при настаивании на ошибках, при продолжении борьбы неизбежно приводят к разрыву с партией, к разрыву с советской легальностью, к контрреволюционной роли соответствующих групп и людей"¹.

Эта версия из отдельных статей вскоре перешла в "партийные документы". 17 января 1935 года, на следующий день после завершения процесса "Московского центра", Сталин разослал членам Политбюро составленный им лично текст закрытого письма ЦК ко всем партийным организациям. "Уроки событий, связанных с злодейским убийством тов. Кирова" и предложил "сегодня же обсудить это дело и принять решение"². В этом письме утверждалось, что следствием и судом были установлены "неоспоримые факты" о "Московском центре" как "идейном и политическом руководителе "Ленинградского центра". При этом "Московский центр" не знал, по-видимому, о подготовлявшемся убийстве т. Кирова, но наверное (? - В. Р.) знал о террористических настроениях "Ленинградского центра" и разжигал эти настроения". В письме усматривалась связь между деятельностью "зиновьевской контрреволюционной группы в том её виде, в каком она раскрылась в результате следствия и суда", и поведением Зиновьева и Каменева в октябре 1917 года, которое именовалось поведением "выродков" и "предателей нашей партии"³.

Письмо ЦК, носившее строго секретный характер, было призвано создать впечатление особой "доверительности", с какой информация сообщалась исключительно членам партии. Примечательно, что под знаком такой "доверительности" в письме повторялись версии, о которых уже перестала сообщать официальная печать, в частности, версия о связях зиновьевцев с "латвийским консулом в Ленинграде, агентом немецко-фашистских интервенционистов".

"Выводы" письма сводились к объявлению зиновьевцев "по сути дела, замаскированной формой белогвардейской организации, вполне заслуживающей того, чтобы с её членами обращались, как с белогвардейцами". Объявив зиновьевцев "единственной в истории нашей партии группой, которая в своей практике превратила двурушничество в систему", письмо указывало, что "в

¹ Известия. 1934. 22 декабря.

² Реабилитация. С. 169.

³ Там же. С. 191-193.

отношении двурушника нельзя ограничиваться исключением из партии - его надо ещё арестовать и изолировать"¹.

Переводя эту установку на практический язык, Сталин 26 января подписал принятое опросом постановление Политбюро о высылке на 3-4 года из Ленинграда на север Сибири и в Якутию 663 "зиновьевцев". По этому же решению другая группа бывших оппозиционеров в количестве 325 человек была отправлена из Ленинграда на работу в другие районы².

Одновременно в печати была развёрнута травля ещё остававшихся на свободе оппозиционеров, которые до ареста осуждённых "зиновьевцев" сохраняли с ними товарищеские отношения. Так, "Правда" вменяла в вину заместителю наркомзема Рейнгольду то, что он "в течение восьми лет... поддерживал самые близкие отношения и тесную связь с гнусным подонком троцкистско-зиновьевской оппозиции Л. Я. Файвиловичем (одним из обвиняемых по делу "Московского центра", работавшим вместе с Рейнгольдом в наркомате земледелия - В. Р.)"³ Рейнгольд, снятый со своего поста и исключённый из партии как "троцкист-двурушник", ещё полтора года оставался на свободе, пока не был арестован и затем выведен на второй процесс Зиновьева-Каменева.

Жестокие репрессии захватили не только зиновьевцев, но и других бывших участников объединённой оппозиции 20-х годов. Как сообщал "Бюллетень оппозиции" в статье "Новые расправы с "троцкистами", "все, кто хоть как-нибудь и когда-нибудь имел отношение к оппозиции - давно отошедшие, близкие, родственники оппозиционеров, воздержавшиеся когда-нибудь в каком-нибудь голосовании, - сотнями и сотнями были арестованы и высланы, часто близко к полярному кругу"⁴. Одновременно оппозиционеры, находившиеся в ссылке, были переброшены в более отдалённые и суровые места либо переведены в тюрьмы и концентрационные лагеря.

Наконец, была сфабрикована новая амальгама, получившая в народе название "кировский поток". Из Ленинграда, наряду с бывшими оппозиционерами, было выслано множество представителей бывших господствующих классов. "Весной 1935 года Сибирь была переполнена ленинградцами, - рассказывал вырвавшийся из СССР югославский оппозиционер А. Цилига. - Их возили целыми эшелонами, поездами, целыми семьями с детьми, жёнами, родителями, родней. Их высылали очень много в самые северные места... Из Ленинграда выслано несколько десятков тысяч людей"⁵.

Сигнал к массовому выселению "бывших" был дан закрытым письмом ЦК от 18 января, в котором утверждалось: "Ленинград является единственным в своём роде городом, где больше всего осталось бывших царских чиновников и их челяди, бывших жандармов и полицейских... Эти господа, расползаясь во все стороны, разлагают и портят наши аппараты"⁶. Спустя два месяца в "Правде" было помещено сообщение о высылке из Ленинграда "за нарушение пра-

¹ Там же. С. 194-195.

² Там же. С. 170.

³ Правда. 1935. 11 января.

⁴ Бюллетень оппозиции. 1935. № 43. С. 15.

⁵ Бюллетень оппозиции. 1935. № 47. С. 4.

⁶ Реабилитация. С. 195.

вил проживания и закона о паспортной системе" 1074 "граждан из бывшей аристократии, царских сановников, крупных капиталистов и помещиков, жан-дармов, полицейских и др.". При этом указывалось, что часть этих людей "привлечена к ответственности органами надзора за деятельность против советского государства и в пользу иностранных государств"¹.

Размах "послекировских" репрессий и связанной с ними политической истерии был столь велик и неожидан, что даже Троцкий лишь постепенно приближался к постижению подлинного смысла этой кампании. В час ночи 14 февраля 1935 года, после чтения советской и западной коммунистической печати, он сделал следующую дневниковую запись: "Давно я не писал в такой поздний час. Я пробовал уже несколько раз ложиться, но негодование снова поднимало меня.

Во время холерных эпидемий темные, запуганные и ожесточённые русские крестьяне убивали врачей, уничтожали лекарства, громили холерные бараки. Разве травля "троцкистов", изгнания, исключения, доносы - при поддержке части рабочих - не напоминают бессмысленные конвульсии отчаявшихся крестьян? Но на этот раз дело идёт о пролетариате передовых наций. Подстрекателями выступают "вожди" рабочих партий. Громилами - небольшие отряды. Массы растерянно глядят, как избивают врачей, единственных, которые знают болезнь и знают лекарство"².

Вскоре Троцкий получил известия о расправах, обрушившихся на членов его семьи. Первой жертвой стал его младший сын Сергей Седов, отказавшийся от всякой политической деятельности и оставшийся в Москве после ссылки и изгнания Троцкого. Вплоть до конца 1934 года он работал в Высшем техническом училище, издал книгу, напечатал ряд статей в научных журналах. В последнем письме (от 9 декабря) С. Седова, регулярно переписывавшегося со своей матерью, сообщалось: "Общая ситуация оказывается крайне тяжёлой, значительно более тяжёлой, чем можно себе представить"³.

После получения известия об аресте сына Н. И. Седова выступила с призывом "создать интернациональную комиссию из авторитетных и добросовестных людей, разумеется, заведомых друзей СССР. Такая комиссия должна была бы проверить все репрессии, связанные с убийством Кирова; попутно она внесла бы необходимый свет и в дело нашего сына Сергея... Неужели же Ромен Роллан, Андре Жид, Бернар Шоу и другие друзья Советского Союза не могли бы взять на себя инициативу создания такой комиссии по соглашению с советским правительством"⁴. Это письмо, помимо его публикации в печати, было разослано лично Роллану, Жиду, Мальро, Шоу и другим известным литераторам и общественным деятелям Запада. Однако обращение Седовой осталось без ответа со стороны этих влиятельных "друзей СССР".

В апреле 1935 года Троцким была получена открытка из Тобольска от его первой жены А. Соколовской: она сообщала, что сослана в Сибирь. Наконец,

¹ Правда. 1935. 20 марта.

² Троцкий Л. Д. Дневники и письма. С. 89.

³ Архив Троцкого. № 13521.

⁴ Бюллетень оппозиции. 1935. № 44. С. 12.

пришло известие о том, что оба зятя Троцкого, находившиеся с 1928 года в ссылке, были там арестованы и переведены в тюрьму.

Троцкий понимал, что в репрессивной политике Сталина мотивы личной мести всегда играли серьёзную роль. "Его чувство мести в отношении меня, - записывал он 4 апреля в дневнике, - совершенно не удовлетворено: есть, так сказать, физические удары, но морально не достигнуто ничего: нет ни отказа от работы, ни "покаяния", ни изоляции; наоборот, взят новый исторический разбег, которого уже нельзя приостановить. Здесь источник чрезвычайных опасений для Сталина: этот дикарь боится идей, зная их взрывчатую силу и зная свою слабость перед ними. Он достаточно умён в то же время, чтобы понимать, что я и сегодня не поменялся бы с ним местами: отсюда эта психология ужаленного. Но если месть в более высокой плоскости не удалась и уже явно не удастся, то остаётся вознаградить себя полицейским ударом по близким мне людям. Разумеется, Сталин не остановился бы ни на минуту перед организацией покушения против меня, но он боится политических последствий: обвинение падёт неизбежно на него. Удары по близким людям в России не могут дать ему необходимого "удовлетворения" и в то же время представляют серьёзное политическое неудобство. Объявить, что Сережа работал "по указанию иностранных разведок"? Слишком нелепо, слишком непосредственно обнаруживается мотив личной мести, слишком сильна была бы личная компрометация Сталина"¹.

Однако Сталин уже перестал считаться с такого рода соображениями. На протяжении ближайших лет беспощадным репрессиям были подвергнуты все без исключения люди, связанные с Троцким даже самыми отдалёнными узами родства или личной близости в прошлом, вплоть до няни его маленького внука.

Вместе с тем масштабность репрессий, развернувшихся после убийства Кирова, исключала их объяснение только мотивами личной мести и ставила перед Троцким всё новые вопросы. Он напряжённо искал ответа на них, в частности, в официальных сообщениях советской печати. Особое его внимание привлекла статья "Правды", в которой говорилось: "Против происков и проделок врагов надо принимать вполне реальные мероприятия... Вследствие обломовщины, тупой доверчивости, вследствие оппортунистического благодушия антипартийным элементам, самым лютым врагам, действующим по указанию иностранных разведок, удаётся иногда проникнуть и в наш аппарат. Смердящие подонки зиновьевцев, троцкистов, бывших князей, графов, жандармов, всё это отребье, действующее заодно, пытается подточить стены нашего государства"².

Возвращаясь в своих дневниковых записях дважды к этой статье, Троцкий обращал внимание на то, что всего пятью днями ранее в той же "Правде" обвинения в деятельности "в пользу иностранных государств" были выдвинуты только против бывших "князей и жандармов". Теперь же "Правда" сообщала, что троцкисты и зиновьевцы "действуют заодно" с "бывшими князьями, графами и жандармами". Смысл этой новой грубой амальгамы Троцкий усматри-

¹ Троцкий Л. Д. Дневники и письма. С. 112.

² Правда. 1935. 25 марта.

вал в том, чтобы "дать ГПУ возможность привлекать "троцкистов" и "зиновьевцев" как агентов иностранных разведок. Это совершенно очевидно"¹.

Размышляя над замыслами Сталина, кроющимися за официальными сообщениями, Троцкий писал: "Ни кадеты, ни меньшевики, ни эсеры не помянуты: действуют "заодно" лишь троцкисты и князя! Есть в этом сообщении нечто непроходимо глупое, а в глупости - нечто фатальное. Так выродиться и поглотить может только исторически обречённая клика!

В то же время вызывающий характер этой глупости свидетельствует о двух взаимно связанных обстоятельствах: 1) что-то у них не в порядке, и притом в большом беспорядке; "беспорядок" сидит где-то глубоко внутри самой бюрократии, вернее, даже внутри правящей верхушки; амальгама из подонков и отребьев направлена против кого-то третьего, не принадлежащего ни к троцкистам, ни к князьям, вернее всего, против "либеральных тенденций" в рядах правящей бюрократии; 2) готовятся какие-то новые практические шаги против "троцкистов" как подготовка удара по каким-то более близким и интимным врагам сталинского бонапартизма... Подготавливается какой-то новый этап, по отношению к которому убийство Кирова было лишь зловещим предзнаменованием"².

В расправах, развернувшихся после убийства Кирова, Троцкий, таким образом, справедливо увидел прелюдию к намного более масштабным расправам, готовившимся Сталиным против своих "близких и интимных врагов" в тогдашней партийной верхушке. Подчёркивая, что новые сталинские амальгамы ставят целью ошеломить и дезориентировать партию с тем, чтобы подготовить её самоистребление, Троцкий писал: "Так грубые фальсификаторы позволили нам... видеть невооружённым взглядом начало и конец новой петли, конечно, не последней... "Правде" поручено было связать новые истребления большевиков с облавой на бывших помещиков, князей и жандармов"³.

Итак, Троцкий разгадал "дальний план" Сталина, направленный на уничтожение не только бывших оппозиционеров, но и носителей "либеральных тенденций" среди коммунистов, не принадлежавших ранее ни к каким оппозициям. Он лишь не предвидел, что Сталин отсрочит выполнение этого истребительного плана на полтора года, чтобы затем развязать массовый террор против партии в ещё невиданных в истории масштабах.

¹ Троцкий Л. Д. Дневники и письма. С. 110.

² Там же. С. 106-107.

³ Бюллетень оппозиции. 1935. № 43. С. 2.

XVIII

Неудавшиеся амальгамы

Аресты, последовавшие за убийством Кирова, не ограничились зиновьевцами и троцкистами. Только в декабре 1934 года было арестовано 6501 человек, в основном членов всех бывших внутрипартийных оппозиций. Большинству из них было предъявлено обвинение в подпольной заговорщической деятельности. Сфабрикованные в связи с этим групповые дела были проведены через Особое совещание НКВД, и о них даже не сообщалось в печати.

Одним из таких дел было дело "московской контрреволюционной организации - группы "рабочая оппозиция". Лидеры этой группировки, распущенной в начале 20-х годов, Шляпников и Медведев в последующие годы неоднократно привлекались к партийной ответственности, а в ходе чистки 1933 года были исключены из партии. В начале 1934 года без предъявления каких-либо конкретных обвинений они были сосланы в отдалённые районы Европейского Севера. Вскоре Шляпников, фактически ставший инвалидом, был возвращён из ссылки и принят Ежовым, который обещал положительно решить вопрос о предоставлении ему пенсии. В ожидании этого решения Шляпников вынужден был изыскивать средства на жизнь распродажей своего имущества.

В конце 1934 года Шляпников и его близкие товарищи были арестованы. В ходе следствия от них удалось добиться лишь показаний о том, что они продолжали встречаться между собой и на этих встречах резко критиковали политику сталинского руководства.

Большинство обвинённых по делу группы "рабочая оппозиция" энергично протестовали против учинённого над ними произвола. В письме на имя Ягоды и прокурора СССР Акулова Шляпников писал, что обвинение против него "покоится на предположениях и чудовищно ложных данных агентуры". Другой обвиняемый, Демидов, в письме, направленном в Комиссию партийного контроля, заявил о начале смертельной голодовки, поскольку "лучше самому расстаться с жизнью, чем подвергаться медленному, но верному уничтожению, уготованному мне в результате клеветы"¹.

Наиболее мужественно вёл себя в ходе следствия Медведев, сообщивший на допросе, что он расценивает своё исключение из партии как "запоздалый эпизод политической борьбы господствующих политических сил в ВКП(б) со всеми не приемлющими идеологию и интересы этих сил". Медведев заявил, что не собирался просить о своём восстановлении в партии, поскольку это повлекло бы необходимость "подвергнуть себя всему тому гнусному самооплёвыванию, которое совершили над собой все "бывшие" (лидеры оппозиционных группировок - В. Р.). Он рассказывал, что "все свои надежды на избавление от положения военнопленного существующего режима я строил на ходе внутренних и внешних событий. В противном случае я знал, что буду обречён, как жертва царящего у нас режима"².

¹ Реабилитация. С. 118,119.

² Там же.

Очевидно, мужество лидеров бывшей "рабочей оппозиции", прямо заявивших о своей враждебности сталинскому режиму, послужило причиной того, что они не были выведены ни на один из показательных процессов (хотя их имена назывались на втором процессе Зиновьева-Каменева в ряду имён участников заговорщической деятельности).

В марте-апреле 1935 года Особое совещание приговорило 15 участников этой группы к заключению или ссылке на 5 лет. В 1936-1937 году приговоры большинству из них были пересмотрены и ужесточены, 8 человек были расстреляны по сфабрикованным обвинениям в подготовке террористических актов.

Ещё более мужественным было поведение на следствии участников так называемой "контрреволюционной децистской организации Т. В. Сапронова и В. М. Смирнова". "Децисты" (члены фракции "демократического централизма") до октября 1926 года входили в оппозиционный блок, а затем занимали даже более непримиримую позицию по отношению к сталинскому режиму, чем троцкисты. Лидеры этой группировки Сапронов и Смирнов, ни разу не выступившие с отречением от своих взглядов, были в марте 1935 года арестованы на месте отбывания ссылки и этапированы в Москву. К их делу была приобщена написанная Сапроновым в 1931 году рукописная работа "Агония мелкобуржуазной диктатуры". В ней Сапронов писал, что "на 15-м съезде под прикрытием "левых" лозунгов был совершён госпереворот против пролетариата"; "подвергались травле целые рабочие коллективы, а их руководители бросались в тюрьмы и ссылку"; "тюрьмы, ссылки и концлагеря переполнены рабочими и крестьянской беднотой".

Резко осуждая сплошную коллективизацию, которая "проводится полицейскими мерами", Сапронов столь же однозначно оценивал положение рабочего класса, который "снова превратился в наёмного раба - в производстве и в политически бесправного - в стране". Характеризуя сложившийся в СССР экономический уклад как "своеобразный уродливый госкапитализм", он подчёркивал, что "называть такое хозяйство социалистическим значит делать преступление перед рабочим классом и дискредитировать идеи коммунизма"¹.

Во время следствия Сапронов, отвергнув обвинение в контрреволюционной деятельности, отказался отвечать на все другие вопросы и больше по делу не допрашивался. Столь же непримиримо вёл себя Смирнов, категорически отказавшийся сообщить следствию о своих политических взглядах.

Постановлением ОСО от 22 мая 1935 года Сапронов был осуждён к лишению свободы сроком на 5 лет, а Смирнов - на 3 года. В 1937 году они были расстреляны по обвинениям, за которые уже подвергались репрессиям в 1927-1935 годы. Как и другие "неразоружившиеся" оппозиционеры, они были реабилитированы в юридическом и партийном отношении только в 1989-1990 годах.

В начале 1935 года были арестованы коммунисты, примыкавшие в прошлом к группе Сырцова-Ломинадзе. Сам Ломинадзе, работавший секретарём Магнитогорского комитета партии, в преддверии неминуемого ареста застре-

¹ Известия ЦК КПСС. 1991. № 7.

лился. Выстрел оказался неудачным, и Ломинадзе прожил ещё несколько дней. В больнице он передал своему помощнику письмо для Орджоникидзе, в котором объяснял свой поступок тем, что ему "предстоит процедура", которую он не в силах вынести. "Я решил давно уже избрать этот конец на тот случай, если мне не поверят. Видимо, на меня ещё наговорили чего-то мерзавцы типа Сафарова и других. Мне пришлось бы доказывать вздорность и всю несерьёзность этих наговоров, оправдываться и убеждать, и при всём том мне могли бы не поверить. Перенести это всё я не в состоянии"¹.

О том, как самоубийство Ломинадзе было воспринято в партийной среде, выразительно свидетельствуют воспоминания писателя Александра Авдеенко. Он рассказывает, что в кулуарах съезда Советов один магнитогорский делегат завершил свой рассказ о самоубийстве Ломинадзе предостережением: "Не советую афишировать свою дружбу с Бесо Ломинадзе - жизнью можешь поплатиться. Такое время". А секретарь Свердловского обкома партии Кабаков сказал: "Выстрел в Магнитке - это эхо перводекабрьского выстрела в Ленинграде. Первое эхо"².

Хотя самоубийство Ломинадзе было расценено как антипартийный поступок, его вдове, очевидно, по предложению Орджоникидзе, близкого друга Ломинадзе, была назначена персональная пенсия за революционные заслуги мужа. После смерти Орджоникидзе она была лишена пенсии, а затем арестована.

Репрессии 1935 года затронули и ряд старых большевиков, никогда не принадлежавших к оппозиционным группировкам. Среди них был директор библиотеки имени Ленина, известный историк партии В. И. Невский. Одну из причин его травли, предшествовавшей аресту, Троцкий видел в том, что в своей "Истории ВКП(б)", изданной в 1924 году, Невский писал: "Книжки, вроде брошюрки... Молотова "К истории партии", пожалуй, не только ничего не дают, а приносят прямой вред, такая масса ошибок в них: только на 39 страницах этой книжки мы насчитали 19 ошибок!"³.

Об истоках враждебности Сталина к Невскому сообщается в воспоминаниях ветерана немецкой компартии И. Штейнбергера. В тюрьме Невский рассказывал Штейнбергеру, что ещё в 1924 году, когда вышел первый том его капитального труда по истории РКП(б), дальнейшая работа над этим трудом "была строжайше запрещена господствовавшим в то время триумvirатом в партийном руководстве (т. е. Зиновьевым, Каменевым и Сталиным - В. Р.), поскольку он (Невский) не хотел придерживаться изданных в 1923 г. ЦК директив, предписывавших историкам партии пути и цели их исследований"⁴.

От ударов по отдельным лицам Сталин перешёл к ударам по целым организациям. В середине 1935 года были ликвидированы Общество старых большевиков и Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, состоявшее из бывших членов социалистических партий. В докладной записке, направленной Сталину Петерсом и Поспеловым, говорилось, что в обществе бывших политкаторжан "преобладают бывшие эсеры и меньшевики, тесно спаянные между

¹ Свободная мысль. 1992. № 3. С. 58.

² Авдеенко А. Наказание без преступления. М., 1991. С. 88-89.

³ Троцкий Л. Д. Дневники и письма. С. 107.

⁴ Вопросы истории. 1989. № 9. С. 176.

собой связями. После убийства Кирова было арестовано 40-50 членов общества... В своём журнале "Каторга и ссылка" (члены общества - В. Р.) особый упор делают на Бакунина, Лаврова, Ткачёва, Радищева, Огарёва, Лунина и других. Есть статьи о Ницше и Керенском; в журнале сообщалось, как народо-вольцы готовили свои бомбы... Кое-кто в обществе считает, что они должны защищать своих членов общества, арестуемых соввластью"¹.

Ликвидации общества бывших каторжан сопутствовал запрет на всякое положительное упоминание о народо-вольцах и иных террористах эпохи самодержавия.

В начале 1935 года из библиотек были изъяты все изданные в СССР работы Троцкого, Зиновьева, Каменева и все исторические работы, в которых положительно оценивалась их революционная деятельность. Такие книги, обнаруженные при обысках, приобщались в качестве вещественных доказательств к делам о "контрреволюционной деятельности" (оформлялось это как "хранение нелегальной литературы"). В воспоминаниях Л. Копелева рассказывается, как его брат был исключён из комсомола и университета только за то, что на него пришёл донос о "распространении троцкистско-зиновьевской литературы". Этой "литературой" была изданная в 1924 году книга "За ленинизм. Против троцкизма". "Криминалом" оказалось то, что в числе её авторов были Зиновьев и Каменев - в то время главные "борцы с троцкизмом"².

¹ Октябрь. 1989. № 9. С. 118-119.

² Копелев Л. И сотворил себе кумира. Ардис (США). 1978. С. 325-326.

XIX

"Кремлёвское дело"

В 1934-1935 годах политическое воображение Сталина не простиралось дальше обвинений оппозиционеров в терроре. В целях нагнетания зловещей атмосферы в стране он требовал от Ягоды всё новых и новых дел о "террористических заговорах". В соответствии с этими требованиями местные органы НКВД в начале 1935 года сфабриковали ряд дел о террористических группах, готовивших покушения на секретаря ЦК компартии Украины Постышева, секретаря Северного крайкома ВКП(б) Иванова и других партийных руководителей. Сообщения о судах над участниками этих групп, неизменно завершавшихся расстрелом, направлялись Вышинским и Ульрихом непосредственно Сталину. С помощью подобных сообщений Сталин создавал у лиц, представленных объектами "террористических намерений" (большинство из них будет уничтожено в ходе последующих чисток), впечатление, что им грозит опасность со стороны "террористов", и тем самым стимулировал их активность в поиске новых "врагов".

В начале 1935 года в Москве начались аресты лиц, вскоре сведённых в новую амальгаму, получившую название "Кремлёвского дела". Из 110 человек, арестованных по этому делу, 30 были выведены на заседание Военной коллегии Верховного суда, остальные заочно осуждены Особым совещанием. Состав осуждённых по "Кремлёвскому делу" был крайне разношерстным. В их числе были сотрудники управления коменданта Кремля, правительственной библиотеки, секретариата Президиума ЦИК, уборщицы и другие мелкие служащие правительственных зданий, домохозяйки (жёны обвиняемых) и т. д.

"Кремлёвское дело" представляло первую попытку "выявления" подпольных групп, замысливших террористические акты против "кремлёвских вождей", прежде всего самого Сталина. В решении Военной коллегии по этому делу говорилось о существовании связанных между собой четырёх террористических групп, в том числе троцкистской группы, вступившей в связь с зарубежной троцкистской организацией.

Троцкий не откликнулся сразу на этот новый подлог - видимо, только потому, что сообщения о нём не появились в печати и вовремя не дошли до него.

В качестве главной фигуры "Кремлёвского дела" был избран Каменев. Привезённый в Москву из политизолятора Зиновьев, допрашивавшийся теперь уже в качестве свидетеля против него, добавил к своим прежним показаниям лишь одну "крылатую формулировку", принадлежавшую Каменеву: "Марксизм есть теперь то, что угодно Сталину". В ответ на требование сообщить о террористических намерениях Каменева, Зиновьев заявил: "Заявлений от Каменева о необходимости применения теракта как средства борьбы с руководством ВКП(б) я не слышал. Не исключая, что допускаясь им... злобные

высказывания и проявления ненависти по адресу Сталина могли быть использованы в прямых контрреволюционных целях"¹.

В "кремлёвское дело" были включены пять родственников Каменева, в том числе Сергей Седов - племянник его жены.

На закрытом заседании Военной коллегии, состоявшемся 27 июня, 14 подсудимых не признали себя ни в чём виновными, 10 признались лишь в том, что слышали от других лиц "антисоветские" или "клеветнические" высказывания. Лишь 6 человек, включая брата Каменева, признали себя виновными в "террористических намерениях". В итоге двое подсудимых были приговорены к расстрелу, все остальные - к разным годам заключения и ссылки.

Очевидно, первую информацию о "Кремлёвском деле" передал Троцкому югославский коммунист Цилика, сумевший вырваться из СССР после пяти лет пребывания в ссылках и тюрьмах. В его статье "Сталинские репрессии в СССР" сообщалось, что Каменев на процессе категорически отрицал все предъявленные ему обвинения и заявил, что основную часть своих сопроцессников впервые увидел в зале суда. Суд увеличил Каменеву срок заключения до 10 лет. По возвращении в тюрьму его поместили в общую камеру, где содержалось ещё 12 заключённых².

"Кремлёвское дело" послужило прелюдией к "делу" А. Енукидзе, единственного члена ЦК, исключённого из его состава и из партии в 1935 году. Енукидзе, никогда не принадлежавший к оппозициям, был давним другом Сталина. Расправе над ним предшествовало освобождение его с поста секретаря ЦИК, который он занимал с 1918 года. Официальная мотивировка этого решения гласила, что оно принято по просьбе руководства Закавказской Федерации переместить Енукидзе на пост председателя ЦИК ЗСФСР. Однако, когда Енукидзе прибыл в Тбилиси, Сталин приказал Берии предложить ему пост директора одного из грузинских санаториев. Отказавшись от этого назначения, Енукидзе возвратился в Москву.

На июньском пленуме ЦК 1935 года Ежов доложил о "деле" Енукидзе, который обвинялся в засорении аппарата ЦИК СССР враждебными элементами и в "попустительстве" созданию на территории Кремля сети террористических групп. Ему вменялось в вину также моральное разложение, растраты и т. п.

Одна из причин расправы с Енукидзе состояла в том, что в своих воспоминаниях о деятельности закавказских большевиков в годы царизма он не уделил достаточного места "руководящей" роли Сталина. Другой причиной было его благожелательное отношение к репрессированным оппозиционерам и материальная помощь, которую он оказывал их семьям. По словам А. Орлова, "ЦИК удовлетворял почти каждую просьбу о смягчении наказания, если только она попадала в руки Енукидзе. Жёны арестованных знали, что Енукидзе - единственный, к кому они могут обратиться за помощью"³.

Вместе с тем Енукидзе, как отмечал Орлов, "утратил те черты революционера, которые его отличали раньше, и оказался одним из тех деятелей, которые выродились в типичных сановников, с упоением наслаждавшихся окружаю-

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 90-91.

² Бюллетень оппозиции. 1936. № 47. С. 3.

³ Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. С. 291.

щей роскошью и своей огромной властью". В подтверждение этого Орлов ссылался на свои наблюдения за поведением Енукидзе в Австрии, куда тот прибыл в 1933 году на отдых в сопровождении свиты личных врачей и секретарей. Когда Енукидзе увидел на ярмарке группу плясавших эмигрантов - терских казаков в национальной одежде, он раздал им валютой в течение одной минуты деньги, которые семье советского колхозника пришлось бы зарабатывать целый год¹.

Хорошо знавший о подобных фактах, характеризовавших не одного Енукидзе, Сталин давно уже готовился использовать их для дискредитации политически не угодных ему лиц. Ещё на XVII съезде он требовал "без колебаний снимать с руководящих постов, не взирая на их заслуги в прошлом", "завнавшихся вельмож-бюрократов"². Обвинения в "вельможности" Енукидзе были, по-видимому, столь убедительны, что, вернувшись с пленума ЦК, Бухарин сказал жене: "Разлагается бюрократия".

После исключения из партии Енукидзе оставался на свободе вплоть до 1937 года, когда был арестован и расстрелян.

¹ Там же. С. 290.

² Сталин И. В. Соч. Т. 13. С. 370.

Цели сталинских амальгам

Анализируя в 1936 году итоги "послекировских" процессов, Троцкий писал: "Техника Сталина и Ягоды обогатилась опытом нескольких неудач. Не будем себе поэтому делать никаких иллюзий: самые острые блюда ещё впереди!"¹.

Троцкий напоминал, что ещё в 1929 году он предупреждал: Сталин неминуемо перейдет к обвинениям оппозиционеров в кровавых преступлениях. "Голое провозглашение оппозиции "контрреволюционной партией" недостаточно: никто не берёт этого всерьёз... Ему (Сталину - В. Р.) остаётся одно: попытаться провести между официальной партией и оппозицией кровавую черту. Ему необходимо до разреза связать оппозицию с покушениями, подготовкой вооружённого восстания и пр... Надо с уверенностью ждать попыток сталинской клики так или иначе втянуть ту или другую якобы оппозиционную группу в авантюру, а в случае неудачи - сфабриковать и подкинуть оппозиции "покушение" или "военный заговор"².

Троцкий указывал, что на протяжении последующих лет все усилия ГПУ приписать оппозиционерам террористические намерения не увенчались успехом. "Режим партии и советов тем временем прогрессивно ухудшался. В молодом поколении настроения отчаяния ступились до взрывов террористического авантюризма"³.

Здесь мы подходим к одному из самых сложных и острых вопросов истории партии. Вопрос этот заключается в следующем: все ли большевики безропотно наблюдали новые и новые преступления Сталина, ограничиваясь в крайнем случае бессильными lamentациями в личных разговорах, или же некоторые из них хотели приостановить волну сталинских преступлений единственным возможным в то время способом - убийством Сталина, т. е. действительно имели "террористические намерения".

Данных, подтверждающих вторую версию, пока почти не имеется. Единственное известное мне исключение - ссылка Р. Медведева на рукописные воспоминания жены видного деятеля Коминтерна Р. Г. Алихановой, хорошо знавшей Рютина. В этих воспоминаниях рассказывалось, что Рютин не раз говорил своим ближайшим единомышленникам о необходимости убийства Сталина как о единственном способе избавиться от него⁴. Однако никаких сведений о подготовке Рютиным или его товарищами террористического акта против Сталина не существует.

Невозможно также сказать, носит ли чисто гипотетический характер или основано на каких-либо конкретных фактах высказывание Троцкого о том, что "бессмысленные зверства, выросшие из бюрократических методов коллекти-

¹ Бюллетень оппозиции. 1935. № 50. С. 17.

² Бюллетень оппозиции. 1929. № 1-2. С. 2.

³ Бюллетень оппозиции. 1935. № 42. С. 8.

⁴ Медведев Р. О Сталине и сталинизме. М., 1990. С. 263-264.

визации, как и подлые насилия и издевательства над лучшими элементами пролетарского авангарда, вызывают неизбежно ожесточение, ненависть, жажду мести. В этой атмосфере рождаются в среде молодёжи настроения индивидуального террора¹.

Разумеется, такого рода настроения не могли вылиться в подготовку террористического акта против кого-либо из приспешников Сталина. Любой человек, знакомый с положением в партии и стране, понимал, что все эти люди играли сугубо подсобную роль; устранение любого из них с политической арены ничего не могло изменить в структуре власти, а лишь дало бы Сталину повод для ужесточения репрессий против своих действительных и потенциальных противников.

В то же время было ясно: смерть Сталина могла положить конец государственному террору и привести к существенному изменению губительной для страны и дела социализма сталинской политики в целом. Так, собственно, и произошло в 1953 году, когда преемники Сталина, запятанные соучастием в большом терроре 1937-1938 годов, буквально на следующий день после его смерти приостановили новую волну террора и приступили к освобождению и реабилитации ранее осуждённых, равно как и к проведению значительно более мягкой и гибкой, чем при Сталине, внутренней и внешней политики. Ещё более разительные и благотворные перемены могли произойти, если бы смерть Сталина наступила в середине 30-х годов, когда основная часть старой партийной гвардии ещё не была перебита, а ближайшие сталинские соратники ещё не прошли через заключительную стадию своего перерождения.

Но прекращения государственного террора можно было ожидать лишь в том случае, если бы Сталин умер естественной смертью. Если же его смерть явилась бы результатом террористического акта, то в обстановке "антитеррористической" истерии, утвердившейся в стране, репрессивная машина заработала бы с такой же или ещё более страшной силой. На поверхность политической жизни неминуемо всплыли бы наиболее кровавые сталинисты. В этом и только в этом случае (гибель Сталина от террористического акта) сбылось бы предположение Троцкого о том, что "замена самого Сталина одним из Кагановичей внесла бы почти так же мало нового, как и замена Кирова Ждановым"².

Террористический акт против Сталина повлек бы далеко идущие последствия и в более отдалённой исторической перспективе: в его результате Сталин мог бы остаться в памяти современников и потомков в ореоле трагической жертвы злодейского заговора. В этом случае большинство людей в СССР и за рубежом вряд ли усомнились бы в обоснованности предшествующих расправ над "террористами". Более того, и будущие поколения скорее всего поверили бы в истинность обвинений множества оппозиционеров в подготовке террористических актов.

Именно эта трагическая диалектика не могла не дозветь над сознанием даже наиболее мужественных и решительных противников Сталина, способных в ответ на всё новые его преступления переступить через абстрактный прин-

¹ Бюллетень оппозиции. 1935. № 45. С. 4.

² Там же.

ции отвержения индивидуального террора. Сталин, отчётливо понимавший это, избрал безошибочный метод, страхующий его от террористических актов, - метод *государственного террора*, обрушившегося на тысячи людей по ложным обвинениям *в индивидуальном или групповом терроре*.

Самая успешная из сталинских провокаций состояла в том, что он перекрывал дорогу террористическим актам нагромождением всё новых и новых дел о несуществующих "террористических намерениях". Путём чудовищной амальгамы он уже на процессах 1934-1935 годов представил такие намерения неизбежным следствием любых попыток политической борьбы с ним. При этом Сталина не смущало то обстоятельство, что официальные сообщения о раскрытии всё новых террористических групп толкают к выводу о существовании в стране множества людей, которые столь сильно ненавидят его режим, что готовы прибегнуть к самым крайним средствам борьбы, рискуя собственной жизнью. "Правящая бюрократическая группа, - писал по этому поводу Троцкий, - ... не останавливается перед построением компрометирующих её самое амальгам, только бы поставить все виды оппозиции, недовольства, критики в один ряд с террористическими актами. Цель операции совершенно очевидна: окончательно запугать критиков и оппозиционеров - на этот раз уже не исключениями из партии или лишением заработка, даже не заключением в тюрьму или ссылкой, а расстрелом"¹.

¹ Бюллетень оппозиции. 1935. № 41. С. 3.

XXI

Ломка судеб и душ

До сих пор мы говорили в основном о расправах с бывшими лидерами и активными деятелями оппозиций. Однако "послекировские" репрессии захватили и тысячи рядовых коммунистов и комсомольцев, имевших в прошлом хотя бы малейшую причастность к оппозиционной деятельности.

Ежедневно на страницах центральной и местной печати появлялись сообщения о "разоблачении" всё новых "троцкистов", якобы "замаскировавшихся" и перешедших к антисоветской и контрреволюционной деятельности. В сознание советских людей настойчиво внедрялись представления не только о том, что сама по себе принадлежность к "троцкистам" является достаточным основанием для ареста, но и о том, что арест человека служит доказательством того, что он был "троцкистом". О характере этой перевернутой логики можно судить по рассказу Е. Гинзбург об обвинениях, предъявленных ей на партийном собрании. Когда её упрекнули в том, что она не "разоблачила" работавшего в одном учреждении с ней "троцкиста" Эльвова, Гинзбург спросила: "А разве уже доказано, что он троцкист?" Последний наивный вопрос вызвал взрыв священного негодования: "Но ведь он арестован! Неужели вы думаете, что кого-нибудь арестовывают, если нет точных данных?"¹. Насажение в сознании людей подобной "логики" преследовало цель сформировать такие массовые настроения, при которых понятия "троцкист" или "зиновьевец" воспринимались бы как синонимы слов: "враг", "террорист", "заговорщик" и т. п. В результате этого можно было держать в постоянном страхе за свою судьбу каждого человека, когда-либо примыкавшего к левой оппозиции или осмелившегося выступить в защиту кого-либо из арестованных оппозиционеров.

В этой иступлённой атмосфере ломались не только судьбы, но и души людей, которые в своей совокупности могли бы в противном случае составить действительную преграду наступлению сталинизма. Старые революционеры и безусые комсомольцы, когда-либо имевшие касательство к оппозиционной деятельности, должны были публично клеймить своё прошлое, отречься от своих друзей и в бесчётный раз доказывать свою безграничную верность "генеральной линии" и "вождю". На этом пути многие из них выстраивали в своём сознании цепочку "рационализации" (бессознательного оправдания своего шкурнического поведения принципиальными мотивами), пропитывались настроениями ненависти к "троцкизму" и рабской преданности Сталину.

Механизм этого процесса выразительно описан в исповедальной книге Л. Копелева "И сотворил себе кумира". Эти свидетельства тем более интересны, что их автор оказался одним из считанных участников - даже не легальной оппозиции 1923-1927 годов, а "троцкистского подполья" последующих лет, которым удалось выйти невредимыми из всех чисток 30-х годов.

¹ Гинзбург Е. Крутой маршрут. Т. I. Рига, 1989. С. 12.

В 1928-1929 годах шестнадцатилетний Копелев под влиянием своего двоюродного брата принимал участие в нелегальной деятельности харьковских оппозиционеров (укрывал шрифты тайной типографии, распространял листовки и т. д.). За это он был посажен - правда, всего на несколько дней - во внутреннюю тюрьму ГПУ. Лишь юный возраст и исчерпывающие признания спасли его от дальнейших репрессий, но шлейф обвинений в этих "преступлениях" тянулся за ним все последующие годы.

В 1930 году Копелев, работавший корреспондентом радиогазеты Харьковского паровозного завода, подал заявление о вступлении в комсомол. Заводской комитет отказал в приеме на том основании, что Копелевым "были допущены грубые политические ошибки, вплоть до участия в троцкистском подполье". Чтобы заслужить прощение, ему было предложено "повариться в рабочем котле". Лишь после года работы у станка он получил право на получение комсомольского билета.

Отдавший себя всецело во власть сталинистской пропаганды, Копелев с доверием отнесся к официальным версиям убийства Кирова. "Сообщение о том, что убийцу Кирова направляли зиновьевцы, - вспоминает он, - поразило и испугало. Но я поверил. Ещё и потому, что помнил одну из листовок оппозиции в феврале 1929 года, перед высылкой Троцкого". В этой листовке оппозиционеры, ожидавшие от правящей фракции самых экстремальных шагов по отношению к Троцкому, предупреждали: "Если товарища Троцкого попытаются убить, за него отомстят... Возлагаем личную ответственность за его безопасность на всех членов Политбюро"¹.

Оглушённый истерическими криками о терроре, Копелев не поставил перед собой вопрос: зачем оппозиционерам понадобилось *теперь* убивать Кирова? Он не сомневался в справедливости призывов в связи с первым процессом Зиновьева и Каменева и вспомнил, что "лет шесть назад считал себя единомышленником тех, кто уже тогда готовился воевать против партии, против советской власти". Наряду со "стыдом" за эту страницу своей биографии, его разъедал "страх - мучительное сознание, что теперь и на меня могут смотреть с подозрением, с недоверием"².

Этот страх рос по мере того, как до Копелева доходили известия об арестах бывших "троцкистов". При каждом таком известии его обжигала мысль: ведь в НКВД находится досье и на него как "бывшего оппозиционера".

Тем временем снаряды ложились всё ближе к Копелеву. Одним из первых был арестован его двоюродный брат, активный участник оппозиции, после возвращения из ссылки продолжавший переписываться со своими старыми товарищами, которые оставались в ссылке и лагерях, посылавший им туда деньги и книги (уже это стало считаться в те годы криминальным деянием). Самого Копелева исключили из комсомола и университета, где он тогда учился. Официальная мотивировка этого решения гласила, что Копелев - неразоружившийся троцкист, поддерживавший подпольные связи со своим двоюродным братом и с троцкистскими группами на паровозном заводе и в университете.

¹ Копелев Л. И сотворил себе кумира. С. 579.

² Там же. С. 321.

Опровергать все эти обвинения было безнадёжным делом. Оставалось только каяться.

Вскоре был арестован старший товарищ Копелева, участник гражданской войны Фрид. В 1928 году Фрида исключили из партии за то, что он на партийном собрании годом ранее голосовал за оппозиционную резолюцию. После этого он уехал в Сибирь, где выполнял задания ГПУ по слежке за ссыльными оппозиционерами. Несмотря на это, многочисленные просьбы Фрида о восстановлении в партии отклонялись: ему ставилось в вину то, что он "недостаточно разоружился", "недостаточно искренен". Наконец, Фрида восстановили, и после возвращения в Харьков разрешили ему работать в заводской многотиражке. Начальник заводского отделения ГПУ поручил ему изучать (вместе с Копелевым) "подрывную деятельность идеологических противников в цехах, нет ли где троцкистской пропаганды"¹.

Разумеется, после убийства Кирова всему этому пришёл конец. Вслед за Фридом были арестованы два его молодых товарища, отказавшиеся на заседании заводского комитета комсомола заклеить его и упорно твердившие, что знают его как честного коммуниста. Вскоре они были осуждены на несколько лет лагерей.

В этой атмосфере Копелеву удалось получить от парткома паровозного завода характеристику, в которой говорилось, что он "активно боролся на идеологическом фронте, также и с троцкизмом, и с правым уклоном". Исключение из комсомола райком заменил ему выговором "за приглушение политической бдительности". Он был восстановлен в университете - с помощью аппаратчика республиканского масштаба, отца его подруги. Согласившись помочь Копелеву, аппаратчик прочел ему следующее наставление: "Для нас оппозиции всегда поганое дело были... Теперь любая оппозиция - уже прямая контрреволюция! Никакой снисходительности быть не может. У Сталина крутой нрав. Но сейчас необходим именно такой вождь"².

Прошедший первые круги сталинского чистилища и сумевший уцелеть, Копелев вымуштровал себя настолько, чтобы даже в глубине души не сомневаться в справедливости всего, что делается "органами". При этом он не позволял даже самому себе объяснять своё настроение словами "страх и расчёт". "Нет, я убеждал и тех ближайших друзей, от кого ничего не скрывал, что это (творящиеся вокруг репрессии - В. Р.) определено высшей необходимостью"³.

С помощью таких внешних и внутренних, психологических механизмов подготавливалось действительное "разоружение" миллионов советских людей перед грядущим большим террором.

Но даже в этих чудовищных условиях, когда в сознание народа неумолимо внедрялось то, что Троцкий называл "тоталитарным идиотизмом", сохранялись тысячи и тысячи тех, кто оставался в рядах "троцкистов" и даже пополнял эти ряды.

¹ Там же. С. 225.

² Там же. С. 331.

³ Там же. С. 332.

Оппозиционеры в ссылках, лагерях и тюрьмах

Со времени окончания гражданской войны и до изгнания легальной левой оппозиции из партии число политических заключённых в СССР было весьма незначительно. С 1922 по 1926 год удельный вес государственных преступлений в общей массе преступлений снизился в 7 раз¹. В середине 20-х годов в исправительно-трудовых учреждениях Российской Федерации содержалось менее 100 тыс. заключённых, среди них - всего несколько тысяч осуждённых по политическим мотивам. Население лагерей стало возрастать с конца 20-х годов в связи с общим ужесточением политического режима, проведением чрезвычайных мер в деревне и насильственной коллективизации, сопровождавшейся ответными (нередко вооружёнными) выступлениями крестьян. На 1 мая 1930 года в лагерях НКВД насчитывалось уже 171,3 тыс. человек, а в лагерях ОГПУ - около 100 тыс. человек². В 1930 году было организовано Управление лагерями ОГПУ (с 1931 года - ГУЛАГ), в ведение которого перешли все исправительно-трудовые лагеря и колонии.

На 1 января 1934 года общая численность заключённых в лагерях ГУЛАГа составила уже 510,3 тыс. чел., на 1 января 1935 года - 725,5 тыс., на 1 января 1936 года - 839,4 тыс., на 1 января 1937 года - 820,9 тыс. чел. (некоторое уменьшение за 1936 год, по-видимому, связано с освобождением "ударников", работавших на строительстве каналов). Из них за "контрреволюционные преступления" было осуждено соответственно 135,2, 118,3, 105,9 и 104,8 тыс. человек³. Если в начале 30-х годов в эту категорию заключённых входили в основном крестьяне - участники антиколхозных восстаний и беспартийные специалисты, обвинённые во "вредительстве", то после убийства Кирова в ней стали преобладать большевики-оппозиционеры. Сопоставляя число осуждённых по политическим мотивам с примерными данными о количестве исключённых из партии и подвергнутых затем аресту в те же годы (см. гл. XXV), нетрудно прийти к выводу, что большинство политзаключённых в середине 30-х годов составляли бывшие члены партии, принадлежавшие или заподозренные в принадлежности к "троцкистам" и другим оппозиционным течениям.

Волна массовых арестов конца 1934-1935 годов позволила Сталину достигнуть по крайней мере одной цели: была прервана связь Троцкого с большинством его единомышленников в СССР, перекрыты основные каналы его информации о положении в партии и стране. Отныне анализ событий в Советском Союзе Троцкий вынужден был строить главным образом на основе материалов советской печати.

Информация, которая всё-таки продолжала просачиваться к Троцкому от советских оппозиционеров, прежде всего касалась положения узников сталинских тюрем и лагерей. Завесу над преступлениями Сталина помогли в этот пе-

¹ Коммунист. 1990. № 10. С. 103.

² Вопросы истории. 1990. № 11. С. 39.

³ История СССР. 1991. № 5. С. 152.

риод приоткрыть и свидетельства нескольких советских и зарубежных оппозиционеров, сумевших вырваться из СССР.

Одним из них был рабочий Таров, прошедший семь лет в ссылке и тюрьмах. В 1933 году он обратился с письмом в ЦК, в котором выражал готовность, не отказываясь от своих политических убеждений, прекратить оппозиционную деятельность, чтобы принять участие в борьбе против фашизма. Ему было отказано в просьбе о приезде в Москву для личных переговоров, а местные чины ГПУ поставили условием его освобождения публичное заявление с признанием Троцкого "вождём передового отряда контрреволюционной буржуазии". Когда Таров отказался выступить с таким заявлением, его перевели в ссылку в Андижан, откуда ему удалось в июне 1934 года бежать за границу.

В 1935 году из СССР вернулся А. Цилика - бывший член Политбюро югославской компартии, арестованный в 1930 году за пересылку Троцкому некоторых оппозиционных материалов и за участие в организации югославской группы политэмигрантов, близкой к левой оппозиции. После выдачи провокатором этой организации Цилика провёл пять с половиной лет в ссылке и политизоляторах. Лишь после нескольких голодовок и попытки самоубийства Цилика НКВД удовлетворило его требование о возвращении на родину.

В апреле 1936 года из СССР был выслан французский писатель Виктор Серж, имевший советское гражданство. Примкнувший к левой оппозиции с 1923 года, Серж был в 1928 году исключён из ВКП(б) и арестован. После его освобождения (в результате протестов французской общественности) ему было отказано в заграничном паспорте, который он требовал для себя и тяжелобольной жены. В 1933 году Серж был вновь арестован и сослан в Оренбург. Лишь после трёхлетней кампании, развёрнутой зарубежной общественностью за его освобождение, и личного обращения по этому поводу Ромена Роллана к Сталину, Сержу было разрешено покинуть Советский Союз.

В статьях Тарова, Цилика и Сержа, появившихся в "Бюллетене оппозиции", приводились многочисленные факты пыток и издевательств над советскими и зарубежными оппозиционерами: избиваний, обливания протестующих ледяной водой из брандспойтов, насильственного кормления во время голодовок, натравливания на них уголовников и т. д. В этих статьях была представлена и более широкая картина положения в советских тюрьмах. Таров рассказывал о том, как в камере площадью в 25 кв. м. находилось 35 женщин, из них 8 с грудными детьми¹. Цилика сообщал, что в 1930 году в ленинградской тюрьме люди стояли целыми сутками - без пищи и сна - в коридоре перед дверями следователей или подвергались многочасовому конвейерному допросу. "Это были дни массовых восстаний крестьян против сталинской коллективизации, дни массовых расстрелов по всей России... - писал Цилика. - За редчайшим исключением о расстрелах этих печать ничего не сообщала"².

Рассказывая о существовании в первой половине 30-х годов четырёх специальных лагерей для политзаключённых, Цилика писал: "Страшнейший и новейший враг политически преследуемых в России - это концентрационные ла-

¹ Бюллетень оппозиции. 1935. № 45. С. 8.

² Бюллетень оппозиции. 1936. № 49. С. 7.

геря... Новые фараоны "воспитывают" в них сотни тысяч крестьян и рабочих и десятки тысяч уголовных, получая взамен даровой труд"¹.

Виктор Серж вскоре после своего приезда во Францию обратился с открытым письмом к Андре Жиду, занимавшему в то время позицию активной поддержки сталинского режима. Вспоминая о своём знакомстве с дневником Жиды, опубликованным в 1932 году, Серж писал: "Прежде всего я был счастлив, что Вы пришли к социализму... И вместе с тем я был удручён контрастом между Вашими утверждениями и окружавшей меня действительностью. Страницы Вашего дневника я читал в такое время, когда никто (в Советском Союзе - В. Р.) не рискнул бы вести дневник, зная, что в какую-нибудь ночь за ним неминуемо придёт политическая полиция... Возможно ли, спрашивал я себя, чтобы Вы ничего не знали о нашей борьбе, о трагедии революции, опустошённой изнутри реакцией?.. Три года прошло с тех пор, и какие годы! Отмеченные гекатомбами, последовавшими за убийством Кирова, массовыми ссылками части населения Ленинграда, арестами многих тысяч старых коммунистов, переполнением концлагерей - несомненно наиболее обширных во всём мире... Бросается в глаза, как чудовищный полицейский аппарат, сам порождая многочисленные жертвы, делает из советских тюрем подлинны школы контрреволюции, где вчерашние советские граждане перековываются в завтрашних врагов"².

Рассказывая об условиях, в которых находятся в СССР писатели - люди, "профессия которых состоит в конечном счёте в том, чтобы говорить за тех, у кого нет голоса", Серж приводил список репрессированных литераторов, осуждённых за принадлежность к зиновьевцам или к троцкистам (последних "подвергают наиболее жестоким преследованиям, ибо это наиболее стойкие"). Наряду с этим Серж называл имена арестованных писателей, представлявших и иные направления общественной мысли. "Что стало с духовным братом нашего великого Александра Блока... Ивановым-Разумником? В 1933 году он сидел в тюрьме, как и я. Правда ли, как утверждают, что старый поэт-символист, Владимир Пяст покончил самоубийством в ссылке? Преступление его было велико: он впал в мистицизм... Ограничиваюсь здесь упоминанием писателей, иначе длинные страницы были бы испещрены именами героев"³.

Сразу же после приезда из Советского Союза в Бельгию Серж возобновил переписку с Троцким. В письме от 29 апреля 1936 года он рассказывал: "В Оренбургской трёхлетней ссылке я встретился с рядом замечательных товарищей, от которых имею разновременные поручения к Вам и прежде всего самые сердечные приветствия... Я помню, с какой радостью меня провожали в Оренбурге товарищи, оставшиеся под пятой ГПУ. Одна мысль, что кто-то передаст их братский привет - для них большая, большая вещь. В ссылках и в тюрьмах уже выковались замечательно преданные и глубоко убеждённые революционеры, выдерживающие с поразительной стойкостью систематические удушения"⁴.

¹ Бюллетень оппозиции. 1936. № 47. С. 2.

² Бюллетень оппозиции. 1936. № 51. С. 10-11.

³ Там же.

⁴ Архив Троцкого. № 5009.

16 июня Серж переслал Троцкому письмо оппозиционера, в котором говорилось: "Имели ли Вы в своё время информацию о рютинской платформе и о его "право-левом блоке"? В этой платформе была дана оценка деятельности Троцкого, заключающая полное признание основной её правильности. Тогда же нам пришлось встретиться в Москве с членами партии, близкими к некоторым правым кругам (Слепкова, Астрова, Марецкого и К⁰). Все эти бывшие "троцкоеды" совершенно изменились и не скрывали - разумеется, в интимных кругах - своё новое отношение к Троцкому и троцкистам. С тех пор они успели шесть прочно и много раз покаяться - но что у них в душе? В изоляторе я встретился с бывшим управделом Рыкова Нестеровым... Те же в общем настроения. Моё личное мнение, что за последние годы легенда о троцкизме совершенно распалась в мало-мальски мыслящих головах"¹.

По-видимому, на основе сообщений Сержа была составлена корреспонденция "Из Оренбургской ссылки", помещенная в "Бюллетене оппозиции". В ней рассказывалось, что после убийства Кирова, помимо повторных арестов действительно непримиримых троцкистов, произведены аресты тысяч людей, давно отошедших от оппозиции. "Некоторые из последних явно сочувствуют нам, хотя и боятся об этом заявить вслух. Когда их в этом подозревают, их моят безработицей и быстро шлют в концлагерь... За всякое слово, сказанное даже в частном разговоре с намёками на недовольство, критику, защиту зарплаты, арестовывают, высылают и пр... В конкретных случаях поражает и потрясает объективная ненужность этих расправ". Если же некоторых оппозиционеров освобождают, то выдают им "волчий паспорт", с которым можно устроиться жить только в маленьких городах.

Сообщая о судьбе старого большевика Панкратова, направленного в политизолятор сразу же после выстрела Николаева, автор письма рассказывал, что этот человек, "уравновешенный и трезвый, с железными нервами", заявил товарищам, что пережитое им прежде при арестах и допросах - ничто по сравнению с тем, что ему пришлось пережить после последнего ареста. Этим он явно намекал "на какой-то особенно мерзкий и жестокий характер следствия".

В письме назывались некоторые конкретные причины арестов большевиков. У члена Воронежского горкома Казначеева, посланного на работу в деревню, нашли рукописное сочинение о чудовищных методах коллективизации. За это он был арестован по обвинению в троцкизме и направлен в концлагерь. Вдова А. А. Иоффе получила новую ссылку в Северную Сибирь за попытку организовать материальную помощь бедствующим товарищам.

Наконец, в корреспонденции сообщалось, что после капитуляции старых "вождей" в политизоляторах "формируется совершенно новое поколение оппозиционеров... доминирует поколение оппозиции 1930-1932 гг... выдвинулись молодые, которые ведут большую теоретическую работу, учатся, делятся на течения". Поняв, что изоляторы становятся оппозиционными университетами, власть стала переводить из них заключённых в концентрационные лагеря. Когда заключённые посредством голодовок и других форм протеста попытались

¹ Архив Троцкого. № 5077.

вести борьбу за то, чтобы остаться в изоляторах, руководители ГПУ заявили: "Мы в изолятор больше не будем отправлять; изоляторы кончатся"¹.

Политизоляторы являлись последним элементом заключённой пенитенциарной системы, сохранившимся в стране. В них заключённые размещались по камерам, где находились вместе со своими единомышленниками. Каждый такой "сектор" (коммунисты, эсеры, анархисты, сионисты, русские и грузинские меньшевики) имел свою бытовую экономическую организацию, возглавляемую старостами, представлявшими коллектив в переговорах с администрацией. Эти группы избирали свои комитеты, выпускали рукописные журналы со статьями по вопросам общественной жизни в СССР и международной политики. Между группами устраивались политические дискуссии. "В условиях, когда вся страна обречена на молчание или точнее на подчинение и повторение явно лживой официальной идеологии, - писал Цилига, - большая, внутренне общающаяся тюрьма оказалась лабораторией идей, единственным местом свободного социологического исследования"². Между политизоляторами поддерживалась связь, вплоть до того, что одни из них своей голодовкой поддерживали голодовки в других.

О мужестве репрессированных оппозиционеров свидетельствовало обнаруженное Цилигой заявление прокурору СССР, написанное в январе 1934 года ссыльными Енисейской колонии. В нём содержалось требование разрешить Цилиге выезд из СССР. "Это смелое и открытое заявление имело огромное значение, - писал Цилига. - Оно сделало невозможным для ГПУ "ликвидировать" меня за углом. Авторы заявления знали, что, проявляя революционную солидарность, они идут на величайшую опасность, что ГПУ будет им жестоко мстить. И действительно, все эти товарищи были арестованы и после шестимесячного заключения получили сперва "только" три новых года ссылки, а вскоре затем почти все были направлены в концлагеря"³.

Более конкретное представление о подпольной жизни левой оппозиции в местах лишения свободы мы можем получить из романа В. Сержа "Полночь века" - единственного художественного произведения, описывающего судьбы "троцкистов" в первой половине 30-х годов⁴. В романе рассказывалось, в частности, о том, какими путями до ссыльных и арестантов доходила информация о взглядах Троцкого. Так, один из персонажей, беспартийный инженер Боткин, в заграничной командировке приобрел номер "Бюллетеня оппозиции", откуда выписал заинтересовавшие его выдержки в свой блокнот. Перед возвращением в СССР он уничтожил и блокнот, и журнал. "Откуда ему было знать, что в Берлине... в его комнату проник некто, тотчас нашёл среди двухсот ключиков нужный, чтобы открыть его чемодан, опытной рукой, которая ничего не повредила, извлек оттуда одну за другой вещи, ещё более искусным

¹ Бюллетень оппозиции. 1936. № 51. С. 12-14.

² Бюллетень оппозиции. 1936. № 49. С. 9.

³ Бюллетень оппозиции. 1936. № 48. С. 9.

⁴ Этот роман, написанный человеком, изнутри знавшим жизнь левой оппозиции и многие годы наблюдавшим поведение и настроения её участников, содержит не менее достоверные сведения, чем те, которые мы находим в письмах и публицистических статьях его автора. Такого рода произведения, относящиеся к художественно-документальному жанру, могут, по нашему мнению, рассматриваться в качестве исторического источника.

профессиональным образом... обнаружил блокнот, открыл его, мгновенно раскусив дух, источник... руки навели на страницы блокнота короткофокусный объектив Цейса. Пять снимков - и всё: вещи на местах, чемодан закрыт, в тот же вечер отправлен секретный пакет в Москву на площадь Дзержинского, в особый отдел, где машинистки сделают несколько копий: 1-я - для главной картотеки; 2-я - для политического отдела (подозреваемые в троцкизме); 3-я - для экономического отдела (подозреваемые в саботаже); 4-я - для иностранного отдела (подозреваемые в шпионаже)"¹.

После прибытия в Москву Боткин был арестован и направлен в проектное бюро лагеря особого назначения на Кольском полуострове. Там он познакомился со "старым партийцем, несмотря на молодость, обыкновенным троцкистом с шестью годами высылки, тюрем, лагерей, этапов за плечами, парнем методичного и своеобразного ума, с которым Боткин впервые в жизни почувствовал возможность говорить вслух, без страха, сомнений и задних мыслей обо всём, что думаешь". Узнав о содержании прочитанного Боткиным номера "Бюллетеня", "обыкновенный троцкист" "добрую половину своих дней в застекленной кабине статистического бюро потратил на то, чтобы на полосках тонкой бумаги шириной в одну, длиной в несколько почтовых марок чётко прорисованными чертежным пером буквами, которые можно было расшифровать только с лупой, составить послания: одно - в Среднюю Азию ссыльным Семипалатинска, другое - в Западную Сибирь ссыльным Канска, третье - на Север, в Чёрное... Никому никогда не узнать, как были отправлены эти послания, как сработали лагерные почтовые самолеты, какие чудеса изобретательности доставили их к местам назначения"².

В сибирском селе Чёрном ссыльные получили это письмо вместе с другими сообщениями о жизни левой оппозиции. "Почта, да, невероятная почта, которой столько месяцев не было... Маленькие, прозрачные листочки, покрытые идеальными рядами песчинок, которые были буквами, которые были словами, мыслью, истиной революции, смыслом жизни, поскольку больше не осталось ничего... Нет больше ничего, кроме нашего поражения, воспринятого стойко, поскольку так надо, поскольку нельзя ни отмежеваться от пролетариата, ни отречься от истины, ни изменить ход истории. А диалектика истории требует, чтобы в данный момент под колесом были мы. Жизнь, благодаря нам, продолжается. Победа придёт, когда нас уже не будет. А вот что есть: товарищи, тезисы тобольского изолятора, обращение к ЦК ссыльных Тары, резюме последних номеров "Бюллетеня", составленного в Принкипо и изданного в Берлине".

Получив почту, ссыльный Авелий спросил свою подругу Варвару: "Не рада? - Что ты, я счастлива."

Он не знал, каким бывает в счастливые минуты это открытое, гладкое и бесцветное лицо... "Счастлива, конечно. Чудесно. Мы воспрянем. Надо сказать товарищам, ступай сейчас же, Авелий"³.

Над такими "кадровыми" оппозиционерами не довлел фетиш партийности, заставлявший капитулянтов идти на сделки со своей совестью. Они, как и

¹ Виктор Серж. Полночь века. Дело Тулаева. Челябинск, 1991. С. 69.

² Там же. С. 72-73.

³ Там же. С. 87.

Троцкий, считали партию задушенной, а сталинистов - своими непримиримыми врагами. "Они не могут оставить нас жить! - говорил товарищу по ссылке троцкист Родион. - Мы - новая партия, даже если и подумать об этом не смеем. Они знают это лучше нас. Они вынуждены гноить нас в тюрьмах. А когда они окончательно разберутся в том, что делают, они примутся нас расстреливать. Всех, говорю тебе. Будет чёрный террор. Как позволить нам жить?"¹.

О том же говорил своему сокамернику в тюрьме другой герой романа, член партии с 1904 года, участник Пражской конференции Рыжик: "Не строй иллюзий, ты долго будешь жить в наморднике, если выживешь, если свора выскочек, предавших всё, кроме собственного брюха, не избавится, наконец, от тебя, пустив порцию свинца в неудобный твой мозг, переполненный ярко-красными воспоминаниями... Они знают, что такое мы и что такое они... Нет более практичных и более циничных людей, более склонных всё решать через убийство, чем привилегированные плебеи, которые всплывают на исходе революций, когда над огнём затвердевает лава, когда революция всех оборачивается контрреволюцией немногих против всех. Это формирует новую мелкую буржуазию с волчьим аппетитом, не понимающую слова *совесть*, осмеивающую то, чего не понимает, живущую за счёт силы и железных лозунгов, прекрасно знающую, что она украла у нас старые знамена... Дико и низко. Мы были беспощадны, чтобы изменить мир, они будут такими, чтобы сохранить добычу... Они утверждают, что всё уже свершилось, и для них действительно свершилось всё, поскольку всё в их руках. Они будут бесчеловечны из трусости... Их задача - потихоньку уничтожить нас, наша - выстоять. История продолжится. Что сеют, то они и пожнут сторицею. В тот день мы будем очень нужны"².

Эти несгибаемые люди не были склонны скрывать свои подлинные мысли даже от тюремщиков. Оказавшись арестованным, в ссылке Рыжик с откровенным презрением заявил чекисту Мозгляку:

"- Ладно, видно старая сволочь Коба вспомнил обо мне... Сволочь с рыжими глазами...

- Что? Что вы сказали? Кто?

- Коба. Глава правящей фракции в партии. Могильщик революции. Сволочь, которой вы лижете задницу.

В последний, может быть, раз в своей жизни, бесполезно и смехотворно он сказал одно, но сказал настолько внушительно, что Мозглык сел.

- Ничтожество вы, гражданин, ничтожество. И с вами я совсем не разговариваю. С контрреволюцией я не стану дискутировать здесь. Если уж плевать ей однажды в лицо, то не ниже, чем в морду генерального секретаря. Передайте своему начальству, что ни на какие вопросы я отвечать не буду..."³.

В тюрьме Рыжик и его товарищ Елькин^{4*} писали в высшие партийные органы "бесстрастно резкие" заявления: "Давно предвидя, что недалёкий азиат-

¹ Там же. С. 101.

² Там же. С. 120-121.

³ Там же. С. 117-118.

⁴ Прототипом Елькина (о чём говорит и очевидное сходство фамилий) был, по-видимому, старейший (и по возрасту и по партийному стажу) оппозиционер Б. М. Эльцин, с которым Серж общался в оренбургской колонии ссыльных. Имя Эльцина было широко известно в партии, и для Сталина его участие на одном из показательных процессов было бы не менее заманчивым, чем

ский Бонапарт, бездумными и бессовестными лакеями которого вы сделали, будет вынужден ликвидировать партию пролетариата", они цитировали платформу оппозиции, решения съездов, партийные постановления, ленинские тексты, чтобы закончить богохульным обращением такого типа: "Что бы ты сделал ещё, Коба-Джугашвили-Сталин, завтрашний Каин?.. Изгнанный из партии в 1907 за сползание к бандитизму с большой дороги, оппортунист в 1917, оппортунист, получивший оплеуху в последнем письме Ленина в 1923, противник индустриализации до 1926, апологет сельских богатеев в 1926, пособник Чан Кай-ши в 1927, виновник бесполезной Кантонской бойни, предтеча фашизма в Германии, организатор голода, гонитель пролетарских ленинстов... Коба! Коба! Прохвост. Что ты сделал с партией? Что ты сделал с нашей железной когортой? Ты, скользкий, как удавка, ты, вравший нам на каждом съезде, на каждом заседании Политбюро, подлец, подлец, подлец..."¹.

О том, что заявления такого рода были в те годы далеко не единичными, говорят не только художественные свидетельства Сержа, но и беспристрастные архивные документы. Характерно, что в период "послекировских" репрессий даже многие бывшие капитулянты посылали из политизоляторов письма в партийные органы с отказом от своих прежних отречений. Так, В. М. Поляков, находившийся в Суздальском изоляторе, 20 июня 1935 года сообщал в КПК, что под влиянием событий последних лет пересмотрел своё капитулянтское заявление 1933 года и подтверждает свою приверженность к левой оппозиции. Поляков выражал глубокое убеждение в том, что задачи, стоящие перед ВКП(б) и международным коммунистическим движением, не могут быть решены "ни на путях нынешней политики Коминтерна... ни на путях укрепляющего бюрократию внутривластного террора, уничтожающего по тюрьмам и ссылкам тысячи прекрасных большевиков... В связи с изложенным прошу моё заявление о безоговорочной поддержке всей линии ЦК считать в дальнейшем недействительным"².

Аналогичное заявление было направлено 15 декабря 1935 года в КПК и НКВД другим "кадровым" троцкистом В. А. Сусенковым. Указывая, что считает своё предыдущее заявление об отходе от оппозиции "грубейшей и непростойной ошибкой", Сусенков писал: "Три года пребывания меня в В/Уральском п/изоляторе не только не укрепили меня в правильности сталинской политики, но, наоборот, ещё больше укрепили во мне сомнения в её состоятельности... Посему ранее поданное мною заявление о моей капитуляции с подачей настоящего заявления считаю аннулированным. Политически же возвращаюсь полностью и целиком на позиции большевиков-ленинцев"³.

О том, что в середине 30-х годов ряды оппозиционеров не редели, а пополнялись, свидетельствует ряд мемуарных источников. Так, в воспоминаниях меньшевика Гольца рассказывается, что после массовых арестов оппозицио-

участие, например, И. Н. Смирнова, Раковского или Муралова. Однако вывести Эльцина на открытый процесс не удалось, скорее всего потому, что 62-летний большевик, находившийся с 1929 года в тюрьмах и ссылках и ни разу не подписавший капитулянтского заявления, отказался идти на поводу у следователей.

¹ Там же. С. 130.

² "Хотелось бы всех поименно назвать..." М., 1993. С. 110-111.

³ Там же. С. 110.

неров по всей стране было отобрано несколько тысяч человек для отправки в воркутинские лагеря. Огромный этап был доставлен в Архангельск несколькими эшелонами, состоявшими не из традиционных "столыпинских" вагонов, а из простых товарных, лишённых элементарных удобств, даже отдельных помещений для мужчин и женщин. В Архангельске заключённых набили в несколько старых барж и буксиров, которые прибыли в первый крупный спецлагерь, созданный для обеспечения рабочей силой воркутинских шахт. Там все арестанты в возрасте старше 45 лет, которые по правилам техники безопасности не должны были допускаться на подземные работы, были признаны годными для таких работ¹.

О дальнейшей судьбе троцкистов в воркутинских лагерях сообщает публикация, появившаяся в 1961 году в "Социалистическом вестнике". В ней автор, даже тогда посчитавший нужным скрыть своё имя под инициалами Б. Д., рассказывал, что в этой зоне находилось несколько тысяч "ортодоксальных троцкистов", которые с конца 20-х годов содержались в ссылках и политизоляторах и "остались верны своим политическим целям и вождям до конца". Автор называл имена вожаков этой группы: Познанского - бывшего секретаря Троцкого, В. В. Косиора - одного из лидеров оппозиции 1923 года и брата члена Политбюро С. В. Косиора и др.

Помимо "настоящих троцкистов", по словам Б. Д., только в лагерях Воркутинской зоны насчитывалось более 100 тысяч заключённых, которые "прежде, будучи коммунистами и комсомольцами, примыкали к троцкистской оппозиции", а затем "вынуждены были раскаяться в своих "ошибках" и отойти от оппозиции". Кроме того, там находились тысячи людей, "никогда формально не состоявших в компартии и только в период обостренной борьбы оппозиции примкнувших к её платформе и до конца связавших себя с её судьбой"².

Значительное число троцкистов находилось и в лагерях Колымской зоны. Магаданский литератор А. М. Бирюков, тщательно изучавший историю этих лагерей, пишет: "История того, как доставили на Колыму шесть тысяч... заключённых троцкистов, как искали они здесь справедливости (хотя бы в предоставлении статуса политзаключённых), как пытались продолжать борьбу со сталинизмом и как были уничтожены в течение считанных лет - грандиозна даже на фоне всенародной трагедии"³.

Среди колымских троцкистов находилась Т. И. Мягкова, арестованная в июне 1936 года на месте ссылки и приговоренная Особым совещанием к пяти годам заключения в лагерях.

В первые месяцы пребывания Мягковой на Колыме начальником колымских лагерей был старый большевик Э. П. Берзин, а начальником секретно-политического отдела Магаданского УНКВД (ведавшего судьбой арестованных троцкистов) - бывший начальник Ленинградского СПО А. А. Масевич, осуждённый по делу ленинградских чекистов. Благодаря их усилиям режим для политзаключённых был ещё относительно мягким: они могли работать по специальности и получать ту же заработную плату, что и вольнонаёмные. Это

¹ Минувшее. Исторический альманах. 7. М., 1992. С. 318-319.

² Социалистический вестник. Нью-Йорк. 1961. № 10-11. С. 201.

³ Сопrotивление в ГУЛАГе. Воспоминания. Письма. Документы. М., 1992. С. 164.

давало возможность Мягковой посылать деньги в Москву - своей матери и 12-летней дочери - и в Соловецкий лагерь, где находился её муж М. Н. Полоз, осуждённый в 1934 году как "украинский националист".

В письмах родным Мягкова писала о своих надеждах на скорое освобождение. Однако в действительности она отдавала себе трезвый отчёт в том, что ожидает её и её товарищей. Находившаяся с ней в одном бараке "неразоружившаяся" троцкистка М. Г. Варшавская, которой посчастливилось после 25 лет пребывания в ссылке и лагерях дожить до освобождения и реабилитации, вспоминала, как Мягкова говорила Масевичу: "Нас скоро уничтожат, но уничтожат и вас - за то, что вы знаете, что мы не убивали Кирова"¹.

Стремясь избавить Мягкову от начавшихся расправ над арестованными троцкистами, Масевич в начале 1937 года перевел её в дальний посёлок Ягодное. Однако спустя несколько месяцев Татьяна Ивановна была там арестована и подвергнута переследствию. В вынесенном ей смертном приговоре среди новых "преступлений", вменявшихся ей в вину, значилось лишь то, что она держала длительную голодовку и "систематически устанавливала связь с заключёнными троцкистами".

Писатель Н. В. Козлов во время работы в 60-х годах над документальным романом "Хранить вечно" обращался за свидетельствами к бывшим работникам НКВД, обещая не раскрывать их имён. В полученном им письме свидетеля (и, по-видимому, участника) расправ над троцкистами рассказывалось, что в 1936-1937 годах содержащиеся в Магадане и других колымских лагерях оппозиционеры организовывали забастовки, распространяли листовки-прокламации с требованиями освобождения, предоставления свободы передвижения, изменения рациона питания и т. д. Зачинщиков этих политических выступлений, завершившихся объявлением массовых голодовок и устройством в бараках баррикад, изолировали от остальной массы и приговорили к расстрелу. "Среди осуждённых, помню, были бывший ответственный редактор газеты "Омская правда", бывший одесский областной прокурор, бывший партийный секретарь института красной профессуры и др... Помню, как нас, нескольких человек молодых чекистов, вызвали к начальнику управления и сказали, что мы будем сопровождать осуждённых от тюрьмы до места казни... Всё, что произошло потом, произвело на меня и моих товарищей такое сильное впечатление, что несколько дней лично я ходил словно в тумане и передо мной проходила вереница осуждённых троцкистских фанатиков, бесстрашно уходивших из жизни со своими лозунгами на устах"².

Эти беспристрастные свидетельства очевидцев показывают истинную цену "подсчётов" Д. Волкогонова, утверждающего (без каких-либо доказательств), что в середине 30-х годов "реальных троцкистов в стране было... максимум три-четыре сотни"³.

Становящиеся известными всё новые источники доказывают, что ряды "троцкистов" в 30-е годы не только не редели, но пополнялись оппозиционно настроенной молодёжью. Они подтверждают выводы И. Дойчера, тщательно

¹ Воспоминания М. Г. Варшавской (хранятся в личном архиве Р. М. Мягковой-Полоз).

² Сопротивление в ГУЛАГе. С. 157-158.

³ Волкогонов Д. А. Троцкий. Кн. 2. М., 1992. С. 359.

изучившего все имевшиеся на Западе материалы о деятельности троцкистов в лагерях. "С 1934 года троцкизм, казалось, был полностью ликвидирован, - писал Дойчер. - Однако через два или три года Сталин боялся его, как никогда. Парадоксально, но великие чистки и массовые ссылки, следовавшие за убийством Кирова, дали новую жизнь троцкизму". Когда вокруг репрессированных троцкистов оказались тысячи недавно арестованных людей, троцкистов стало уже невозможно изолировать. "К ним опять присоединилась масса капитулянтов, которые печально размышляли, что события сложились бы по-иному, если бы они держались вместе с троцкистами. Оппозиционеры молодого поколения, комсомольцы, поднявшиеся против Сталина много позднее сокрушения троцкизма, "уклонисты" всех цветов и оттенков, обычные рабочие, сосланные за пустяковые нарушения трудовой дисциплины, недовольные и ворчуны, которые начинали думать политически только за колючей проволокой, - все они составили громадную новую аудиторию для троцкистских ветеранов". Несмотря на резкое ужесточение лагерного режима, "лагеря вновь становились школами оппозиции, где наставниками выступали троцкисты. Они... своим вызывающим, часто героическим поведением вдохновляли на сопротивление других. Хорошо организованные, дисциплинированные и политически подготовленные, они были подлинной элитой громадной части нации, брошенной за колючую проволоку"¹.

Ни одного из этих "кадровых" троцкистов не удалось вывести на показательные процессы 1936-1938 годов. По свидетельству А. Орлова, в соответствии со сталинским планом подготовки процесса "троцкистско-зиновьевского центра" в 1936 году из ссылок, тюрем и лагерей было доставлено в Москву около трёхсот оппозиционеров, имена которых были широко известны в партии. Предполагалось, что после "обработки" в московских застенках часть из них окажется сломленной и можно будет набрать группу в пятьдесят-шестьдесят человек, которые согласятся выступить на процессе с признаниями о своём участии в шпионском заговоре, возглавляемом Троцким². Однако все эти подлинные троцкисты, ни разу не выступавшие с капитулянтскими заявлениями, отказались и на этот раз принять участие в сталинской провокации.

В свою очередь Троцкий неустанно призывал, "как можно шире через посредство всей честной печати (Запада - В. Р.) распространить сведения о тех подлых репрессиях, которым подвергаются безупречные пролетарские революционеры в Советском Союзе. Главная и ближайшая задача при этом: облегчить участь десятков тысяч жертв бюрократической мстительности"³.

¹ Дойчер И. Троцкий в изгнании. С. 448.

² Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. С. 72.

³ Бюллетень оппозиции. 1936. № 48. С. 9.

XXIII

Сталинский террор и судьбы большевизма

Уже первая волна "послекировских" репрессий в глазах любого непредубеждённого и дальновидного человека явилась свидетельством того, что "революция в России умерла". Этот вывод содержался, в частности, в работах Г. Федотова, который решительно отвергал господствовавшие в эмигрантской среде суждения о том, что "гниёт, собственно, коммунистическая партия, а не Россия" и поэтому "нужно радоваться её разложению"¹. По мнению Федотова, массовые расправы с оппозиционерами стали следствием кардинальных изменений в структуре общества и власти и полностью опровергли представление о том, что в Советском Союзе ещё "царствуют коммунисты, или большевики". На самом деле, как подчёркивал Федотов, "большевиков уже нет..., не "они" правят Россией. Не *они*, а *он*... Происходящая в России ликвидация коммунизма окутана защитным покровом лжи. Марксистская символика революции ещё не упразднена, и это мешает правильно видеть факты". Хотя непрекращающиеся аресты, ссылки и расстрелы коммунистов происходят под флагом борьбы с остатками троцкистской оппозиции, эти официальные ярлыки не должны кого-либо обманывать. В Советском Союзе "под троцкизмом понимается вообще революционный, классовый или интернациональный социализм. То есть марксизм как таковой, - если угодно, ленинизм классического русского типа"².

Вывод о том, что под лозунгом борьбы с "контрреволюционным троцкизмом", происходит уничтожение большевистских традиций и большевистского менталитета, разделялся и Андре Жидом, который после посещения Советского Союза с горечью писал: "То, что нынче в СССР называют "контрреволюционным", не имеет никакого отношения к контрреволюции. Даже скорее наоборот. Сознание, которое сегодня там считают контрреволюционным, на самом деле - революционное сознание, приведшее к победе над полустгнившим царским режимом... Но сейчас требуются только приспособленчество и покорность. Всех недовольных будут считать "троцкистами". И невольно возникает такой вопрос: что, если бы ожил вдруг сам Ленин?..."³.

К аналогичным мыслям приходили и сами оппозиционеры, пытавшиеся осмыслить политическую суть сталинских репрессий. Так, югославский коммунист В. Вуйович, в прошлом - член Исполкома Коминтерна, незадолго до своего ареста писал другому коммунистическому диссиденту - швейцарцу Ж. Эмбер-Дро: "Браво, Сталин! Так и Муссолини может позавидовать. Если буржуазия захочет истребить коммунистов, не нужно ничего, кроме того режима, что Сталин придумал для большевиков-ленинцев"⁴.

¹ Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Т. II. С. 105.

² Там же. С. 86.

³ Два взгляда из-за рубежа: Переводы. М., 1990. С. 86, 90.

⁴ Московский комсомолец. 1989. 2 ноября.

Сходные выводы, хотя, разумеется, с противоположным оценочным знаком делались в те годы наиболее реакционными кругами русской эмиграции, которые со времён гражданской войны были, говоря словами Бунина, охвачены "свирепой жаждой погибели" большевиков и мечтали, чтобы "ворвался хоть сам дьявол и буквально по горло ходил по их крови". По-прежнему руководствуясь словами из "Окаянных дней": "Нет той самой страшной библейской казни, которой мы не желали бы им"¹, эти люди не могли не испытывать ликования: "дьявольская" миссия теперь вершилась руками Сталина и его приспешников.

Обобщая содержание откликов врагов Советской власти на сталинский террор, Троцкий писал: "Вся буржуазия, в том числе и белая эмиграция, в истребительном походе Сталина против большевиков-ленинцев и других революционеров видит лучший залог "нормализации" сталинского режима. Серьёзная и ответственная капиталистическая печать всего мира дружно аплодирует борьбе против "троцкистов"².

Наиболее откровенно оценивала расправы с "троцкистами" фашистская печать, связывавшая их с "позитивными", с её точки зрения, изменениями советского режима. Так, газета итальянских фашистов "Мессаджеро" в августе 1936 года писала: "Старая гвардия Ленина расстреляна... Сталин был реалистом, и то, что его противники считали изменой идеалу, было только необходимой и неминуемой уступкой логике и жизни... Абстрактной программе всеобщей революции он противопоставляет пятилетку, создание армии, экономику, которая не отрицает индивидуума... Против этого позитивного творчества восстает демон революции для революции..."^{3*} Это было неминуемо - полиция вскрыла заговор и действовала с силой, требуемой общественной безопасностью"⁴.

Подобные оценки, принадлежавшие представителям самого широкого спектра политических сил, показывают истинную цену идеологической операции, связанной с реанимацией понятия "большевизм" в СССР на рубеже 90-х годов. Само это понятие, исчезнувшее из официального партийного лексикона после переименования партии в 1952 году, было искусственно оживлено как "демократами", так и "национал-патриотами" в целях развязывания антикоммунистического похода. Представители этих идеологических течений нарочито объединяли ленинцев, "троцкистов" и сталинистов под общей шапкой "большевиков". Между тем уже в середине 30-х годов для каждого человека, не отравленного сталинистской пропагандой, было очевидно, что большевизма как правящей силы в СССР не существует. Подлинные ленинцы, сохранявшие верность большевистским традициям, тогда находились либо в тюрьмах и лагерях, либо в глубоко законспирированном подполье.

¹ Бунин И. Окаянные дни. М., 1990. С. 43.

² Бюллетень оппозиции. 1936. № 48. С. 7.

³ Как видим, Д. Волкогонов, назвавший Троцкого "демоном революции", отнюдь не может претендовать на оригинальность такого определения.

⁴ Цит. по: Бюллетень оппозиции. 1936. № 52-55. С. 52.

XXIV

Оппозиционеры в подполье

Левая оппозиция продолжала существовать и на воле, несмотря на свирепые репрессии. Новые импульсы её подпольной деятельности придали оппозиционные настроения в партии и стране, усилившиеся в результате "послекировской" волны террора.

"Нынешний режим в СССР на каждом шагу вызывает протест тем более жгучий, что подавленный, - писал в 1936 году Троцкий. - Бюрократия не только аппарат принуждения, но и постоянный источник провокации. Самое существование жадной, лживой и циничной касты повелителей не может не порождать затаённого возмущения. Улучшение материального положения рабочих не примиряет их с властью, наоборот, повышая их достоинство и освобождая их мысль для общих вопросов политики, подготавливает открытый конфликт с бюрократией"¹.

Если в начале 30-х годов острей массовых политических репрессий было направлено против крестьянства, сопротивлявшегося насильственной коллективизации, то с 1934 года оно было перенесено на жителей городов, среди которых всё сильнее проявлялось недовольство сталинским режимом. Значительная часть рабочего класса, та, в которой ещё не угасли революционные традиции, с негодованием воспринимала антипролетарскую политику сталинизма, в результате которой на рабочую массу по-прежнему ложились наиболее тяжким бременем социальные последствия форсированной индустриализации.

Как вспоминал Хрущёв, даже в Москве условия труда и быта рабочих были очень тяжёлыми. "Строительных рабочих вербовали в деревнях и селили в бараках. В бараках люди жили в невыносимых условиях: грязь, клопы, тараканы, всякая иная нечисть, а главное, плохое питание и плохое обеспечение производственной одеждой. Да и вообще нужную одежду трудно было тогда приобрести. Всё это, естественно, вызывало недовольство. Недовольство порождали и пересмотры коллективных договоров, связанные с изменением норм выработки. К примеру, существовала где-то какая-то норма, а потом после нового года вдруг она становится на 10-15 % выше при тех же или даже меньших расценках". Такого рода административные акции, осуществляемые при покорной поддержке профсоюзной организации и, разумеется, без всякого участия рабочих, вызывали "волынки" (так тогда официально именовались забастовки) в отдельных цехах или в масштабах целого завода. В таких случаях, по словам Хрущёва, партийные, работники "объясняли рабочим ситуацию". Эти объяснения сводились к тому, что "нужно в какой-то степени подтягивать пояса, чтобы успешно соревноваться с противником и догонять его"².

Однако проповедь постоянного "подтягивания поясов" далеко не всегда оказывала желаемое для бюрократии воздействие на рабочих, особенно моло-

¹ Троцкий Л. Д. Преданная революция. С. 235-256.

² Вопросы истории, 1990. № 3. С. 69-70.

дых, которых, по словам А. Орлова, "горько обижало явное неравенство, царящее кругом, - полугодное существование большинства и роскошная жизнь привилегированной бюрократической касты. Сыновья и дочери простых рабочих видели, как их сверстники, дети высоких чинов, назначаются на заманчивые должности в государственном аппарате, в то время как их самих эксплуатируют на тяжёлых работах, где требуется ручной труд. Комсомольцам, завербованным на строительство московского метро, приходилось работать по десять часов в день, нередко по пояс в ледяной воде, а их сверстники из верхов в то же самое время раскатывали по Москве на лимузинах, принадлежащих их папашам. Безжалостная эксплуатация комсомольцев на строительстве метро привела к тому, что сразу восемьсот человек, бросив работу, направились как-то к зданию ЦК комсомола и швырнули там на пол комсомольские билеты, выкрикивая ругательства в адрес правительства"¹.

В борьбе с проявлениями социального протеста со стороны рабочих Сталин не гнушался любыми средствами - вплоть до использования антисемитских настроений. Хрущёв вспоминал, что когда возникли "какие-то шероховатости, я бы не хотел сказать, волнения, среди молодёжи на тридцатом авиационном заводе", Сталин заявил ему: "Надо организовать здоровых рабочих, пусть они возьмут дубинки, и, когда кончится рабочий день, этих евреев побьют"².

Другим, более распространённым средством борьбы с проявлениями социального протеста среди рабочего класса было объявление их зачинщиков "троцкистами". Как писал в "Бюллетене оппозиции" иностранный рабочий, находившийся с 1928 по 1936 год в СССР, "не подлежит сомнению, что политический террор бюрократии даёт кое-какие результаты, в том отношении, что он деморализует дух борьбы рабочих". В подтверждение этого автор рассказывал, как на его заводе был подавлен протест рабочих против неожиданного снижения расценок. После того, как было решено избрать делегацию для переговоров с дирекцией об отмене этой меры, выступил партийный чиновник с заявлением, что такие "необдуманные действия" вызваны пропагандой "классово-враждебных элементов", прежде всего троцкистов, которые стремятся "разложить дисциплину". "Выступление это подействовало, как холодный душ. Масса слишком обессилена и дезориентирована, чтобы решительно встать на путь борьбы за свои интересы"³.

С течением времени для пресечения массового недовольства стали всё шире использоваться органы НКВД, от контроля за действиями которых были отстранены даже партийные аппаратчики. Хрущёв вспоминал, что он регулярно получал сводки НКВД, в которых "приводилось довольно много нелестных отзывов о партии и оскорбительных выражений по адресу её вождей. Агенты доносили и о конкретных людях, которые были им известны, с их фамилиями, адресами и прочим". По словам Хрущёва, поначалу по отношению к таким людям принимались "воспитательные меры", но "всё изменилось после убийства Кирова". В частности, начальник Московского управления НКВД Реденс

¹ Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. С. 50-51.

² Огонёк. 1990. № 7. С. 24.

³ Бюллетень оппозиции. 1937. № 60-61. С. 22.

(муж сестры Н. С. Аллилуевой) сообщил Хрущёву, что получил задание "почистить" Москву. В" соответствии с этим заданием была осуществлена массовая высылка людей из Москвы, хотя и в меньших масштабах, чем в Ленинграде. "Куда их высылали, - рассказывал Хрущёв, - я не знаю: тогда придерживались такого правила - говорить человеку только то, что его касается. Тут дело государственное, поэтому чем меньше об этом люди знают, тем лучше"¹. Между тем Хрущёв, которого не допускали к информации о подобных "государственных делах", был в то время членом ЦК и первым секретарём Московского горкома партии.

Особая свирепость проявлялась "органами" в борьбе с проникновением "троцкистских" идей в среду рабочего класса. Когда в 1935 году на Московском шарикоподшипниковом заводе были распространены печатные оппозиционные листовки, на следующий день было арестовано более 300 рабочих².

Несмотря на ужесточающийся террор, оппозиционные настроения проникали и во всё новые круги молодёжи. Как вспоминал Орлов, "по всей стране стихийно возникали молодёжные кружки, участники которых пытались найти ответ на политические вопросы, которые не полагалось задавать вслух"³.

По-видимому, основываясь на подобных конкретных сообщениях, проникавших за границу, Г. Федотов писал, что до последнего времени революционная молодёжь и активисты пользовались относительной свободой высказывать своё мнение. "Их оптимизм, до известной степени, спасал Россию. Теперь петля затянута и на их шее"⁴.

Это же ощущение затянутой на шее петли не могла не испытывать и значительная часть бюрократии, над которой всё неотвратимей нависал "дамоклов меч" террора. "После того, как бюрократия подавила внутреннюю жизнь партии, - писал Троцкий, - сталинская верхушка подавила внутреннюю жизнь самой бюрократии. Отныне разрешено одно: славить "великого и любимого вождя". Из этого клубка противоречий вырос "коммунистический" террор против бюрократической верхушки"⁵.

Этому террору, укреплявшему позиции тоталитарного абсолютизма, та часть бюрократии, которая начинала прозревать и осознавать нависшую над ней опасность, не могла оказать серьёзного сопротивления. В условиях растущего отчуждения между нею и партийными массами бюрократия всё более обрекалась на социальную изоляцию. Не решавшаяся и не способная к тому, чтобы перевести массовое недовольство в русло оформленной политической борьбы, она слабела, разлагалась и утрачивала веру в себя. Характеризуя положение и нравы бюрократии, Троцкий замечал: "Функция управления сосредотачивается в руках всё более тесного круга лиц. Остальные работают по инерции, спустя рукава, думают больше о личных делах, презрительно отзываются в своём кругу о высоком начальстве, либеральничают и брюзжат"⁶.

¹ Вопросы истории. 1990. № 3. С. 70.

² Бюллетень оппозиции. 1938. № 65. С. 16.

³ Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. С. 50.

⁴ Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Т. II. С. 106.

⁵ Бюллетень оппозиции. 1935. № 41. С. 10.

⁶ Там же. С. 6.

По-видимому, оппозиционные настроения в среде бюрократии были распространены шире, чем это представлялось Троцкому, лишённому в своём зарубежном далёке надёжных источников информации о подспудных процессах, развёртывавшихся внутри правящего слоя. В. Кривицкий, хорошо знакомый с настроениями верхов, утверждал, что в середине 30-х годов "не только огромная масса крестьян, но и большинство в армии, включая лучших представителей комсостава, большинство комиссаров (политических армейских работников - В. Р.), 90 % директоров заводов, 90 % партийного аппарата находились в большей или меньшей степени в оппозиции диктатуре Сталина. Это была уже сила". Хотя это, разумеется, условные и скорее всего преувеличенные цифры, общая характеристика Кривицким настроений, преобладавших в ту пору в партии и на её верхах, подтверждается и многими другими свидетельствами. Честные коммунисты, сохранявшие верность большевистским принципам и пользовавшиеся симпатиями масс, по-прежнему составляли большинство в партии. "Им были необходимы лидеры, люди, за которыми были традиция и программа и которые были способны свергнуть Сталина"¹.

Программа, которая могла бы объединить коммунистических противников сталинского режима, имелась у Троцкого и "троцкистов". Именно поэтому сталинская клика делала всё возможное, чтобы перевести борьбу с "троцкизмом" из русла идейной полемики, по необходимости вынуждающей знакомить массы хотя бы с элементами оппозиционной платформы, в русло судебных подлогов, призванных представить "троцкизм" уже не только "авангардом контрреволюционной буржуазии", но и прямой агентурой фашизма. В этой версии удалось убедить значительную часть советских людей - единственно потому, что массы были "лишены возможности проверки, а те, которые знают правду, вынуждены к молчанию"².

И всё же, вопреки непрекращающимся клеветническим и репрессивным кампаниям, идейная борьба левой оппозиции в СССР продолжалась. Известное представление о ней дают свидетельства "невозвращенцев" из числа ответственных работников НКВД.

В. Кривицкий, занимавшийся в основном вопросами внешней разведки, тем не менее рассказывал Л. Седову о распространении в 1935 году троцкистских листовок на заводах и в университетах³.

А. Орлов, знавший значительно больше о подпольной стороне политической жизни страны, приводит многочисленные факты оживления оппозиционной деятельности в середине 30-х годов. "На стенах заводских корпусов там и сям появились гневные надписи, направленные против Сталина"^{4*}⁵. В горьковской партийной школе распространялись запрещённые партийные документы, в том числе копии ленинского "Завещания", а в Горьковском педагогическом институте возникли нелегальные кружки по изучению работ Ленина и Троцко-

¹ Кривицкий В. "Я был агентом Сталина". С. 204, 207.

² Бюллетень оппозиции. 1935. № 41. С. 8.

³ Бюллетень оппозиции. 1937. № 60-61. С. 10.

⁴ Эта традиция оппозиционных "росписей на стенах" возродилась в России только в годы ельцинского режима.

⁵ Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. С. 45.

го. Не случайно в этот институт был направлен преподавателем один из наиболее опытных агентов НКВД Ольберг. Оказавшись впоследствии в числе провокаторов, выведенных вместе со старыми большевиками на процесс "троцкистско-зиновьевского центра", он дал на нём, в частности, "показания" о деятельности троцкистской "террористической группы", включавшей преподавателей и студентов института.

В 1935 году органы НКВД напали на след деятельности оппозиционеров в Московской высшей партийной школе, где ходили по рукам листовки с изложением троцкистской программы. "Студентам ВПШ, изучавшим Маркса и Энгельса "по первоисточникам", становилось ясно, что "троцкизм", заклеянный Сталиным как ересь, в действительности представляет собой подлинный марксизм-ленинизм"¹. Особая ценность свидетельств Орлова состоит в том, что они были обнародованы спустя почти два десятилетия после описанных в них событий, а их автор не только никогда не был близок к левой оппозиции, но даже был послан Сталиным в Испанию для уничтожения "троцкистов", вовлекая в ряды республиканской армии.

Даже на гребне бешеной антитроцкистской кампании среди простых рабочих и крестьян сохранялось немало людей, отказывавшихся присоединить свой голос к официальной клевете. Свидетельства об этом обнаружены, в частности, в Смоленском партийном архиве, вывезенном немцами в годы войны и затем оказавшемся достоянием зарубежных историков. Так, среди многочисленных доносов секретаря одного из сельских райкомов партии в органы НКВД, встречаются следующие сообщения. Один из участников колхозного митинга, посвящённого процессу "троцкистско-зиновьевского центра" заявил: "Ничего о Троцком сказать не могу, не нам об этом судить, вообще здесь ничего делового нет", - после чего демонстративно покинул собрание; "в квартире колхозника Хромова обнаружен портрет Троцкого... Просьба принять меры к расследованию и привлечению Хромова к ответственности"².

В том же архиве содержится сообщение о выступлении плотника, который при поддержке членов своей бригады заявил: "Эксплуатация у нас не ликвидирована: коммунисты и инженеры нанимают и эксплуатируют домработниц. Троцкисты Зиновьев и Каменев не должны и не будут расстреляны, потому что это старые большевики"³.

Аналогичные донесения о "троцкистских вылазках" содержатся в архиве МГК ВКП(б). В них сообщается, например, что токарь одного из московских заводов на партийном собрании, обсуждавшем закрытое письмо ЦК, заявил: "Как это могло случиться, что хорошие люди (Зиновьев, Каменев и Троцкий) скатились на путь контрреволюции?" Член партии с 1923 года на цеховом собрании "явно провокационно держал себя, бросая реплики: "Скажите факты и дату связи троцкистов-зиновьевцев с гестапо", а на заводском собрании отказался голосовать за приветствие Сталину"⁴.

¹ Там же. С. 73.

² Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991. С. 514, 524.

³ Конт Ф. Революция и дипломатия. М., 1991. С. 297.

⁴ Они не молчали. М., 1991. С. 440.

Есть основания полагать, что какие-то сведения о подпольной жизни левой оппозиции удалось получить Андре Жиду во время его пребывания в Советском Союзе. В "Возвращении из СССР" он давал понять читателю, что Сталин, лишённый "большой мудрости - прислушиваться к противнику", своими репрессиями только умножает число коммунистов-оппозиционеров. "Уничтожить оппозицию... Как хорошо, что Сталину это плохо удаётся". Жид осторожно намекал и на то, что "уничтожение оппозиции в государстве или даже запрещение ей высказываться, действовать" может стать "приглашением к терроризму"¹.

Оппозиционные настроения в стране носили по большей части коммунистический характер и зарождались прежде всего в партийной среде. Поэтому Сталин на протяжении 1933-1936 годов провёл партию через три официальные чистки, выбросившие из её рядов сотни тысяч человек.

¹ Два взгляда из-за рубежа. С. 91.

XXV

Партийные чистки

Временно прекратив после "Кремлёвского дела" политические процессы, Сталин с ещё большей жестокостью продолжал проводить партийные чистки, сохранявшие в ВКП(б) атмосферу перманентного напряжения.

Начатая в 1933 году генеральная чистка партии была продолжена не до конца 1934 года, как первоначально предполагалось, а до мая 1935-го. В её ходе из 1916,5 тыс. членов и кандидатов в члены партии было исключено 18,3 %¹. Сразу же после этой чистки началась новая кампания, официально названная "проверкой партийных документов". Она была открыта циркулярным письмом ЦК ВКП(б), требовавшим тщательно проверить правильность сведений о коммунистах, внесённых в их партийные документы (партбилеты и учётные карточки)².

Эта кампания, внешне выглядевшая чисто технической, канцелярской процедурой, по словам А. Орлова, "с циничной откровенностью была направлена против старых членов партии. Парткомы возглавлялись теперь молодыми людьми, вступившими в партию лишь недавно"³.

Раскрывая подлинный смысл "проверки партийных документов", Троцкий писал: "Отличие этой чистки от всех предшествующих состоит в том, что она проводится без всякого, хотя бы только декоративного, участия самой партии: ни общих собраний, ни личных исповедей, ни публичных обличений, ни свидетельских показаний. Проверочная работа происходит целиком за кулисами: ведь речь идёт только о "документах". На самом деле в результате этой скромной технической проверки исключено в среднем около 10 % (от общей численности членов партии - В. Р.). Проверка кандидатов ещё не закончена. Но и сейчас уже из рядов партии выброшено значительно больше 200 тысяч человек". Перечень основных категорий исключённых представляет "общую формулу всех термидорианских амальгам... на первом месте официально поставлены "троцкисты"⁴.

Статистические данные, полученные Троцким на основе анализа сообщений партийной печати, находят подтверждение в ставших недавно известными архивных документах. Как сообщал П. Постышев, секретарей ЦК компартии Украины во время проведения "проверки" "крепко поправили" Сталин и Ежов, потребовавшие "этим делом лично заниматься и глядеть тут в оба". В результате такой установки на Украине в ходе этой кампании 11,1 % членов и кандидатов в члены партии оказались исключёнными как "социально чуждые" (троцкисты, националисты и т. д.)⁵.

¹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 2. С. 108.

² Исторический архив. 1995. № 3. С. 217.

³ Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. С. 46.

⁴ Бюллетень оппозиции. 1936. № 48. С. 1.

⁵ Вопросы истории КПСС. 1990. № 6. С. 91.

Об атмосфере, в которой проходила "проверка партдокументов", свидетельствует, в частности, выступление в 1937 году члена Военного совета одной из армий И. М. Гринберга на партактиве наркомата обороны. "Мы в армии, - говорил он, - во время проверки партийных документов допускали такие вещи: лучше 2-3 человека исключить для того, чтобы потом не сказали, что мало исключили, а затем и на всякий случай: чтобы враг не оказался. Мы исключали из членов партии людей за то, что пассивными были, а потом не могли разобраться, почему эти люди считаются пассивными"¹.

Судя по опубликованным в печати сообщениям секретарей республиканских и партийных организаций, в целом по стране в ходе "проверки" было исключено 10-20 тысяч одних только "троцкистов". "Все исключённые такого рода, - писал Троцкий, - по общему правилу, немедленно арестуются и ставятся в условия царской каторги. Об этих фактах надо рассказать рабочему классу всего мира!"².

До ареста исключённым оппозиционерам предстояло пройти несколько кругов тяжких испытаний. В воспоминаниях писательницы Веры Пановой рассказывается, как в феврале 1935 года её муж-журналист был исключён из партии и уволен с работы за то, что "скрыл свою причастность к троцкизму", то есть принадлежность в прошлом к левой оппозиции. После длительных безуспешных попыток найти работу он сумел с помощью товарищей устроиться на завод подручным слесаря. На следующий день его арестовали, а спустя ещё несколько дней уволили с работы и Панову - "за связь с врагом народа"³.

Как сообщал корреспондент "Бюллетеня оппозиции" аресты захватили широкий круг исключённых из партии. Многие исключённые, которых было невозможно прямо обвинить в "троцкизме", арестовывались по статье 168 Уголовного кодекса ("злоупотребление доверием") и направлялись в ссылку или лагерь⁴. Согласно опубликованным ныне архивным материалам, только на Украине к январю 1936 года было арестовано свыше 2 тысяч исключённых из партии⁵.

Уже в 1935 году риск оказаться лишённым свободы был неизмеримо более велик для коммунистов, чем для беспартийных. Произошло сращивание партийной и государственной репрессивных систем: в результате члены партии зачастую подвергались судебным преследованиям за такие проступки, которые подлежали только партийному взысканию. Характерно, что ЦК КП(б) Украины вынужден был принять специальное постановление, осудившее широко распространённую в республике практику, при которой суды приговаривали к 5-8 годам лишения свободы за сокрытие социального происхождения при вступлении в партию или приписки партийного стажа.

Итоги "проверки партийных документов" были подведены на декабрьском пленуме ЦК 1935 года. Выступивший с докладом по этому вопросу Ежов со-

¹ Вопросы истории КПСС. 1991. № 3. С. 19.

² Бюллетень оппозиции. 1936. № 48. С. 7.

³ Огонёк. 1988. № 11. С. 12.

⁴ Бюллетень оппозиции. 1936. № 57. С. 15.

⁵ Вопросы истории КПСС. 1990. № 6. С. 91.

обшир, что в ходе "проверки" из ВКП(б) исключено 18 % её членов¹. В резолюции пленума по докладу Ежова указывалось: "огромнейшим преимуществом" этой кампании явилось то, что "проверкой занимались непосредственно сами партийные органы", "руководящий состав партийного аппарата", который в ходе этой работы "окреп как за счёт привлечения новых проверенных кадров, так и за счёт очищения его от негодных для партийной работы людей". Пленум постановил считать чистку партии, начатую в 1933 году, законченной, а проверку партдокументов продолжить до 1 февраля 1936 года, вслед за чем провести обмен партийных документов всех членов и кандидатов в члены партии. Необходимость этой, по существу, новой, очередной чистки объяснялась так: проверка партийных документов показала, что "классовый враг по мере роста наших успехов прибегает к наиболее изощренным методам борьбы, используя для этого в первую очередь оппортунистическое благодушие и ротозейство коммунистов". В решениях пленума назывались новые категории членов партии, которых следовало изгнать из неё в ходе "обмена партбилетов": "шпионы иностранных разведок, которые пролезали (в ВКП(б) - В. Р.) под видом политэмигрантов и членов братских компартий"; "многие враги партии, которые после их исключения в одной парторганизации переезжали, не сдавая партбилетов, в другую". Особая опасность усматривалась в проникших в партийный аппарат "врагах партии", которые "выдавали партийные документы или продавали их (! - В. Р.) своим соучастникам по подрывной работе против дела партии и Советской власти"². Эти установки открывали широкую дорогу новым провокациям и произволу против советских коммунистов и революционных эмигрантов.

14 января 1936 года было принято решение ЦК, согласно которому в течение трёх месяцев (февраль-апрель) все партийные билеты и кандидатские карточки должны были быть заменены партдокументами нового образца. В разъясняющей это решение статье "Правды" под названием "О большевистской бдительности", указывалось, что в ходе данной кампании партия будет продолжать очищаться от "троцкистов, зиновьевцев, белогвардейцев, жуликов и прочей нечисти". В то же время авторы статьи сочли необходимым предостеречь низовые парторганизации от излишнего рвения, выражавшегося в лишении работы всех исключённых из партии; рекомендовался дифференцированный подход к исключённым, заключавшийся в "умении отличать врага от неврага"³.

Троцкий едко комментировал эти предостережения, обнажая скрытый смысл формулировок, содержащихся в данной статье: "Человек, совершивший "какой-либо тяжкий проступок против партийной этики", может тем не менее оставаться "полезным человеком для социалистической страны". При одном условии: если это не "враг", то есть не враг бюрократии. Если он проворовался, получил или дал взятку, избил подчинённого или изнасиловал подчинённую, словом, совершил "тяжкий проступок против партийной этики", но

¹ Исторический архив. 1993. № 3. С. 364.

² ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. II. М., 1936. С. 646-647.

³ Правда. 1936. 15 марта.

остаётся при этом предан власти, этому "полезному человеку" надо дать другую работу... Беспощадность рекомендуется только по отношению к политическому противнику. Послушный взяточник - не враг, честный оппозиционер - смертельный враг, которого надо лишить какой бы то ни было работы". Троцкий подчёркивал, что данная статья свидетельствует о намерении Сталина "подвергнуть физическому истреблению десятки тысяч молодых безукоризненных борцов"¹.

Проверка и обмен партийных документов стали канцелярской подготовкой массового террора против коммунистов: в их ходе на каждого члена партии заводилось весьма подробное личное дело, в котором были досконально изложены сведения о его участии в оппозициях, о вынесенных в прошлом партийных взысканиях, включая снятые, и т. д.

В ходе обмена партбилетов были автоматически выброшены из партии многие покаявшиеся "троцкисты", ещё остававшиеся на ответственных постах. Так, И. Я. Врачёв вспоминает: ему просто не выдали новый партбилет - обоснованием для этого послужило решение "исключить из партии как в прошлом активного троцкиста"².

О механизме "розыска" троцкистов в процессе "проверки" и "обмена" партдокументов можно получить представление из опубликованных М. Восленским материалов "смоленского архива", касавшихся деятельности лишь одного из низовых аппаратчиков - секретаря сельского райкома Деменка.

Свою "бдительность" Деменок демонстрировал несколькими путями. Во-первых, он рассылал в обком партии и районное управление НКВД донесения, в которых сообщал, что "восстановил в памяти троцкистов, активно боровшихся против партии", и просил открыть розыск тех из них, которые за истекшие годы покинули район. "Помню, в 1924-1925 году в Ново-Зыбковскую парторганизацию Западной области, очевидно, по поручению троцкистского центра приезжал член партии Ковалёв - имени не знаю - с целью склонить парторганизацию в пользу Троцкого. С троцкистской речью выступал на активе, с докладом. Партийная организация тогда дала ему решительный отпор, однако возможно, что он и до сих пор является членом партии и до сих пор не разоблачён как троцкист. Сообщаю об этом для принятия необходимых мер". "Померанцев Леонид... После разоблачения троцкистской деятельности его в доме отдыха Померанцев был уволен. В данное время якобы он работает в доме отдыха в Вязьме. Померанцева надо разыскать". "Помню, в 1925-1926 гг., когда я работал секретарём Ново-Зыбковского волкома ВКП(б), в это время в волкоме работал в качестве агитпропа Каркузевич, имя, кажется, Михаил, член ВКП(б) с 1917 года, железнодорожник. Каркузевич в это время был активным троцкистом, он не только клеветал на партию и на вождя тов. Сталина, но дело дошло до того, что он демонстративно отказался в партийной сети прорабатывать решения 14 партсъезда, так как с этими решениями был не согласен и считал их неправильными. Мы тогда его сняли с работы, кажется, было объявлено партийное взыскание, но в партии он оставался, и где работал, я не знаю, но припоминаю, что работал в военизированной охране на железной дороге в

¹ Бюллетень оппозиции. 1936. № 50. С. 7-8.

² Сообщение И. Я. Врачёва автору книги.

Белоруссии. Возможно, что он, и до сих пор не разоблачён. Сообщаю об этом для принятия необходимых мер¹. "Необходимые меры" состояли в том, что люди, на которых поступали подобные доносы, разыскивались через централизованные картотеки ЦК, ЦКК и НКВД и исключались из партии.

Во-вторых, Деменок слал в партийные комитеты запросы о прибывших в его район коммунистах - руководствуясь подозрением, что они в прошлом могли быть причастны к оппозиционной деятельности. Так, в запросе, посланном в Кузнецкий горком ВКП(б), говорилось: "По имеющимся у нас сведениям член ВКП(б), партстаж с 1917 года, Полосухин Николай Иванович, работавший с 1922 по 1923 год в городе Кузнецке заворотделом укома, ныне работает у нас (город Козельск Западной области) начальником новостроящейся железной дороги Тула-Сухиничи, участвовал в троцкистской работе. Об этом он нам ничего не сказал. Прошу срочно нам сообщить, действительно ли Полосухин участвовал в троцкистской работе, если да, то когда и в чём эта деятельность выражалась"².

В-третьих, Деменок направлял в обком донесения о проводимой им работе по "выявлению" троцкистов в своём районе: "Трубин, Филипп Иванович, член ВКП(б) с 1918 года, зав. нефтескладом МТС, обвинялся в троцкизме, потом обвинение было снято, теперь проверяем ещё раз". "Козодой, член ВЛКСМ (имя и отчество не установили), где теперь находится, неизвестно. В 1929 году работал в столовой горпо, был связан с троцкистской группой, у Козодоя была обнаружена платформа троцкистов, разыскиваем Козодоя и корни"³.

От секретаря райкома не отставали и другие аппаратчики. На расширенном заседании бюро райкома звучали следующие выступления: "В заготовительной организации есть коммунист Козин. Он имеет партвзыскание за примиренческое отношение к троцкизму... Мне известно, что в Клинцовской партшколе был троцкист Глейзер... Я думаю, о нём необходимо довести до сведения обкома ВКП(б)". "Я знал Энгиша, он - директор одного из заводов в Брянске в 1925-1926 году, его исключили за принадлежность к троцкизму. Об этом надо сообщить в обком ВКП(б)". Присутствовавший на собрании инструктор обкома, словно не довольствуясь обилием подобных выступлений, потребовал от собравшихся "решительно и смело до конца вскрывать и разоблачать людей, которые хоть сколько-нибудь имели связь с троцкизмом в прошлом. Неважно какую - прямую и косвенную". И тут же продемонстрировал пример такой "связи": "У нас есть Матюшин, он председатель колхоза и парторг. Сам он говорил, что держал в своих руках платформу троцкистов. Я должен заявить, его держать в должности парторга нельзя"⁴.

Аналогичные "разоблачительные" мероприятия проводились повсеместно. В записке комиссии, проверявшей работу аппарата Кировской железной дороги, указывалось: "В Кандалакшском политотделе работало 12 человек из троцкистско-зиновьевской банды... Всем этим людям давались лучшие характеристики... Начальник политотдела дороги тов. Чаплин и начальник п/о "Канда-

¹ Восленский М. Номенклатура. С. 514-515, 523.

² Там же. С. 519-520.

³ Там же. С. 523-524.

⁴ Там же. С. 522-523.

лакша" Павлов дают такую оценку оппозиционеру Журавлеву: "хороший организатор, дисциплинированный большевик, умеющий организовать коммунистов", и ни слова в этой характеристике, что он был в оппозиции. Такую же дали характеристику другому активному зиновьевцу Лесину: "один из лучших инструкторов... отклонения от генеральной линии партии за тов. Лесиним не замечалось". В этой же справке указывалось, что "коммунисты плохо знают конкретную борьбу партии против троцкизма". В подтверждение этого приводился пример, когда рабочий, член партии с 1925 года, на занятии в кружке по изучению истории партии на вопрос: "В борьбе с какими врагами закалялась наша партия?" - ответил: "В борьбе с капитализмом и буржуазией" (требовалось ответить - "в борьбе с троцкистами" - В. Р.)¹.

Приведённые документы позволяют ответить на вопрос, почему в середине 30-х годов, невзирая на все предыдущие чистки, в партии ещё оставалось так много лиц, исключавшихся за принадлежность к "троцкистам" и "зиновьевцам". К этим категориям были отнесены все те, кто в 20-е годы голосовал за резолюции, предложенные оппозициями. Особенно много таких коммунистов насчитывалось в ленинградской партийной организации, которая почти целиком поддерживала в 1925 году "зиновьевцев". Ещё в 1926 году Г. Сафаров в заявлении, обращённом в Политбюро, писал, что семь тысяч ленинградских коммунистов "пали жертвой "выправления линии" ленинградской организации. Нет в Ленинграде ни единой цех. ячейки, ни одного коллектива, где бы не прошла "стихия" оргвыводов"². Тогда эти "оргвыводы" сводились в основном к вынесению партийных выговоров или снятию с партийной работы. Теперь, в 1935-1936 годах, остававшиеся в партии участники ленинградской оппозиции, независимо от того, где они в это время проживали и работали, исключались из партии как "зиновьевцы".

Ещё большее число коммунистов (по подсчётам современных историков, 40-50 тысяч) голосовали за оппозицию в дискуссии 1923 года. Хотя эти суммарные данные никогда не публиковались, на местах хорошо помнили, кто и как голосовал на открытых партийных собраниях 12-13 лет назад. Эта часть членов партии исключалась как "троцкисты".

Множество коммунистов было исключено из партии по ложным доносам о том, что они в 20-е годы голосовали за ту или иную оппозиционную резолюцию. Характерный пример в этом плане содержится в воспоминаниях ветерана Красной Армии Л. С. Сквирского. Он рассказывает, как в 1936 году член ВКП(б) с 1919 года Зиберов был обвинён политотделом военной академии в причастности к "троцкистам" на том основании, что десятью годами ранее он якобы голосовал за троцкистскую резолюцию. Зиберов объяснил, что в действительности дело обстояло следующим образом: собрание, о котором шла речь, затянулось, и он в числе других поддержал предложение о переносе его на следующий день, когда он проголосовал против "троцкистов". Проверка подтвердила правильность этого сообщения. Тем не менее Зиберова исключили из партии и отстранили от работы. Когда автор воспоминаний случайно встретил его на улице и подошел поздороваться, Зиберов "зарыдал, сказал, что

¹ Они не молчали. С. 363.

² Реабилитация. С. 132.

к нему люди боятся обращаться по любому поводу, вокруг него пустота, и стал уговаривать меня поскорее отойти, чтобы я не навлек на себя подозрения в сочувствии "троцкисту"¹.

За исключёнными из партии устанавливалась неослабная слежка. В строго секретной директиве секретарям райкомов от 21 января 1936 года первый секретарь Западного обкома требовал сообщить ему лично следующие сведения: "1) как вы оцениваете настроения исключённых из ВКП(б) вашего района и учитываете ли вы вообще эти настроения; 2) какие у вас факты контрреволюционной работы той или иной группы или отдельных лиц исключённых; 3) какие мероприятия вы провели и считаете нужным ещё провести по отношению исключённых, чтобы пресечь контрреволюционную работу... 4) сколько человек из исключённых, кого персонально и по каким причинам вы считаете уже сейчас политически или социально опасным... К составлению этих сведений разрешаю привлечь только второго секретаря и уполномоченного НКВД". 22 апреля того же года обком разослал ещё одно письмо под грифом "Совершенно секретно", в котором предлагалось "установить особый контроль за исключёнными из партии, знать, где они работают, их настроения, следить за враждебными элементами. В этом духе воспитывать секретарей парткомов и партторгов"².

Подобные директивы прямо нацеливали партийные органы на передачу исключённых в руки НКВД. Такая установка шла непосредственно от Сталина и Ежова. Когда Ежов через несколько лет произносил последнее слово в качестве подсудимого, он в подтверждение своих "заслуг" напоминал: "При проверке документов по линии КПК и ЦК ВКП(б) мы много выявили врагов и шпионов разных мастей и разведок. Об этом мы сообщали в ЧК, но там почему-то не производили арестов. Тогда я доложил Сталину, который, вызвав к себе Ягоду, приказал ему немедленно заняться этими делами. Ягода этим был очень недоволен, но был вынужден производить аресты лиц, на которых мы дали материалы"³.

Комиссии Президиума (Политбюро) ЦК КПСС по расследованию сталинских репрессий ни в 50-60-е, ни в 80-е годы не уделили никакого внимания проверке материалов официальных партийных чисток и партийной реабилитации лиц, необоснованно исключённых из партии (хотя это, казалось бы, должно было стать одной из главных задач авторитетных *партийных* комиссий). В результате по сей день отсутствуют точные данные о количестве исключённых из партии в ходе кампаний по проверке и обмену партдокументов. Неизвестно также, какая часть исключённых в чистках 1933-1936 годов была арестована и какую долю среди исключённых и арестованных составляли лица, обвинённые в принадлежности к "троцкистам".

В советской печати 30-х годов были опубликованы лишь суммарные данные о численности "вычищенных" до 1 января 1934 года (почти 1 млн. чел.)⁴. В отношении последующих чисток мы можем пользоваться лишь отдельными

¹ Вопросы истории. 1989. № 9. С. 62.

² Восленский М. Номенклатура. С. 513.

³ Совершенно секретно. 1992. № 4.

⁴ Большая Советская Энциклопедия. 7 изд. Т. 61. М., 1934. С. 655.

свидетельствами и ориентировочными расчётами, показывающими, что в 1934-1936 годах было исключено коммунистов не меньше, чем за все предшествующие годы. В статье "План физического истребления большевиков-ленинцев", написанной 25 марта 1936 года, Троцкий на основе анализа данных советской печати приходил к выводу, что "начиная со второй половины прошлого года, исключено до сегодняшнего дня никак не меньше 300 тысяч человек, а может быть, и полмиллиона"¹. В. Кривицкий, основываясь на данных НКВД, куда стекались все сведения по статистике партийных репрессий, утверждал, что только за 1934-1935 годы из рядов партии был выброшен примерно миллион человек².

Как показывают материалы февральско-мартовского пленума 1937 года, в ведомствах и регионах вёлся тщательный бюрократический учёт исключённых из партии. Так, Каганович сообщил, что в системе железнодорожного транспорта работают 75 тысяч человек, исключённых в 1930-1936 годах. Он рассказал об одном депо, где "членов партии имеется 80 человек, а исключённых 100, причем среди них есть люди замечательные, стахановцы, получившие значок, есть люди, которые прямо говорят: "Позвольте, я работаю хорошо, почему я должен ходить под подозрением"³.

Секретарь Западносибирского крайкома Эйхе рассказал, что в крае насчитывается 44 тысячи коммунистов и 93 тысячи человек, выбывших и исключённых из партии за 1926-1936 годы⁴.

На XVIII съезде ВКП(б) Сталин объединил все чистки 30-х годов под единой рубрикой "Чистка 1933-1936 гг.". Он заявил, что эта чистка "в основном дала положительные результаты", хотя в ней "к сожалению, ошибок оказалось больше, чем можно было предположить". Там же Сталин сообщил, что проверка и обмен партийных документов были закончены лишь к сентябрю 1936 года, а приём в партию новых членов был возобновлен 1 ноября 1936 года. Умолчав о том, сколько коммунистов было исключено во время трёх официальных чисток и последовавшего за ними террора 1937-1938 годов, Сталин ограничился приведением данных, согласно которым к XVIII съезду в партии оказалось на 270 тыс. меньше членов, чем к XVII съезду (январь 1934 года)⁵. Если учесть, что в начале 1934 года в партии состояло около одного миллиона кандидатов, значительная часть которых была затем переведена в члены партии, а также то, что с конца 1936 года начался форсированный приём в партию "беспартийных большевиков", можно получить известное представление о масштабах чисток 30-х годов.

В докладе мандатной комиссии XVIII съезда указывалось, что в начале 1939 года в партии состояло 8,3 % членов со стажем до 1921 года, то есть 133 тыс. чел., и 1,3 % членов со стажем до 1918 года, то есть 23 тыс. чел.⁶. По данным партийной переписи 1927 года, в партии тогда насчитывалось 40 тыс.

¹ Бюллетень оппозиции. 1936. № 50. С. 7.

² Кривицкий В. "Я был агентом Сталина". С. 204.

³ Вопросы истории. 1995. № 9. С. 28.

⁴ Вопросы истории. 1995. № 6. С. 5.

⁵ XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М., 1939. С. 28.

⁶ Там же. С. 148.

членов со стажем до 1918 года и 262 тыс. членов со стажем до 1921 года¹. Естественная смертность коммунистов в 1928-1938 годах не могла быть высокой, поскольку в 1927 году менее 3 % членов партии были старше 50 лет. Сопоставление приведённых выше данных показывает, что за эти 11 лет из партии была исключена почти половина большевиков, вступивших в неё в годы подполья и гражданской войны.

Политический смысл чисток 30-х годов верно раскрыт в книге А. Авторханова "Технология власти". В главе "От партии Ленина к партии Сталина" автор писал, что метод партийных чисток явился универсальным средством не только расправы с действительной оппозицией внутри партии, но и предупреждения всякой потенциальной оппозиции в партии и народе. Их "основная цель - ликвидация думающей партии. Этого можно было добиться только путём политической и физической ликвидации всех и всяких критически мыслящих коммунистов в партии. Критически мыслящими как раз и были те, которые пришли в партию до и во время революции, до и во время гражданской войны. Эти люди, ставшие коммунистами ещё до того, как Сталин стал генеральным секретарём, партии, были главным препятствием для Сталина на его пути к единоличной диктатуре. Многие из них до конца своих дней оставались идейными людьми. Именно поэтому они и были опасны Сталину. Это касалось верхов партии. Но и низовая многотысячная партийная масса стала проявлять некоторое непослушание. Она с опаской и критически начала относиться к тому, как Сталин расправляется со своими противниками наверху. Поэтому чистка партии направлялась одновременно и против оппозиционных верхов партии, и против потенциальной оппозиции в низовой партийной массе". Авторханов справедливо утверждал, что партийные чистки в конечном счёте привели к "1) ликвидации старой партии Ленина; 2) созданию новой партии Сталина"².

Этот основной вывод книги "Технология власти", подкреплённый многочисленными фактами и цифрами, был, однако, пересмотрен Авторхановым в его последующих работах типа "Происхождение партократии". В них автор, всё более скатываясь на антикоммунистические позиции, софистически обосновывал прямо противоположный тезис - об органической преемственности между партией Ленина и партией Сталина, между большевизмом и сталинизмом.

Между тем пропасть между этими двумя противоположными политическими силами, формально объединёнными именем одной и той же правящей партии, обуславливалась тем, что сталинизм (как будет показано в последующих главах) в середине 30-х годов окончательно порвал с основными принципами большевизма как во внешней, так и во внутренней политике.

¹ Большая Советская Энциклопедия. 7 изд. Т. 11. М., 1930. С. 538.

² Авторханов А. Технология власти. М., 1991. С. 258-259.

Сталинизм и фашизм

С конца 20-х годов Коминтерн стал руководствоваться теорией "третьего периода", согласно которой после периодов революционного подъёма (1918-1923 годы) и временной стабилизации капитализма (1924-1927 годы) наступил период борьбы за установление диктатуры пролетариата в капиталистических странах. Главной помехой этой борьбе был объявлен "социал-фашизм", то есть социал-демократия, рассматривавшаяся как основная опора буржуазии, как политическая сила, более опасная для рабочего класса, чем его открытые враги - фашисты. Следование теории "социал-фашизма", обрекавшей рабочие партии капиталистических стран на взаимное ослабление, явилось главным фактором, проложившим дорогу бескровной победе нацистской партии в Германии. В январе 1933 года президент Гинденбург предложил Гитлеру сформировать правительство. Одновременно был распущен рейхстаг и на 5 марта назначены новые парламентские выборы.

27 февраля 1933 года фашистские провокаторы подожгли здание рейхстага, вслед за чем была немедленно поднята клеветническая кампания, обвинявшая в поджоге коммунистов. В этих условиях нацистская партия получила на выборах 17,2 миллиона голосов, или 43,9 % от общего числа избирателей. После выборов гитлеровцы запретили деятельность компартии и аннулировали почти 5 млн. голосов, завоеванных коммунистами, тем самым получив большинство в рейхстаге. В июле 1933 года была запрещена социал-демократическая партия, а затем произошёл "самороспуск" всех остальных партий - в результате закона от 14 июня, объявлявшего единственной "законной" политической партией партию национал-социалистов.

Как и в Италии, фашистская партия в Германии была провозглашена государственной партией. 1 декабря 1933 года был принят закон об обеспечении единства партии и государства, в котором объявлялось, что национал-социалистическая партия является "носителем германской государственной мысли". В соответствии с этим законом заместитель Гитлера по партии Гесс был официально введён в состав имперского правительства. В последующие месяцы из рейхстага были изгнаны все оставшиеся там депутаты, не принадлежавшие к фракции национал-социалистов. 4 июля 1934 года был принят закон, согласно которому депутат рейхстага утрачивал свой мандат, если покинул ряды нацистской партии или был исключён из неё; преемника такого депутата назначал "вождь" национал-социалистической фракции рейхстага. В результате всех этих беспрецедентных акций рейхстаг превратился в чисто декоративное учреждение, ограничивающееся единодушным одобрением деклараций, с которыми в нём выступал Гитлер.

Таким образом, разрушение парламентской демократии в Германии и Италии происходило при формальном сохранении парламента, лишённого какой бы то ни было фактической роли в системе государственного управления. Фа-

шистские правительства даже формально не были ответственны перед парламентом, который подчинялся главе правительства и "нации".

В Италии голосование в парламенте происходило по формуле "утверждаете ли вы список депутатов, намеченных Большим советом фашизма?" Избирателям оставалось лишь приписать внизу бюллетеня "да" или "нет". Подобный плебисцитарный режим был установлен и в Германии, где после смерти Гинденбурга в августе 1934 года Гитлер узурпировал полномочия президента и объявил себя рейхсканцлером и "фюрером" (вождём) германской нации. Чтобы придать этому произволу видимость законности, он оформил его "всенародным плебисцитом", или референдумом, на котором лишь немногим более 5 млн. чел. отважились голосовать против этого гитлеровского диктата. На основе подобного "волеизъявления народа" в Германии окончательно сформировался режим жесточайшей диктатуры.

Законами "О защите народа и государства" от 28 февраля и "Об отражении коварных выступлений против правительства" от 21 марта 1933 года были отменены все конституционные политические свободы. 24 марта рейхстаг принял решение о том, что все государственные законы могут издаваться правительством, ликвидировав тем самым разделение законодательной и исполнительной властей. Закон от 7 апреля предписал чистку всего государственного аппарата от лиц, подозревавшихся в симпатии к прежнему режиму, и от "неарийцев".

Все эти "победы" были достигнуты Гитлером в условиях безжалостного террора против его политических противников. Только за 1933-1934 годы было арестовано 298 тыс. и тяжело ранено 154 тыс. антифашистов. По неполным данным, за первые три года фашистской диктатуры было убито 5144 человека.

Используя демагогические лозунги о "засилье еврейского финансового капитала", Гитлер приступил к осуществлению геноцида против евреев. Уже в 1932-1934 годах 70 тысяч немецких евреев бежали за границу. В 1935 году рейхстаг принял Нюрнбергские законы, лишавшие "неарийцев" германского гражданства. В том же году приказом прусского министра воспитания Руста были организованы специальные школы для детей-неарийцев.

Уже с первых лет функционирования гитлеровской диктатуры в мировой печати стали широко обсуждаться вопросы о соотношении между фашизмом и сталинизмом. Для любого непредвзятого человека было очевидно, что к общим чертам этих политических режимов относятся ликвидация демократических институтов в стране и в самой правящей партии, полное подавление политических свобод и прав человека, беспощадный террор против политических противников, преследование всякого инакомыслия и культ "вождя" (фюрера, дуче, каудильо). В этой связи следует напомнить, что до того времени, когда в мировой политической лексикон вошло понятие "национал-социализм" (по названию гитлеровской партии), Троцкий не раз использовал это понятие для характеристики идеологии и политики сталинизма (имея в виду ориентацию последнего на решение исключительно национально-государственных задач).

Деятели левой оппозиции приходили к выводу, что возникновение фашистского режима в Германии дало новый толчок тоталитарным тенденциям в

Советском Союзе, а сталинизм и гитлеризм в известном смысле подпитывали, укрепляли друг друга. В романе "Полночь века" В. Сержа один из персонажей, старый большевик Елькин после прочтения тайно доставленных в СССР статей Троцкого говорит: "Взяв власть, Гитлер её не выпустит, способы известны. А нам долго быть в загоне: рикошетом это стабилизировало бы бюрократическую реакцию в СССР... Силу Гитлера создал Сталин, отлучая от коммунизма средние классы кошмаром ускоренной коллективизации, голодом, террором по отношению к специалистам. Гитлер, приводя в отчаяние социал-демократов Европы, усилил Сталина"¹.

В одном из писем, отправленных своим родным из тюрьмы, М. Н. Рютин давал развёрнутую характеристику фашизма. При внимательном прочтении этого фрагмента письма становится очевидным - Рютин осознанно, хотя и не в прямой форме, выделял черты, общие для сталинистского и фашистского режимов.

1. Фашизм - это цезаризм и бонапартизм...

2. Основная социальная база фашизма в момент его прихода к власти в той или другой стране - мелкобуржуазная интеллигенция в первую очередь и мелкая буржуазия вообще, а также частью отсталые одуроченные слои рабочего класса. В дальнейшем в ходе его пребывания и "укрепления" у власти его социальная база всё больше и больше суживается, и он начинает опираться главным образом на необычайно централизованный бюрократический аппарат, тайную и явную полицию, армию, террор, ложь, клевету и демагогию.

3. Фашистская партия - это послушный слепой инструмент в руках диктатора - "фюрера". Выборности фактически не существует. Вместо коллективности - лично доверенные люди диктатора - "фюрера" или доверенные его доверенных.

4. В верхушке фашистской партии обычно стоит интеллигентская клика прожжённых, беспринципных, но решительных, ни перед чем не останавливающихся политиканов с "фюрером" во главе, никем фактически не контролируемых и ни перед кем не ответственных.

5. Возглавляет, как правило, партию непогрешимый, деспотический, всевластный диктатор... В партии господствует культ диктатора. В его руках сосредотачивается в десятки раз более власти, чем в руках любого самодержавного монарха.

6. Фашизм, как правило, приспособляет к своим потребностям все формы государства, которые он находит, меняя их фактическое содержание.

7. Фашизм колоссально усиливает и возводит в культ организующую роль государства и всей правительственной машины угнетения и террора. Он неустанно ведёт пропаганду о всемирно-исторической мессианской роли данного государства, прихотливо переплетая национализм с "интернационализмом".

8. Под флагом "высших интересов" государства, "национально-социалистической революции" и пр. он осуществляет самый дикий азиатский произвол и насилие, уничтожает всякую законность, сотнями тысяч арестовы-

¹ Серж В. Полночь века. Дело Тулаева. С. 54.

вает, без суда бросает в тюрьмы, концентрационные лагеря и пр. Самые суды он превращает в фальшивые инсценировки; клевета, подлог и сфабрикованные им документы становятся одним из важнейших его орудий в борьбе со своими политическими противниками. Он уничтожает всякую гласность, ибо в темноте ему легче творить свои кровавые дела.

9. Характернейшей чертой фашизма является чудовищное развитие шпионажа, сыска, доносов. Страна приводится в состояние трепета, и человек с человеком начинает бояться говорить по самым невинным вопросам...

10. Своими принудительными организациями фашизм охватывает самые широчайшие рабочие и трудящиеся массы. Зажатые в тиски террора и принудительных организаций массы не только не могут молчать, но вынуждены иногда под фашистским топором кричать "ура"...

11. Фашизм придерживается принципа - "разделяй и властвуй". С этой целью он раскалывает ряды рабочего класса и мелкобуржуазных масс, натравливает одну группу на другую и подкупает тёплыми местами, высокой заработной платой и дождём наград.

12. Фашизм почти всюду в той или иной степени с помощью голода, террора и насилия проводит принудительный рабский труд.

13. Монополизация печати в руках фашистской клики в свою очередь является неотъемлемым инструментом фашистской диктатуры. С помощью её фашистские клики в широчайших, не виданных в мире размерах фальсифицируют настроения пролетариата, всех трудящихся, развёртывают свою демагогию, хлестаковщину, терроризирование масс и их одурачивание¹.

Нетрудно увидеть, что в чётких характеристиках Рютин имеет в виду не только фашизм. Например, в пункте 7 ссылка Рютин на интернационализм целиком относится к сталинизму, поскольку применительно к идеологии фашистских режимов не могло идти никакой речи об интернационализме.

Аналитики 30-х годов указывали и на определённые различия между политическими режимами фашизма и сталинизма. В этом отношении несомненный интерес представляют наблюдения Г. Федотова, подчёркивавшего, что фашистские диктаторы поддерживали обманутые ими массы и особенно возглавляемые ими партии в состоянии "революционной взволнованности", демагогически играя лозунгом "национально-социалистической революции"; Сталин же не только отказался от стержневых идей большевистской программы - международно-революционных задач, но и фактически уничтожил большевистскую партию как организацию "активного меньшинства, имеющую свою волю, свои традиции."

"Муссолини и Гитлер (как и Ленин) должны постоянно дрессировать, воспитывать и вдохновлять своих борцов... - писал Федотов. - Сталину давно уже удалось убить всякую политическую активность своей партии... Организация ВКП уже не партия, то есть не группа политических активистов. Её программа, её прошлое уже не весят ничего на политических весах"².

В этой цитате, описывающей перерождение большевизма в сталинизм, коммунистически мыслящему человеку может показаться кощунственным

¹ Рютин М. Н. На колени не встану. М., 1992. С. 339-341.

² Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Т. II. С. 85-86.

упоминание имени Ленина в одном ряду с именами фашистских диктаторов. Однако сближение подлинного большевизма, ленинизма с фашизмом имеет известные основания, если рассматривать сходство не порождённых ими общественных систем, а методик политической борьбы и воздействия на массы.

Отвергая "крайне поверхностную аналогию между большевизмом и фашизмом", проводимую в 30-е годы либеральной и социал-демократической печатью, Троцкий указывал на "непримиримость тех целей, которым служат эти два основных мировых течения: одно, которое хочет увековечить разваливающееся капиталистическое общество мерами универсальной полицейщины, и другое, которое методами революционной диктатуры хочет ликвидировать классы и государство, освободив тем самым общество и человеческую личность". Однако вслед за этим Троцкий замечал, что "в процессе боя смертельные враги нередко меняются оружием". В этой связи он вспоминал слова итальянского коммуниста Сerratи: "К стыду нашему, Муссолини у большевиков научился гораздо большему, чем мы". Соглашаясь с этим наблюдением, Троцкий писал, что "в борьбе за власть фашизм многое заимствовал от большевизма" в методах политической борьбы. В свою очередь, советская бюрократия, порвавшая с идейными принципами большевизма, "за последний период... усвоила многие черты победоносного фашизма: прежде всего, освобождение от контроля партии и учреждение культа вождя"¹.

Диалектическая гибкость мысли при анализе схождений и расхождений между большевизмом, сталинизмом и фашизмом была присуща и Н. Бердяеву. Описывая эволюцию советского режима, он подчёркивал: "Ленинизм не есть, конечно, фашизм, но сталинизм уже очень походит на фашизм"². Оставим в стороне несколько снисходительный тон Бердяева по отношению к ленинизму и обратим внимание на суть. Тем более, что несколькими страницами ниже Бердяев уточнял это своё наблюдение следующим выводом: "Сталинизм... перерождается незаметно в своеобразный русский фашизм... Ленин не был ещё диктатором в современном смысле слова. Сталин уже вождь-диктатор в современном фашистском смысле"³.

Позднейшие публицисты антикоммунистического толка, лишённые способности к диалектическому анализу исторических явлений, широко использовали часто применявшийся Бердяевым термин "тоталитаризм" для отождествления большевистского, сталинистского и фашистского режимов. В этой связи подчеркнем, что у Бердяева этот термин употребляется в двояком смысле. В одних случаях имеется в виду политический режим определённого типа, в других - единство, цельность мировоззрения и основанного на нём социального действия. Второе значение этого термина Бердяев использовал, например, говоря о том, что русские легальные марксисты, к которым он сам принадлежал в начале XX века, "цельность, тоталитарность начали искать не в революции, а в религии"⁴.

¹ Бюллетень оппозиции. 1934. № 38-39. С. 2.

² Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 103.

³ Там же. С. 120.

⁴ Там же. С. 90.

Не буду здесь подробно говорить о полной несостоятельности отождествления большевизма и сталинизма, полагаясь на вдумчивость и непредвзятость читателя этой книги, понимающего, сколь преднамеренно лжива подобная идеологическая операция. Зато характеристика сталинистского и фашистского политических режимов как тоталитарных имеет под собой глубокие основания. Используя понятие "тоталитаризм" для определения политической и идеологической сущности сталинизма и фашизма, Троцкий подчёркивал, что эти режимы, "несмотря на глубокое различие социальных основ, представляют собой симметричные явления. Многими чертами своими они убийственно похожи друг на друга"¹. В них бросаются в глаза "симметрия политических надстроек, сходство тоталитарных методов и политических типов"².

Вместе с тем Троцкий всегда считал грубой теоретической и политической ошибкой отождествление фашистского и советского общества в целом. Если фашизм представлял собой внутренне согласованную общественную систему, отражавшую наиболее зловещие черты империализма, то сталинизм являлся злокачественным наростом, опухолью на теле советского общества, вступавшей в резкое противоречие с его социальным фундаментом.

Полное отождествление фашизма и сталинизма несостоятельно по нескольким основаниям.

Во-первых, понятие "тоталитаризм" характеризует лишь политическую надстройку общества, но ничего не говорит о сущности его социально-экономического уклада, формах собственности, на которых оно базируется. То обстоятельство, что СССР покончил с капиталистической эксплуатацией, открывало перед ним возможности социалистического обновления и возрождения. В отличие от этого фашизм не только сохранил капиталистические формы собственности, но и лишил рабочих всех форм защиты от эксплуатации. Законом "Об организации национального труда", принятым в Германии 20 января 1934 года, были ликвидированы профессиональные союзы и фабрично-заводские комитеты на предприятиях. Вместо профсоюзов, имущество которых было секвестрировано государством, был образован т. н. трудовой фронт - политическая фашистская организация, которая не ущемляла права капиталистов, именовавшихся "вождями предприятий". Тот же закон разрешил владельцам предприятий единолично устанавливать правила внутреннего распорядка, продолжительность рабочего времени, накладывать на рабочих штрафы и увольнять их без предупреждения. Германские фашисты декларировали в своём "Кодексе труда", что "на фабрике предприниматель в качестве вождя и рабочие и служащие в качестве его дружины работают совместно для достижения целей фабрики в интересах партии и государства. Решение вождя обязательно для его дружины во всех вопросах, касающихся фабрики"³.

Расправившись в 1934 году с той частью нацистской партии, которая всеерьёз восприняла его "антиплутократическую" риторику и потребовала "второй революции" против капиталистических магнатов, Гитлер заимствовал у итальянских фашистов новый вид социальной демагогии - теорию "корпоратив-

¹ Троцкий Л. Д. Преданная революция. С. 230.

² Бюллетень оппозиции. 1935. № 65. С. 2.

³ Цит. по: Большая Советская Энциклопедия. Т. 56. М., 1936. С. 673.

ного государства". Согласно этой теории, классовая борьба объявлялась результатом политики как социализма, так и либерализма и считалась ликвидированной "корпоративным государством", обеспечивающим "единство нации". Называя "корпоративное государство" "оригинальным творением фашистской революции", Муссолини утверждал, что оно "координирует и приводит в гармонию хозяйственные силы, которые либерализм и социализм предоставляют взаимному уничтожению"¹.

Лидеры и теоретики фашизма отвергали "идеологизированное" понятие "капитализм", заменяя его термином "предпринимательство". "Не существует никакой капиталистической системы, - утверждал Гитлер. - Предприниматели пробили себе дорогу благодаря своему прилежанию и умению. В силу этого качества, показывающего, что они принадлежат к высшему типу, они имеют право на руководство"².

Социальная демагогия фашизма приобрела особенно бесстыдные формы в период союза Сталина с Гитлером. В эти годы немецкая и итальянская печать была заполнена утверждениями (перепечатаваемыми советской прессой) о "пролетарских народах", ведущих борьбу против "западных плутократий".

За завесой этой демагогии скрывалась незыблемость капиталистических основ экономики фашистских государств, принципиально отличавшихся от социалистических основ советской экономики. Имея в виду это коренное отличие экономических укладов, Троцкий писал, что "столь нередкое у либеральных экономистов отождествление советского хозяйства с фашистским (Италия, Германия) есть плод невежества или шарлатанства"³.

Во-вторых, фашизм обладал собственной идеологической доктриной и открыто прокламировал свои политические цели - милитаризацию и экспансионизм ради завоевания "жизненного пространства" для "высшей расы". Эксплуатируя ущемлённое Версальским договором национальное достоинство немецкого народа, играя на его национальных чувствах и воспоминаниях, изображая себя наследниками всего героического в германской истории, Гитлер и другие нацистские "вожди" насаждали культ реваншизма и войны. В "Моей борьбе" Гитлер заявил о прекращении Германией колониальной политики довоенного времени и о переходе к "земельной политике будущего... Ведя речь в сегодняшней Европе о новой земле, мы можем иметь в виду только Россию и верноподданные ей периферийные государства... Гигантская восточная империя созрела для краха... Мы избраны судьбой стать свидетелями катастрофы, которая будет самым гигантским подтверждением расовой теории"⁴.

Во время действия пакта "Молотов-Риббентроп", одним из пунктов которого было взаимное прекращение антифашистской и антисоветской пропаганды, эта установка была временно изъята из официальной германской пропаганды, будучи заменена призывом к борьбе с "плутократическими империями". Однако во всех случаях в основе фашистской идеологии лежала установка на

¹ Там же. С. 686.

² Там же. С. 673.

³ Бюллетень оппозиции. 1936. № 54-55. С. 50.

⁴ Цит. по кн: Накануне. 1931-1939. М., 1991. С. 22.

проведение агрессивной политики, для которой было необходимо поддержание внутреннего тоталитарно-мобилизационного режима.

Что же касается сталинизма, то он не обладал идеологической доктриной, отражавшей его подлинные политические цели. Сталинский тоталитаризм всей своей сутью был противоположен той идеологии, которая продолжала считаться идеологией правящей партии. Сталин, в окружении которого не оставалось ни одного значительного политика и теоретика, присвоил себе единоличное право выдвигать, формулировать и провозглашать все политические и идеологические новации. Камуфлируя свою переменчивую внутреннюю и внешнюю политику абстракциями социалистического словаря, он добавил к вырванным из контекста и ложно истолкованным цитатам Маркса и Ленина всего лишь несколько идеологических конструкций, возведённых в ранг "теорий" ("теория" о победе социализма в одной стране, "теория" об усилении классовой борьбы по мере продвижения к социализму, трактовка "основного принципа социализма" и т. д.).

Порвав с концепцией мировой революции, Сталин подчинил свою внешнюю политику прагматическим геополитическим соображениям, связанным с задачей сохранения и укрепления своей власти. В середине 30-х годов он стремился к поддержанию status quo в Европе и в этих целях вёл двойную игру с противостоящими друг другу капиталистическими державами (см. гл. XXXIII). В первые, катастрофические месяцы войны с Германией он предпринимал судорожные усилия для своего спасения даже ценой величайших уступок другим государствам. В октябре 1941 года Сталин зондировал через болгарское правительство возможность сепаратного мира с Гитлером и готов был принять любые условия последнего, вплоть до отдачи Германии Советской Прибалтики, Молдавии, части Белоруссии и Украины. Незадолго до этого он обратился с просьбой к Черчиллю направить в СССР 25-30 английских дивизий, уверяя, что в противном случае "Советский Союз либо потерпит поражение, либо потеряет надолго способность оказывать помощь своим союзникам своими активными действиями на фронте борьбы с гитлеризмом"¹. Совершенно очевидно, что подобное широкомасштабное английское военное присутствие в СССР означало бы существенную угрозу суверенитету Советского государства.

В те же периоды, когда политическая и военная обстановка складывалась в пользу Сталина, он вступал с лидерами капиталистических стран в сделки чисто империалистического характера. Такой сделкой стало заключение в 1939 году советско-германского пакта, предусматривавшего четвёртый раздел Польши и разграничение иных "сфер влияния" в Европе между Советским Союзом и Германией. Когда ценой невероятных жертв и героических усилий советского народа был достигнут перелом во второй мировой войне, Сталин приступил к сговору с лидерами США и Англии о послевоенном разделе мира. Этот сговор способствовал реализации геополитических экспансионистских устремлений Сталина - насаждению покорных ему режимов в странах Восточной Европы.

¹ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. М., 1991. С. 208, 213.

В-третьих, при гитлеризме и сталинизме по-разному складывались взаимоотношения между "вождём" и его политическим окружением. За двенадцать лет существования нацистского режима никто из соратников Гитлера (за исключением Рема, убитого в 1934 году, и Гесса, бежавшего в 1941 году в Англию) не выпал из "правлящей тележки". Даже на Нюрнбергском процессе главари третьего рейха не отмежевались от Гитлера и не подвергли его столь резкой критике, как это было сделано в отношении Сталина его преемниками на XX и XXII съездах КПСС.

Отношения же между Сталиным и его окружением свелись к физическому уничтожению одной части последнего и покорному повиновению другой безжалостному диктату "вождя". Тем не менее даже непосредственные преемники Сталина, безоговорочно поддерживавшие его на протяжении тридцати лет, сразу же после его смерти существенно изменили как внешнеполитический курс (переход от холодной войны к политике "разрядки"), так и внутреннюю политику (прекращение государственного террора и смягчение социального неравенства).

Конечно, эти "наследники Сталина", давно уже утратившие большевистский менталитет, были не способны к радикальному реформированию социально-политической системы и восстановлению советской и партийной демократии. Даже те половинчатые реформы, на которые они решились пойти, осуществлялись в обстановке идейного разброда и борьбы за власть между членами "коллективного руководства". Однако эту борьбу было бы неправильно сводить исключительно к беспринципной грызне. Далеко не случайно, что все члены Президиума ЦК сплотились в 1953 году ради устранения наиболее страшного сталинского монстра Берии. Столь же не случайно, что в последующей борьбе за лидерство победу одержал Хрущёв, инициатор линии на десталинизацию. Однако процесс десталинизации СССР, казалось бы, обнаруживший способность советской системы к самоочищению от язв сталинизма, был прерван новым "коллективным руководством", свергнувшим Хрущёва.

Глубинной причиной этой затянувшейся на два десятилетия прерывности было состояние правящей партии. Она была настолько обескровлена сталинскими репрессиями и настолько подавлена гнётом партаппарата, что оказалась неспособной к самообновлению, превращению в жизнедеятельный организм и выдвижению из своих рядов политических деятелей большевистского типа.

Тоталитарный режим, рухнувший со смертью Сталина, оставил многочисленные метастазы, которые привели к новым формам перерождения советского общества, а затем - к крушению его социалистических основ.

XXVII

Сталин и Гитлер

Сопоставление сталинизма и фашизма необходимо должно быть дополнено сопоставлением личностей их "вождей". Эта тема неоднократно затрагивалась в работах Троцкого. Указывая на непристойный характер попыток приравнять Сталина к Ленину, Троцкий писал, что Сталина по масштабам личности нельзя поставить на одну доску даже с Гитлером и Муссолини. Как ни скудны "идеи" фашизма, но оба вождя победоносной фашистской реакции были яркими агитаторами и трибунами. Их политическое выдвижение совершалось в неразрывной связи с ростом движения, которое они инициировали и возглавляли с первых его шагов. В отличие от фашистских вождей Сталин не создал собственной партии. Большевицкая партия была создана Лениным. Лишь после завоевания ею власти и последующей узурпации этой власти её аппаратом, Сталин стал подниматься над партией. "К массам, к событиям, к истории у него нет другого подхода, как через аппарат"¹. Добавим, что такой подход к событиям и массам сохранился и у всех преемников Сталина - от Хрущёва, которому этот "аппаратный" подход мешал в его реформаторских начинаниях, до Горбачёва, потерпевшего вместе со всем партийным аппаратом политическое фиаско.

Не обладавшие собственной политической доктриной, Сталин и его преемники были способны править лишь эмпирическим путём проб и ошибок, подчиняя теорию и стратегию тактическим задачам, непредвиденно возникавшим в силу прежде всего их собственных волонтаристских импровизаций и просчётов.

Касаясь отношения Сталина к Гитлеру, Троцкий подчёркивал, что "Сталин, лишённый творческого воображения, изобретательности, окружённый крайне серыми людьми, явно подражает Гитлеру, который импонирует ему своей изобретательностью и смелостью"². Одним из примеров такого подражания Троцкий считал чистку в большевистской партии, идея которой возникла у Сталина после успешной чистки, учинённой Гитлером над оппозицией внутри нацистской партии в 1934 году. Этот вывод подтверждается воспоминаниями В. Кривицкого о высоких оценках, которые Сталин давал Гитлеру за его беспощадную расправу с оппозицией и превращение Германии в "сверхдержаву" (см. гл. XXXIII).

В свою очередь Гитлер в кругу своего ближайшего окружения также оценивал Сталина "очень высоко, но прежде всего как тирана". Советский публицист Э. Генри^{3*}, которому принадлежит это наблюдение, приводил в его под-

¹ Троцкий Л. Д. Сталин. Т. II. С. 145.

² Там же. С. 211.

³ Э. Генри (Б. И. Ростовский) уже в 30-е годы глубоко изучал гитлеровскую политику, выпустив две книги, получившие широкий резонанс во всём мире: "Гитлер над Европой" (М., 1935) и "Гитлер против СССР. Грядущая схватка между фашистскими и социалистическими армиями" (М., 1937).

тверждение высказывания Гитлера, выражавшие "классовую правду" этого наиболее жестокого врага коммунизма. В январе 1941 года Гитлер заявил: "Он (Сталин - В. Р.) отождествляет себя с Россией царей. Большевизм для него только средство - прикрытие для обмана германских и латинских народов". О меткости политических наблюдений Гитлера свидетельствует и другая его мысль: "Сталину социальная сторона жизни совершенно безразлична. Что касается его, то народ может сгнить"¹.

Суммируя высказывания Гитлера в застольных беседах с приближёнными, Г. Пикер, тщательно записывавший эти беседы, подчёркивал, что Гитлер "считает Сталина гением и открыто восхищается им"². Среди многочисленных высказываний Гитлера о "гениальности" Сталина выделяется мысль о том, что "к Сталину, безусловно, тоже нужно относиться с должным уважением. В своём роде он просто гениальный тип. Его идеал - Чингисхан и ему подобные, о них он знает буквально всё"³. Гитлер открыто признавался, что он многому научился у Сталина, в частности, осуществив после взятия власти "унификацию всей немецкой прессы (подобно тому как это сделал Сталин в СССР)"⁴.

Глубоко презирая советский народ, Гитлер одобрял методы, применявшиеся по отношению к нему Сталиным, и заявлял, что "на восточных землях можно добиться цели, лишь действуя совершенно беспощадными методами а la Stalin"⁵.

Для характеристики взаимоотношений двух диктаторов в период их "дружбы" небезынтересно то обстоятельство, что Сталин поверял гитлеровским посланцам мысли, которые в то время не решался открыто высказывать даже в кругу своего ближайшего окружения. Так, по словам Гитлера, в беседе с Риббентропом Сталин "не скрывал, что ждёт лишь того момента, когда в СССР будет достаточно своей интеллигенции, чтобы полностью покончить с засильем в руководстве евреев, которые на сегодняшний день пока ещё ему нужны"⁶. Так откровенно Сталин не позволял себе говорить даже в последние годы своей жизни, когда он прикрывал проводимую им политику государственного антисемитизма филиппиками против "безродных космополитов", "агентов Джойнта" и т. д.

Некоторые профашистские высказывания Сталина изумляли даже ближайших приспешников Гитлера. Так, А. Розенберг записал в своём дневнике свидетельство Риббентропа о том, что во время приёма последнего в 1939 году "Сталин провозгласил здравицу не только в честь фюрера, но также и в честь Гимmlера как гаранта порядка в Германии". "Гимmlер истребил коммунистов, то есть тех, кто верил Сталину, - комментировал этот факт Розенберг, - а тот без всякой на то необходимости провозглашает здравицу в честь истребителя своих приверженцев. "Великий человек," - говорят Риббентроп и вся эта клика"⁷.

¹ Дружба народов. 1988. № 12. С. 261.

² Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. Смоленск, 1993. С. 332.

³ Там же. С. 451.

⁴ Там же. С. 289.

⁵ Там же. С. 277.

⁶ Там же. С. 456.

⁷ Там же. С. 21.

В Сталине Гитлер видел не идейного, а геополитического противника, которого он надеялся переиграть в дипломатических маневрах, а затем сокрушить в войне. Даже в последние годы войны, когда стала очевидной беспочвенность этих надежд, Гитлер и его окружение не скрывали перед своими приближенными своего восхищения Сталиным. Сообщая Шелленбергу о предложенном Риббентропом плане организации покушения на Сталина, Гиммлер добавил, что ему "очень нелегко отдавать такой приказ, поскольку он, как и Гитлер, верит в историческое провидение и считает Сталина великим вождём своего народа, призванным выполнять свою миссию". Риббентроп, в свою очередь, заявил, что "Сталин намного превосходит Рузвельта и Черчилля по своим военным и государственным способностям? он единственный, кто действительно заслуживает уважения"¹.

Весной 1945 года, когда Германия находилась уже в агонии, Гитлер, возлагавший свои последние надежды на развал антифашистской коалиции, полагал, что инициатором этого будет скорее всего не Черчилль или Рузвельт, а Сталин, с которым "мы могли бы скорее чего-нибудь добиться". В дневниках Геббельса, относящихся к этому времени, неоднократно приводятся высказывания Гитлера о том, что "если какая-то держава в лагере противника и захочет первой вступить в переговоры с нами, то при любых обстоятельствах это будет Советский Союз". Это соображение Гитлер мотивировал тем, что Рузвельту и Черчиллю очень трудно - если вообще не невозможно - повернуть курс своей военной политики, поскольку они вынуждены считаться с общественным мнением своих стран; Сталин же "избавлен от этой заботы" и поэтому "в состоянии в течение одной ночи изменить свою военную политику на 180 градусов"². Хотя эти надежды в условиях безвыходного положения Германии были нереальны, соображения Гитлера о полной независимости Сталина от общественного мнения были, конечно, вполне резонными.

Перед второй мировой войной Гитлер видел своего главного политического врага не в Сталине, а в Троцком как потенциальном лидере сил, способных в ходе войны подняться на международную социалистическую революцию. За день до нападения Германии на Польшу во французской печати появилось сообщение о беседе между Гитлером и французским дипломатом Кулондром фазу же после заключения советско-германского пакта. На слова Кулондра: "Действительным победителем (в случае войны) будет Троцкий. Подумали ли вы об этом?" - Гитлер ответил как о само собой разумеющемся: "Я знаю," - и тут же перешёл к упрекам в адрес Франции и Англии, якобы провоцирующих его на войну тем, что "дали Польше полную свободу действий"³.

О Троцком Гитлер и его приспешники отзывались с неизменной ненавистью, перемешивая обвинения в "губительном воздействии на другие народы" с неистовыми антисемитскими выпадами. Говоря о "деструктивном характере" евреев, Гитлер добавлял, что "из всех евреев наиболее достойны уважения Павел (христианский апостол - В. Р.) и Троцкий, поскольку они в наибольшей степени способствовали этому (стимулированию активности других народов -

¹ Шелленберг В. Мемуары. М., 1991. С. 305.

² Геббельс И. Последние записи. Смоленск, 1993. С. 95, 163, 261.

³ Цит. по кн.: Троцкий Л. Д. Портреты революционеров. С. 158.

В. Р.)... Они вообще действуют подобно бацилле, проникающей в тело и парализующей его!"¹.

Получив известие о гибели Троцкого, Геббельс тут же записал в своём дневнике: "Этого дьявола не жалко... одной преступной еврейской свиньей стало меньше. Он заслужил куда худшей смерти"².

Если очистить эти и другие подобные высказывания от мракобесной юдофобской шелухи, можно прийти к выводу, что нацистские "вожди" вплоть до смерти Троцкого видели в нём потенциального вождя интернационального движения, которое способно смести с исторической арены тоталитарные режимы. Троцкий, лишённый всяких материальных ресурсов и находившийся в далёкой Мексике, представлялся им более опасным врагом, чем Сталин, в руках которого была сосредоточена военная и материальная мощь огромной страны.

¹ Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. С. 48.

² Огонёк. 1991. № 32. С. 14.

XXVIII

Разрыв Сталина с идеей мировой революции

Позитивные оценки Сталина крупнейшими лидерами буржуазного мира 30-х - 40-х годов (начиная Гитлером и кончая Черчиллем) объяснялись в первую очередь тем, что последние видели в Сталине носителя национально-государственных задач, порвавшего с интернационалистской доктриной марксизма. Такой взгляд усиленно внушался политикам и общественному мнению Запада советской пропагандой, причем роль первой скрипки в этой идеологической кампании играл сам Сталин.

Разумеется, линия на окончательный разрыв со стратегией мировой революции развёртывалась Сталиным постепенно и осторожно. Её открытое провозглашение могло бы вызвать замешательство в зарубежных компартиях и оттолкнуть от них множество коммунистов. Поэтому в 1932 году Сталин опубликовал статью, специально посвящённую опровержению суждений о том, что он отказался от доктрины мировой революции. Эта статья была написана в связи с выходом в США книги американского технического специалиста Т. Кэмпбелла, работавшего в 20-х годах в Советском Союзе. В этой книге, озаглавленной "Россия - рынок или угроза", Кэмпбелл проводил идею о том, что Советский Союз больше не представляет угрозы для мирового капитализма, а является выгодным рынком для сбыта капиталистическими фирмами своих товаров. В подтверждение этого он ссылался на свою беседу со Сталиным, состоявшуюся в январе 1929 года. В этой беседе, как рассказывал Кэмпбелл, Сталин утверждал, что "при Троцком действительно пытались распространить коммунизм во всём мире, что это было первой причиной разрыва между Троцким и им (Сталиным - В. Р.), что Троцкий верил в мировой коммунизм, тогда как он, Сталин, хотел ограничить свою деятельность собственной страной"¹.

В декабре 1932 года Троцкий откликнулся на сообщение Кэмпбелла статьёй, в которой подчёркивал, что эти слова Сталина, подтверждаемые его политикой на дипломатической арене и в Коминтерне, доказывают, что "сталинская фракция будет поворачиваться спиной к международной революции"².

Как бы стремясь предвосхитить своим опровержением эти разоблачения Троцкого, Сталин опубликовал в ноябрьском номере журнала "Большевик" статью "Господин Кэмпбелл привирает". Прочитывая приведённое выше сообщение Кэмпбелла, он заявил, что оно представляет "бессмысленную нелепицу, переворачивающую факты вверх дном... На самом деле беседа с Кэмпбеллом не имела никакого отношения к вопросу о Троцком и имя Троцкого не упоминалось вовсе во время беседы"³.

Между тем в 1936 году, когда Сталин почувствовал себя значительно увереннее как внутри страны, так и на международной арене, он фактически по-

¹ Цит. по: Сталин И. В. Соч. Т. 13. С. 147.

² Бюллетень оппозиции. 1932. № 32. С. 4.

³ Сталин И. В. Соч. Т. 13. С. 147.

вторил версию Кэмпбелла в интервью американскому журналисту Рою Говарду. Отвечая на вопрос последнего: оставил ли Советский Союз "свои планы и намерения произвести мировую революцию?", Сталин заявил, что "таких планов и намерений у нас никогда не было" и приписывание их большевикам является "плодом недоразумения". На это заявление Говард отреагировал вопросом: "Трагическим недоразумением?" Сталин ответил: "Нет, комическим. Или, пожалуй, трагикомическим"^{1*2}.

Смысл разрыва Сталина с большевистской традицией в коренном вопросе политической стратегии лучше всего уловили наиболее реакционные силы в лагере империализма и русской эмиграции. В 1935 году газета "Бодрость" - орган одной из групп русских монархо-фашистов, с удовлетворением отмечала, что "Сталин, стремясь удержать в своих руках власть, стал открытым и вполне явным предателем и вредителем марксизма, искусно приспособиваясь к требованиям нации и жизни. Из лидера компартии Сталин стремится стать народным, национальным вождём. Именно в этом сейчас весь смысл происходящего в России"³.

Аналогичный взгляд на Сталина как "национального вождя" (в фашистском или во всяком случае имперском смысле) проводился в книге бывшего советского дипломата Дмитриевского, ставшего в начале 30-х годов невозвращенцем и сторонником русского фашизма. В эмиграции Дмитриевский выпустил книгу о Сталине, в которой писал: "Сталин - это человек из стали. Это значит - человек такой же твёрдый и гибкий, как сталь"⁴. Дмитриевский защищал Сталина от Троцкого, который-де "создал карикатурно-уродливый образ Сталина, легший в основу ходячего о нём представления"⁵. Главную заслугу Сталина Дмитриевский усматривал в том, что он расчищает путь для движения страны через национальный коммунизм к реставрации монархии.

Этот максималистский прогноз, пусть и не оправдавшийся в буквальном смысле, тем не менее верно схватывал реальные тенденции перерождения марксистской доктрины интернационализма в национально-государственную доктрину. Характеризуя социальный смысл этого процесса, Троцкий подчёркивал, что интернационалистские идеи "совершенно не отвечают социальному положению и интересам мощного мелкобуржуазного слоя, который сосредоточил в своих руках постепенную силу и привилегии всех прежних господствующих классов". Ещё в меньшей степени эти идеи отвечают идеологии и психологии самого Сталина, для которого международная политика полностью стоит на службе внутренней. "Внутренняя политика означает для него прежде всего борьбу за самосохранение. Политические проблемы подчинены полицейским. Только в этой области мысль Сталина работает непрерывно и неутомимо"⁶.

¹ Аналогичные суждения были высказаны Сталиным и в беседе с Г. Уэллсом, состоявшейся в 1935 году.

² Правда. 1936. 5 марта.

³ Бодрость. 1935. № 41. С. 2.

⁴ Дмитриевский С. Сталин. Стокгольм, 1931. С. 24-25.

⁵ Там же. С. 6.

⁶ Троцкий Л. Д. Сталин. Т. 2. С. 180, 181.

В середине 30-х годов, когда основные политические цели Сталина сводились к борьбе с оппозиционными силами в партии и мировом коммунистическом движении, он стремился к сохранению status quo на международной арене. Орудиями внешней политики, всецело подчинённой этой цели, служили в его руках Коминтерн и советская дипломатия.

Деградация Коминтерна

В обстановке жестокого кризиса, охватившего все капиталистические страны, СССР продолжал оставаться надеждой левых сил во всём мире. Об этом свидетельствовал, в частности, растущий приток в Советский Союз эмигрантов - не только из фашистских, но и из буржуазно-демократических государств. Десятки тысяч людей со всех концов мира влекла сюда не надежда на "пышные пироги", а желание принять участие в историческом эксперименте, направленном на социалистическое переустройство общества. Судьба этих людей оказалась глубоко трагичной: они не только были глубоко обмануты в своих ожиданиях, но и в большинстве своём стали жертвами сталинских репрессий.

До 1935 года любой политэмигрант, прибывший в СССР, свободно получал советское гражданство. Л. Копелев вспоминает, что осенью 1934 года в Харьковском горсовет были избраны несколько австрийских коммунистов и социалистов, эмигрировавших после поражения австрийского восстания; "но уже год спустя приобретение советского гражданства стало очень сложным делом, требовавшим усилий, времени и особых правительственных постановлений в каждом отдельном случае. Иностранцев перестали допускать на наши закрытые собрания. Им приходилось подолгу оформлять через Коминтерн перевод из своей партии в ВКП либо оставаться в особых эмигрантских парторганизациях"¹.

Особенно большое число эмигрантов находилось в Москве, где были размещены центральные органы Коминтерна, КИМа (Коммунистического Интернационала Молодёжи), Крестьянского Интернационала, Профинтерна, МОПРа (Международного общества помощи борцам революции) и других международных организаций, а также несколько коммунистических вузов для иностранцев. В этих кругах до 1937 года духовная атмосфера была более свободной, чем среди советских людей. А. Лондон, посланный в Москву компартией Чехословакии, впоследствии вспоминал, что он и его товарищи "подолгу спорили... по поводу убийства Кирова, арестов, процессов Зиновьева и Каменева, бесконечных проверок, которые за этим последовали, чисток в Коминтерне и КИМе"². О тогдашних жарких дискуссиях среди эмигрантов по поводу событий в СССР вспоминал и Л. Треппер: "Резкость и вольный тон этих споров напоминали мне собрания в Париже, где мы до хрипоты и в общем-то довольно бесплодно спорили с представителями социалистов и троцкистов... Отрезанные от социальной жизни советских людей в период 1932-1935 гг., мы всё-таки ещё не попали под влияние бюрократической машины, непрерывно расширявшей свою власть над страной. Наши политические дискуссии сплошь и рядом касались тем, которые в самой (советской - В. Р.) партии уже никто не обсуждал. От представителей нашей национальной секции в Коминтерне мы

¹ Копелев Л. И сотворил себе кумира. С. 144.

² Иностранная литература. 1989. № 4. С. 178.

больше, чем советские люди, узнавали обо всём, что творилось в их стране, а если были с чем-либо не согласны, то без колебаний высказывали своё мнение¹.

С начала 30-х годов эмигранты всё более ограничивались в контактах с советскими людьми и в доступе к "враждебным" источникам информации. Как вспоминала О. Блейк, представлявшая в то время Австралию в Коммунистическом Интернационале Молодёжи, "троцкистские источники были для нас анафемой и знакомство с ними сурово каралось". Инструкторы Коминтерна рекомендовали эмигрантам "держаться своего круга" и не сближаться с советскими людьми, так как они могут оказаться шпионами². В свою очередь и советские люди всё более остерегались контактов с эмигрантами как возможными агентами иностранных разведок.

Жившие замкнутым мирком и лишённые права свободного передвижения по Советскому Союзу, зарубежные коммунисты соприкасались с советской действительностью лишь в ходе демонстрационных вояжей по стране, призванных подчеркнуть их "интернациональную солидарность" с советскими людьми. Так, в августе-сентябре 1935 года И. Б. Тито по поручению Политбюро своей партии возглавил югославскую коммунистическую делегацию, посетившую несколько приволжских и уральских городов. Впоследствии он рассказывал, что в этой поездке ему пришлось стать "свидетелем многих и многих несправедливостей... Люди сторонились друг друга, опасались разговаривать, всё время происходили аресты, арестовывались те, кто вчера ещё проводил аресты, люди исчезали в течение ночи, и никто не осмеливался спросить, куда их уводят"³.

Тревожная обстановка с каждым годом всё более сгущалась и внутри, эмигрантской среды. Вспоминая "Москву 1935-1937 годов с её давящей атмосферой", А. Лондон писал: "Люди, исчезавшие внезапно и бесследно... В наших интернациональных кругах не принято было задавать вопросы. Исчезновение могло означать возвращение на родину для подпольной работы. Запретная тема"⁴.

Особо жестокими были расправы с зарубежными коммунистами, близкими к левой оппозиции или не согласными с политикой руководства своих партий. В этой связи приведем ряд фактов, относящихся к первой половине 30-х годов. В Ярославском политизоляторе содержались три члена Политбюро ЦК компартии Венгрии, которые были приглашены в СССР для обсуждения спорных вопросов внутри своей партии и сразу же после приезда в Москву были арестованы. Югославским оппозиционерам, требовавшим возвращения на родину после отбытия трёхлетнего заключения, были прибавлены без всякого нового дела ещё два года изолятора, заменённого позднее ссылкой. Китайские коммунисты-оппозиционеры, обучавшиеся в университете имени Сун Ят-сена в Москве, после его закрытия были отправлены в ссылки и концлагеря или выданы на расправу Чан Кай-ши (для этого их насильственно привезли на паро-

¹ Треппер Л. Большая игра. М., 1990. С. 40, 43.

² Коммунист. 1991. № 3. С. 93-94.

³ Гиренко Ю. С. Сталин-Тито. М., 1991. С. 46.

⁴ Иностранная литература. 1989. № 4. С. 167.

ходе из Владивостока в Шанхай). Пятьдесят видных польских коммунистов были расстреляны без всякого суда по огульным обвинениям в шпионаже и провокаторстве¹.

Эти и другие аналогичные сообщения содержались в письмах из СССР, публиковавшихся в "Бюллетене оппозиции". В одном из них говорилось, что в Соловецком лагере, наряду с советскими политзаключёнными, находилось много венгерских, болгарских, румынских, польских и других зарубежных коммунистов, осуждённых за "шпионаж". "Это одна из форм расправы с оппозиционерами-иностранцами"². Перед такими расправами оказывались беззащитными прежде всего коммунисты тех стран, где господствовали фашистские или полуфашистские режимы и деятельность компартий была запрещена. (В 1935 году из 76 партий, входивших в Коминтерн, 50 вели работу в нелегальных условиях).

Суммируя сообщения такого рода, Троцкий в статье "Революционные пленники Сталина и мировой рабочий класс" раскрывал механику репрессий против зарубежных коммунистов: "Та часть национального ЦК, которая в данный момент выполняет поручения московской клики, обращается к последней с ходатайством избавить её от оппозиции. Сталин вызывает оппозиционеров в Москву, где их после короткой попытки "убеждения" подвергают аресту, заключению в изоляторы и другим видам расправы. Среди сотен убитых "в связи" с делом Кирова, т. е. в подавляющем большинстве своём без всякой связи с этим делом, расстрелян был ряд болгарских и других иностранных оппозиционеров... Вызов в Москву "на совещание" означает сплошь да рядом предательскую ловушку... В этих случаях агенты Сталина действуют методами, достойными самых квалифицированных американских гангстеров"³.

Раскрывая истинный смысл настойчивых упоминаний в советской печати о многочисленных шпионах, проникших в зарубежные компартии, Троцкий писал: "В СССР расстреляно за годы сталинского самодержавия не малое число иностранных коммунистов-оппозиционеров... Не будет ничего удивительного, если агенты Коминтерна объявят всех расстрелянных и арестованных в СССР иностранных коммунистов "шпионами иностранных разведок"⁴. В этих условиях выживали и тем более продвигались на высокие посты в своих партиях и в аппарате Коминтерна лишь те, кто усваивал беспрекословный конформизм, безоговорочно оправдывая и прославляя всё, что происходило в СССР. По словам А. Лондона, "годы борьбы, привычка к партийной дисциплине, всё наше прошлое воспитание приучили нас к мысли, что партия никогда не ошибается, что СССР всегда прав"⁵.

Такое же отношение к СССР эмиссары Коминтерна пытались внушить и зарубежным коммунистам, действовавшим у себя на родине, О методах, которыми это достигалось, выразительно рассказывается А. Кестлером в романе

¹ Бюллетень оппозиции. 1935. № 47. С. 2; № 49. С. 8, 11

² Бюллетень оппозиции. 1936. № 51. С. 13.

³ Бюллетень оппозиции. 1936. № 48. С. 5.

⁴ Там же. С. 4.

⁵ Иностранная литература. 1989. № 4. С. 175.

"Слепящая тьма"¹*. Одна из сюжетных линий романа связана с изображением событий в бельгийской компартии. После её призыва к экономическому бойкоту поспешно вооружавшихся фашистских государств коммунистически настроенные докеры отказались обслуживать корабли, везущие стратегическое сырьё в Германию. В разгар забастовки в порт прибыла флотилия советских кораблей. Прервав забастовку, докеры принялись с энтузиазмом разгружать суда, следовавшие под красным флагом. Однако в процессе этой разгрузки обнаружилось, что флотилия привезла руду, предназначенную для германской военной промышленности. Буржуазная печать издевалась над коммунистами, нарушившими собственный призыв. Несмотря ни на что, ЦК компартии дал приказ о продолжении разгрузки. После этого большинство коммунистов порвало с партией.

Новый экономический спад пополнил ряды фактически распавшейся партии, позволил ей вновь обрести силу. Спустя некоторое время партия вновь призвала к бойкоту - на этот раз Италии, развязавшей колониальную войну в Абиссинии. В эти дни, когда престиж компартии опять высоко поднялся, в порт прибыла новая советская флотилия - она везла Италии нефть.

Для разъяснения "новой ситуации" в Бельгию был направлен известный советский коммунист Рубашов, который заявил партийному комитету докеров, что их "романтические жесты" неуместны, поскольку они помогают буржуазным государствам вытеснить страну Победившей Революции с мирового рынка. Помощь Советскому Союзу представляет "святой долг" рабочих всего мира, и поэтому бойкот следует отменить. Члены комитета и их руководитель по кличке Малютка Леви ответили: "Слова такие уже слышали. Ваша страна должна быть честной. Вы толкуете о солидарности рабочих и о разных там жертвах и железной дисциплине, а сами посылаете штрейкбрехерский флот".

Дальнейшие события развивались по разработанному в Москве плану: спустя несколько дней члены комитета были исключены из партии, а в партийной печати появилась статья, "разоблачающая" их руководителя как провокатора. Ещё через три дня Малютка Леви повесился².

Имея в виду подобные сталинские внешнеполитические акции, в которых тугим узлом были завязаны советская дипломатия и Коминтерн, Троцкий в 1936 году писал о необходимости борьбы против сделок правящей советской касты "с империализмом за счёт интересов СССР и международной революции"³.

¹ Книга А. Кестлера была посвящена в основном объяснению причин "признаний" подсудимых на московских процессах. Будучи недостаточно знаком с большевистскими лидерами и их психологией, Кестлер многое домысливал и в итоге дал извращённое объяснение этих "признаний", сыгравшее на руку антикоммунистической пропаганде. Вместе с тем некоторые фрагменты этой книги основаны на реальных фактах. Это прежде всего относится к упоминаемым здесь и ниже сюжетам, касающимся давления эмиссаров Коминтерна на зарубежные компартии. Данные фрагменты, освещающие события, о которых автор "Слепящей тьмы" имел намного более достоверную информацию, чем о событиях в СССР, могут (как и вообще литературные произведения художественно-документального жанра) рассматриваться в качестве дополнительных исторических источников.

² Кестлер А. Слепящая тьма. М., 1989. С. 60-64.

³ Бюллетень оппозиции. 1936. № 54-55. С. 52.

Для того, чтобы подчинить политику Коминтерна и входивших в него партий целям обеспечения благоприятных внешнеполитических условий для СССР (в том виде, как их понимал Сталин), требовалось очистить эти организации от самостоятельно мыслящих людей. Большинство основателей Коминтерна, его руководителей ленинского периода, либо сами вышли из него, либо были изгнаны в ходе борьбы с многочисленными оппозициями и "уклонами". Аппарат Коминтерна предельно бюрократизировался, его верхи политически развращались, воспитывались в духе раболепия перед Москвой. Самое мощное в истории международное политическое движение подпало под безраздельное влияние сталинистов. После многочисленных чисток Коминтерна, во главе входивших в него партий зачастую оказывались люди политически недалёкие и недаленовидные, но владевшие, подобно Сталину - корифею политической провокации - мастерством политических интриг и расправ, направленных прежде всего против инакомыслящих в собственных рядах.

Ещё в 1929 году в письме к швейцарскому коммунисту Ж. Эмбер-Дро, изгнанному с поста секретаря ИККИ, старейшая участница коммунистического движения Клара Цеткин писала: "Я буду чувствовать себя совершенно одинокой и неуместной в этой организации (Коминтерне - В. Р.), превратившейся из живого политического организма в мёртвый механизм, который, с одной стороны, проглатывает приказы на русском языке и с другой - выдает их на различных языках, механизм, превративший огромное всемирно-историческое значение и содержание русской революции в правила Пиквикского клуба. Можно было бы сойти с ума, если бы моя твёрдая убеждённость в ходе истории, в силе революции не была столь непоколебима, что я и в этот час полумночной тьмы с надеждой, даже с оптимизмом смотрю в будущее"¹.

Глубокое перерождение Коминтерна не оставалось тайной и для врагов коммунистов. В статье "Правда о большевизме" один из лидеров русской эмиграции П. Н. Милюков писал: "Тотчас после смерти Ленина Сталин исключил "мировую революцию" из расчётов собственной доктрины. Здание Коминтерна постепенно превратилось в главный штаб тайной полиции, переняв функции заграничной разведки. При её помощи Сталин вылавливал "троцкистов" и независимых руководителей из заграничных отделов коммунистической партии"².

Действительно, на протяжении 30-х годов развёртывалось всё более тесное сотрудничество аппарата Коминтерна с иностранным отделом ОГПУ-НКВД и советской военной разведкой. Конечно, у этого сотрудничества была и положительная сторона, связанная с отбором зарубежных коммунистов на разведывательную работу, служащую интересам защиты СССР от внешнего врага. Такие коммунисты, как Ф. Зорге, Ш. Радо, Л. Треппер, сыграли в последующем огромную роль в борьбе с фашизмом. Однако не меньшие усилия направлялись Коминтерном и НКВД на внедрение провокаторов в ряды коммунистических партий и в зарубежные группы левой оппозиции, прежде всего в окружение Троцкого и Седова.

¹ Они не молчали. С. 121-122.

² Политический дневник. Амстердам, 1992. С. 288.

Одним из таких агентов НКВД, проводившим провокаторскую работу в СССР и за рубежом, был немецкий коммунист Ольберг. С конца 20-х годов он доставлял в Москву информацию о деятельности немецких троцкистов, а в 1930 году пытался попасть в секретари к Троцкому. Это ему не удалось, поскольку он вызывал недоверие друзей Троцкого. После прихода Гитлера к власти Ольберг был направлен в Прагу для слежки за немецкими оппозиционерами-эмигрантами, а в 1935 году был переведён на работу в секретно-политический отдел НКВД. Он оказался первым арестованным по делу "троцкистско-зиновьевского центра" и "признался" на процессе, что был послан в СССР Троцким и гестапо для организации террористических актов.

Немало агентов ОГПУ-НКВД, сыгравших зловещую роль в чистках 30-х годов, после второй мировой войны оказались на руководящих постах в восточно-европейских странах, где были установлены сталинистские режимы. Неудивительно, что партии, возглавившие эти режимы, оказались неспособны выдвинуть действительную альтернативу сталинизму даже при последующих крутых поворотах истории.

Показательна судьба Имре Надя - одного из ведущих коммунистических диссидентов 50-х годов. Занимавший видные партийные и государственные посты в Венгрии времён сталинизма, Надь в июле 1953 года стал премьер-министром, а после кратковременной отставки вернулся на этот пост и в разгар венгерских событий 1956 года возглавил силы восстания. После его казни в 1958 году Надь обрел ореол мученика, одного из самых последовательных борцов со сталинизмом. Лишь в конце 80-х годов были рассекречены документы, доказывавшие: с 1930 года Надь действовал в качестве агента ОГПУ-НКВД. По его доносам были арестованы десятки венгерских, болгарских и немецких коммунистов. В июне 1938 года в своём очередном рапорте Надь писал: "Я долгое время честно и преданно сотрудничаю с НКВД, в борьбе против врагов народа всех мастей, для их выкорчевывания"¹.

Жестокую эволюцию претерпела судьба и тех людей, которые не вступали на путь прямого сотрудничества с НКВД, но играли ведущую роль в "антитроцкистских" чистках внутри своих партий. Лишь в недавнее время были обнаружены данные о деятельности И. Б. Тито - единственного из лидеров восточноевропейских социалистических государств, осмелившегося в послевоенный период бросить вызов Сталину. Из этих данных следует: в 30-е годы Тито в стремлении выдвинуться на руководящее место в своей партии принимал самое активное участие в расправах над своими товарищами-коммунистами и в формировании нового руководства КПЮ - взамен старого, полностью уничтоженного в сталинских застенках. Характерно в этой связи его заявление: "От скрытых троцкистов часто слышишь: "Я не троцкист, но и не сталинист". Кто так говорит, тот наверняка троцкист"². Это одно из наиболее откровенных заявлений, отражавших действительную политическую доктрину сталинизма, прямо указывало на необходимость истребления каждого участника коммунистического движения, проявлявшего хотя бы малейшее инакомыслие, несогласие с любым зигзагом сталинской политики.

¹ Правда. 1993, 15 мая.

² Вечерняя Москва. 1990. 15 февраля.

В середине 30-х годов лидеры сталинизированного Коминтерна осуществили один из наиболее резких и противоречивых зигзагов: поворот от политики "третьего периода" к политике народного фронта.

XXX

Политика Народного фронта

Приход Гитлера к власти способствовал резкому полевению и радикализации масс в капиталистических странах. В этих условиях Коминтерн, несмотря на все свои ошибки, сохранял влияние среди значительных слоёв рабочего класса и революционной интеллигенции.

После победы фашизма в Германии Коминтерн далеко не сразу выдвинул новую политическую стратегию. Когда в октябре 1933 года Сталин дал указание германской компартии участвовать в затеянном гитлеровцами референдуме, он руководствовался прежней сектантской схемой, согласно которой создание антифашистского фронта должно вести к откалыванию социал-демократических рабочих от их вождей. Сталин подчёркивал, что "всякая другая политика пойдёт на пользу фашистам и социал-демократам"¹. Иначе говоря, он по-прежнему требовал от немецких коммунистов рассматривать фашизм и социал-демократию как явления одного порядка.

XIII пленум ИККИ (декабрь 1933 года) выдвинул утверждённую лично Сталиным установку о том, что в Германии "начинается новый революционный подъём"². К каким последствиям приводило проведение этой установки, выразительно рассказывается в романе А. Кестлера "Спящая тьма". В нём описывается приезд в Германию сталинского эмиссара Рубашова в те дни, когда немецкая компартия фактически распалась: "Она походила на тысячеголовое умирающее животное - бессильное, затравленное, истекающее кровью". Лишь отдельные группы коммунистов на свой страх и риск пытались проводить новую линию, исходящую из того, что "движение разгромлено, поэтому сейчас все враги тирании должны объединиться". Встретившись с участником одной из таких групп - слесарем Рихардом, Рубашов выразил возмущение тем, что его организация распространяет не материалы, присылаемые из Москвы, а собственные материалы, призывающие к объединению всех противников гитлеризма. Рихард ответил: "Ваши брошюры написаны так, как будто с нами ничего не случилось. Нам устроили кровавую бойню, а вы толкуете про жестокие битвы да про нашу несгибаемую волю к победе... Мы разбиты, партия уничтожена, и теперь, чтобы начать сначала, нам надо круто изменить политику". Назвав такие взгляды пораженчеством, Рубашов заявил Рихарду, что коммунисты не должны объединяться с "умеренными". А когда Рихард не согласился с этим, Рубашов объявил ему от имени "высшей инстанции" об исключении из партии и лишении партийного убежища, тем самым фактически выдав его на расправу фашистам³.

Развёртывавшиеся в мире события - массовое движение солидарности с узниками фашизма, подавление антифашистского восстания шуц-бундовцев (левых социал-демократов) в Австрии (февраль 1934 года), вооружённые бои ис-

¹ История и сталинизм. М., 1991. С. 182.

² XIII Пленум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала. М., 1934. С. 591.

³ Кестлер А. Спящая тьма. С. 35-46.

панского пролетариата в Астурии (октябрь-ноябрь 1934 года) - подталкивали руководство Коминтерна к смене сектантских установок. Особенно важную роль в этом плане сыграла всеобщая политическая стачка французских рабочих (февраль 1934 года) в ответ на попытку организации фашистского мятежа во Франции. В ходе этой стачки (охватившей свыше 4 млн. чел.) и крупных вооружённых столкновений на улицах Парижа коммунисты и социалисты выступали в единых рядах. 27 июля 1934 года между социалистической и коммунистической партиями был подписан пакт о единстве действий против фашизма и угрозы войны. Таким образом, одна из крупнейших коммунистических партий Европы порвала с теорией "социал-фашизма", которой она, как и другие коммунистические партии, руководствовалась на протяжении предыдущего десятилетия.

В выработке новой стратегии международного коммунистического движения ведущая роль принадлежала Г. Димитрову, завоевавшему огромный авторитет во всём мире своим мужественным поведением на Лейпцигском процессе. После освобождения из гитлеровской тюрьмы Димитров в феврале 1934 года прибыл в Москву и в апреле был избран членом Президиума и политсекретариата ИККИ. Он стал инициатором и проводником новой политики Коминтерна, подобно тому, как Литвинов сделался инициатором и проводником нового курса советской дипломатии (см. гл. XXXIII). Димитрову было поручено выступить с основным докладом на VII конгрессе Коминтерна, в ходе подготовки которого оформлялась линия на создание единого антифашистского фронта.

В апреле-июне 1934 года Димитров во время встреч со Сталиным убеждал его в необходимости отказа от теории "социал-фашизма" и выработки нового подхода к социал-демократии. 1 июля Димитров направил Сталину письмо, содержащее перечень вопросов и тезисов, которые предвосхищали идеи его будущего доклада. Вопросы были сформулированы таким образом, чтобы побудить Сталина к переосмыслению полностью обанкротившихся политических схем. Димитров спрашивал, правильна ли огульная квалификация социал-демократии как социал-фашизма, правильно ли считать социал-демократию главной социальной опорой буржуазии, а все левые социал-демократические группировки - главной опасностью для коммунистов. В ответах на эти вопросы Сталин с незначительными оговорками подтвердил свою приверженность прежним сектантским установкам. Однако вместе с тем Сталин по-новому отреагировал на чётко сформулированный Димитровым тезис: "Вместо применения тактики единого фронта исключительно как маневра для разоблачения социал-демократии без серьёзных попыток создать действительное единство рабочих в борьбе, мы должны превратить её в действенный фактор развёртывания массовой борьбы против наступления фашизма". На полях против этой фразы Сталин написал: "должны", добавив вопрос: "против кого этот тезис?"¹. Тем самым он неявно внушал Димитрову: пропаганда принципиально новой стратегии Коминтерна может проводиться, но без упоминания о том, что ранее

¹ История и сталинизм. С. 184-185.

Коминтерн руководствовался прямо противоположной установкой, продиктованной прежде всего им, Сталиным.

С середины 1934 года вслед за Димитровым и другие руководители Коминтерна всё смелее стали говорить об ошибочности прежней политики. По существу повторяя оценки, содержащиеся в работах Троцкого начала 30-х годов, секретарь ИККИ Мануильский на заседании комиссии по подготовке конгресса говорил: "Как мы себе представляли развитие раньше? Мы себе представляли, что развитие будет такое: борьба с социал-демократией на исторической арене, класс против класса, буржуазия - пролетариат, и для того, чтобы мы возглавили пролетариат, надо разгромить социал-демократию... Но вышло не так, как мы думали на VI конгрессе. Социал-демократию разгромили не коммунисты, а фашисты. Все наши указания были таковы, что социал-демократия - это наш главный враг. Вопрос заключается в том, что, игнорируя борьбу с фашизмом, мы сосредоточивали весь огонь на социал-демократии и считали, что борясь с социал-демократией, мы тем самым громили фашизм... Я думаю, вывод такой, что вопрос о борьбе с фашизмом сейчас должен быть поставлен несколько иначе, чем мы его ставили до сих пор"¹.

В преддверии конгресса было принято ещё одно важное предложение Димитрова - о преодолении чрезмерной централизации в деятельности Коминтерна и обеспечении большей самостоятельности входящих в него партий. 15 октября 1934 года Димитров направил Сталину письмо, решительно осуждавшее "нынешнюю практику", при которой "руководящие органы Коминтерна берут на себя разрешение почти всех вопросов секций (то есть коммунистических партий - В. Р.), в результате чего получается, с одной стороны, невозможность сконцентрироваться на основных вопросах, а с другой - привычка руководства секций Коминтерна ждать обыкновенно решений из Москвы, не развивая собственной инициативы и не беря на себя ответственности за руководство своими партиями"². Спустя десять дней Сталин сообщил Димитрову о согласии с его предложениями. Установка на перестройку методов работы Коминтерна и входивших в него партий была закреплена в директивах Политбюро делегации ВКП(б) в Коминтерне³.

На протяжении ещё нескольких месяцев Сталин оттягивал созыв конгресса Коминтерна. Лишь 1 мая 1935 года в ходе его беседы с Димитровым и Мануильским были утверждены повестка дня и основные документы конгресса. Если при Ленине конгрессы Коминтерна созывались ежегодно, то VII конгресс открылся спустя семь лет после предыдущего конгресса, в июле 1935 года.

Сам Сталин не только не выступал на конгрессе, но и почти не присутствовал на его заседаниях. И. Б. Тито, принимавший участие в конгрессе в качестве секретаря югославской делегации, впоследствии вспоминал, что за месяц работы конгресса Сталин появился на нём лишь один или два раза, садясь в президиуме за одной из колонн, откуда он почти не был виден делегатам⁴.

¹ Политическое образование. 1939. № 1. С. 84.

² История и сталинизм. С. 189.

³ Ширия К. К. Стратегия и тактика Коминтерна в борьбе против фашизма и войны (1934-1939). М., 1979. С. 51.

⁴ Гиренко Ю. С. Сталин - Тито. С. 45.

Хотя конгресс, как и все другие тогдашние коммунистические форумы, происходил в атмосфере безудержного восхваления Сталина, прежние сталинские политические установки были на нём фактически отброшены. Стратегическая переориентация коммунистического движения нашла выражение в докладе Димитрова "Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса, против фашизма".

Осудив установку, согласно которой фашизм не может победить в странах "классической" буржуазной демократии, Димитров напомнил, что в прошлом следование такой установке приводило к суждениям о невозможности победы фашизма в Германии, поскольку она является экономически высокоразвитой и высококультурной страной, имеющей многолетние традиции рабочего движения¹.

Характеризуя социально-политическую сущность фашизма, Димитров подчёркивал, что завоевание им власти представляет "не обыкновенную замену одного буржуазного правительства другим, а смену одной государственной формы классового господства буржуазии, буржуазной демократии, другой его формой - открытой террористической диктатурой"². Рассматривая это как выражение глубокого социального и политического регресса, Димитров указывал, что в настоящее время перед трудящимися капиталистических стран стоит выбор не между пролетарской диктатурой и буржуазной демократией, а между буржуазной демократией и фашизмом. Исходя из этих положений, конгресс провозгласил, что борьба с фашизмом должна вестись не под лозунгом установления диктатуры пролетариата, а под лозунгом защиты и расширения демократических прав и свобод, призванным сплотить самые широкие слои населения капиталистических стран.

Хотя в резолюциях конгресса сохранялись формулы о едином рабочем фронте как "решающем звене подготовки трудящихся к предстоящим великим боям второго тура пролетарских революций"³, упор был сделан на перерастание единого антифашистского фронта рабочего класса в ещё более широкий народный фронт, призванный сломить фашизм и предотвратить новую мировую войну. Конкретизируя этот лозунг, конгресс призвал к объединению красных (коммунистических) и реформистских профсоюзов там, где их численность приблизительно одинакова, и к вхождению коммунистов в реформистские профсоюзы там, где численность красных профсоюзов относительно невелика. Задачей коммунистов на выборах в органы государственной власти была объявлена борьба за создание правительств народного фронта. Такие правительства были созданы в 1936 году во Франции и Испании, причем в состав испанского правительства, возглавляемого левым социалистом Ларго Кабальеро, вошли и коммунисты.

Хотя установки VII конгресса широко пропагандировались в коммунистической печати, сам Сталин ни разу публично не выразил своего отношения к ним. Естественно, что деятели социал-демократии сомневались в готовности

¹ Димитров Г. Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса, против фашизма. М., 1935. С. 15.

² Там же. С. 6.

³ Резолюции VII Всемирного Конгресса Коммунистического Интернационала. М., 1935. С. 39.

Сталина честно и искренне проводить политику единого фронта. В декабре 1935 года лидер французских социалистов Леон Блюм просил А. Аросева, председателя Всесоюзного общества по культурным связям с заграницей, передать Сталину вопросы, требующие не официального, а товарищеского ответа: действительно ли советские руководители хотят создать единый фронт рабочего движения или они используют этот лозунг только как тактический приём? Нужен Коминтерну единый фронт для дальнейшего раскола рабочего движения или для действительного и длительного сотрудничества? Стремясь убедить Сталина в готовности своей партии к честному соглашению с коммунистами, Блюм заявил об изменении отношения к Советскому Союзу со стороны социалистов, которые теперь считают, что в СССР строится социализм. Это, по словам Блюма, "существенно изменило всю международную ситуацию.., и обеспечивает возможность согласия и сотрудничества между II и III Интернационалами"¹.

Такая позиция вождей II Интернационала не была тактическим приёмом. Как замечал Г. Федотов, "под влиянием тяжких поражений, падения демократии в Германии и кризиса, парализующего реформационную работу социалистических партий, европейская социал-демократия... вслед за пролетариатом всё с большим сочувствием и надеждой смотрит на Восток. Не наши методы, но наше дело. Наши товарищи. "Нашим" можно простить много ошибок и даже преступлений. Быть может, для России их методы самые пригодные. Но победа социализма у них - будет нашей победой здесь, во всём мире. Руки прочь от Советской России. Это ли не победа?"².

Такая атмосфера благоприятствовала восприятию в широких слоях рабочего класса формул VII конгресса о безоговорочной поддержке Советского Союза как "великого отечества трудящихся всего мира". Димитров призвал французских коммунистов поддержать дипломатические усилия Москвы и "не позволить реакционным силам во Франции сорвать франко-советское соглашение, защищающее дело мира против агрессии германского фашизма"³.

В резолюции конгресса по докладу Мануильского "Победа социализма в СССР и её всемирно-историческое значение" указывалось, что "первостепенная обязанность" рабочего класса и трудящихся всего мира состоит в том, чтобы "всеми силами и средствами помогать укреплению СССР"⁴.

В решениях конгресса содержались предостережения по поводу недопустимости "механического переноса опыта одной страны на другую". Исполкому Коминтерна рекомендовалось "избегать, как правило, непосредственного вмешательства во внутриорганизационные дела коммунистических партий"⁵.

Последовательное проведение таких установок могло бы ослабить сталинский диктат над зарубежными коммунистическими партиями. Однако Сталин, формально согласившийся с этими положениями, как всегда, считал решающим не провозглашение тех или иных лозунгов, а насаждение таких "кадров",

¹ Вопросы истории КПСС. 1989. № 7. С. 145.

² Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Т. II. С. 18-19.

³ Димитров Г. Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала. С. 36.

⁴ Резолюции VII Всемирного Конгресса Коммунистического Интернационала. С. 69.

⁵ Там же. С. 7.

которые безоговорочно будут проводить любые его указания. Поэтому он сосредоточил своё основное внимание на формировании руководящих органов Коминтерна. Они оказались заполненными его ставленниками, доказавшими свою "надёжность" многолетним участием в борьбе со всеми оппозициями и уклонами.

Понимая, что его абсолютный контроль над мировым коммунистическим движением обеспечивается прежде всего представителями ВКП(б), Сталин лично составил списки советских членов ИККИ и его Президиума. В первый список вошли Мануильский, Сталин, Жданов, Ежов и Трилиссер (в прошлом ответственный работник ОГПУ, работавший в Коминтерне под фамилией Москвин), во второй - Мануильский, Сталин и Трилиссер. Представители ВКП(б) в руководящих органах Коминтерна были обязаны согласовывать все свои действия со Сталиным, получать его санкцию на все принципиальные решения этих органов и добиваться безоговорочного принятия и проведения этих решений другими коммунистическими партиями.

Сталин одобрил изгнание из руководства Коминтерна некоторых активных проводников прежней сектантской политики, прежде всего Бела Куна. Последний вплоть до 1935 года продолжал защищать тезис о том, что в Венгрии и других европейских странах на смену фашистским и полуфашистским режимам может прийти только диктатура пролетариата, и резко критиковал коммунистов, требовавших пересмотра отношения к социал-демократии. Хотя в выступлении на конгрессе Кун поддержал новый стратегический курс и подверг критике свои прежние взгляды, он не был избран ни в президиум конгресса, ни в Президиум ИККИ. Лишь к концу работы конгресса Мануильский сообщил венгерской делегации, в чём состоят причины такого изменения отношения к Куну. Помимо сектантских ошибок (то есть следования прежней линии Сталина) Кун был обвинён и в более серьёзных, с точки зрения сталинистов, преступлениях: в том, что он в 1926 году предложил отложить обсуждение вопроса об исключении Троцкого из ИККИ, принял участие во встрече нового года на квартире у Каменева после исключения последнего из партии и т. д.¹. В 1937 году Кун был арестован одним из первых по делу о "троцкистском заговоре в Коминтерне".

Провозглашенная VII конгрессом Коминтерна политика народного фронта была лишена должной гибкости и дальновидности. Руководствуясь ею, коммунисты вскоре допустили серьёзные ошибки в условиях нового революционного подъёма масс, прежде всего во Франции и Испании.

¹ Вопросы истории. 1989. № 1. С. 79-80.

"Французская революция началась"

2 мая 1935 года в Париже был подписан договор о взаимной помощи между СССР и Францией. Вслед за этим министр иностранных дел Франции Лаваль прибыл в Москву для переговоров со Сталиным и Молотовым, в ходе которых было закреплено сближение двух стран. Стремясь увязать политику Коминтерна со своими новыми дипломатическими маневрами, Сталин ещё до VII конгресса ориентировал французских коммунистов на расширение рамок единого рабочего фронта до народного фронта, то есть союза не только с социал-демократами, но и с правящей буржуазной партией радикалов, возглавляемой Даладье. После того, как Торез передал это предложение Блюму и Даладье, такой союз стал реальностью. "Коминтерн - конечно, без обсуждений и без обещанного конгресса... совершил самый головоломный поворот за всю свою историю, - комментировал это событие Троцкий. - От теории и практики "третьего периода" и "социал-фашизма" он перешёл к перманентной коалиции не только с социал-демократами, но и с радикал-социалистами"¹. VII конгресс задним числом одобрил эту политику, признав её пригодной и для других капиталистических стран.

Троцкий критиковал Народный фронт - в том виде, как его практиковали Торез и Блюм, - за то, что он ограничивался предвыборными коалициями и не пытался поднять рабочих к непарламентским формам классовой борьбы, приобретавшим всевозрастающее значение в условиях бурной радикализации французского пролетариата. Правильность этой критики была подтверждена революционным кризисом 1936 года, когда политическая линия Народного фронта свела на нет результаты мощного подъёма массового движения трудящихся Франции.

Резкое полевание масс нашло выражение в полумиллионной антифашистской демонстрации в Париже 14 июля 1935 года. На выборах в мае 1936 года кандидаты Народного фронта получили 375 мандатов из 618. При этом социалисты сохранили количество мандатов, полученных на предыдущих выборах, радикалы потеряли треть мест, а коммунисты добились увеличения мандатов с 10 до 72. В результате выборов к власти пришло коалиционное правительство социалистов и радикалов во главе с Блюмом. Коммунисты обязались поддерживать это правительство, не входя в него.

Через несколько недель после победы Народного фронта на выборах во Франции начались массовые забастовки. Только в мае-июне в них приняло участие более 2 млн. человек. При этом рабочие бросали работу, но не уходили из цехов, устанавливали контроль над владельцами и администрацией заводов. Служащие оставались в конторах, банках, магазинах, не приступая к работе. Французские профсоюзы, которые накануне всеобщей стачки насчитывали 1,5 миллиона членов, за несколько месяцев увеличили свою численность

¹ Бюллетень оппозиции. 1935. № 42. С. 1.

почти до пяти миллионов человек. Разобщенные ранее коммунистические и реформистские профсоюзы слились в единую конфедерацию труда.

Илья Эренбург, находившийся тогда во Франции, впоследствии вспоминал: "Париж был неузнаваем. Красные флаги реяли над сине-сизыми домами. Отовсюду вылетали звуки "Интернационала", "Карманьолы". На бирже бумаги падали. Богатые люди переправляли деньги за границу. Все повторяли, кто с надеждой, кто в ужасе: "Это революция..."¹.

Аналогичные наблюдения мы встречаем в письмах Троцкому Виктора Сержа, находившегося в то время в Бельгии. 16 июня 1936 года Серж писал, что "великолепные забастовки во Франции и здесь (в Бельгии) показывают, что рабочий класс поправляется после периода упадка и крайней утомленности и начинает входить в новую фазу борьбы"². Спустя неделю Серж рассказывал, что "движение началось в Антверпене совершенно стихийно. Оно перелестнуло всех вождей и зашло так далеко, что это беспрецедентно в истории бельгийского рабочего движения... Обыватель настроен почти революционно и сочувствует рабочим. Я думаю, что это Вам напомнит начало 05 или 17-го. Куда ни пойдешь, везде одни и те же разговоры в том же самом тоне. "Довольно кормить рабочих обещаниями... Они совершенно правы!" и т. д. Один старый католик, мой хороший знакомый, говорил мне: "Это несомненно начало новых отношений в обществе. Всё это явно пахнет революцией". Правые и деловые круги совершенно растерялись (во Франции тоже)³.

Всеобщая забастовка во Франции завершилась внушительной победой трудящихся. За один месяц рабочие добились не только повышения заработной платы, но и коренного изменения социального законодательства: введения 40-часовой рабочей недели и оплачиваемых отпусков, признания юридического статуса профсоюзов, установления порядка заключения коллективных договоров на предприятиях. Но и это не приостановило дальнейших массовых выступлений.

Троцкий расценивал события во Франции как грандиозный нажим пролетариата на господствующий класс. Он писал, что уже манифестация, прошедшая 24 мая в память борцов Парижской Коммуны, "видимо, превзошла... все народные манифестации, какие видел Париж". Вслед за этим по Франции прокатилась "великолепная, поистине весенняя волна стачек"⁴.

Суть весенне-летних событий во Франции Троцкий усматривал в том, что рабочие, стремившиеся к революционным действиям, не довели их до конца, потому что остались без революционного руководства. Центры рабочих организаций, в том числе и компартии, оказались застигнуты врасплох массовым стачечным движением. Коалиционное же, правительство Блюма-Даладье в страхе перед пролетарской революцией эволюционировало вправо. Под давлением союзников-радикалов социалистический министр внутренних дел заявил о недопустимости захвата стачечниками заводов и учреждений.

¹ Эренбург И. Собр. соч. Т. 9. М., 1967. С. 98.

² Архив Троцкого. № 5016.

³ Архив Троцкого. № 5017.

⁴ Бюллетень оппозиции. 1936. № 51. С. 7.

Троцкий предупреждал, что растерянность, царившая на верхах Народного фронта, может закончиться расколом парламентского большинства. Основное политическое противоречие Народного фронта он усматривал в том, что "возглавляющие его политики золотой середины, боясь "испугать" средние классы, не выходят из рамок старого социального режима"¹.

В условиях возникновения непосредственной революционной ситуации абсолютизация лозунгов об ограничении задач рабочего движения защитой буржуазной демократии тормозила растущую боевую активность французского рабочего класса. "Главная масса революционных рабочих идёт сейчас за коммунистической партией, - писал Троцкий. - Они (коммунисты) в прошлом не раз кричали: "Советы повсюду!" Большинство их принимало, несомненно, этот лозунг честно и всерьёз. Было время, когда мы считали этот лозунг несвоевременным. Но сейчас положение в корне изменилось. Могущественное столкновение классов идёт навстречу грозной развязке. Кто колеблется, кто отпускает время, тот изменник. Надо выбирать между величайшей из исторических побед и самым страшным из поражений"².

И в данном случае, как ранее в Германии, оправдался наименее благоприятный вариант прогноза Троцкого. Отказавшись повести рабочих на революционные выступления и создавать рабочие советы, французская компартия упустила возможности, возникшие в результате революционного подъёма пролетариата. В свою очередь радикалы, принявшие политику Народного фронта из-за страха перед экспансионистскими намерениями Гитлера, испытывали ещё больший страх перед перспективой пролетарской революции в своей стране.

21 июня 1937 года кабинет Блюма ушёл в отставку. Пришедшее ему на смену правительство, возглавляемое правыми радикалами, издало в мае 1938 года серию чрезвычайных декретов, отменявших социальные завоевания Народного фронта. В октябре 1938 года съезд партии радикалов принял решение о разрыве с Народным фронтом. Глава этой партии Даладьё стал одним из инициаторов Мюнхенского сговора с Гитлером.

¹ Там же. С. 2.

² Там же. С. 5.

"Коммунизм разгромлен во всём мире"

Не только Троцкий, но и наиболее честные и проникательные аналитики-некоммунисты усматривали чёткую связь между политикой сталинизированного Коминтерна и поражениями коммунистического движения в ведущих европейских странах. "Коммунизм разгромлен во всём мире, - писал в 1935 году Г. Федотов. - Он мёртв, как может быть мёртво политическое движение, ещё вчера казавшееся мощным и яростным. В Германии и Австрии - вчерашней цитадели марксизма - он утоплен в крови, вместе с социал-демократией. Во Франции, где ещё недавно коммунизм шумел, разбухая на московские субсидии, он выдохся, присмирел... выставляя умереннейшую парламентарную программу. Троцкистский раскол, уведший от него искренние революционные силы, и охлаждение Москвы обескровили во Франции воинствующее крыло рабочего движения"¹.

Заявляя, что "не нам (русским эмигрантам - В. Р.) защищать идеологию классово-борьбы", Федотов тем не менее подчёркивал, что эта борьба на протяжении последнего столетия выступала одним из мощных факторов социальной реконструкции капиталистического общества. "Именно она, вопреки всем доктринёрским теориям экономического либерализма, содействовала гуманному социальному законодательству, смягчению капиталистической эксплуатации, культурному подъёму народных масс. Ни один режим не склонен к самоограничению, не вынуждаемый к этому борьбой враждебных групп. В современных уцелевших демократиях именно это отсутствие серьёзного рабочего давления объясняет беспечность правящих верхов, их легкомысленную работу штопальщиков перед лицом открывшегося хаоса. Вместе с рабочим классом из мира выпал сейчас один из могучих таранов прогресса"².

Ослабление рабочего класса на Западе в немалой степени было вызвано поворотом сталинизма от стратегии мировой революции к примату национально-государственных интересов. Загнав революционный поток в русло служения своим внешнеполитическим маневрам, Сталин изменил интернационалистской доктрине марксизма. Усматривая в этом процессе "самое характерное для нашего времени", Федотов писал, что "политика и идеология Советов, несомненно, вступили в фазу острой национализации... Союз с Францией и версальской группой держав, отказ от ревизии договоров (главный фермент революции), прекращение поддержки коммунистов Европы показывают, что мечта о мировой революции погребена окончательно. Сталин никогда не был интернационалистом по своей природе: всегда презирал европейского рабочего и не верил в его революционные способности... Интернациональный коммунизм для него, вероятно, значит не больше, чем православие для император-

¹ Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Т. II. С. 50.

² Там же. С. 51-52.

ской дипломатии последних столетий: необходимый декорум для защиты национальных интересов¹.

К аналогичным выводам приходил в книге "Обзор международных дел", выпущенной в 1935 году, известный английский историк А. Тойнби. Подчеркивая, что новые планы советского правительства отражают "триумф нового советского национализма", он объяснял это тем, что для Сталина мир "теперь приобрел видимость сокровища, которое надо искать и отстаивать как важнейшую цель иностранной политики советского правительства". Исходя из этой точки зрения, Тойнби усматривал в победе Сталина над Троцким несомненный выигрыш для Англии и других капиталистических держав. "С макиавелиевской точки зрения как бы то ни было смена троцкистского военного коммунистического универсализма сталинским локальным коммунистическим национализмом могла считаться определённым и важным шагом на пути к миру во всём мире... Советский Союз, который не имеет территориальных притязаний и поглощён задачей социалистической реконструкции своей экономики, нуждается в мире, подобно тому, как человек нуждается в воздухе"².

Принимая за чистую монету "миротворческие" декларации Сталина о необходимости сохранения status quo в Европе и во всём мире, Тойнби, подобно многим другим тогдашним западным аналитикам, не сумел распознать за фасадом советской внешней политики её теневую, потайную сторону, обнаружившую действительный макиавелизм Сталина. Антифашистская и пацифистская риторика советской пропаганды прикрывала закулисные дипломатические маневры, расчищавшие путь к соглашению Сталина с Гитлером и тем самым - к новой мировой войне.

¹ Там же. С. 52-53.

² Даугава. 1989. № 4. С. 101.

Сталинская дипломатия - явная и тайная

Официальная сторона советской дипломатии выражалась в проведении курса на создание системы коллективной безопасности в целях предотвращения агрессии со стороны Германии и Японии. Решающая роль в выработке этого курса, одобренного Политбюро в конце 1933 года, принадлежала наркомму иностранных дел М. Литвинову. Ф. Раскольников писал, что "Литвинова тогда называли "знаменосцем сталинской политики мира". Но правильнее было бы назвать Сталина "знаменосцем литвиновской политики мира"... Литвинов талантливо проделал трудный маневр вхождения в Лигу Наций, возобновления дипломатических отношений с Америкой, серьёзного и делового сближения с Францией и Англией... Все крупные успехи советской внешней политики, усиление международного авторитета СССР прежде всего и больше всего обязаны Литвинову... Литвинов настолько поднял авторитет Наркоминдела, что в 1935-1936 годах Политбюро почти безоговорочно принимало все его предложения"¹.

Многие политические формулы, выдвинутые Литвиновым в середине 30-х годов, спустя годы были повторены Сталиным и его преемниками. Так, в ноябре 1936 года Литвинов в докладе на VIII Всесоюзном съезде Советов заявил: "Мы берём выпадающее из слабых рук дряхлеющей буржуазии знамя демократизма, знамя свобод". Эта фраза почти дословно вошла в текст речи Сталина на XIX съезде партии в 1952 году. В том же выступлении Литвинов подчеркнул, что "наше участие в Лиге Наций основано на принципе мирного сосуществования двух систем"². Этот принцип, начиная с 1956 года, был провозглашен основой советской внешней политики. Широкий резонанс во всём мире получила в 30-е годы ещё одна политическая формула, выдвинутая Литвиновым: "Мир неделим".

Новый внешнеполитический курс СССР нашёл выражение в заключении в 1934-1935 годах торговых соглашений и договоров о взаимной помощи с Францией и с Чехословакией. В 1936 году Англия и Чехословакия предоставили Советскому Союзу крупные долгосрочные кредиты.

Эти дипломатические акции, а также антифашистский тон официальной советской пропаганды порождали представление, что правительство СССР проводит политику, направленную на защиту Европы от потенциального агрессора, каким в глазах всего мира являлась гитлеровская Германия. Даже многие проницательные аналитики Запада не обращали должного внимания на факты, свидетельствующие о напряжённом поиске сталинским руководством путей сближения с Гитлером.

Первый политический зондаж в этом направлении был осуществлён на IV сессии ЦИК СССР (декабрь 1933 года). В докладе Молотова, сделанном от имени советского правительства, указывалось, что "наши отношения с Герма-

¹ Раскольников Ф. Ф. О времени и о себе. С. 494-495.

² Правда. 1936. 29 ноября.

ний всегда занимали особое место в наших международных отношениях... СССР не имеет со своей стороны оснований к перемене политики в отношении Германии"¹.

С подобным заявлением на сессии выступил и Литвинов. "В течение десяти лет, - сказал он, - нас связывали с Германией тесные экономические и политические отношения. Мы были единственной крупной страной, не желавшей иметь ничего общего с Версальским договором и его последствиями. Мы отказались от прав и выгод, которые этот договор резервировал за нами. Германия заняла первое место в нашей внешней торговле. Из установившихся отношений, политических и экономических, извлекались чрезвычайные выгоды как Германией, так и нами (Калинин: "В особенности Германией"). Опираясь на эти отношения, Германия могла смелее и увереннее разговаривать со своими вчерашними победителями"².

В последней фразе содержался намёк на сотрудничество между Красной Армией и германским рейхсвером, установленное секретным соглашением 1922 года, подписанным в Рапало. Это сотрудничество, прорывавшее военно-политическую блокаду Советского Союза капиталистическими державами, одновременно позволяло Германии обходить запреты Версальского договора в отношении производства вооружений и подготовки офицерских кадров.^{3*}

"Мы хотим иметь с Германией, как и с другими государствами, наилучшие отношения, - продолжал Литвинов. - ...Мы хотели бы, чтобы Германия могла нам сказать то же самое"⁴.

Поскольку этот призыв не встретил отклика со стороны Гитлера, Сталин решил повторить его лично в докладе на XVII съезде ВКП(б). Заявив, что в Германии произошли перемены в сторону "новой политики", направленной против СССР, он опроверг суждения "некоторых германских политиков" о том, что Советский Союз в этой связи стал ориентироваться на Францию и Польшу. Сталин дезавуировал и сообщения о том, что Советский Союз склонен отказаться от дружественных отношений с Германией из-за установления там фашистского режима. Он подчеркнул, что "фашизм, например, в Италии, не помешал СССР установить наилучшие отношения с этой страной"⁵.

Сталинские усилия, направленные на сближение с Гитлером, активизировались после кровавой чистки, учинённой Гитлером над своими противниками в ночь на 30 июня 1934 года. Об этом подробно рассказывалось в статьях В. Кривицкого, опубликованных в 1939 году в американской печати. В этих статьях Кривицкий, возглавлявший в 1935-1937 годах советскую разведку в Европе, стремился разрушить миф о непримиримой вражде Сталина к Гитлеру и предупредить мировую общественность о возможности сговора между ними.

Сразу же после получения первых сообщений о гитлеровской чистке, рассказывал Кривицкий, Сталин созвал внеочередное заседание Политбюро. На

¹ Правда. 1933. 31 декабря.

² Правда. 1933. 30 декабря.

³ В 1937 году в поддержании связей между руководством Красной Армии и германским генеральным штабом, которые Сталин пытался сохранить и после прихода Гитлера к власти, были обвинены крупнейшие советские военачальники во главе с Тухачевским.

⁴ Правда. 1933. 30 декабря.

⁵ Сталин И. В. Соч. Т. 13. С. 302-303.

нѐм были оглашены донесения советских резидентов в Германии о том, что чистка коснулась двух групп, вступивших между собой в контакт ради свержения Гитлера: группы монархически настроенных офицеров германской армии и группы членов нацистской партии во главе с капитаном Ремом, одним из ближайших соратников Гитлера. В Европе и Америке события июньской ночи были восприняты как признак ослабления гитлеровского режима. Люди, считавшие, что эти события предвещают скорый крах Гитлера, имелись и в советских руководящих кругах. Сталин решительно отверг эту точку зрения, заявив, что гитлеровская чистка означает консолидацию нацистского режима и укрепление позиций Гитлера.

"Гитлеровская кровавая чистка 30 июня немедленно подняла его в глазах Сталина. Гитлер впервые продемонстрировал Кремлю, что он сосредоточил власть в своих руках, что он диктатор не на словах, а на деле. Если у Сталина и были какие-то сомнения насчёт способности Гитлера править железной рукой, то теперь эти сомнения рассеялись. С этого момента Сталин признал в Гитлере хозяина, который способен . подкрепить делом свой вызов всему миру. Этим и ничем другим объясняется решение, принятое Сталиным ночью 30 июня, - заручиться любой ценой взаимопониманием с нацистским режимом"¹.

Спустя месяц после гитлеровской чистки на страницах правительственной газеты "Известия" появилась статья Радека, который в то время был консультантом и близким доверенным лицом Сталина по внешнеполитическим вопросам. Радек писал, что "наличие в Германии фашистской власти не может быть причиной враждебных отношений между СССР и Германией... От Германии зависит рассеять недоверие, которое вызывает её политика"².

По словам Кривицкого, Сталин, стремившийся любой ценой добиться заключения договора с Германией, вѐл себя по отношению к Гитлеру как "настойчивый проситель, которого не смущают категорические отказы. Реакция Гитлера была враждебной. Сталиным же руководил страх... Японская угроза на Дальнем Востоке только подстегнула его шаги в этом направлении. Он питал величайшее презрение к "слабым" демократическим правительствам и в равной степени уважал "могучие" тоталитарные государства. Он неизменно руководствовался правилом, что надо поддерживать хорошие отношения со сверхдержавой"³, каковой он считал гитлеровскую Германию.

Между тем Гитлер продолжал упорно игнорировать все зондажные усилия советского руководства. Он счѐл возможным пойти лишь на некоторое улучшение торговых и финансовых отношений с СССР, предоставив в 1935 году Советскому Союзу кредит в сумме 200 млн. марок сроком на пять лет. Что же касается продолжения военно-политической "линии Раппало", то этот путь Гитлер решительно отверг, поскольку он объявил в 1934 году об аннулировании военных статей Версальского договора, о восстановлении всеобщей воинской повинности и создании массовой армии. Приступив к открытой милитаризации Германии, Гитлер уже не нуждался в помощи Советского Союза.

¹ Кривицкий В. "Я был агентом Сталина". С. 82.

² Радек К. Положение в Европе и англо-французские отношения. - Известия. 1934. 15 июля.

³ Кривицкий В. "Я был агентом Сталина". С. 73-74.

Тогда Сталин при активном участии Радека стал разрабатывать сложный план, направленный на признание Советским Союзом Версальского договора, который большевики всегда считали более несправедливым и грабительским, чем даже Брестский договор. Усилия в этом направлении, по мысли Сталина, должны были запугать Гитлера перспективой создания широкого антигерманского блока с участием СССР и тем самым побудить его благосклонно отнестись к поискам союза между СССР и Германией.

Во исполнение этого плана в советской печати были опубликованы статьи Радека, воспринятые во всём мире как серьёзная переориентация внешней политики СССР в направлении создания антигитлеровской коалиции. Эти статьи были, по словам Кривицкого, "в полном смысле плодом совместного труда Сталина и Радека". "Часто бывая в кабинете Радека, - вспоминал Кривицкий, - я знал, что он ежедневно консультируется со Сталиным, встречаясь с ним иногда по нескольку раз на дню. Каждая написанная им фраза тщательно изучалась Сталиным лично"¹.

В статьях Радека указывалось, что германский фашизм и японский милитаризм встали на путь борьбы за передел мира и что такая политика угрожает не только Советскому Союзу, но и Франции, Чехословакии, Польше, США и другим государствам. Исключение Радек делал только для Англии, которая, по его словам, стремилась направить эту борьбу исключительно против СССР. Данная точка зрения отражала позицию сталинского руководства, которое продолжало считать Англию более опасным врагом, чем Германия. Раскольников вспоминал: в 1935 году во время его встречи с Молотовым завязался разговор о международном положении, о военной опасности и фашистской угрозе. "Наш главный враг - Англия, - глубококомысленно сказал Молотов твёрдым, не допускающим возражения тоном"².

В доверительном разговоре с Кривицким Радек заявил, что содержащиеся в его статьях филиппики против агрессивных устремлений германского фашизма и жизненная реальность - это "совершенно разные вещи": Гитлер не пойдёт против своего генерального штаба, настроенного в пользу сотрудничества с СССР, и против германских деловых кругов, ведущих с Советским Союзом обширную торговлю. В том же разговоре Радек назвал безмозглыми тех, кто полагал, что Сталин отвернётся от Гитлера из-за зверских преследований немецких коммунистов. Внешняя политика СССР, по словам Радека, должна исходить из того, что "никто не даст нам того, что дала Германия. Для нас разрыв с Германией просто немислим"³.

Свидетельства того, что такая установка отражала тайную игру, которую Сталин вёл при активном участии Радека, были обнаружены в 60-70-е годы бывшим ответственным работником наркоминдела Е. А. Гнединым, проводившим 16 лет в сталинских тюрьмах и лагерях. Сопоставив опубликованные на Западе документы из архива немецкого министерства иностранных дел с известными ему советскими дипломатическими документами и с собственными воспоминаниями, Гнедин пришёл к выводу, что человеком, которого немецкий

¹ Там же. С. 79.

² Раскольников Ф. Ф. О времени и о себе. С. 484.

³ Кривицкий В. "Я был агентом Сталина". С. 80.

посол в Москве даже в секретных документах не называл по имени, а только "наш друг", был Радек. Через него поддерживались прямые связи Сталина и Молотова с Гитлером, минуя Литвинова¹.

Косвенные подтверждения этого содержатся в письмах Б. Николаевского, рассказывающих о его беседах с Оффи, бывшим секретарём посла США в СССР Буллита. Оффи сообщил, что в 1935 и 1936 году Бухарин в беседах с ним и Буллитом^{2*} сказал, что Сталин ведёт секретные переговоры с немцами и "тянет в сторону союза с Германией". К этому Николаевский прибавлял: ему самому довелось слышать от Бухарина в 1936 году, что "Сталин по вопросу о немцах стоит в Политбюро на особо осторожной (прогерманской) позиции"³. Очевидно, Бухарин, которого в то время не допускали к секретным материалам Политбюро, мог почерпнуть эту информацию у Радека, с которым в те годы был весьма близок.

Хотя Троцкому, разумеется, не были известны все эти факты, он безошибочно разгадал сталинские устремления к сговору с Гитлером. В статье Л. Седова, освещавшей позицию Троцкого по отношению к фашизму, подчёркивалось, что Сталин "промышленными заказами фашистской Германии и льстивым тоном советской печати надеялся задобрить Гитлера... Сталин и сегодня без колебания вступил бы в соглашение или в союз с Гитлером, выдав ему с головой немецкий и европейский пролетариат, если бы на это пошел Гитлер. Дело только за ним"⁴.

Этот прогноз нашёл подтверждение в дальнейших шагах Сталина, по инициативе которого на протяжении всего, 1936 года шли непрерывные переговоры советских дипломатов с имперским министром Шахтом и другими высокими чинами германского рейха. В этот период Гитлер стал склоняться к таким переговорам, поскольку для ускорения военных приготовлений он остро нуждался в получении стратегического сырья из Советского Союза. В докладной записке начальника экономического департамента германского МИДа К. Шнурре от 19 октября 1936 года указывалось: "В руководящих кругах было признано, что положение с сырьём и процесс перевооружения Германии таковы, что поставили нас в зависимость от получения русского сырья. Поэтому необходимо сдвинуть германо-советские экономические отношения с нынешней мёртвой точки... Поставки в Россию сейчас более чем когда-либо находятся в интересах политики Германии, поскольку только таким путём мы сможем получать на правах обмена нужное нам сырьё"⁵.

Двойная игра Сталина продолжалась и после того, как 25 ноября 1936 года был официально подписан антикоминтерновский пакт между Германией и Японией.

В этот период советская разведка решила уникальную по своей сложности задачу. Она установила, что параллельно с переговорами об этом пакте проис-

¹ Орлова Р., Копелев Л. Мы жили в Москве. М., 1990. С. 80.

² А. М. Ларина рассказывает, что "однажды по пути в Ленинград Н. И. оказался в одной купе с первым американским послом в Советском Союзе Буллитом и имел с ним беседу, содержание которой я не запомнила". (Ларина А. М. Незабываемое. С. 128).

³ Фельштинский Ю. Г. Разговоры с Бухариным. М., 1993. С. 17.

⁴ Бюллетень оппозиции. 196. № 54-55. С. 31.

⁵ Вопросы истории. 1991. № 4-5. С. 149.

ходили тайные германо-японские переговоры о координации военных планов и приготвлений в Европе и Азии. 28 ноября 1936 года Литвинов обнародовал эти разведывательные данные, сообщив, что антикоминтерновский пакт "не имеет никакого смысла по той простой причине, что он является лишь прикрытием для другого соглашения, которое одновременно обсуждалось и было парафировано, а, вероятно, и подписано, и которое опубликовано не было и оглашению не подлежит. Я утверждаю, с сознанием всей ответственности моих слов, что именно выработке этого секретного документа... были посвящены 15-месячные переговоры японского военного атташе с германским сверхдипломатом". Заявив, что Германия, Япония и Италия "известные своей агрессивностью и покушениями на чужие территории, борются с принципами коллективной безопасности и неделимости мира", Литвинов подчеркнул, что "уже это одно придаёт зловещий характер этим соглашениям и указывает на угрозу, которую они составляют всеобщему миру, безопасности и интересам многих стран"¹.

Эти разоблачения не помешали, однако, встрече в декабре 1936 года Геринга с советским послом Сурицем, на которой Геринг заявил, что "не к теперешней политике надо подгонять нашу экономику, а наоборот, всячески развивать наши экономические отношения и уже на базе этого развития медленно и постепенно воздействовать на политику". В том же месяце советский торгпред Кандилаки встретился с Шахтом, который, как сообщалось в донесении советского посольства, зондировал "возможность прямых политических переговоров с нами"².

Вскоре после этого Кривицкий получил приказ заморозить советскую разведывательную сеть в Германии. Этот приказ, идущий непосредственно от Сталина, мотивировался тем, что в случае провала какого-либо из звеньев этой сети у Гитлера могут возникнуть подозрения в неискренности стремлений Сталина к союзу с ним. В беседе с Кривицким Ежов повторил сталинскую фразу: "Мы должны прийти к соглашению с такой сверхдержавой, как нацистская Германия"³.

Всё это происходило в то время, когда Советский Союз и Германия выступали фактическими противниками в испанской войне, а советская пресса неустанно проклинала Троцкого и троцкистов как "агентов гестапо", вступивших в сговор с Гитлером для обеспечения ему победы в будущей войне против СССР. Германская официальная печать ни единым словом опровержения не откликнулась на московские процессы, где устами подсудимых подтверждалась эта версия. Гитлер и его сообщники отлично понимали, что подобная дискредитация Троцкого в глазах мировой общественности служит и их интересам.

8 января 1937 года Политбюро утвердило "проект устного ответа Кандилаки" на зондажные предложения германских руководящих кругов о политических переговорах. В этом документе указывалось, что советское правительство "не отказывается и от прямых переговоров через официальных дипломатиче-

¹ Правда. 1936. 29 ноября.

² Вопросы истории. 1991. № 4-5. С. 150.

³ Кривицкий В. "Я был агентом Сталина". С. 90.

ских представителей; оно согласно также считать конфиденциальными и не предавать огласке как наши последние беседы, так и дальнейшие разговоры, если германское правительство настаивает на этом"¹.

В письме Сурицу Литвинов сообщал, что в подготовленном им варианте "устного ответа" речь шла о переговорах Сурица с германским министром иностранных дел Нейратом, но Сталин внёс поправку о "прямых переговорах" - т. е. переговорах между Кандилаки и Шахтом как личными представителями Сталина и Гитлера².

В апреле 1937 года Кандилаки привез в Москву проект предварительного соглашения о заключении советско-германского договора, в котором затрагивались вопросы экономического и военного сотрудничества, взаимоотношений с Польшей и прибалтийскими государствами³. Таким образом, предполагавшийся договор во многом предвосхищал положения пакта "Молотов-Риббентроп".

Сообщение о тайных переговорах между посланцами Сталина и Гитлера было опубликовано в "Бюллетене оппозиции" со слов советского разведчика И. Райсса, в 1937 году порвавшего со Сталиным и примкнувшего к движению IV Интернационала. После того, как Райсс был убит зарубежными агентами НКВД, редакция "Бюллетеня" опубликовала его записки, в которых содержалась примечательная фраза: "непрекращающиеся переговоры с Адольфом - Кандил(аки)". В примечаниях от редакции указывалось, что эта запись имела в виду закулисные переговоры с Гитлером, осуществлявшиеся Сталиным через Кандилаки⁴.

Райсс, по-видимому, не успел вывезти или обнародовать имевшиеся в его распоряжении документы, подтверждавшие это сообщение. В книге А. Бросса "Агенты Москвы" приводится фраза Литвинова: "Райсс был в курсе наших переговоров (с Гитлером - В. Р.). Если бы он исчез вместе со всеми документами, то разразился бы невиданный скандал"⁵.

Даже незначительная утечка информации, в равной степени опасная для Сталина и Гитлера, видимо, привела к прекращению переговоров и помешала в то время заключению советско-германского пакта. Однако подписанный в 1939 году пакт "Молотов-Риббентроп" с его секретными протоколами явился не внезапной импровизацией двух диктаторов; он, как мог убедиться читатель этой главы, был подготовлен длительными закулисными дипломатическими маневрами предшествующих лет.

¹ Вопросы истории. 1991. № 4-5. С. 150.

² Там же.

³ Вопросы истории. 1991. № 12. С. 101.

⁴ Бюллетень оппозиции. 1937. № 60-61. С. 13.

⁵ Иностранная литература. 1989. № 12. С. 243.

XXXIV

Мир привилегий

Середина 30-х годов была временем крутых изменений не только во внешней, но и во внутренней политике сталинской клики. Эти изменения выразились прежде всего в резком усилении социального неравенства.

Характеризуя в 1936 году социальные сдвиги в советском обществе, Г. Федотов усматривал в них "откровенный душок реставрации", опошление и вырождение коммунистической мечты о новом человеке и новом образе жизни. "Всё то, что так недавно было грехом для социалистического сознания - что остаётся грехом для всякого морального сознания - привилегии сытости и комфорта в стране нищеты и неисчерпаемого горя - теперь объявляется дозволенным. Кончился марксистский пост, и... наступило праздничное обжорство. Для всех? Конечно, нет. Не забудем, что именно эти годы принесли с собой новые тяготы для рабочих и углубление классовой розни. Весёлая и зажиточная жизнь - это для новых господ. Их языческий вкус находит лишнее удовлетворение своей гордости в социальном контрасте. Нигде в буржуазном мире пафос расстояния не достиг такой наглости, как в России, где он только что освободился от долгого запрета... На верхах жизни продолжается реставрация дореволюционного быта. Новое общество хочет как можно больше походить на старую дворянскую и интеллигентскую Россию. Поскольку оно не довольствуется элементарной сытостью и комфортом, его мечты о "красивой" жизни принимают невыносимо пошлые формы. По крайней мере советская печать иначе не умеет говорить об этом. В описании советских приёмов и празднеств новой знати сквозь Игоря Северянина явно проступает Смердяков"¹.

Эти наблюдения проницательно схватывали перемены в образе жизни правящих верхов, тон которым был задан самим Сталиным.

Пока была жива Н. С. Аллилуева, она несколько умеряла его гедонистические наклонности. По словам С. И. Аллилуевой, её мать, воспитанная в пуританских традициях своей пролетарской семьи, "принадлежала сама к молодому поколению революции - к тем энтузиастам-труженикам первых пятилеток, которые были убеждёнными строителями новой жизни, сами были новыми людьми и свято верили в свои новые идеалы человека, освобождённого революцией от мещанства и от всех прежних пороков. Мама верила во всё это со всей силой революционного идеализма, и вокруг неё было тогда очень много людей, подтверждавших своим поведением её веру"².

Надежда Сергеевна ездила в Промакадемию на трамвае, стеснялась пользоваться машиной. Она не хотела, чтобы её сокурсникам было известно, что она - жена Сталина, и многие из них действительно не знали об этом. В то время в сталинской семье знали цену деньгам. В письмах Аллилуевой Сталину, относящихся к 1929-31 годам, встречаются следующие просьбы и замечания: "Иосиф, пришли мне, если можешь, руб. 50, мне выдадут деньги толь-

¹ Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Т II. С. 100-101.

² Аллилуева С. И. Двадцать писем к другу. М., 1989. С. 101.

ко 15/Х в Промакадемии, а сейчас я сижу без копейки. Если пришлѐшь, будет хорошо"; "цены в магазинах очень высокие, большое затоваривание из-за этого. Не сердись, что так подробно (пишу - В. Р.), но так хотелось бы, чтобы эти недочѐты выпали из жизни людей и тогда было бы прекрасно всем и работали бы все исключительно хорошо"¹. В письме З. Г. Орджоникидзе она с огорчением сообщала, что не смогла приобрести ткань и книгу, которые просила прислать её подруга, так как не сумела найти их в магазинах, и вообще "в Москве очень трудно покупать сейчас, т.к. везде колоссальные очереди"².

Н. С. Аллилуева "честно верила в правила и нормы партийной морали, предписывавшей партийцам скромный образ жизни. Она стремилась придерживаться этой морали, потому что это было близко ей самой, её семье, её родителям, её воспитанию". Тяготившаяся начавшимся бытовым перерождением кремлёвской среды, она считала аморальным "бесконечно, без всяких лимитов, лазить в карман казны и брать оттуда на свои домашние нужды: на дачи, машины, содержание прислуги и т. п."³.

После смерти Аллилуевой началось строительство нескольких дач на южных курортах, предназначенных специально для Сталина. Тогда же Сталин оставил родителям жены, воспитывавшим его детей, свою прежнюю загородную резиденцию в подмосковном селе Зубалово, а сам стал пользоваться построенными для него "ближней" и "дальней" дачами. Хотя последняя посещалась им редко, на ней постоянно находились охрана и "обслуга" (это слово в лексиконе партийной элиты заменило "старорежимное" понятие "прислуга"). Наконец, в нарушение ленинского декрета, предписывавшего передачу всех крымских дворцов царской семье и придворной аристократии под дома отдыха и санатории для народа, эти дворцы были превращены в "государственные дачи" для членов Политбюро. Дачей Сталина считался Ливадийский дворец, хотя он отдыхал в нём лишь однажды. В Воронцовском дворце проводил свой отдых Молотов.

Неизменным атрибутом образа жизни Сталина и его ближайшего окружения стали продолжавшиеся по 5-6 часов ужины, на которых в огромном количестве подавались изысканные блюда и отборные алкогольные напитки. Как вспоминает присутствовавший на некоторых из этих ужинов сын Микояна, иногда Сталин произносил по-грузински слова, обозначавшие "свежая скатерть". После этого немедленно появлялась "обслуга", которая брала скатерть с четырёх углов и уносила находившиеся на ней блюда вместе с битым хрусталем и фарфором. На новую, чистую скатерть приносились другие, только что приготовленные яства⁴.

Жадность Сталина к материальным благам жизни, приверженность к необузданной роскоши в быту передались и его преемникам, вплоть до Горбачёва, которые - в отличие от старой большевистской гвардии - были весьма далеки от готовности разделять с народом материальные тяготы и лишения.

¹ Родина. 1992. № 10. С. 52, 56.

² Свободная мысль. 1993. № 5. С. 74.

³ Аллилуева С. И. Двадцать писем к другу. С. 100-101.

⁴ Огонёк. 1989. № 15. С. 10.

При всём этом официальная пропаганда настойчиво культивировала миф о бытовой скромности Сталина. Поскольку в среду кремлёвских "вождей" допускался крайне ограниченный круг лиц, этот миф укоренился даже в сознании некоторых старых большевиков. Так, Раскольников в своём дневнике писал, что "в домашнем быту Сталин - человек с потребностями ссыльнопоселенца. Он живёт просто и скромно, потому что с фанатизмом аскета отвергает жизненные блага: ни культура, ни жизненные удобства, ни еда просто его не интересуют"¹.

Распространению представлений о неприязательности Сталина к жизненным благам способствовала книга Барбюса, в которой подчёркивалось, что Сталин "в месяц зарабатывает несколько сот рублей - скромный максимум партийного работника"². По поводу этих слов Троцкий замечал, что "здесь показание Барбюса является заведомой ложью. Как и у всех высших сановников, существование Сталина обеспечено... теми материальными условиями, которые ему обеспечивает государственный аппарат: автомобили, дачи, секретари и дары природы со всех концов Советского Союза. Одни подарки, перечисляемые "Правдой", во много десятков раз превосходят ту сумму, которую называет слишком усердный Барбюс"³.

Эти слова находят выразительное подтверждение в воспоминаниях С. Аллилуевой, которая рассказывала, что вся зарплата Сталина "ежемесячно складывалась в пакетах у него на столе. Я не знаю, была ли у него сберегательная книжка, - наверное нет. Денег он сам не тратил, их некуда и не на что было ему тратить. Весь его быт, дачи, дома, прислуга, питание, одежда, - всё это оплачивалось государством, для чего существовало специальное управление где-то в системе МГБ (в 30-е годы - НКВД - В. Р.), а там - своя бухгалтерия, и неизвестно, сколько они тратили... Он и сам этого не знал"⁴.

Этот противоестественный образ жизни немало способствовал поразительной оторванности Сталина от действительности, его неосведомлённости о материальных условиях жизни народных масс. Особенно наглядно это выражалось в его неведении о реальном содержании денег; по словам С. И. Аллилуевой, "он не знал ни счёта современным деньгам, ни вообще сколько что стоит, - он жил своим дореволюционным представлением, что сто рублей - это колоссальная сумма. И когда он давал мне две-три тысячи рублей, - неведомо, на месяц, на полгода, или на две недели, - то считал, что даёт миллион"⁵.

В быту Сталина и других членов Политбюро причудливо сочетались как бы две эпохи - формальное отсутствие личного имущества, сохранявшееся от первых лет революции, и безграничное, бесконтрольное пользование материальными благами, зачастую не доступными даже западным миллионерам. "Всю жизнь родители прожили среди казенных вещей, - вспоминает дочь А. А. Андреева. - Всё было государственное, кроме одежды, книг, пластинок, -

¹ Раскольников Ф. Ф. О времени и о себе. С. 488.

² Барбюс А. Сталин. М., 1935. С. 4.

³ Троцкий Л. Д. Сталин. Т. II. С. 149-150.

⁴ Аллилуева С. И. Двадцать писем к другу. С. 193-194.

⁵ Там же. С. 193.

дача, машина, мебель, бельё, посуда, предметы обстановки. Удивительно, как мы жили, не замечая всего этого. Когда в середине 50-х годов правительство выезжало из Кремля, встал вопрос, что ни у кого нет своей мебели, и было разрешено выкупать государственную. Таким образом, родители переехали на улицу Грановского со своими столами, стульями дореволюционного образца, шкафами для книг, бельём, посудой. На старости лет они обрели свои собственные вещи, которые отсутствовали у них всю жизнь"¹.

Формальное отсутствие личной собственности, разумеется, не утяжеляло, напротив, весьма облегчало быт бюрократической верхушки, жившей, по словам Троцкого, жизнью западноевропейских магнатов капитала. Этот вывод подтверждается более поздними наблюдениями Е. Варги, долгие годы работавшего в аппарате Коминтерна, а затем, будучи академиком, остававшегося посвящённым в быт и нравы советских верхов. В своих предсмертных записках, относящихся к началу 60-х годов, Варга писал, что вначале он расценивал гигантские различия в доходном и имущественном положении различных слоёв советского общества лишь как моральный дефект системы. Ему казалось, что число привилегированных незначительно и поэтому они не могут поглощать существенную часть национального дохода. Однако в дальнейшем он пришёл к выводу, что далеко недооценивал величину средств, которая затрачивалась государством на содержание высшего бюрократического слоя, и что эти затраты в расчёте на одного высокопоставленного чиновника чудовищно велики. В подтверждение этого Варга писал: "Под Москвой существуют дачи - конечно, государственные; при них постоянно находится 10-20 человек охраны, кроме того, садовники, повара, горничные, специальные врачи и медсестры, шофёры и т. д. - всего до 40-50 человек прислуги. Всё это оплачивает государство. Кроме того, естественно, имеется городская квартира с соответствующим обслуживанием и по меньшей мере ещё одна дача на юге. У них персональные спецпоезда, персональные самолёты, и те и другие с кухней и поварами, персональные яхты, и, конечно же, множество автомобилей и шофёров, обслуживающих днем и ночью их самих и членов их семей. Они бесплатно получают... все продукты питания и прочие предметы потребления... Для обеспечения такого уровня жизни в Америке надо быть мультимиллионером!"².

В середине 30-х годов возникла новая форма бюрократического расточительства - устройство в Кремле крайне дорогостоящих приёмов и банкетов, на которых "вожди" общались со "знатными людьми из народа". Старая большевичка З. Н. Немцова вспоминала: она и её подруга Валентина Кон, секретарь редакции журнала "Работница", были приглашены на один из таких банкетов, организованный по случаю женского праздника. Здесь они стали свидетельницами того, как пьяный Сталин танцевал под гармошку в окружении восторженных активисток. "Мы с Валюшей не выдержали этого ужаса, ушли. С той поры и начались по стране банкеты. Каждый местный вождь теперь получил право устроить официальную пьянку"³.

¹ Андреев А. А. Воспоминания, письма. М., 1985. С. 316.

² Полис. 1991. № 2. С. 177.

³ Огонёк. 1988. № 27. С. 7.

Столь же быстро сановники менее высокого ранга усваивали другие атрибуты образа жизни кремлёвской знати, чаще всего с её прямого благословения. Та же Немцова так описывает посещение дачи одного из руководителей Наркома путей сообщения Полонского: "У двери нас встретил швейцар в ливрее, дальше - горничная. Нас провели в гостиную, сказали: "Хозяин сейчас выйдет"... За обедом за спиной крутились лакеи. Я сидела, как каменная, молчала, потом не выдержала: "Что же это ты, красавец, творишь?" - "А что? Каганович считает, что мы, руководители, ни в чём не должны нуждаться". - "Да как ты можешь?! Ведь ты член партии с 1912 года, был скромным человеком. Что с тобой, Володя, стало?" "Брось ты всю эту муть, идущую от Чернышевского". Ну, я встала и ушла. Это был уже не большевизм"¹.

Подобные нравы укоренились и в среде провинциальной бюрократии. Как рассказывала Е. Гинзбург, первый секретарь Татарского обкома партии Разумов, ещё в 1930 году занимавший комнату в коммунальной квартире, спустя год построил "татарскую Ливадию" - курортный посёлок для местной бюрократической верхушки, а в нём - отдельный коттедж для себя².

Контраст между спартанскими нравами первых послевоенных лет и "весёлой жизнью" бюрократии в 30-е годы невольно бросался в глаза каждому, кто помнил бытовые условия партийных руководителей при Ленине. Н. А. Иоффе, дочь члена Октябрьского ЦК А. А. Иоффе, вспоминала, что по приезде во Владивосток её поразил образ жизни местной элиты, к которой по положению принадлежал её муж. "Я помнила голодную Москву 1919-1920 годов. Я помнила, как жили мы с мамой, я часто бывала у Воровских (моя мать дружила с его женой), я бывала у Троцких... Люди, занимавшие первые посты в государстве, питались немногим лучше, чем рядовой житель Москвы". Во Владивостоке же в начале 30-х годов для членов горкома к обеду подавались закуски в неограниченном количестве. "Прекрасные торты, пирожные, сбитые сливки на сладкое. Закрытый распределитель тоже, разумеется, для членов горкома. По вполне сходной цене там можно было купить самые лучшие импортные вещи, отобранные как контрабанда... В это время так жили все ответственные работники по всей периферии нашей необъятной родины, ну, может быть, за минусом контрабанды, которая компенсировалась, вероятно, чем-то другим"³.

Такой "компенсацией" для аппарата НКВД было конфискованное имущество арестованных, которое продавалось по бросовым ценам в специальных магазинах. Об этом "законном" мародерстве рассказывал на процессе над Берией и его сообщниками бывший нарком внутренних дел Грузии Гоглидзе: "Ещё до 1937 года был установлен порядок, при котором ценные вещи арестованных конфисковывались и передавались в магазины НКВД - спецторг... Так было не только в Грузии, а повсеместно"⁴.

Совершенно новый образ жизни возник и в дипломатических миссиях СССР. В 20-е годы он строился на началах, изложенных в письме народного комиссара иностранных дел Г. В. Чичерина всем представителям Советской

¹ Там же.

² Гинзбург Е. Крутой маршрут. Т. I. С. 13.

³ Иоффе Н. А. Время назад. М., 1992. С. 89-90.

⁴ Берия: конец карьеры. С. 317.

России за границей: "Скромность и простота образа жизни российских представителей должна соответствовать характеру нашего строя и нашего государства, являющегося государством рабочих и крестьян. Ни в коем случае не следует среди заграничных наблюдателей вызывать представление, будто бы занимающие ответственные должности советские работники имеют возможность тратить большие суммы денег и пользоваться роскошью и удобствами, не доступными широкой массе советских граждан... Каждая деталь в образе жизни наших заграничных представителей должна внушать внешнему миру мысль о том, что ответственные советские деятели являются лишь работниками, исполняющими более важные функции, но никоим образом не привилегированным слоем, пользующимся благами жизни, не доступными другим"¹.

Эти принципы были полностью отброшены в 30-е годы, когда нормой быта советских дипломатов (как, впрочем, и московских вельмож) стало проведение отпуска на лучших зарубежных курортах, а советские посольства начали оформляться с помпезной роскошью. Вот что рассказывала жена Ф. Раскольникова: "После его назначения послом в Болгарию мы с Федей купили в антикварных магазинах прекрасную старинную мебель, особенно маленький французский салон Людовика XVI, несколько картин и ваз. Другая мебель, картины, ковры, посуда и хрусталь были закуплены в Берлине, Праге и Софии"².

В армии принципы равенства, настойчиво насаждавшиеся Троцким, были окончательно вытравлены после введения в сентябре 1935 года воинских званий, упразднённых Октябрьской революцией (этот процесс полностью завершился в годы войны). Вслед за этим были выделены огромные средства на строительство клубов, домов отдыха и жилых домов, предназначенных исключительно для командного состава. На XVIII съезде ВКП(б) Ворошилов с удовлетворением привел данные о росте с 1934 по 1939 год средней заработной платы начальствующего состава армии на 286 процентов. При этом прирост зарплаты увеличивался пропорционально месту в должностной иерархии: от 240 процентов у командира взвода до 364 процентов у командира корпуса³.

По всей стране возникла сеть социально-бытовых учреждений, способствовавших обособлению привилегированных слоёв от народа: клубов для директоров промышленных предприятий, для директорских жен, для владельцев тогда немногочисленных личных автомашин и т. д.

Неуклонно расширялась сеть закрытых распределителей для советской знати, где высококачественные продукты питания и промышленные товары продавались по ценам, в несколько раз меньшим, чем в обычных магазинах. Все эти привилегии, крайне жёстко стратифицировавшие советское общество, по словам А. Орлова, "ещё больше увеличили ненависть народа к правящей клике и поддерживавшему её слою"⁴.

В стремлении предотвратить и ослабить эту социальную ненависть, бюрократия ограждала завесой секретности образ жизни властвующих и покрови-

¹ Цит. по: Зарницкий С., Сергеев А. Чичерин. М., 1975. С. 164.

² Минувшее. Исторический альманах. 7. М., 1992. С. 85-86.

³ XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). С. 198.

⁴ Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. С. 43.

тельствуемых групп, заселявших специально построенные для них комфортабельные здания и дачные посёлки, лечившихся в "своих" больницах, поликлиниках и санаториях. Однако, даже несмотря на военизированную охрану, преграждавшую непривileгированным доступ в эти оазисы роскоши, разительные социальные контрасты было невозможно утаить от народа.

Установление в обществе резко очерченных вертикальных и горизонтальных перегородок, насаждение "положенных" привилегий порождало в среде привилегированных психологию кастовой исключительности, чувство "особости" своего социального положения и, как следствие, пренебрежительное отношение к тем, кто находился на более низких ступенях социальной иерархии.

Социально-психологический механизм подобного нравственного перерождения выразительно описан советским философом М. А. Лифшицем. Вспоминая сказанные ему слова А. Твардовского: "Если меня будут бить, мучить, то я могу сказать всё, что угодно, но это буду уже не я, а что-то другое", Лифшиц замечал, что не менее разительные превращения могут происходить с человеком, не униженным, а, напротив, непомерно возвышенным над другими: "Верно, братец, - но если тебя раскормить, разбаловать, дать тебе монополию жизни, то ведь это будет опять что-то другое, не ты... Есть вечная мера испытания и в дурную и в хорошую стороны: есть предел вмещаемости, разный у каждого"¹. "Испытание привилегиями", способное разрушать личность в не меньшей мере, чем испытание истязаниями, оказало пагубное воздействие на сознание и поведение даже многих старых большевиков.

Привилегии бюрократии и примыкавших к ней социальных слоёв стали разрастаться, как лавина, именно в те годы, когда катастрофически ухудшилось жизненное положение основной массы рабочих и крестьян. Оказавшись перед лицом растущего народного недовольства тяжкими бедствиями, вызванными насильственной коллективизацией, Сталин, как всякий правитель бонапартистского типа, перешёл к политике лавирования между социальными группами. Внутри каждой из них насаждалась глубокая дифференциация, связанная с различиями в уровне и образе жизни, престиже и социальном сознании.

Хотя новое социальное членение всё больше закреплялось, социальная структура общества сохраняла достаточно сильный динамизм и открытость. Умело используя растущие социальные антагонизмы, Сталин выделял в каждой группе привилегированное меньшинство и оставлял возможности для вступления в его ряды людей из низших социальных слоёв. С одной стороны, малейшее отклонение членов высших социальных страт от господствующих установок влекло немедленную утрату завоеванного положения, падение в разряд париев, отщепенцев общества. С другой стороны, ниши, образовывавшиеся на верхних этажах социальной структуры в результате непрерывных чисток, немедленно заполнялись карьеристскими элементами, оплачивавшими дарованные им привилегии безграничной личной преданностью "вождю" и бездумным исполнением продиктованных сверху зловещих акций.

¹ Свободная мысль. 1992. № 6. С. 103.

Широкие возможности, открытые для таких социальных перемещений, явились одним из решающих факторов, позволивших за несколько лет осуществить полную замену правящей элиты, среди которой оставалось немало людей, воспитанных на большевистских принципах. Её место заняла новая молодая генерация, безудержно рвавшаяся к власти и привилегиям.

Одним из каналов вертикальной мобильности стала социально переродившаяся партия, превратившаяся в орган защиты интересов привилегированных групп. Монопольное право коммунистов на занятие всех руководящих постов в государственном, хозяйственном и военном аппарате закреплялось системой "номенклатурных" должностей и отделов кадров, тесно связанных с тайной полицией.

Всё это обусловило коренную перемену в отношении людей к членству в партии. Как отмечал Е. Варга, "если перед революцией и приблизительно в первые десять лет после революции вступление в партию означало известный риск преждевременной смерти и материальные жертвы", то в последующие годы оно стало открывать путь к карьере. Полная утрата рядовыми коммунистами возможности оказывать какое-либо влияние на политическую жизнь страны сочеталась с выдвиганием и служебным продвижением наиболее развращенных, беспринципных и циничных. "Подавляющее большинство рядовых членов партии, - справедливо писал Варга, - были и являются честными и порядочными людьми, но тон задавали и задают карьеристы, которые громче всех демагогически пропагандировали предписанную сверху линию"¹.

Вместе с тем Сталин изобрел новую категорию "беспартийных большевиков", перед которыми в определённых сферах деятельности (наука, техника, культура) открывались благоприятные перспективы и без партийного билета, - разумеется, если они зарекомендовали себя полной политической благонадёжностью. В известном смысле эта часть населения находилась даже в более выгодном положении, чем коммунисты, которых никакие прошлые революционные заслуги не могли спасти от "дамоклова меча" непрерывных партийных чисток.

Одной из групп, наиболее податливых к привилегиям, стала верхушечная интеллигенция. Г. Федотов справедливо замечал: приспособленчеством и угодничеством перед властью особенно заражены "верхи интеллигенции, старой и новой, прикормленной и прирученной диктатором. Не одни "технократы", организаторы производства введены в состав знати. Сюда относятся и лояльные учёные и верные власти литераторы... Представляя себе новую интеллигенцию по типу старой, народнической и жертвенной, мы ничего не поймём в новой России... Интеллигенция с государством, интеллигенция с властью: такова ситуация в России, не повторявшаяся с начала XIX века"².

Особую неприязнь Федотова вызывали слои, "по самой злосчастной природе их наиболее обезоруженные перед спросом на халтуру и подлость. Увы, к таким принадлежит профессия литераторов"³. В литературной среде высокие гонорары и другие виды государственного обеспечения создавали "бодрое

¹ Полис. 1991. № 2. С. 183.

² Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Т. II. С. 95-96.

³ Там же. С. 117.

чувство своей привилегированности... Диктатор и сам любит появляться в литературных кружках. Он держит себя меценатом и разрешает обращаться к себе за управой и милостью в случае цензурных притеснений.. Результаты налицо. Сталин получил в литературе блестящую рекламу - для Запада самое убедительное средство оправдания своего режима... Вполне допустимо, что Сталин приобрел популярность в этой среде, для которой художественное ремесло - это всё, нравственные основы жизни - ничто"¹.

Аналогичные наблюдения мы находим у В. Сержа, подчёркивавшего, что официальная литература превратилась в "подлинный литературный мандарионат - великолепно организованный, с жирными подачками и, разумеется, - благонамеренный"².

О резком отрыве верхушки творческой интеллигенции по уровню доходов не только от основной массы населения, но и от остальных представителей своего социального слоя свидетельствовали данные, обнародованные А. Толстым, и В. Вишневским. Хотя их выступление в печати имело целью "развеять слухи" о чрезвычайно высоких доходах литературной элиты, приведённые ими цифры говорили сами за себя: в 1936 году около 4000 писателей имели среднемесячный доход до 500 рублей, 157 - от 500 до 10 тыс. рублей и 14 - свыше 10 тыс. рублей³.

Л. Треппер, работавший в 30-е годы в одной из партийных газет, вспоминал, как он был изумлён при получении первого гонорара за статью, сумма которого превосходила его месячный оклад. "Так получали все, сотрудники. Мы все были далеки от "заработка рабочего", за который ратовал Ленин"⁴.

Андре Жиду по приезде в Советский Союз бросилось в глаза, что литераторы находятся здесь "в гораздо более выгодном положении, чем любые рабочие и ремесленники", и "любому, кто может держать перо", обеспечены более благоприятные материальные условия, чем в какой-либо другой европейской стране, - "лишь бы он писал что требуется". "И я хорошо понимаю, - замечал по этому поводу Жид, - даже если тут и нет прямой коррупции, - насколько выгодна Советскому правительству щедрость по отношению к художникам и литераторам, ко всем, кто может ему славословить"⁵.

Столь же привилегированное положение занимали популярные актёры и музыканты. В книге "Укрощение искусств" Ю. Елагин, бывший актёр Вахтанговского театра, рассказывал, что в 1934-1935 годах, когда заработная плата врача и учителя составляла 300-350 рублей в месяц, а уборщицы - 80-100 рублей, актёр среднего ранга получал 500-600 рублей, высокого ранга - 1000-1200 рублей. И уж вовсе баснословными доходами обладала элита театрально-музыкального мира. Лучшие певцы Большого театра зарабатывали 5000 рублей при норме выступлений, составлявшей всего три спектакля в месяц. Такой же заработок был у музыкантов популярных джазов, а их руководители - Л. Утёсов, А. Цфасман, Л. Скоморовский получали несколько десятков тысяч

¹ Там же. С. 95-96.

² Бюллетень оппозиции. 1936. № 57. С. 10.

³ ЭКО. 1989. № 9. С. 130.

⁴ Треппер Л. Большая игра. С. 63.

⁵ Два взгляда из-за рубежа. С. 132.

рублей в месяц. Главный режиссёр Вахтанговского театра Р. Симонов, помимо зарплаты, получаемой в театре, зарабатывал ещё 3000 рублей в руководимой им студии. Кроме того, он часто снимался в кино, где получал за месяц 5-6 тысяч рублей, и выступал в концертах, где брал за десятиминутное выступление 400-500 рублей. Наконец, он каждый год режиссировал физкультурные парады на Красной площади. За эту работу, занимавшую одну неделю, ему платили 35 тыс. рублей¹.

Неудивительно, что в среде зажиточных деятелей культуры укоренились психология и нравы конформистов и нуворишей. Вспоминая о своём возвращении в Москву в 1937 году после трёхлетней ссылки, Н. Мандельштам писал: "Вечером мы сидели в новом писательском доме с парадным из мрамора - лабрадора, поразившем воображение писателей, ещё помнивших бедствия революции и гражданской войны... "Я люблю модерн", - зажурившись, говорил Катаев, а этажом ниже Федин любил красное дерево целыми гарнитурами. Писатели обезумели от денег, потому что они были не только новые, но и внове... Куртка и толстовка комсомольцев двадцатых годов окончательно вышли из моды - "всё должно выглядеть, как прежде"... Когда мы покидали Москву, писатели ещё не были привилегированным сословием, а сейчас они пускали корни и обдумывали, как бы им сохранить свои привилегии".

Этим стремлением во многом объяснялось сервильное поведение данной социальной среды перед лицом разгула сталинского террора. "Жители нового дома с мраморным, из лабрадора, подъездом, - вспоминала Н. Мандельштам, - понимали значение тридцать седьмого года лучше, чем мы, потому что видели обе стороны процесса. Происходило нечто похожее на Страшный суд, когда одних топчут черти, а другим поют хвалу. Вкусивший райского питья не захочет в преисподнюю. Да и кому туда хочется?.. Поэтому они постановили на семейных и дружественных собраниях, что к тридцать седьмому надо приспособиться. "Валя - настоящий сталинский человек", - говорила новая жена Катаева, Эстер, которая в родительском доме успела испробовать, как живётся отверженным. И сам Катаев, тоже умудрённый ранним опытом, уже давно повторил: "Не хочу неприятностей... Лишь бы не рассердить начальство"².

Успешно пережив времена сталинских репрессий, Валентин Катаев сохранил своё ведущее положение на литературном Олимпе и при всех последующих поворотах режима. Создав на протяжении 30-60-х годов немало произведений, неизменно и всецело отвечавших канонам "соцреализма", он лишь на закате застойного периода неожиданно для читателей и критиков выпустил повесть "Уже написан Вертер", словно списанную с наиболее злобных образчиков белогвардейской литературы. Чтобы обеспечить "проходимость" этого антибольшевистского пасквиля, в котором живописались "ужасы ЧК" времён гражданской войны, редакция журнала "Новый мир" предварила его вступлением, трактовавшим повесть как "антитроцкистскую". "В годы военного коммунизма, - утверждалось в редакционной врезке, - зловещая тень Троцкого порой нависала над революционными завоеваниями народа... Сегодня, в связи с оживлением троцкистского охвостья за рубежами нашей родины, в накале

¹ Огонёк. 1990. № 44. С. 20.

² Юность. 1989. № 7. С. 55.

острой идеологической борьбы гневный пафос катаевских строк несомненно будет замечен"¹. Примечательно и то, что появление повести "Уже написан Вергер" критика обошла полным молчанием: на этот счёт имелись прямые указания "инстанции", предотвратившие критические отзывы печати.

Возвращаясь к характеристике столичной атмосферы 30-х годов, приведем ещё одно меткое наблюдение Н. Мандельштам: "Новая Москва обстраивалась, выходила в люди, брала первые рекорды и открывала первые счета в банках, покупала мебель и писала романы... Все были потенциальными выдвигенцами, потому что каждый день кто-нибудь выбывал из жизни и на его место выдвигался другой. Каждый был, конечно, кандидатом и на гибель, но днем об этом не думали - для подобных страхов достаточно ночи. О выбывших забывали сразу, а перед их жёнами, если им удавалось закрепиться на части жилплощади, сразу же захлопывались все благополучные двери"². Именно из этой части "новой Москвы", "благополучно" пережившей тридцать седьмой год, вышли люди, оценивавшие характерное для периода сталинизма разительное материальное неравенство как нечто естественное и "справедливое". В этой же среде, болезненно воспринимавшей после смерти Сталина утрату своего привилегированного положения, был рожден миф о "всеобщем поравнении в бедности" как якобы определяющей черте социальных отношений всей послеоктябрьской эпохи.

Этот миф полностью разрушается как статистическими данными, так и непредвзятыми свидетельствами современников, среди которых особенно выделяется книга Андре Жида "Возвращение из СССР". В ней писатель ярко описывал процесс растущей социальной поляризации советского общества, в результате которого на его верхних этажах формируется "новая разновидность сытой рабочей буржуазии (и следовательно, консервативной, как ни крути), похожей на нашу мелкую буржуазию"³, а бюрократия и верхушечная интеллигенция превращаются в новую привилегированную касту, обладающую теми же недостатками, что и западная буржуазия. Эта каста, "едва выбившись из нищеты, уже презирает нищих. Жадная до всех благ, которых она была лишена так долго, она знает, как надо их добиваться, и держится за них из последних сил". Большинство представителей этой касты нуворишей являются членами партии, по "ничего коммунистического в их сердцах уже не осталось"⁴.

Жид иронизировал по поводу того, как его советские оппоненты отвечали на критические суждения о росте социального расслоения в "стране победившего социализма". Так, один "образцовый марксист" упрекал писателя в защите "уравниловки", которая "не имеет никакого отношения к марксизму". "Вы можете быть таким же богатым, как Алексей Толстой или как певец Большого театра, лишь бы ваше состояние было заработано личным трудом, - поучал этот "марксист". - В вашем презрении, в вашей ненависти к деньгам, к собственности я вижу пережиток вашего изначального христианства"⁵. В ответ на

¹ Новый мир. 1980. № 6. С. 122.

² Юность. 1989. № 7. С. 55.

³ Два взгляда из-за рубежа. С. 84.

⁴ Там же. С. 135.

⁵ Там же. С. 134.

эту типично сталинистскую софистику Жид замечал, что Маркс "счёл бы невозможной выплату непомерно большой зарплаты одним за счёт добавочного труда других, представляющих большинство"¹.

Особое беспокойство Жида вызывало принятие новых законов, восстанавливавших право наследства и право на имущество по завещанию. Если в первое десятилетие Советской власти высокие заработки не вели к образованию наследственного капитала в силу существенных ограничений в условиях наследования, то в середине 30-х годов эти ограничения были отменены. Ликвидация прогрессивного налога на наследство позволяла элитным слоям закреплять свои имущественные преимущества, воспроизводя их в младших поколениях семьи. Эта мера оживила тягу к наживе и личной собственности, которая "заглушает чувство коллективизма с его товариществом и взаимопомощью. Не у всех, конечно. Но у многих. И мы видим, как снова общество начинает расслаиваться, снова образуются социальные группы, если уже не целые классы, образуется новая разновидность аристократии... всегда правильно думающих конформистов. В следующем поколении эта аристократия станет денежной"².

Прогнозы Жида оказались подтверждены дальнейшим развитием социальных отношений в СССР. В начале 60-х годов, когда была принята новая программа КПСС, обещавшая скорое формирование коммунистических общественных отношений, Е. Варга отмечал: эти обещания никак не согласуются с реальными тенденциями социального развития СССР. Он подчёркивал, что "за редкими исключениями каждый человек в Советском Союзе стремится к тому, чтобы увеличить свои доходы. Как и при капитализме, это составляет главное содержание жизни людей. Если бы речь шла только о тех широких слоях населения, месячная зарплата которых составляет 30-80 руб. и для которых такое стремление понятно и простительно; но когда то же самое делают люди с недостаточными доходами - это не совместимо с социализмом!"

Варга писал, что общество, построенное исключительно на принципе "вознаграждения по труду", т. е. на материальной корысти, неизбежно движется к социальной поляризации и глубокому моральному разложению. Поскольку никто и никогда не указал чётких критериев "вознаграждения по труду", в сознании большинства людей пропаганда этого принципа воспринимается как проповедь обогащения любыми средствами. В итоге люди стремятся повысить свои доходы не только посредством больших трудовых усилий, но и с помощью спекуляции, хищений, казнокрадства и других средств, вплоть до присвоения чужих рукописей. "Описание всех изощрённых методов мошенничества, с помощью которых имущество и доходы государства (и других социалистических организаций) попадают в руки частных лиц, потребовало бы многих томов".

В этой связи Варга выдвигал вопросы, никогда не обсуждавшиеся в официальной советской социально-экономической литературе: совместим ли на длительный срок принцип личной собственности с социализмом? Может ли произойти переход к коммунизму, к "распределению по потребностям" от нынеш-

¹ Там же. С. 125.

² Там же. С. 85.

него советского общества с его принципами распределения доходов? При ответе на эти вопросы ссылка на изобилие благ, которое будет достигнуто при коммунизме, явно недостаточна, хотя бы потому, что она игнорирует проблему "обслуги". "Откажутся ли верхи от такой жизни, при которой их обслуживает целая орава в сто человек, станут ли они обслуживать себя сами? Ведь ясно, что при коммунизме никто не может быть слугой другого".

Свои сомнения по поводу возможности движения советского общества к коммунизму Варга суммировал в следующих словах: "Мыслим ли вообще переход к коммунизму от нынешнего, морально разложившегося общества, с тысячекратными различиями в доходах и бесчисленными привилегиями?

Или нынешнее состояние вечно? Я умру в печали"¹.

¹ Полис. 1991. № 2. С. 177-178.

Социальная поляризация и нищета низов

Рост привилегий в 30-е годы закономерно дополнялся сохраняющейся бедностью обездоленных низов.

В книге "Возвращение из СССР" Жид рассказывал, что его влекла в Советский Союз надежда убедиться в отсутствии там бедных. Однако очень скоро он увидел, что бедных "много, слишком много"¹. Правда, "нищета в СССР... прячется, словно стыдится себя. Явная, она встретила бы не сочувствие, не сострадание, а презрение"². Однако честный наблюдатель советской жизни повсюду наталкивается на проявления этой нищеты. Так, девушки, устроившиеся прислужкой в богатые семьи, получали там мизерную плату и влачили жалкое, унижительное существование. "Домработница соседней моих друзей... спит в стенной нише, где не может даже вытянуться во весь рост. А еда... Она обратилась с просьбой к моим друзьям: "Пусть хозяйка не выбрасывает остатки". Она их собирала в помойном ведре"³.

Проблема прислуги приобрела в 30-е годы серьёзное социальное значение прежде всего из-за многочисленности этого социального слоя. Женщины, в огромном количестве бежавшие из голодных деревень в города, составляли обильное предложение рабочей силы для привилегированных верхов. Почти в каждой семье правящей бюрократии и верхушечной интеллигенции находились в услужении один, а то и несколько человек.

Существование обширного социального слоя личной прислуги Троцкий считал наглядным примером сохранения отношений эксплуатации. "Когда новая конституция заявляет, что в СССР достигнуто "уничтожение эксплуатации человека человеком", то она говорит неправду, - писал он. - Новое социальное расслоение создало условия для возрождения самой варварской формы эксплуатации человека, именно покупки его в рабство, для личных услуг. В регистре новой переписи личная прислуга не упоминается вовсе: она, должна быть, очевидно, растворена в группе "рабочих". Не хватает, с другой стороны, вопросов: имеет ли социалистический гражданин прислугу, и сколько именно (горничную, кухарку, кормилицу, няню, шофёра)... Если бы восстановить правило, согласно которому эксплуатация чужого труда лишает политических прав, то оказалось бы неожиданно, что за порогом советской конституции должны остаться сливки правящего слоя. К счастью, установлено полное равенство в правах... для прислуги, как и для хозяина"⁴.

Проблема личной прислуги была только крайним проявлением социально-имущественных различий в советском обществе. Характеризуя причины усиления этих различий, Троцкий писал: "В годы борьбы против кулака (1929-1932) бюрократия была слабее всего. Именно поэтому она с великой ревно-

¹ Два взгляда из-за рубежа. С. 85.

² Там же. С. 136.

³ Там же. С. 148.

⁴ Троцкий Л. Д. Преданная революция. С. 202.

стью приступила к формированию рабочей и колхозной аристократии: вопиющие различия в заработной плате, премии, ордена и другие подобные меры, которые на одну треть вызываются экономической необходимостью, на две трети - политическими интересами бюрократии. На этом новом, всё углубляющемся социальном антагонизме правящая каста поднялась до своих нынешних бонапартистских высот". При этом она всячески стремилась прикрыть завесой лжи и социальной демагогии углубление социальных различий. Эти идеологические операции Троцкий объяснял тем, что " в стране, где лава революции ещё не остыла, привилегированные очень остро боятся собственных привилегий, особенно на фоне общей нужды. Верхние советские слои страшатся масс чисто буржуазным страхом"¹.

Троцкий считал, что социальное неравенство приняло в Советском Союзе не менее глубокий характер, чем в капиталистическом обществе, хотя механизмы его существенно отличались от механизмов, формирующих капиталистическое неравенство. В советском обществе особенно острое значение приобрели социальные различия, определяющиеся отношением не к средствам производства, а к предметам потребления, местом социальных групп и слоёв в распределительной системе, которая в условиях жёстко централизованного управления стала главным средством социального структурирования общества.

Анализируя документы предстоящей социальной переписи (существенно не отличавшиеся от документов и последующих переписей в СССР), Троцкий замечал: переписной лист построен с таким расчётом, чтобы скрыть чудовищную иерархию в условиях существования. Перепись - основной источник социальной статистики - не даёт возможность выделить доходные и имущественные слои советского общества. Между тем с помощью честной переписи можно было бы легко определить социальные градации, подобные тем, которые существуют в капиталистических странах: "верхи бюрократии, специалисты и пр., живущие в буржуазных условиях существования; средний и низший слои (бюрократии и специалистов - В. Р.), на уровне мелкой буржуазии; рабочая и колхозная аристократия - примерно на том же уровне; средняя рабочая масса; средние слои колхозников; крестьяне и кустари-единоличники; низшие рабочие и крестьянские слои, переходящие в люмпен-пролетариат; беспризорные, проститутки и проч."².

По мере развёртывания "сталинского неонэпа" неравенство в условиях жизни не только не смягчалось, а становилось всё ошутимее. Характеризуя этот процесс, Андре Жид с тревогой подчёркивал: "Лес, который меня сюда привлек, чудовищно непроходимый и в котором я блуждаю сейчас, - это социальные вопросы. В СССР они вопиют, взывают и обрушиваются на вас со всех сторон"³. Писатель замечал, что больше всего его поразила "пропасть между лучшим и привычным, обыденным, множество привилегий - и плачевный, жалкий общий уровень"⁴. Он подчёркивал, что, хотя в Советском Союзе нет

¹ Бюллетень оппозиции. 1936. № 50. С. 5.

² Троцкий Л. Д. Преданная революция. С. 202.

³ Два взгляда из-за рубежа. С. 77.

⁴ Там же. С. 131.

прямой эксплуатации рабочих капиталистическими акционерами, тем не менее рабочего "эксплуатируют, и таким ловким, изошрённым, скрытым способом, что он не знает, за кого браться". Механика этой эксплуатации заложена в государственной политике заработной платы: за счёт низких зарплаток большинства непомерно раздуты зарплаты привилегированных верхов. В результате этого советский рабочий "начинает утрачивать иллюзию, будто работает на самого себя... Он не пользуется плодами своего труда, своего "прибавочного труда", этим пользуются привилегированные, те, кто "на хорошем счету", сытые, приспособленцы"¹.

Подтверждением этих выводов служат данные о размерах заработной платы, характеризующие разительный отрыв правящей бюрократии и верхушечной интеллигенции от остальной части населения. В середине 30-х годов среднемесячная плата рабочего составляла 125-200 руб., мелкого служащего - 130-180 руб., служащих и техников - 300-800 руб., ответственных работников и специалистов, учёных, артистов, писателей - 1500-5000 и более рублей.

Отмечая, что картина неравенства в области заработной платы "становится прямо-таки зловещей", Л. Седов приводил взятые из советской печати цифры, согласно которым главный инженер шахты, хорошо выполняющей задания, зарабатывал 8600 руб. в месяц; "это рядовой, не крупный спец, и заработок его, следовательно, не может считаться исключительным. Таким образом, спецы часто зарабатывают в 80-100 раз больше неквалифицированных рабочих"².

Верхние слои интеллигенции сравнились по размерам заработной платы с верхушкой бюрократии, а нередко и превосходили её по совокупным годовым доходам, тогда как наиболее массовые слои интеллигенции получали заработную плату, не обеспечивавшую удовлетворения даже самых насущных потребностей. На заработную плату врача, составлявшую 400 рублей, прожить было нельзя, поскольку обычный костюм стоил 800 рублей, хорошие туфли - 200-300 руб., метр драповой ткани - 100 руб. Поэтому врач, как правило, должен был искать работу по совместительству, чтобы обеспечивать себе сколько-нибудь сносный уровень существования.

Официальные сообщения о росте заработной платы умалчивали о том, что её увеличение едва поспевало за ростом стоимости жизни и падением покупательной способности рубля. Кроме того, советская статистика, оперировавшая средними цифрами, скрывала, что низкая заработная плата основной части рабочих в своём росте существенно отставала от динамики зарплаток привилегированных слоёв. Такая социальная политика, как справедливо замечал Жид, "доводит до крайней нищеты большинство трудящихся и вместе с тем гарантирует чудовищную зарплату привилегированным и позволяет расточать средства на массивную пропаганду, которая должна убедить наших (т. е. западных - В. Р.) рабочих в том, что русские рабочие счастливы"³.

Не меньшее неравенство существовало и в распределении социальных благ. Жид ссылаясь, в частности, на книгу американского журналиста Луиса Фишера, благожелательно настроенного к СССР, но тем не менее отмечавше-

¹ Там же. С. 122.

² Бюллетень оппозиции. 1936. № 47. С. 8.

³ Два взгляда из-за рубежа. С. 125.

го: "У меня такое впечатление, что царствующий пролетариат под натиском конкурентов сдаёт позиции: из 16 строящихся санаториев в Кисловодске... почти все возводятся правительственными учреждениями"¹.

Неравенство, порождаемое официальной социальной политикой, закономерно дополнялось стихийными "теневыми" процессами в экономической жизни. На верхних этажах социальной иерархии такие процессы обуславливались тем, что "сталинское самодержавие возвело кумовство, произвол, разнузданность, хищения и подкуп в систему управления"². В обездоленных низах нужда и неравенство непрерывно провоцировали спекулятивные и хищнические тенденции, возраставшие, несмотря на драконовские законы сталинской юстиции. В РСФСР хищения общественной собственности составляли в 1931 году - 33,5 %, в первой половине 1932 года - 40 %, во второй половине этого года - 60 % от общего числа имущественных преступлений³.

В корреспонденции иностранного рабочего, проживавшего в СССР в первой половине 30-х годов, подчёркивалось, что "мелкая" спекуляция и хищения, принявшие фантастические размеры, стали явлениями, характерными для всего Советского Союза. Автор рассказывал, как проводники железнодорожных поездов сделали своим постоянным промыслом покупку продуктов у крестьян для перепродажи в крупных городах и продажу крестьянам ситца, ботинок и галош, отсутствовавших в сельских магазинах. "У нас, железнодорожников, - говорил автору один из проводников, - самый популярный лозунг: кто не крадёт, тот не ест"⁴.

В обстановке постоянных нехваток и дефицитов миллионы простых людей обрекались на следование жестокому принципу: "Хочешь жить - умей вертеться". Характерен описанный А. Жидом разговор с женщиной-врачом:

"Сколько вам платят в месяц? - Сто пятьдесят рублей. - Вам положена квартира? - Нет... Нужно платить по крайней мере двадцать рублей в месяц за комнату. - Значит, у вас остаётся только сто тридцать. А питание? - Ох, меньше, чем на двести рублей, не проживешь. - Ну, и как же вы обходитесь? Грустная улыбка. - Выкручиваемся..."⁵.

Ещё более выразительный пример приведён в основанной на документальном материале повести Василия Ажаева "Вагон", описывающей движение одного из "ленинградских" этапов 1935 года. Один из персонажей, репрессированный "красный профессор", из беседы с товароведом, осуждённым за финансовые махинации, впервые узнает о существовании в стране крупномасштабной "теневой экономики". Особенно удивляют профессора обобщения товароведа:

"Вы святой человек, если не знаете: у нас все воруют, во всяком случае, воруют те, кто связан с товарами, с продуктами, словом, с материальными ценностями. А почему воруют? - Почему? - Прожиточный минимум высок, тогда как зарплата маленькая... И что же? Прикажете сидеть и смотреть, как семья,

¹ Там же. С. 126.

² Бюллетень оппозиции. 1936. № 50. С. 3.

³ История СССР. 1990. № 6. С. 44.

⁴ Бюллетень оппозиции. 1936. № 54-55. С. 53-54.

⁵ Два взгляда из-за рубежа. С. 146-147.

собственные дети голодают? У вас оклад, по-видимому, был приличный, и этой проблемой вы не интересовались. Спросите у любого... Я знаю, все нормировщики имеют свой кусок масла за комбинации с нормами. Зарплата мала, а тут есть возможность помочь себе и людям"¹.

Сталинская социальная политика, поляризуя общество на основную массу, ущемлённую в удовлетворении даже первоочередных жизненных нужд, и относительно немногочисленные группы "спецлюдей", допущенных к привилегиям, по существу, натравливала одни социальные группы на другие: сельских жителей на горожан, рабочих на интеллигенцию и т. д.

Над противоположными образами жизни возникали столь же противоположные психологические надстройки. Существование изолированных оазисов роскоши среди пустыни народной нищеты не могло не восприниматься массами с глубоким возмущением. Этими социально-психологическими факторами, а не только чудовищной напряжённостью репрессий объяснялась невозможность консолидации социально-политических сил, способных противостоять сталинскому произволу.

Более того. В годы большого террора Сталин использовал негодование масс, направленное против привилегированных групп и слоёв, в качестве средства психологической поддержки репрессий: ведь они обрушивались своим остриём на тех, кто возвышался над массами своим вызывающе благополучным образом жизни.

В мемуарных записях украинского писателя В. Сосюры мы находим примечательное свидетельство о восприятии большого террора сквозь призму памяти о социальных контрастах, особенно ярко выступивших на Украине во время голода 1933 года: "Мы, полуголодные, стоим у окна писательской столовой... а жена одного известного писателя... стоит над нами на лестнице и с издевательским высокомерием говорит нам:

- А мы этими объедками кормим наших щенков...

Я возненавидел её за эту фразу, и когда её репрессировали, подумал: "Так этой куркульке и надо"².

До определённого времени многие трудящиеся ещё жили иллюзиями о том, что кремлёвским "вождям" неизвестно их бедственное положение. Попыткой обратить внимание на вопиющее неравенство было продиктовано, например, коллективное письмо Калинину от его земляков, бесхитростно описывающее картину народной жизни. Рассказывая, что их зарплата, составляющая 90-200 рублей в месяц, урезывается многочисленными вычетами, удерживаемыми "ежемесячно без нашего ведома и спросу", и съедается растущей дороговизной, авторы писали: "Мы, такие трудящиеся с мизерными зарплатами, ходим около магазинов продуктовых и промтоварных... а ничего не покупаем, так как мизерные заработки всё проешь и никогда себе ничего из одежды и обуви не купишь... Кто покупает-то всё в этих универмагах и гастрономах? Это доктора да инженеры с их огромными заработками. Артисты ещё хорошо у тебя зарабатывают по 3-4 тысячи рублей в месяц.. Где уж тут равенство и братство-то... Все мы перезаложены, все наши вещи в ломбардах и все облигации госзаймов,

¹ Дружба народов. 1988. № 7. С. 172.

² Литературная газета. 1988. 11 мая. С. 6.

всё у нас там пропадает и не на что выкупать". Письмо кончалось следующими характерными словами: " Мы ведь хорошо всё знаем, что Вам не дают знать эту правду про жизнь народа и не показывают Вам голос и стон народа от этих выросших цен"¹.

Переводя на научный язык голос народного инстинкта, стихийно-интуитивно схватывающего несправедливость социальных порядков, Троцкий подчёркивал: имущественное расслоение, выступающее главным источником раздражающих общество социальных антагонизмов, проявляется в основном "в области распределения и лишь отчасти (преимущественно в сельском хозяйстве) - в области производства"². Распределение не отделено, однако, от производства непроницаемыми перегородками. Вызывая прямой разгул частных, групповых и индивидуальных appetитов, бюрократия компрометирует самую идею обобществленной собственности. Рост экономических привилегий порождает в массе законные сомнения насчёт того, кому в конце концов будет служить вся система"³.

Троцкий предупреждал, что буржуазные нормы распределения, давно переросшие все допустимые пределы и принявшие грубый и оскорбительный характер, способны в конечном счёте взорвать социальную дисциплину планового хозяйства, а следовательно, и государственно-колхозную собственность.

Этот прогноз реализовался, хотя и с полувекowym опозданием, в годы "перестройки", когда накапывавшийся в народе десятилетиями жгучий протест против социальной поляризации и привилегий верхов, наконец, получил возможность выплеснуться наружу. Однако партократия вплоть до последних дней своего существования продолжала цепляться за собственные привилегии и считать управление распределительными отношениями своим монопольным правом. Поэтому она по-прежнему отчуждала трудящихся от участия в распределении национального дохода. Между тем только такое участие могло бы свести имущественное неравенство к его экономически необходимым границам, обеспечить справедливость в распределении жизненных благ и тем самым - демократически реформировать социальную систему.

В этих условиях массовый социальный протест был использован "демократами", и прежде всего Ельциным, добившимся популярности в массах именно своими гневными филиппиками против номенклатурных привилегий. Сокрушив же власть партократии, ельцинская власть не только сохранила, но и многократно приумножила прежние привилегии, автоматически переданные новой бюрократической элите.

Социальный переворот конца 80-х - начала 90-х годов не смог бы увенчаться успехом, если бы социальная политика предшествующих десятилетий не внесла глубокие социальные антагонизмы внутрь всех классов и социальных групп советского общества, в том числе - в ряды рабочего класса.

¹ Коммунист. 1990. № 1. С. 103.

² Под социальными различиями в сфере производства Троцкий имел в виду различия, возникающие в результате присвоения дифференциальной ренты теми колхозами, которые расположены в более благоприятных климатических и географических условиях.

³ Бюллетень оппозиции. 1936. № 54-55. С. 50.

Важным рубежом в усилении неравенства среди рабочих явилось стахановское движение 30-х годов.

XXXVI

Стахановское движение

2 сентября 1935 года "Правда" сообщила, что забойщик шахты "Центральная-Ирмино" Алексей Стаханов в ночь на 31 августа за смену добыл 102 тонны угля при норме 7 тонн. Спустя несколько дней этот рекорд превзошли шахтеры Дюканов, Поздняков, Концедалов, Изотов и затем сам Стаханов. Советская печать ежедневно сообщала о новых производственных рекордах не только в угольной, но и во всех других отраслях промышленности. В середине ноября в Кремле было созвано Всесоюзное совещание стахановцев, на котором выступили Сталин и другие руководители партии.

Стахановское движение, безусловно, внесло важный вклад в ускорение темпов роста производительности труда, которые во второй пятилетке удвоились по сравнению с первой (с 41 % до 82 %). Темпы прироста валовой продукции промышленности поднялись от 19 % в 1934 году до 25 % в 1935 году и 29 % в 1936 году.

Стахановское движение вовлекло в свою орбиту множество энтузиастов, продемонстрировало громадные социальные резервы, имевшиеся в советском рабочем классе и колхозном крестьянстве. О высоких социальных чувствах, которые оно пробуждало в рядовых тружениках, ярко свидетельствует пример, приведённый в воспоминаниях генерала А. В. Горбатова. На Винницкой областной партконференции он заметил, как на глазах сидевшей рядом с ним колхозницы появились слезы, когда слово было предоставлено "тысячнице", то есть колхознице, собравшей тысячу центнеров свёклы с гектара.

"О чём вы грустите? - спросил я. - Ведь она ничего плохого не сказала. - Вы ничего не знаете..." - ответила женщина сквозь слезы.

Успокоившись немного, она рассказала мне: "Я тоже давала слово собрать свёклы тысячу центнеров с га, а своего слова не сдержала, собрала только по девятьсот шестьдесят центнеров. Вот почему я плачу, хоть меня и чествуют.

Я был поражён её словами. Знал я, что в среднем у нас собирают с гектара сто шестьдесят-двести пятьдесят центнеров свеклы, а тут женщина собрала девятьсот шестьдесят и плачет - слова не сдержала!"¹.

Подобного рода факты наглядно опровергают модные ныне суждения о том, что все достижения советской экономики 30-х годов обеспечивались за счёт "подневольного", "закрепощённого" труда.

Стахановское движение позволило привести в действие и огромные экономические резервы, связанные с освоением новой, современной техники. До середины 30-х годов рост промышленной продукции обеспечивался в основном за счёт вовлечения в производство новых рабочих. Выработка в расчёте на одну машину увеличивалась очень мало, новая импортная техника давала незначительную отдачу по сравнению с передовыми капиталистическими странами. Рекорды стахановцев, собственно, потому и выглядели столь ошеломляюще-

¹ Горбатов А. В. Люди и войны. М., 1965. С. 120.

ми, что достигались на общем фоне слабого использования возможностей, заложенных в передовой технике.

Вместе с тем многие стахановские рекорды явились результатом того, что впоследствии стало называться приписками. Не обошлась без приписок и организация самого первого рекорда. Сенсационное достижение Стаханова было достигнуто в силу замены прежней индивидуальной работы шахтеров (при которой каждый и рубил уголь, и крепил забой) бригадной организацией труда с разделением трудовых функций. Стаханов работал только отбойным молотком, а вслед за ним шли двое других шахтеров, крепивших лаву. Это было, несомненно, прогрессивным новшеством, и 102 тонны угля, выработанные звеном из трёх человек, представляли высокий экономический показатель. Однако администрация шахты, стремясь усилить впечатление от рекорда, приписала этот результат одному Стаханову.

По тому же нехитрому принципу "оформлялись" и многие последующие рекорды: подсобные работы передавались подручным, конечный же результат приписывался кому-то одному, намеченному начальством в герои труда. При этом стахановцам создавались особо благоприятные условия работы, им передавали в первую очередь лучшее оборудование, механизмы и т. д.

В выступлениях на Всесоюзном совещании стахановцев партийные вожди уделили значительное внимание вопросу о том, почему стахановское движение зародилось именно в 1935 году, а не несколькими годами раньше, когда передовая техника на многих предприятиях уже была налицо. Сталин усматривал "корни стахановского движения" в том, что оно возникло в результате "коренного улучшения материального положения рабочих". Именно на этом совещании прозвучала его "крылатая" фраза, прочно вошедшая в арсенал официальной пропаганды: "Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее. А когда весело живётся, работа спорится"¹. Это утверждение представляло собой явное и немотивированное хвастовство: уровень жизни рабочих в 1935 году поднялся крайне незначительно над нищенским уровнем в первой пятилетке.

Более реалистическое объяснение причин возникновения стахановского движения содержалось в речи Молотова, который заявил, что "во многих случаях непосредственным толчком к высокой производительности труда является простой интерес к увеличению своего заработка"². Именно этот интерес всячески подогревался - и печатью, и практическими мероприятиями по стимулированию стахановского движения. За один-два месяца заработка стахановцев выросли в три-пять и более раз. Об этом с гордостью рассказывали сами стахановцы в выступлениях на Всесоюзном совещании.

А. Бусыгин: "Зарабатывал я раньше 300-350 рублей, в сентябре же заработал 690 да 130 вышло по прогрессивке и ещё 223 рубля за уменьшение брака - всего вышло 1043 рубля..."

М. Дюканов: "Раньше, до стахановского движения я и Стаханов зарабатывали по 550-600 рублей.. Сейчас, за сентябрь, я за 16 выходов, поскольку нас кое-куда таскают (имелись в виду широко вошедшие в обиход публичные че-

¹ Первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц-стахановцев. 14-17 ноября 1935. Стенографический отчет. М., 1935. С. 368-369.

² Там же. С. 279.

ствования стахановцев - В. Р.), заработал 1338 рублей. *Орджоникидзе*: А если бы не таскали? *Дюканов*: А если бы не таскали - больше двух тысяч..."

И. Славикова: "Наш нормированный заработок составляет 158 рублей в месяц. В сентябре я заработала 962 рубля. В октябре я заработала 886 рублей. Могла бы заработать, конечно, и больше, но были такие дни, когда нас отрывали от работы. *Микоян*: А ваша подруга сколько заработала? *Славикова*: Подруга заработала в октябре 1336 рублей..."

А. Омелянов: "Раньше я за 300 часов работы делал в месяц 1500 километров пробега и получал 400 рублей. Сейчас я за 192 часа... имею 1300 рублей..."

М. Пушкин: "Я раньше зарабатывал 375 рублей, а теперь 2 тысячи рублей..."

П. Макаров: "Если я в сентябре заработал около 700 рублей, то в октябре я заработал больше 1200 рублей. Кроме того, я получу около 200 рублей по хозрасчёту, и в круговую получится 1500 рублей..."

Г. Лихорадов: "В январе 1935 г. без прогрессивной оплаты я зарабатывал 184 руб. 20 коп. в августе - 1220 рублей и в сентябре - 1315 рублей..."¹.

Помимо сверхвысоких заработков стахановцы получали и натуральные привилегии - бесплатные квартиры, автомашины и т. д. Как говорил участник совещания рабочих Ф. Артюхов, "у нас стахановцы сейчас имеют все привилегии - для них и кино бесплатное, и медицинское обслуживание, и врача на квартиру вызывают и т. д."².

Уже на следующий день после рекорда Стаханова партком его шахты постановил: через два дня предоставить ему квартиру, построенную для инженерно-технического персонала, оборудовать её за счёт шахты мягкой мебелью; выделить семейную путёвку на курорт и два именных места в клубе на все фильмы, спектакли, вечера. По этому примеру и на других предприятиях изобретали разнообразные привилегии для стахановцев, вплоть до бесплатного и внеочередного обслуживания в парикмахерских.

Вокруг стахановцев был поднят чрезвычайный ажиотаж. Усилиями пропаганды и опекавших их парткомов они превращались в личности неприкасаемые и исключительные. Не все выдерживали это испытание "славой" и "заботой". Сам Стаханов стал чванливо вести себя уже вскоре после начала поднятой вокруг него восторженной кампании. Писатель Александр Авдеенко, посланный Орджоникидзе в Донбасс для написания книги о Стаханове, так вспоминал спустя много лет свою первую встречу со "знатым человеком".

"Дорогие гости, - говорит Стаханов, - добро пожаловать до хаты! Моя она теперь. Предназначалась главному инженеру, а попала в руки забойщику Алёшке Стаханову..."

Входим в дом, забитый до предела вещами. Новенькое всё, ещё не до конца распакованное...

- Видали?! - смеётся Стаханов. - Добро юбилейное. Со всех концов Донбаса подарки шлют. Как отказать людям?

Стаханов чрезмерно счастлив, безмерно весел, а жена строга.

¹ Там же. С. 24, 30, 57, 59, 68, 180

² Там же. С. 47.

- Если бы по-настоящему захотел отказать, насильно бы не заставили подарунки взять. Они, дарители, на чужой счёт добренькие. Шесть ящиков пива! Пей - не хочу. Море разлитое. Зачем столько? Три ковра. Нам и одного, своего, хватало. И эта бандура ни к чему. Некому брэнчать.

- А я? - хохочет Стаханов. Подбежал к пианино, раскрыл крышку и одним пальцем постучал по белым и чёрным клавишам. - Симфония! Марш! Концерт! Вальс! Чижик-пыжик, где ты был!¹.

В тот же вечер после митинга, организованного в честь Стаханова, первый секретарь Сталинского обкома Саркисов рассказывал писателю:

"Балует Алексей Григорьевич... От семьи отбился. Любовь закрутил с девчонкой-десятиклассницей... В Москве он с друзьями, Митей Концедальным и другими, крепко выпил, ввязался в драку. С него содрали пиджак с орденом Ленина, с партбилетом. Ну и что? Выдали новый партбилет, походатайствовали... о выдаче дубликата ордена". Саркисов сообщил, что даже "до Кремля, до товарища Сталина дошли слухи о загулах Стаханова. И знаете, что товарищ Сталин велел передать от его имени Алексею Григорьевичу?.. Скажите этому добру молодцу, что ему придется, если не прекратит загулы, поменять знаменитую фамилию на более скромную"².

Но даже увещание вождя не побудило Стаханова изменить своё поведение. Спустя несколько месяцев на Всеукраинском съезде Советов он потребовал сделать делегатом съезда свою новую жену. "Мандатная комиссия поёжилась, посовещалась, проконсультировалась и в конце концов уступила энергичному напору. В виде исключения... Принимая во внимание... Новоиспечённая жена получила мандат делегата с совещательным голосом. Знатная личность возмутилась, потребовала мандат с решающим голосом. Вежливо, терпеливо объясняли, что... Не захотел слушать. Если не выдадите!..

Выдали! А что оставалось делать мандатной комиссии? Не могла же она позволить, чтобы Всеукраинский съезд остался без главного лица - родоначальника стахановского движения. Если бы такой ляпсус, упаси боже, допустили, могли бы без голов остаться"³.

Создание культа стахановцев, предоставление им бытовых привилегий и более благоприятных условий для труда вызывало негативную реакцию в рабочей среде. Как бы в предвидении такой реакции партком шахты "Центральная-Ирмино" указывал: "Пленум шахтпарткома считает необходимым заранее указать и предупредить всех тех, кто попытается клеветать на тов. Стаханова и его рекорд как случайность, выдумку и т. п., что партийным комитетом они будут расценены как самые злейшие враги, выступающие против лучших людей шахты, нашей страны"⁴.

Восторженные гимны стахановцам перемежались в публикациях печати с сообщениями об "отсталых" рабочих, упрекавших стахановцев в том, что их рекорды ведут к повышению норм и снижению расценок. Газеты пестрели

¹ Авдеев А. Наказание без преступления. С. 162.

² Там же. С. 163-164.

³ Там же. С. 173-174.

⁴ Там же. С. 166.

рассказами о "беспримерном и неприкрытом саботаже" стахановского движения со стороны мастеров, начальников цехов, профсоюзных организаций¹.

На Всесоюзном совещании стахановцев "вожди" заявляли, что беспощадная борьба с "вредителями", "саботажниками" и "сопротивленцами стахановскому движению" становится "важнейшим участком классовой борьбы". "Враги стараются всячески опорочить стахановское движение, - говорил Постышев, - и не только опорочить - враги советской власти преследуют стахановцев"². Ещё более определённо высказался Жданов: "На некоторых наших предприятиях стахановское движение встретило сопротивление со стороны оппортунистических консервативных элементов в наших партийных, хозяйственных и профсоюзных организациях и со стороны отсталой части рабочих... Но мы крепко по этим настроениям ударили, одёрнули, призвали к порядку саботажников стахановского движения, дали им понять, что партия не остановится ни перед чем, чтобы смести с пути победоносного стахановского движения всех ему сопротивляющихся"³.

Подлинный смысл расточительного поощрения рекордистов и угроз против "саботажников" был раскрыт в выступлении Сталина. Оно показало, что огромный рост зарплаты стахановцев является кратковременным маневром бюрократии. Сталин провозгласил, что следует пересмотреть действующие технические нормы и заменить их более высокими, которые "проходили бы где-нибудь посредине между нынешними техническими нормами и теми нормами, которых добились Стахановы и Бусыгины"⁴. Разумеется, за пересмотром норм должно было последовать снижение расценок для всех рабочих.

Сталинское руководство надеялось, что стахановское движение откроет новый "большой скачок" в экономике. В выступлении Молотова было прямо заявлено: это движение "в короткий срок обеспечит нам удвоение и утроение промышленной продукции"⁵.

Декабрьский пленум ЦК (1935 года) потребовал изменить "нормы выработки в сторону их некоторого повышения" и провозгласил переход на "прогрессивную сдельщину"⁶. Вслед за этим произошло существенное увеличение плановых заданий на 1936 год по выпуску основных видов промышленной продукции.

Положительные и отрицательные стороны стахановского движения были проанализированы в статье Льва Седова (зарекомендовавшего себя к тому времени серьёзным публицистом-аналитиком, способным к глубоким самостоятельным обобщениям). Особый интерес его статьи (опубликованной под псевдонимом "Н. Маркин") состоял в том, что её выводы базировались целиком на сообщениях советской печати, выпячивавшей прежде всего позитивные стороны стахановского движения.

¹ См., напр., Труд. 1935. 4 сентября, 13, 23 октября, 1, 12, 18 ноября.

² Первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц-стахановцев. С. 143-144.

³ Там же. С. 297.

⁴ Там же. С. 372-373.

⁵ Там же. С. 281.

⁶ КПСС в резолюциях. Т. 6. С. 286.

В статье отмечалось, что рекорды стахановцев не прочны и не показательны с точки зрения роста средней производительности труда, потому что в большинстве случаев они являются результатом чудовищного напряжения, которое рабочий не в состоянии выдержать на протяжении продолжительного времени. Однако это не означает, что стахановское движение представляет собой блеф. Очищенное от рекордизма и ажиотажа, оно может иметь большое будущее.

Главным стимулом стахановского движения, подчёркивал Седов, выступает личная материальная заинтересованность, "и именно это, и только это, обеспечивает ему несомненный рост в ближайшем будущем"¹. Условия такой заинтересованности в результатах труда возникли после отмены нормированного снабжения, когда у рабочих появилась возможность потребительского выбора. Поэтому превращение сдельной или поштучной оплаты в доминирующую форму материального вознаграждения способствует повышению производительности труда.

Конечно, отмечалось в статье, это не означает, что стахановское движение, как заявил Сталин, "подготавливает условия для перехода от социализма к коммунизму". Напоминая, что Маркс рассматривал сдельную оплату не как категорию социализма, а как экономическую форму, "наиболее соответствующую капиталистическому способу производства", Седов писал, что "только потерявший последний марксистский стыд бюрократ может этот вынужденный отход... к усилению неравенства, к перенапряжению рабочей силы... изображать как "подготовку перехода к коммунизму"².

Социальные последствия стахановского движения выражались во внесении глубокого расслоения в среду рабочего класса. Например, обычный шахтер-забойщик зарабатывал в месяц максимум 400-500 рублей, а забойщик-стахановец - более 1600 рублей. Вспомогательный рабочий-стахановец получал 400 рублей, а не стахановец - всего 170 рублей. Последняя цифра, по данным советской статистики, представляла среднюю зарплату в промышленности. Многие рабочие зарабатывали 150, 120 и даже 100 рублей. "Вряд ли в какой-либо из передовых капиталистических стран, - писал Седов, - имеет место столь глубокое различие в зарплате рабочих, как ныне в СССР... Можно было бы без труда показать, что зарплата привилегированных слоёв рабочего класса (рабочей аристократии в настоящем смысле этого слова) относится как 20:1, а может быть, и больше к заработной плате низкооплачиваемых его слоёв"³.

Анализ противоречий стахановского движения был продолжен Троцким, который указывал, что это движение могло бы вести к систематическому повышению производительности труда, если бы оно было освобождено от бюрократического командования и очковтирательства. Однако бюрократия стимулировала развитие этого движения привычными для неё методами административного нажима, одной стороной которого стали премии и реклама, а другой - массовые репрессии против инженерно-технического персонала и рабочих, обвинённых в производственном и даже политическом саботаже. К этому

¹ Бюллетень оппозиции. 1936. № 47. С. 7.

² Там же.

³ Там же. С. 7-8.

добавлялась неспособность бюрократии привести организацию труда и производства в соответствие с новыми условиями. Пока речь шла об отдельных пионерах нового движения, бюрократия организовывала их работу с чрезвычайным старанием, даже за счёт интересов остальных рабочих цеха или шахты. Когда же в стахановцы стали зачислять сразу сотни и тысячи рабочих, она оказалась неспособной наладить планомерную работу по их массовому подъёму на более высокие ступени технической квалификации. Вместо этого она подхлестывала передовиков, пытаясь "изнасиловать и рабочую силу и технику. Когда часовой механизм замедляет ход, она тычет в колесики гвоздем. В результате "стахановских" дней и декад в жизнь многих предприятий внесён полный хаос. Так объясняется тот поразительный, на первый взгляд, факт, что рост числа стахановцев сопровождается нередко не повышением, а снижением общей производительности предприятия"¹.

Сами сталинисты были склонны объяснять причины производственных неполадок тем, что советским рабочим не хватает культуры труда. По этому поводу Троцкий замечал: "Это только половина правды, и притом меньшая. Русский рабочий восприимчив, находчив и даровит. Любая сотня советских рабочих, переброшенная в условия, скажем, американской промышленности, через несколько месяцев, даже недель не отставала бы, вероятно, от американских рабочих соответственных категорий. Трудность - в общей организации труда. Советский административный персонал отстаёт, по общему правилу, от новых производственных задач гораздо больше, чем рабочие". Это выступало ещё одним подтверждением того, что "общественный цех, который задерживает и парализует другие цехи советского хозяйства, называется: *бюрократия*"².

Утверждения советской печати, что рабочие трудятся "для себя", подчёркивал Троцкий, затемняют тот факт, что сама по себе государственная собственность на средства производства "не превращает навоз в золото и не окружает ореолом святости потогонную систему, изнуряющую главную производительную силу: человека". Применение изматывающей рабочих сделки свидетельствует о том, что в СССР "совершается сейчас безжалостно суровая пригонка человеческого материала к заимствованной у капитализма технике. В борьбе за достижение европейских и американских норм классические методы эксплуатации, как сделанная плата, применяются в такой обнажённой и грубой форме, которой не могли бы допустить даже реформистские профессиональные союзы в буржуазных странах"³.

¹ Троцкий Л. Д. Преданная революция. С. 74.

² Там же. С. 73, 74.

³ Там же. С. 72.

XXXVII

Социальная политика сталинизма в зеркале "сталинской конституции"

Социальную базу своего режима Сталин пытался расширить и с помощью чисто политическими и административными акциями. В этих целях было несколько облегчено положение тех групп, которые в конце 20-х - начале 30-х годов служили главным объектом административных преследований.

Уже в 1931 году были приняты специальные секретные решения о прекращении гонений на беспартийных специалистов. Отныне по отношению к учёным и инженерам стала осуществляться, говоря словами самого Сталина, "политика привлечения и заботы"¹.

Другим сталинским социальным маневром стала своего рода индульгенция детям кулаков. Для этого оказалось достаточно одной реплики, брошенной Сталиным на совещании комбайнеров в 1935 году. Когда башкирский колхозник А. Гильба в своём выступлении заявил под аплодисменты зала: "Хотя я и сын кулака, но я буду честно бороться за дело рабочих и крестьян и за построение социализма", - Сталин произнес: "Сын за отца не отвечает"².

Эта фраза, получившая огромный политический резонанс, в одночасье ликвидировала статус отщепенцев общества, который имели раньше дети "раскулаченных". А. Твардовский, семья которого было депортирована в 1930 году из Смоленщины в Сибирь, позже так описывал этот перелом в судьбах миллионов людей:

*Сын за отца не отвечает
-Пять слов по счёту, ровно пять.
Но что они в себя вмещают,
Вам, молодым, не вдруг объять...
В чаду полуночных собраний
Вас не мытарил тот вопрос:
Ведь вы отца не выбрали,
Ответ по-нынешнему прост.
Но в те года и пятилетки,
Кому с графой не повезло,
-Для несмываемой отметки
Подставь безропотно чело.
Чтоб со стыдом и мукой жгучей
Носить её - закон таков.
Быть под рукой всегда - на случай
Нехватки классовых врагов...
И здесь, куда - за поводомъём
Тех лет - спешил ты босиком,*

¹ Сталин И. В. Соч. Т. 13. С. 72.

² Правда. 1935. 2 декабря.

*Ты именуешься отродьем,
Не сыном даже, а сынком¹ *...
Ещё бы ты с такой закваской
Мечтал ступить в запретный круг
И руку жмёт тебе с опаской
Друг закадычный твой...
И вдруг
- Сын за отца не отвечает.
С тебя тот знак отныне снят.
Счастлив сто крат:
Не ждал, не чаял,
И вдруг - ни в чём не виноват.
Конец твоим лихим невгодам,
Держись бодрей, не прячь лица.
Благодари отца народов,
Что он простил тебе отца
Родного -
С лёгкостью нежданной
Проклятье снял. Как будто он
Ему неведомый и странный
Узрел и отменил закон².*

Этот поэтический отрывок ярко раскрывает как реальные события тех лет, так и их отражение в массовом сознании.

В середине 30-х годов были ликвидированы введённые после Октябрьской революции социальные ограничения в области образования для выходцев из бывших господствующих классов. Эти ограничения, ставившие целью создать преимущественные условия для поступления в высшие учебные заведения детям рабочих и крестьян, к тому времени безусловно исчерпали себя. Вместе с тем Сталин, ликвидируя социальные ущемления для молодёжи из буржуазной среды, имел в виду и более дальний политический прицел. Данная социальная среда теперь становилась резервуаром, призванным заполнить места, высвобождавшиеся в результате преследований ветеранов революции и партийно-комсомольской молодёжи.

Надежды на дальнейшую либерализацию политического режима вызвал опубликованный в середине 1936 года проект новой Конституции СССР. В нём говорилось о победе, одержанной над классовыми врагами, и утверждалось, что теперь советское общество состоит из двух дружественных классов - рабочего класса и колхозного крестьянства, которые находятся в гармоническом союзе с "прослойкой" интеллигенции.

В текст Конституции были внесены демагогические софизмы сталинской пропаганды, призванные замаскировать характер сложившихся в стране социальных отношений. Одним из таких софизмов "бюрократической социологии"

¹ Уничижительные, злобные выражения "кулацкий сынок", "кулацкое отродье" были в числе излюбленных стереотипов официальной пропаганды.

² Твардовский А. Поэмы. М., 1987. С. 320-322.

Троцкий считал отождествление государственной собственности с общенародным достоянием. Он подчёркивал, что превращение государственной собственности во всенародную, социалистическую может происходить лишь в той мере, в какой исчезают привилегии и социальные антагонизмы, а следовательно - и необходимость охраны национализированной собственности с помощью государственного принуждения. Поскольку же бюрократия всё выше поднимается над обществом и всё свирепее противопоставляет себя как хранителя собственности народу как её расточителю, государственная собственность всё более утрачивает социалистические черты.

Другим сталинским софизмом явилось провозглашение "основным принципом социализма" лозунга "от каждого по способностям, каждому по труду". Появление этой "теоретической" новации стало закономерным продолжением многолетней борьбы Сталина с "уравниловкой", объявленной им на XVII съезде ВКП(б) "реакционной мелкобуржуазной нелепостью"¹.

Идеологическая манипуляция Сталина, назвавшего данный лозунг "марксистской формулой социализма, т. е. формулой первой фазы коммунизма", была закреплена в тысячах пропагандистских статей, научных трудов, учебников и тем самым на долгие годы приобрела прочность предрассудка. После смерти Сталина каждый очередной лидер партии, подвергая критике политическое и идейное наследие своего предшественника, сохранял в своём "теоретическом" арсенале эту "формулу", не высказывая и тени сомнения в её марксистском происхождении и содержании.

Не только студенты, изучавшие марксизм по советским учебникам 30-80-х годов, но, похоже, и сами авторы этих учебников были убеждены в том, что авторство данной "формулы" принадлежит Марксу, Энгельсу или Ленину. Однако ни у одного из классиков марксизма мы не встретим объединения работы "по способностям" с распределением по труду, которое они рассматривали как выражение буржуазного права. По-видимому, впервые объединение этих двух принципиально несовместимых принципов появилось в беседе Сталина с немецким писателем Эмилем Людвигом (апрель 1932 года).

Включение этой сталинской "новации" в текст Конституции встретило возражения даже у Молотова. В последние годы своей жизни Молотов рассказывал бывшему сталинскому министру Д. Павлову, что при обсуждении проекта Конституции он напоминал Сталину известное марксистское положение о том, что на первых стадиях социалистического общества "при распределении продуктов труда действует буржуазное право: "равная оплата за равный труд". Руководствуясь этой формулой, подчёркивал Молотов, мы "принуждаем людей к интенсивному труду, вводим сдельщину, устанавливаем нормы выработки, трудодни. В таких условиях государство не может получить от человека по его способности"... Спорили долго, но было принято предложение Сталина"².

По свидетельству Ф. Чуева, Молотов неоднократно говорил в кругу своего близкого окружения об этой "теоретической ошибке" Сталина, заявляя, что в Конституции 1936 года "не ясно и не понятно записан принцип социализма".

¹ XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). С. 29.

² Павлов Д. "Это еще не социализм!" (Две последние встречи с В. М. Молотовым) - Литературная газета. 1990. 18 апреля. С. 13.

Эту мысль Молотов пояснял следующим образом: в условиях, когда рабочий и колхозник едва зарабатывают на кусок хлеба, будучи обязаны выполнять назначенную им норму или минимум трудодней, нелепо говорить, что они "трудятся по способностям". "Это приукрашивание того, что есть... Второе. "Каждому по труду". Это особенно пользуется популярностью. Во всех книгах у нас - по труду, по труду. Некоторые так понимают: если я работаю на фабрике, так по труду и получаю. А если ты начальство, то по труду норм тебе никто не устанавливает... Благодаря безобразиям, которые у нас существуют, под видом "по труду" получают люди, совершенно недобросовестно работающие, и их у нас очень много..."¹.

Хотя Молотов никогда не принадлежал к числу марксистских теоретиков, он неплохо уловил фальшь сталинской формулы, очевидную и на уровне обыденного сознания: 1) в условиях жёсткого экономического принуждения к труду тщетно ожидать от человека работы "по способностям"; 2) пропаганда принципа "каждому по труду" в качестве социалистического служит оправданием привилегий "начальства".

Появление сталинской "формулы" Троцкий объяснял тем, что правящий слой СССР не может обходиться без социального грима. Сталин и сталинисты продолжают употреблять понятия марксистской теории, но пользуются ими "в зависимости от административных удобств". Комментируя в этой связи слова председателя Госплана СССР Межлаука: "Рубль становится единственным и действительным средством для осуществления социалистического принципа оплаты труда", - Троцкий писал: "Если в старых монархиях всё, вплоть до публичных писсуаров, объявлялось королевским, то это не значит, что в рабочем государстве всё само собою становится социалистическим. Рубль является "единственным и действительным средством" для осуществления *капиталистического* принципа оплаты труда, хотя бы и на основе социалистических форм собственности: это противоречие нам уже знакомо. В обоснование нового мифа о "социалистической" поштучной плате Межлаук прибавил: "Основной принцип социализма заключается в том, что каждый работает по способностям и получает оплату по труду, им произведённому". Поистине, эти господа не стесняются с теорией! Когда ритм работы определяется погоней за рублём, тогда люди расходуют себя не "по способностям", т. е. не по состоянию мышц и нервов, а насилуя себя. Этот метод можно условно оправдать только ссылкой на суровую необходимость; но объявлять его "основным принципом социализма" значит идеи новой, более высокой культуры цинично втапывать в привычную грязь капитализма"².

Развивая эту мысль при анализе проекта конституции, Троцкий подчёркивал, что в данном документе "основным принципом социализма" по сути дела именуется капиталистическая система сдельной оплаты, которая сводится к тому, чтобы "выжать из каждого как можно больше и дать ему в обмен как можно меньше". Сталинская формула возникла в результате безграмотного расчленения нераздельной марксовой формулы коммунизма, в соответствии с которой работа "по способностям" возможна лишь в обществе, где достигнуты

¹ Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 286-287.

² Троцкий Л. Д. Преданная революция. С. 71-72.

изобилие, равенство, всесторонний расцвет личности и её высокая культурная дисциплина. При советском же режиме сохраняется наёмный труд, который не перестает нести на себе унижительное клеймо рабства. "Разумеется, никто в СССР не работает выше своих "способностей" в абсолютном смысле слова, т. е. выше своего физического и психического потенциала; но этого нет и при капитализме: самые зверские, как и самые изощрённые методы эксплуатации упираются в пределы, поставленные природой. Ведь и мул под бичом погонщика работает "по способностям", из чего не вытекает, что бич есть социалистический принцип для мулов"¹.

Суммируя свою критику сталинистской идеологической манипуляции, Троцкий писал: "Вместо того, чтобы открыто признать, что в СССР господствуют ещё буржуазные нормы труда и распределения, авторы конституции перерезали целостный коммунистический принцип пополам и отложили вторую половину на неопределённое будущее, объявили первую половину уже осуществлённой, механически присоединили к ней капиталистическую норму сдельщины, назвали всё вместе "принципом социализма" и на этой фальши воздвигли здание конституции!" Социальное назначение этой операции состоит в освящении сложившейся социальной политики, при которой "оплата по труду" осуществляется в интересах представителей "умственного" труда за счёт труда физического, особенно неквалифицированного, и выступает "источником несправедливостей, угнетения и принуждения для большинства, привилегий и "весёлой жизни" - для меньшинства"².

Анализируя положения проекта конституции о якобы уже построенном социализме, Троцкий обращал внимание на то, что победа социализма должна означать отмирание государства и прежде всего такой его крайней формы, как диктатура. Между тем Сталин и сталинисты в комментариях к конституции продолжают говорить о необходимости сохранения диктатуры, которая направлена, как они разъясняют, против террористов и воров. По поводу тезиса о необходимости диктатуры для защиты общества от воров, Троцкий писал: "Самое обилие людей этой профессии есть верный признак царящей в обществе нужды. Где материальный уровень подавляющего большинства ещё так низок, что собственность на хлеб и сапоги приходится охранять при помощи расстрелов, там речи об осуществлённом уже будто бы социализме звучат как подлое издевательство над человеком!"³.

Демагогическая кампания, сопутствовавшая "всенародному обсуждению" и принятию "самой демократической в мире" конституции вселила иллюзии в умы не только простых советских людей, но даже многих искушённых в политике старых большевиков. Ф. Раскольников так передавал в мемуарных записях настроения того времени: "Наряду с пафосом строительства и разрушения во всех слоях общества наблюдались утомление и усталость. Все жаждали порядка, спокойствия, законности и свободы. Казалось, что самое трудное время позади: навсегда отошли в прошлое голод и ужасы первых лет коллективизации. Все с нетерпением ждали новой, самой демократической конституции,

¹ Там же. С. 214.

² Там же. С. 215.

³ Бюллетень оппозиции. 1936. № 50. С. 5.

всерьёз относясь к этому повороту. Я сомневался в гениальности Сталина, но в тот момент я поверил в способность провести крутой и резкий, чисто ленинский поворот в сторону демократии. Именно этого хотела и жаждала вся страна. Сталин прекрасно уловил биение пульса страны, но, по своему обыкновению, жестоко обманул её¹.

Конституционная кампания, проводимая в непосредственной преддверии большого террора, явилась одним из наиболее успешных политических маневров Сталина. Множество советских людей возлагали надежду на гуманизацию политического режима, воспринимали всерьёз провозглашение в конституции свободы слова, печати, собраний и демонстраций, тайны переписки, неприкосновенности жилища, гарантий против произвольного суда и т. д. Нужна была глубокая политическая зоркость, чтобы увидеть за этим демократическим фасадом действительное содержание заложенных в конституции перемен. Законодательное закрепление всевластия партии, объявленной "руководящим ядром всех организаций, как общественных, так и государственных", означало лишение Советов даже формальной юридической самостоятельности.

Чёткое понимание этого мы находим в письме старого большевика А. П. Спундэ своей жене А. Кравченко, написанном в 1943 году. Это письмо является уникальным документом, свидетельствующим о неприятии сталинского "социализма" ветеранами большевистской партии^{2*}. А. П. Спундэ был подпольщиком, активным участником Октябрьской революции и гражданской войны и характеризовался Лениным как "человек честный и неглупый"³. В годы борьбы с оппозициями он неизменно выступал защитником "генеральной линии". Тем не менее по законам сталинских чисток (старый большевик и к тому же латыш) Спундэ должен был стать их жертвой. От ареста его спас отход от политической деятельности - с 1931 года он находился на пенсии по болезни. После исключения в 1937 году из партии Спундэ работал мелким конторщиком и скончался в 1962 году.

Хотя Спундэ никогда не считался партийным теоретиком, он высказывал в своём письме глубокие мысли о сущности социально-политических сдвигов в жизни советского общества. Эти сдвиги, по его мнению, породили "десятки, сотни вопросов", требующих "смелого, честного ответа", который невозможно дать в официальных исторических работах.

¹ Раскольников Ф. Ф. О времени и о себе. С. 502.

² Такого рода документов дошло до нас чрезвычайно мало. Большинство не только рукописных сочинений, но также писем, дневников уничтожались коммунистами в годы большого террора из-за опасности ареста и обыска. Одним из немногих исключений, помимо переписки Спундэ и Кравченко, являются дневниковые записи С. К. Минина, в годы гражданской войны участника сталинской "царицынской" группировки, а затем одного из лидеров ленинградской оппозиции. Прекратив с 1928 года политическую деятельность из-за тяжёлого заболевания, Минин оказался единственным видным "зиновьевцем", пережившим времена репрессий (он умер в 1962 году). В записях 1932 года Минин писал о "кровавых и позорных событиях", происходящих в стране по вине "сталинской гнилой сволочи", называл Сталина и его окружение палачами и даже выражал надежду на "свержение и, начиная со Сталина, казнь всей его банды". (Они не молчали. М., 1991, С. 439).

³ Ленинский сборник. XXXVIII. М., 1975. С. 419.

Не упоминая даже имени Сталина и ни словом не говоря об антибольшевистском терроре, Спундэ концентрировал внимание прежде всего на фактической ликвидации власти Советов. Замена самостоятельности Советов, избираемых по производственному принципу, формальными атрибутами парламентской демократии, по его мнению, ликвидировала важнейшие социально-политические завоевания Октябрьской революции. "Почему большевики, борцы и организаторы дававшего людям исключительный простор Советского государства, - писал он, - почему те же большевики (правда те же только по одному лишь названию) сначала надломили Советы, передав в 1934 году официальную власть из рук Советов в руки парткомов^{1*}, а затем конституцией 1936 года совсем убили Советскую власть, т. е. сами в области общеполитической опустились ниже лучших буржуазных государств, но для обмана оставили название Советов"².

Вслед за этим Спундэ подчёркивал, что принципы социализма, который мыслился Марксом, Энгельсом, Лениным и "всем большевистским коллективом" как широчайший расцвет человеческой самодеятельности и инициативы, оказались растоптаны "давящим гнётом госаппарата", который "дошёл до пределов, ведомых лишь в крайне реакционные периоды феодализма, а при капитализме известных в такой тяжёлой форме лишь на короткие исторические периоды". Большевики ещё во времена столыпинщины отдавали себе трезвый отчёт в том, что всенародный подъём может быть достигнут только в результате требований, самостоятельно выдвигаемых массами, а "если в жизни возьмет верх не революционный (в смысле глубоко народной революции), а бисмаркианский путь", то он заменит "обветшалый хомут на новый, прогрессивный, но по существу не более лёгкий"^{3*}. Однако в действительности оказалось, что "наш, с позволения, социализм есть лишь бисмаркианский вариант его"⁴.

Спундэ считал эти свои суждения гипотезами, которые могут быть подтверждены глубоким и добросовестным историческим исследованием. Такое исследование показало бы "редкостный контраст" между первым и вторым послеоктябрьским десятилетием, причем "величие первой эпохи поднялось бы во весь рост". Однако эта работа окажется полезной лишь в том случае, если при анализе обоих десятилетий будут "без малейшего затушевывания показаны слабые места, из-за коих обрушилось всё здание, построенное в виде искренней, честной попытки выполнить данные народу в Октябре обещания". Тогда можно будет "проверить, что уцелело при обвале, целиком ли обрушился фундамент или, может быть, под обломками растёт новая разновидность старого права"⁵.

¹ Здесь автор, по-видимому, имел в виду создание политотделов в МТС и на транспорте и института партторгов ЦК на крупных предприятиях.

² Само прошедшее, как оно было... М., 1990. С.237.

³ Здесь Спундэ исходил из ленинской критики Лассалья и его сторонников, которые проводили "шаткую тактику" приспособления к диктатуре Бисмарка, ведущую к "уклону рабочей партии на бонапартистски-государственно-социалистический путь". (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 23, С. 366).

⁴ Там же. С. 238-239.

⁵ Там же. С. 239-240.

Едва ли можно полагать, что эти идеи, глубоко выстраданные чудом уцелевшим старым большевиком, не разделялись в той или иной степени многими другими представителями ленинской партийной гвардии.

Неустранимый конфликт между сталинской кликой и большинством ветеранов Октябрьской революции был связан и с разрушением в 30-е годы интернационалистской доктрины большевизма.

XXXVIII

Извращения марксизма и реставрация национально-государственной идеи

В статье "Сталинократия", ставившей задачу представить "моментальный снимок России" к началу 1936 года, Г. Федотов писал: "Революция в России умерла. Троцкий наделал много ошибок, но в одном он был прав. Он понял, что его личное падение было русским "термидором". Режим, который сейчас установился в России, это уже не термидорианский режим. Это режим Бонапарта"¹. Говоря о завершении "настоящей контрреволюции, проводимой свержу", Федотов называл эту контрреволюцию "бытовой и вместе с тем духовной, идеологической"².

Бытовая контрреволюция, по мнению Федотова, нашла выражение в запрещении аборт, утверждении культа семьи и нового морального кодекса, содержанием которого являются прежде всего порядки и строгое соблюдение предписанных государством обязанностей. Соответственно меняется и природа общности, с которой должен идентифицировать себя советский гражданин. Такой общностью становятся не рабочий класс или партия, а "нация, родина, отечество, которые объявлены священными"³.

Действительно, с середины 30-х годов официальная пропаганда стала проповедовать "новую мораль", сущностью которой стало утверждение "строгости нравов" и жёсткое дисциплинирование людей, прежде всего молодёжи. Отмечая, что подобная мораль характерна для тоталитарных режимов, Троцкий писал, что "многие педагогические афоризмы и прописи последнего времени могли бы казаться списанными у Геббельса, если бы сам он не списал их в значительной мере у сотрудников Сталина"⁴.

Параллельно с этими процессами шла реставрация некоторых порядков и институтов царского режима. Одним из проявлений этого было восстановление упразднённых Октябрьской революцией казачьих войск, составлявших самостоятельную часть царской армии, наделённую особыми привилегиями. До революции казакам поручались самые жестокие карательные экспедиции, топившие в крови революционные выступления рабочих и крестьян. Во время гражданской войны белые армии Каледина, Краснова, Корнилова, Алексеева, Дутова состояли преимущественно из казаков (в эти годы, однако, существовало и "красное казачество", рекрутировавшееся из низших слоёв этой большой социальной группы).

20 апреля 1936 года было принято постановление ЦИК о снятии с казачества ограничений по службе в Красной Армии. Спустя несколько дней был издан приказ наркома обороны о комплектовании территориальных и кадровых

¹ Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Т. II. С. 85.

² Там же. С. 83.

³ Там же. С. 109.

⁴ Троцкий Л. Д. Преданная революция. С. 135.

казачьих дивизий. Одновременно с этим были восстановлены некоторые привилегии казачества, включая ношение казачьей формы. А. Орлов вспоминал, с каким изумлением участники одного из торжественных собраний в Кремле встретили присутствие в зале казачьих старшин в форме царских времён, с золотыми и серебряными аксельбантами¹.

Глубокий характер носила и духовно-идеологическая контрреволюция, связанная с принижением и извращением марксистской теории. Отмечая, что этот процесс вырос из присущего Сталину пренебрежительного отношения к марксизму и вообще к теории, Г. Федотов замечал: "Сталин и вся его группа никогда, быть может, не были настоящими марксистами... Если бы теории были столь важны для действия, то, конечно, им никогда бы не сидеть в Кремле; первое место принадлежало бы пророкам подполья: всем этим Троцким, Каменевым, Бухариным. В порядке теории любой профессор Коммунистической Академии забьёт Сталина. Но Сталин платит ему презрением и рад, что, может, наконец, открыто высказать это презрение"^{2,3}.

Считая разрыв Сталина с марксизмом уже завершившимся процессом, Федотов задавался вопросом, почему в таком случае в Советском Союзе "на каждом шагу, изменяя марксизму и даже издеваясь над ним, ханжески бормочут старые формулы?" Причины этого Федотов видел в том, что всякая власть, а особенно деспотическая, тоталитарная, нуждается в идеологии, освящающей её господство. Однако для нынешних правителей России непосильна задача "создать заново идеологию, соответствующую новому строю... Марксизм для них вещь слишком мудрёная, в сущности почти неизвестная. Но открытая критика его представляется вредной, ибо она подрывала бы авторитет Ленина и партии, с именем которой неразрывно связана Октябрьская революция. Отречься от своей собственной революционной генеалогии - было бы безрассудно".

Вытравление революционной идеологии при сохранении внешне неприкосновенными её ключевых лозунгов не является уникальным случаем в истории. Аналоги этому процессу Федотов находил в развитии буржуазно-демократических режимов, сохранявших поправленные ими лозунги революций, которым они были обязаны своим возникновением. "Французская республика 150 лет пишет на стенах: "Свобода, равенство, братство", несмотря на очевидное противоречие двух последних лозунгов самым основам её существования"⁴.

Догматизировав некоторые марксистские формулы, Сталин одновременно фальсифицировал марксизм, фактически отвергнув его основные принципы: социальное равенство, гуманизм и интернационализм.

Отмечая, что "издевательство над марксизмом сделалось прямо признаком хорошего тона в советской прессе", Федотов видел наиболее наглядное прояв-

¹ Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. С. 52.

² Ещё более определённо об отношении Сталина к носителям гуманитарной культуры писал Ф. Раскольников: "Как все полуинтеллигенты, нахватавшиеся отрывков знаний, Сталин ненавидит настоящую культурную интеллигенцию - партийную и беспартийную в равной мере" (Раскольников Ф. О времени и о себе. С. 523).

³ Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Т. II. С. 87-88.

⁴ Там же. С. 90.

ление этого процесса в открытом поругании эгалитарных тенденций социализма, получивших кличку "уравниловки". Отвергая "пафос справедливости, понятой как равенство", сталинизм "глушится над "уравниловкой", выделяет собственную аристократию, строит общество явно иерархическое"¹.

Что же касается идеологии гуманизма, то она после шельмования самого этого понятия в официальной печати начала 30-х годов, была внешне восстановлена в своих правах. Бухарин и другие теоретики, отстаивавшие гуманистические принципы, пытались найти опору в некоторых фрагментах из речей Сталина, получивших широкий общественный резонанс. Так, в выступлении 4 мая 1935 года на выпуске слушателей военных академий Сталин призвал "прежде всего научиться ценить людей, ценить кадры, ценить каждого работника, способного принести пользу нашему общему делу. Надо, наконец, понять, что из всех ценных капиталов, имеющихся в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры. Надо понять, что при наших нынешних условиях кадры решают всё"².

На первый взгляд, эти положения носили гуманистический характер. В качестве таковых они и преподносились советскому народу и зарубежному общественному мнению. Однако, трезво анализируя их, нетрудно заметить: гуманистическими они могут быть названы с весьма существенными оговорками. Во-первых, Сталин рассматривал людей не как самоцель, высшую ценность, а всего лишь как "капитал", функциональное средство и инструмент "дела". Во-вторых, понятие "люди" отождествлялось с понятием "кадры", в свою очередь вплотную сближающимся с понятием номенклатуры. Впрочем, призыв к "заботе" об этой категории "людей" не помешал Сталину спустя небольшое время обрушить удар прежде всего именно на "кадры", без которых, как он уверял, "мы будем хромать на обе ноги".

Действительное соотношение между сталинизмом и гуманизмом лучше всего улавливали те старые большевики, которые в марксизме более всего ценили его гуманистическую сущность. С горечью убеждаясь в очевидной дегуманизации советского общества, некоторые из них усматривали в этом процессе жестокую, но неизбежную закономерность, приходили к ущербной идее о том, что нынешнее поколение должно быть принесено в жертву будущему. А. М. Коллонтай, после 1922 года отказавшаяся от участия в каких-либо оппозициях, говорила в доверительной беседе с американской левой журналисткой А. Л. Стронг: "Для меня человеческая душа - это самое главное в мире. Но мы не сможем обратиться к ней ещё лет пятьдесят. Нынешнее поколение создает механизм для будущего, у них нет времени думать о высших идеалах. Тем из нас, кто мечтает о братстве, справедливости и человеческом счастье, нужно вовремя уйти со сцены, чтобы нас не столкнули с ней силой... В этом суть трагедии наших лидеров - от Троцкого до Бухарина"³.

Наиболее беспощадной аннигиляции подверглась в сталинской идеологии интернационалистская доктрина, марксизма. Чтобы заполнить образовавшийся в результате этого идейный вакуум, Сталин ориентировал свою пропаган-

¹ Там же. С. 38.

² Правда. 1935. 6 мая.

³ Московские новости. 1989. 4 июня. С. 16.

дистскую машину на апелляцию к национально-государственным стереотипам массового сознания.

Решив сделать ставку в грядущей войне не на революционный интернационализм, а на национально-патриотические чувства, Сталин постепенно смещал акценты в освещении истории Российской империи. Как и во всех остальных сферах идеологической жизни, он двигался здесь противоречивым и извилистым путём, не смущаясь разительным противоречием между новыми формулами и своей прежней трактовкой русской истории. Если в 1931 году, обосновывая необходимость форсированной индустриализации, он утверждал, что "старую Россию" "непрерывно били за отсталость"¹, то теперь акцент был перенесен на восхваление побед царской России, в том числе в завоевательных, несправедливых войнах.

В замечаниях Сталина, Кирова и Жданова о конспекте учебника по истории СССР (1934 год) ещё преобладали традиционные большевистские формулы: о влиянии революционных движений в Западной Европе на формирование демократического и социалистического движения России, об аннексионистско-колонизаторской роли русского царизма ("царизм - тюрьма народов") и его контрреволюционной роли на международной арене ("царизм как международный жандарм")². Однако в ходе дальнейшей работы над учебниками истории требования к ним решительно изменились. На заключительном заседании жюри конкурса на школьный учебник истории (январь 1937 года) нарком просвещения Бубнов сообщил о новых установках Сталина, согласно которым присоединение Украины к России следовало рассматривать как результат "правильного" выбора украинского народа: вхождения в "единоверное московское государство" (неизбежной альтернативой этому процессу объявлялось присоединение Украины к католической Польше или её поглощение мусульманской Турцией)³. В советской историографии укоренился тезис о добровольном присоединении всех наций и народностей к России. Вхождение Украины, Грузии и других стран в Российскую империю стало трактоваться сначала как "наименьшее зло" (по сравнению с их возможным объединением с каким-либо другим государством), а затем как безусловное благо для народов этих стран.

В новых учебниках истории утверждалась прогрессивность всех завоеваний царской России, возрождался культ русских князей Александра Невского, Дмитрия Донского, полководцев царской армии XVIII-XIX веков. С положительным знаком стала оцениваться деятельность Ивана Грозного и Петра I, значение которой усматривалось в утверждении сильной централизованной власти и расширении границ Российской державы. Широкое распространение получили формулы "великий русский народ", "первый среди равных", "старший брат" и т. д. Отсюда был только один шаг к провозглашению Сталиным в 1945 году русского народа "наиболее выдающейся из всех наций, входящих в

¹ Сталин И. В. Соч. Т. 13. С. 38-39.

² Правда. 1936. 27 января.

³ Кентавр. 1991. № 10-12. С. 132.

состав Советского Союза", "руководящей силой Советского Союза среди всех народов нашей страны"¹.

В контексте возвеличивания старой государственности следует рассматривать идеологическую кампанию, открытую против старейшего большевистского историка Покровского и его школы, считавшейся на протяжении многих лет ведущим направлением советской исторической науки.

Покровский был руководителем крупнейших марксистских научных учреждений - Коммунистической Академии и Института красной профессуры, председателем общества историков-марксистов. В 1928 году был торжественно отпразднован его 60-летний юбилей. Спустя четыре года, в некрологе, опубликованном "Правдой", Покровский именовался "всемирно известным учёным-коммунистом, виднейшим организатором и руководителем нашего теоретического фронта, неустанным пропагандистом идей марксизма-ленинизма"². Такая репутация сохранялась за ним вплоть до января 1936 года, когда на заседании комиссии ЦК и СНК по учебникам истории Бухарину и Радеку было поручено написать статьи об ошибках исторической школы Покровского. По свидетельству А. М. Лариной, Сталин лично потребовал от Бухарина, чтобы его статья носила "разгромный" характер³.

27 января 1936 года в центральных газетах появилось изложение принятого днём раньше постановления ЦК и СНК "Об учебниках истории" (текст его был написан Ждановым и отредактирован Сталиным, который внёс ряд формулировок, ужесточивших критику Покровского). В тот же день в "Правде" была помещена статья Радека "Значение истории для революционного пролетариата", а в "Известиях" - статья Бухарина "Нужна ли нам марксистская историческая наука (о некоторых существенно важных, но несостоятельных взглядах М. Н. Покровского)".

После этих первых "сигналов" развернулась жестокая критика работ Покровского и его учеников. О её характере можно получить представление по выступлению ответственного редактора "Исторического журнала" О. С. Вейланд, которая каялась в том, что журнал не разоблачил "вредительство школы Покровского", выразившееся в "замалчивании стремления к овладению украинской массой (в XVII веке - В. Р.) идеей объединения с русскими трудящимися для борьбы против поляков. Это делали совершенно сознательно враги народа"⁴.

Погромную кампанию, завершившуюся выпуском в 1939-1940 годах двух сборников "Против исторической концепции М. Н. Покровского", Троцкий объяснял тем, что Покровский "недостаточно почтительно относился к прошлой истории России"⁵. О том же, но с явным сталинистским оттенком писал в 70-х годах К. Симонов: "Покровский отвергался... потому, что потребовалось

¹ Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947. С. 196.

² Правда. 1932. 12 апреля.

³ Ларина А. М. Незабываемое. С. 32.

⁴ Отечественная история. 1992. № 2. С. 128.

⁵ Троцкий Л. Д. Сталин. Т. II. С. 272.

подчеркнуть силу и значение национального чувства в истории, а тем самым в современности"¹.

Более точно уловил ещё в 30-е годы смысл апелляции к национально-историческим традициям, в особенности военным, Г. Федотов, который писал, что правящим слоем СССР "в спешном порядке куётся национальное сознание". Оценивая этот процесс "как национальное перерождение революции, как её сублимацию", Федотов подчёркивал, что в состав нового легализованного патриотизма входит "имперское, российское, но не русское сознание", поскольку группе, стоящей у власти, "легче усвоить империалистический стиль Империи, чем нравственный завет русской интеллигенции или русского народа"².

Этот коренной идеологический сдвиг выдвинул на передний план историков "старой школы", в чьих трудах снова стал слышаться "звук государственных фанфар". В 1939 году был избран академиком Ю. В. Готье, чьи дневники периода гражданской войны дышат неистовой ненавистью к большевизму и зоологическим антисемитизмом³. Тогда же Высшей партийной школой был переиздан курс лекций по русской истории академика Платонова, не скрывавшего своих монархических убеждений и за шесть лет до этого умершего в ссылке.

Новая идеологическая струя нашла выражение в появлении множества романов, пьес, кинофильмов, возвеличивавших князей, царей и полководцев до-революционной России. Одновременно подвергались поношению те художественные произведения, которые противоречили новой трактовке русской истории. Злобная пропагандистская кампания была развёрнута вокруг комической оперы "Богатыри", поставленной Камерным театром. После посещения спектакля Молотовым он был немедленно запрещён, а в "Правде" появилась статья председателя Комитета по делам искусств Керженцева, подвергавшая разностной критике театр и автора либретто оперы Д. Бедного за "оплёвывание народного прошлого" и "искажение истории", "ложное по своим политическим тенденциям"⁴.

Рассказывая о подобных фактах в книге "Укрощение искусств", Ю. Елагин подчёркивал, что поворот на "идеологическом фронте" "был действительно очень крут, и приспособиться к нему было нелегко для тех, кто был воспитан на старых классических принципах интернационального коммунизма. Новое же иногда было диаметрально противоположно старому. Это был национализм, реабилитация если не всего, то многого из исторического прошлого народа, утверждение откровенного духа диктатуры... Требовалась немалая ловкость, чтобы эти новые установки втиснуть в марксистские и ленинские концепции. И их кромсали, извращали, переворачивали наизнанку, но всё-таки втискивали"⁵.

¹ Симонов К. Глазами человека моего поколения. М., 1989. С. 180.

² Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Т. II. С. 99-100.

³ Готье Ю. В. Мои заметки. - Вопросы истории. 1991. № 6-12; 1992. № 1-5, 11-12; 1993. № 1-5.

⁴ Керженцев П. Н. Фальсификация народного прошлого - Правда. 1936. 15 ноября.

⁵ Огонёк. 1990. № 42. С. 17.

Изменения в идеологической жизни, выразившиеся в вытеснении классовых и интернациональных критериев национально-государственными, находили сложное преломление в общественной психологии, массовых умонастроениях. Поражения революционного движения на Западе, ложно объясняемые недостаточной революционностью европейского пролетариата, объявление шпионами множества зарубежных коммунистов, дискредитация прошлого большевистской партии в результате судебных подлогов, клеветнических наветов на её бывших признанных лидеров - всё это, завязанное тугим узлом, создавало духовный вакуум, который постепенно заполнялся новыми идеологическими стереотипами. Внутренняя логика этого процесса и его отражения в сознании сталинистски настроенной молодёжи выразительно передана в воспоминаниях Л. Копелева.

"Миллионы рабочих шли за Гитлером и Муссолини. Ни английские, ни французские, ни американские коммунисты, хотя их партии были вполне легальны, даже в годы жесточайшего всемирного кризиса не повели за собой ни рабочих, ни крестьян. И в то же время нас уверяли, что почти все зарубежные партии кишели шпионами...

Нам доказывали наши вожди и наставники, пылкие ораторы, талантливые писатели и официальные судебные отчёты (они ещё не вызывали сомнений), что старые большевики, бывшие друзья самого Ленина, из-за властолюбия или из корысти стали предателями, вдохновителями и участниками гнусных злодеяний. А ведь они когда-то были революционерами, создавали советское государство...

Что мы могли этому противопоставить? Чем подкрепить пошатнувшиеся вчерашние идеалы?

Нам предложили позавчерашние - *Родина и народ*.

И мы благодарно воспринимали обновлённые идеалы патриотизма. Но вместе с ними принимали и старых и новейших идолов великодержавия, исповедовали изуверский культ непогрешимого вождя (взамен "помазанника") - со всеми его варварскими, византийскими и азиатскими ритуалами, и слепо доверяли его опричникам¹.

Политическую логику этого поворота, ставшего органической частью "сталинского неонэпа", чутко уловила наиболее реакционная часть русской эмиграции. Если в первые годы советской власти она называла Октябрьскую революцию "еврейским шабашом" и даже о Временном правительстве вспоминала с ненавистью как о "кадетско-эсеровской говорильне", то в середине 30-х годов она с удовлетворением писала об окончании "великой русской смуты" и упрочении национальной государственности.

На возможность имперски-великодержавного перерождения Октябрьской революции впервые указал известный русский монархист и черносотенец В. Шульгин. В книге "1920 год", переизданной в СССР, он писал о возможности такой эволюции большевизма, которая выдвинет из его рядов "самодержца Всероссийского", способного восстановить границы Российской державы "до её естественных пределов". Таким самодержцем, как подчёркивал Шульгин,

¹ Копелев Л. И сотворил себе кумира. С. 145-146.

станет не Ленин или Троцкий, которые "не могут отказаться от социализма" и будут "нести этот мешок на спине до конца", а "Некто, кто возьмет от них ... их решимость - принимать на свою ответственность невероятные решения... Но он не возьмет от них их мешка. Он будет истинно красным по волевой силе и истинно белым по задачам, им преследуемым. Он будет большевик по энергии и националист по убеждениям"¹.

После нелегального посещения в 1926 году Советского Союза Шульгин выпустил новую книгу "Три столицы. Путешествие в Красную Россию", в которой повторил свой прогноз. "Мы слишком много пили и пели, - писал он. - Нас прогнали. Прогнали и взяли себе других властителей, на этот раз "из жидов". Их, конечно, скоро ликвидируют. Но не раньше, чем под жидами образуется дружина, прошедшая суровую школу"².

После второй мировой войны Шульгин счёл свои прогнозы осуществлёнными. Оказавшись к исходу войны в Югославии, он явился в советскую военную миссию и заявил о своём желании вернуться в Советский Союз, даже если его там арестуют. Л. Треппер, встречавшийся с Шульгиным на Лубянке, вспоминал, что его допросы превращались в чтение лекций по русской истории в зале, битком набитом офицерами НКВД. В беседах с сокамерниками Шульгин "часто распространялся на излюбленную им тему величия России:

"Под руководством Сталина наша страна стала мировой империей. Именно он достиг цели, к которой стремились поколения русских. Коммунизм исчезнет, как бородавка, но империя - она останется! Жаль, что Сталин не настоящий царь: для этого у него есть все данные! Вы, коммунисты, не знаете русской души. У народа почти религиозная потребность быть руководимым отцом, которому он мог бы довериться"³.

Шульгин был досрочно освобожден в 1956 году, вслед за чем его статьи стали появляться на страницах советской печати. В 1961 году он даже был приглашён в качестве почётного гостя на XXII съезд КПСС. Небезынтересен и тот факт, что Хрущёв на встрече с деятелями советской интеллигенции в 1963 году, обвиняя некоторых из них в отсутствии патриотизма, не преминул заявить, что Шульгин, хотя и "лидер монархистов, а патриот"⁴.

В 20-е годы прогнозы Шульгина не вызвали такого внимания со стороны большевиков, какое было проявлено, например, к более осторожному прогнозу лидера либерально-кадетского течения "сменовеховцев" Устрялова, утверждавшего, что эволюция большевизма приведёт "к обычному буржуазному государству". На XI съезде РКП(б) Ленин подчёркивал: "В устряловском прогнозе содержится "классовая правда, грубо, открыто высказанная классовым врагом... Такие вещи, о которых говорит Устрялов, возможны, надо сказать прямо... Враг говорит классовую правду, указывая на ту опасность, которая перед нами стоит. Враг стремится к тому, чтобы это стало неизбежным"⁵.

¹ Шульгин В. 1920 год. Л., 1926. С. 199.

² Шульгин В. Три столицы. Путешествие в Красную Россию. Берлин, 1927. С. 137.

³ Треппер Л. Большая игра. С. 331-332.

⁴ Солженицын А. Бодался теленок с дубом - Новый мир. 1991. № 6. С. 53.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 93-94.

"Классовая правда" содержалась и в прогнозе Шульгина, указывавшего на возможность эволюции советского режима к вождизму с "истинно русской" спецификой. Эта "классовая правда" оказалась востребованной сталинизмом, и, будучи им до известной степени реализованной, стала одним из слагаемых трагического разрушения социалистической власти в СССР.

Конечно, данный прогноз не реализовался в том объёме, как это представлялось самому Шульгину. В результате экономических и социальных преобразований, осуществлённых на путях большевистской национальной политики, Советский Союз утратил присущие царской России черты колониальной империи. Бывшие отсталые национальные окраины продвинулись по пути экономического и культурного прогресса темпами, до сего дня не достижимыми для полуколониальных и зависимых стран.

Оценивая характер национальных отношений в СССР, Троцкий подчёркивал, что речь должна идти не о гнёте одной национальности над другой, а о "гнёте централизованного полицейского аппарата над культурным развитием всех наций, начиная с великорусской", которая страдает от режима гауптвахты никак не меньше других¹.

Этот бюрократически-тоталитарный гнёт прямо вытекал из отношения Сталина к народу, которое, как справедливо замечал Г. Федотов, напоминало отношение "самодержавного царя... Колхозницы, плачущие от восторга после посещения самого Сталина в Кремле, повторяют мотив крестьянского обожания царя. Сталин и есть "красный царь", каким не был Ленин. Его режим вполне заслуживает название монархии, хотя бы эта монархия не была наследственной и не нашла ещё подходящего титула"².

Разумеется, Сталин публично ни разу не произнес чего-либо, наталкивавшего на такую параллель. Своими истинными мыслями о взаимоотношениях "вождя" и народа он делился только со своим ближайшим окружением. В дневниковых записях М. Сванидзе (жены А. С. Сванидзе - шурина Сталина по первому браку), относящихся к 1935 году, воспроизведены сталинские слова по поводу устраиваемых ему оваций: "Народу нужен царь, т. е. человек, которому они могут поклоняться и во имя которого жить и работать". Спустя некоторое время Сталин "опять высказал мысль о фетишизме народной психики, о стремлении иметь царя"³. К этим свидетельствам близко свидетельство Хрущёва, вспоминавшего: "Сталин говорил, что народ - навоз, бесформенная масса, которая идёт за сильным"⁴.

7 ноября 1937 года на обеде у Ворошилова Сталин ясно дал понять, что рассматривает свою политику как продолжение имперской политики русских царей. Как записано в дневнике одного из присутствовавших там лиц, Сталин сказал: "Русские цари сделали одно хорошее дело - сколотили огромное государство, до Камчатки. Мы получили в наследство это государство... Поэтому каждый... кто стремится к отделению от него отдельной части и национальности, он враг, заклятый враг государства, народов СССР. И мы будем уничто-

¹ Троцкий Л. Д. Преданная революция. С. 147.

² Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Т. II. С. 91.

³ Источник. 1993. № 1. С. 19, 20.

⁴ Вопросы истории. 1991. № 12. С. 63.

жать каждого такого врага, был бы он и старым большевиком, мы будем уничтожать весь его род, его семью"¹.

Руководствуясь этой изуверской установкой, Сталин истребил партийно-государственное руководство и значительную часть интеллигенции всех союзных и автономных республик - по подозрению в стремлении к реализации записанного в Конституции 1936 года права на выход этих национальных образований из СССР или же в желании расширить самостоятельность последних.

Эти расправы, достигшие апогея в годы большого террора, приобрели широкий размах уже в первой половине 30-х годов.

¹ Союз. 1990. № 41. С. 12.

Борьба с "национал-уклонизмом"

Во время дискуссии о путях образования СССР (1922 год) Ленин с тревогой обращал внимание на "великорусско-националистическую кампанию", развёрнутую Сталиным и его сторонниками в Грузии. Критикуя позицию Сталина, Дзержинского и Орджоникидзе по отношению к грузинским коммунистам, ложно обвинённым в т.н. "социал-национализме", Ленин подчёркивал: "Известно, что обрусевшие инородцы всегда пересаливает по части истинно русского настроения"¹. ("истинно русскими" людьми любили называть себя наиболее реакционные монархисты и черносотенцы). Ленин особо отмечал "роковую роль", которую сыграли в т.н. "грузинском деле"^{2*} "горючность и администраторское увлечение Сталина, а также его озлобление против пресловутого "социал-национализма". Озлобление вообще играет в политике обычно самую худую роль"³. Из контекста ленинской статьи "К вопросу о национальностях или об "автономизации" отчётливо вытекает, что именно к Сталину относятся гневно-саркастические ленинские характеристики "истинно русского человека, великоросса-шовиниста, в сущности, подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ", "грубого великорусского держиморды", нарушающего "интересы пролетарской классовой солидарности"⁴.

Хотя ленинская статья и его последние письма по национальному вопросу были запрещены к опубликованию, с ними были ознакомлены делегаты XII съезда партии; в последующие годы они распространялись левой оппозицией. Учитывая это, Сталин вынужден был в 20-е годы умерять свои великодержавные устремления. Однако в дальнейшем он всё больше смещал акценты в трактовке двух уклонов по национальному вопросу, смягчая критику великорусского шовинизма и подчёркивая особую опасность "буржуазного национализма" в союзных республиках, который якобы "играет на руку интервенционистам"⁵. На XVII съезде партии он утверждал, что "уклон к национализму отражает попытки "своей" "национальной" буржуазии подорвать Советский строй и восстановить капитализм"⁶. Между тем к этому времени никакой буржуазии, в том числе "национальной", в СССР уже не существовало.

Одним из первых "дел", сфабрикованных под прикрытием подобных формул, стало дело о "султан-галиевской контрреволюционной организации". Главой её был объявлен татарский коммунист М. Х. Султан-Галиев, который в 1918-1920 гг. работал председателем Центральной мусульманской военной

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 358.

² История этого "дела" рассматривается в главах "Грузинский инцидент и "держимордовский режим" и "Роковые дни" моей книги: "Была ли альтернатива? "Троцкизм": взгляд через годы".

³ Там же. С. 357.

⁴ Там же. С. 357, 360.

⁵ Сталин И. В. Соч. Т. 12. С. 371.

⁶ Сталин И. В. Соч. Т. 13. С. 361.

коллегии при наркомвоенморе Троцком, а также членом и затем председателем центрального бюро коммунистических организаций народов Востока.

В период дискуссии о путях образования СССР Султан-Галиев резко критиковал шовинистическую позицию Сталина и предлагал поднять до уровня союзных статус некоторых автономных республик, прежде всего Туркестанской АССР, включавшей тогда территорию Узбекистана, Таджикистана, Туркмении и Киргизии. В последующие годы он выдвинул план создания четырёх крупных национальных образований, которым предлагал предоставить равные права с союзными республиками. Такие федеративные образования (федерация Урало-Волжских республик; Общекавказская федерация, включавшая республики Закавказья и Северного Кавказа; Туранская республика, состоящая из четырёх республик Средней Азии; Казахская республика) должны были, по его мнению, существенно ограничить власть центра и противостоять великодержавному диктату¹. Эти идеи Султан-Галиева поддерживались многими коммунистами "мусульманских" республик.

В 1928-1929 годах "за участие в антипартийной группировке Султан-Галиева" был исключён из партии ряд руководящих работников Татарской АССР и Крымской АССР. "Султан-галиевцы" были обвинены в связях с пантюркистским движением за рубежом и даже с генеральными штабами некоторых зарубежных стран. В редакционной статье "Правды", бившей тревогу по поводу "активности и консолидации сил буржуазно-националистического фронта", говорилось об "эволюции султан-галиевщины в сторону открытой контрреволюции"².

В 1930 году коллегия ОГПУ осудила Султан-Галиева и ещё 20 "участников его контрреволюционной организации" к высшей мере наказания, которая была затем заменена заключением в концлагеря сроком на 10 лет. В 1934 году Султан-Галиев был освобожден, но в 1937 году вновь арестован и в 1940 году расстрелян. Такая же участь постигла большинство лиц, привлекавшихся по этому делу в конце 20-х - начале 30-х годов.

В 1930-1931 годах волна репрессий против "национал-уклонистов" прокатилась по Белоруссии, где были арестованы один из секретарей ЦК, несколько наркомов и другие руководящие работники республики. Им вменялась в вину связь с организацией "Союз освобождения Белоруссии", по делу которой было осуждено 86 деятелей белорусской науки и культуры.

Толчок репрессиям в Казахстане был дан телеграммой Сталина секретарю Казахского крайкома Мирзояну, требовавшей "сосредоточить огонь против казахского национализма и уклонов к нему"³.

На XVII съезде ВКП(б) Ярославский сообщил, что со времени предыдущего съезда только в 13 республиканских, краевых и областных организациях было исключено из партии за "националистические уклоны" 799 человек⁴. Основная часть из них пала на Украину, где, по словам Сталина, националисти-

¹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 76, 82.

² Социалистическое наступление и активизация буржуазных националистов (Еще о султан-галиевщине) - Правда. 1929. 4 ноября.

³ Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. -79.

⁴ XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). С. 297.

ческий уклон разросся до государственной опасности и "сомкнулся с интервенционистами"¹. В резолюции XII съезда компартии Украины (январь 1934 года) подчёркивалось, что, наряду с разгромом националистических организаций, стремившихся отторгнуть Украину от Советского Союза, КП(б)У разгромила "националистический уклон, возглавляемый Скрыпником, уклон, который облегчал и помогал деятельности контрреволюционных националистов"². Сам Скрыпник - один из старейших большевиков, член ЦК ВКП(б), заместитель председателя Совнаркома Украины, в результате обрушившейся на него травли 7 июля 1933 года застрелился.

В январе 1934 года в Москве был арестован заместитель председателя бюджетной комиссии ЦИК СССР М. Н. Полоз, работавший в 20-е годы полпредом УССР в Москве, председателем Госплана и наркомом финансов УССР. В рапорте о проведении обыска в квартире Полоза, направленном начальнику секретно-политического отдела ОГПУ Молчанову, в частности, сообщалось: "Обращает внимание отсутствие портрета И. В. Сталина и в то же время наличие значительного числа фотоснимков националистических вождей Украины и портрета Скрыпника - личного подарка Полозу". Полоз был обвинён в участии в "Украинской военной организации", подготовке вооружённого восстания и террористических актов против Сталина, Постышева и председателя ОГПУ УССР Балицкого. 4 апреля 1934 года он был осуждён к заключению в исправительно-трудовые лагеря сроком на 10 лет, а 9 октября 1937 года приговорен к расстрелу в числе 134 "украинских буржуазных националистов"³.

В докладе под названием "Цветёт и крепнет индустриально-колхозная Украина" секретарь ЦК КП(б)У Постышев называл 1933 год годом "разгрома националистических, петлюровских и других классово враждебных элементов", а 1934 год - "годом разоблачения более тонко законспирированных и замаскированных националистов и троцкистов, годом добывания остатков разгромленного классового врага"⁴. К таким "остаткам" были отнесены многие партийные и научные работники, деятели народного образования, литературы и искусства. На одном из писательских собраний Постышев обвинил ряд известных украинских писателей в том, что "от борьбы против социалистического строительства художественными образами они перешли к борьбе обрезками, наганом"⁵.

В 30-е годы в ряде национальных республик (на Украине, Северном Кавказе, в Средней Азии) действительно существовали антисоветские националистические организации. Зачастую в своей деятельности они пытались не без успеха опереться на протест крестьянства против насильственной коллективизации. Многие антиколхозные выступления на Украине и в Средней Азии проходили под национал-сепаратистскими лозунгами. Однако ОГПУ не ограничивалось борьбой с антисоветскими силами (например, с басмачеством), а,

¹ Сталин И. В. Соч. Т. 13. С. 362.

² Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 80.

³ Зелений світ. Київ, 1993. № 9.

⁴ Коммуніст. 1935. 15 січня.

⁵ Постышев П. П. "Пути украинской советской литературы. М., 1935. С. 16.

подчиняясь требованиям Сталина, конструировало мнимые связи таких сил с коммунистами союзных и автономных республик, недовольными великодержавными тенденциями в культурной и кадровой политике.

Репрессии против партийных работников и интеллигенции коренных национальностей не уменьшали, а умножали число носителей сепаратистско-националистических настроений. Истребление старых большевистских кадров и массовое озлобление сталинскими репрессиями явились важными факторами, облегчившими националистическим элементам сколачивание коллаборационистских формирований на Украине, Северном Кавказе и в Прибалтике в годы войны, террористических банд в Литве и на Западной Украине в послевоенные годы.

Свирепость расправ с коммунистами коренной национальности отражала издавна присущее Сталину недоверчивое, недоброжелательное отношение к "инородцам". Хотя сам Сталин ни разу не позволил себе выступить с каким-либо публичным заявлением в этом духе, ряд мемуаристов сообщают на этот счёт достаточно выразительные свидетельства. Так, Хрущёв вспоминал, каким моральным ударом для него явилась случайно услышанная им оскорбительная реплика Сталина (в разговоре с Кировым), прямо касавшаяся национальности латыша - одного из руководителей ленинградской партийной организации. Как справедливо замечал Хрущёв, в большевистской среде "вообще не было тогда деления людей по национальностям. Деление было по преданности делу: за революцию или против? Это было главным. Потом уже стало нас разъедать мелкобуржуазное отношение к людям: а какой нации?"¹. Поэтому брошенные мимоходом сталинские слова, унижавшие национальное достоинство коммуниста, по словам Хрущёва, на всю жизнь остались осколком в его памяти.

"Большим недостатком" Сталина Хрущёв называл его "неприятное отношение к еврейской нации". Хотя в своих трудах и выступлениях Сталин "не давал и намёка на это", в кругу своего ближайшего окружения, "когда ему приходилось говорить о евреях, он всегда разговаривал от имени еврея со знакомым мне утрированным произношением. Так говорили несознательные, отсталые люди, которые с презрением относились к евреям, коверкали язык, выпячивали еврейские отрицательные черты. Сталин это тоже очень любил". Разумеется, существовал негласный строжайший запрет на сообщения другим людям о подобных выходках Сталина. "Боже упаси, если бы кто-то сослался на его разговоры, на его высказывания, от которых явно несло антисемитизмом"².

Применительно к публикациям Сталина по вопросам национальной политики особенно справедливо суждение Троцкого о том, что "человеческая речь вообще призвана была служить ему гораздо больше для того, чтобы скрывать или прикрашивать свои мысли и чувства, чем для того, чтобы выражать их"³. Повторяя в публичных выступлениях большевистские формулы о равноправии всех наций, Сталин одновременно всё более направлял кадровую политику на изгнание "инородцев" из партийного и государственного аппарата. Извест-

¹ Вопросы истории. 1990. № 2. С. 108.

² Огонёк. 1990. № 7. С. 21.

³ Троцкий Л. Д. Сталин. Т. I. С. 46.

но, имелись ли на этот счёт какие-либо специальные секретные инструкции. Однако неоспорим тот факт, что великая чистка 1937-1938 годов уничтожила почти всех партийных, хозяйственных, военных, чекистских работников, принадлежавших к нациям, которые после Октябрьской революции обрели свою государственность (поляки, эстонцы, латыши, литовцы). Столь же тотальному истреблению были подвергнуты коммунисты-эмигранты из этих стран. Всё это привело к тому, что в период советизации Прибалтики и образования послевоенной Польши большинство тамошних руководителей формировалось из лиц, не прошедших большевистскую школу интернационального воспитания.

Разумеется, Сталин не был всемогущ в своём насилии над историческими законами и интернационалистскими принципами большевизма. Как мы могли убедиться, свои наиболее реакционные взгляды и настроения он не решался высказывать публично. Жестокие репрессивные акции он либо прикрывал псевдомарксистскими формулами, либо творил в атмосфере безгласности (как, например, в случае депортации целых народов в годы войны).

Хотя "бюрократическое перерождение государства легло на национальную политику тяжёлым камнем", заложенные большевизмом ключевые принципы этой политики, обеспечившей победу Октябрьской революции, помогли "Советскому Союзу удержаться и в дальнейшем, несмотря на внутренние центробежные силы и враждебное окружение"¹. Несмотря на сталинские репрессии, объективно способствовавшие усилению этих центробежных сил, дружба народов СССР, явившаяся одним из величайших завоеваний Октябрьской революции, прошла практическую проверку в годы Великой Отечественной войны. Эта война, раскрывшая живительные силы советского патриотизма, подтвердила прогноз Троцкого: "Чтоб оценить силу Красной армии, нет надобности ни в малейшей идеализации того, что есть (в Советском Союзе - В. Р.)... Есть слишком много нужды, горя, несправедливости, а, следовательно, и недовольства. Но мысль о том, будто советские народные массы склонны ждать помощи от армий Микадо или Гитлера не может быть оценена иначе, как бред. Несмотря на все трудности переходного режима, политическая и нравственная спайка народов СССР достаточно крепка, во всяком случае крепче, чем вероятных врагов"².

После XX съезда КПСС были не только ликвидированы вопиющие искажения ленинской национальной политики и последствия прямых преступлений сталинской клики против целых народов (объявление их "изменческими", лишение собственной государственности и депортация в отдалённые районы СССР). Национальная политика Советского государства стала более гибкой и интернационалистской, были существенно расширены права союзных республик. Именно это (а не карательные акции сталинизма!) позволило избавить СССР на несколько десятилетий от проявлений кровавой национальной розни, ожившей только во времена "перестройки". Уже в первые годы после смерти Сталина прекратилась деятельность националистических банд, лишившихся сколько-нибудь широкой поддержки со стороны населения.

¹ Троцкий Л. Д. Преданная революция. С. 141.

² Бюллетень оппозиции. 1936. № 54-55. С. 30-31.

В 50 - 80-е годы были достигнуты очевидные успехи в деле выравнивания уровней экономического, социального и культурного развития всех советских народов, обеспечено ускоренное движение ранее отсталых наций и народностей СССР к вершинам цивилизации и культуры. Возникновение новой интернациональной общности - советского народа - не пропагандистская фикция, а реальное завоевание общественного прогресса, достигнутое на путях, заложенных Октябрьской революцией.

В рамках проблематики данной книги нет возможности обсуждать, в силу каких причин произошли насильственное разрушение этой общности узкой кучкой партократов и подъём т. н. народных фронтов, паразитировавших на преступлениях сталинской клики, ошибках постсталинской бюрократии и очевидных неудачах "перестройки". Отметим лишь тот неоспоримый факт, что распад Советского Союза ввергнул все его народы в историческую катастрофу, а многие из них - в пучину кровавых национальных междоусобиц, а затем - межнациональных и гражданских войн. Уже сегодня становится очевидным, что начавшееся сопротивление народных масс этим деструктивным процессам будет пробивать себе дорогу сквозь все политические и идеологические преграды, воздвигаемые разносчиками идей "крушения советской империи".

В борьбе за возрождение обновлённого Советского Союза подлинно интернационалистским силам предстоит глубоко осмыслить позитивные и негативные уроки, связанные с попытками решения национального вопроса в прошлом. В этом идейном поиске важным теоретическим подспорьем являются идеи Троцкого о соотношении экономики и культуры в многонациональной стране, строящей социализм. Обобщая опыт успехов и неудач государственного строительства в СССР, Троцкий подчёркивал: "Культурные потребности пробуждённых революцией наций нуждаются в самой широкой автономии. В то же время хозяйство может успешно развиваться только при подчинении всех частей Союза общему централистическому плану. Но хозяйство и культура не отделены друг от друга непроницаемыми переборками. Тенденции культурной автономии и хозяйственного централизма естественно вступают время от времени в конфликт. Однако противоречие между ними вовсе не является непримиримым". Для его успешного разрешения нет и не может быть раз и навсегда готовой формулы; оно, как и решение других противоречий социалистического строительства, может быть достигнуто на путях действительного участия самих заинтересованных масс в управлении собственными судьбами. Лишь такое участие "может провести на каждом новом этапе необходимую разграничительную черту между законными требованиями хозяйственного централизма и жизненными притязаниями национальных культур"¹.

Сохранение в СССР национальных противоречий было обусловлено в первую очередь подменой "воли населения СССР, в лице всех его национальных частей... волей бюрократии, которая подходит и к хозяйству и к культуре под углом зрения удобств управления и специфических интересов правящего слоя"².

¹ Троцкий Л. Д. Преданная революция. С. 142.

² Там же.

Главным препятствием на пути прогрессивного развития межнациональных, как и всех других общественных отношений, выступал сталинистский политический режим, представлявший собой тотальное разрушение политической системы, заложенной Октябрьской революцией.

XI

Политический режим

К середине 30-х годов окончательно сложились формы правления и политический быт, сохранившиеся с некоторыми модификациями на протяжении всего последующего развития советского государства. Прежде всего это касалось внутренней жизни партии, которая из жизнедеятельного организма, каким она была при Ленине, деградировала до состояния бездушного исполнительного механизма, в одинаковой степени независимого как от воли народа, так и от собственных членов и представлявшего послушное орудие в руках правящей касты.

Сталин и его приспешники в эти годы уже не считали нужным скрывать, что страной правит не партия, а её Центральный Комитет. Особенно чётко выразил эту мысль Каганович, который с удовлетворением заявлял: "ЦК находил время руководить вопросами не только международной политики, вопросами обороны, хозяйственного строительства, но и одновременно заниматься такими вопросами, как учебники, как библиотеки, как художественная литература, театры, кино, такими вопросами, как производство граммофонов, качество мыла и т. п."¹. При этом для каждого человека, мало-мальски знакомого с механизмом выработки и принятия политических и хозяйственных решений, было очевидно, что под ЦК понимается не его формальный состав, избираемый партийными съездами, а 1) Политбюро, решавшее на своих заседаниях все вопросы, вплоть до "качества мыла"; 2) подбираемый личным секретариатом Сталина аппарат ЦК, готовивший материалы для Политбюро и осуществлявший контроль над исполнением его решений.

После подавления внутрипартийных оппозиций пленумы ЦК, собиравшиеся не более двух раз в год, механически штемпелевали подготовленные аппаратом резолюции. Большинство постановлений, издаваемых от имени ЦК, принималось не пленумами, а Политбюро, Оргбюро или секретариатом, то есть узким кругом приближённых к Сталину лиц. До известного времени "рядовые" члены ЦК пользовались правом присутствия на заседаниях Политбюро, однако могли, по словам Хрущёва, лишь "сидеть там, то есть слушать, не вмешиваясь в обсуждение вопросов"². Наиболее важные вопросы выносились на закрытые заседания Политбюро, куда не допускались даже члены ЦК; им разрешалось лишь знакомиться с секретными решениями Политбюро, которые хранились в "особой папке" и не рассылались даже в республиканские и областные партийные комитеты. После убийства Кирова члены ЦК были лишены права доступа к "особой папке". Изменилась и сама атмосфера заседаний Политбюро, на которых стала "царить сдержанность", в отличие от предшествующих лет, когда "обсуждение некоторых вопросов проходило довольно бурно... Тогда это ещё допускалось"³.

¹ Каганович Л. М. От XVI к XVII съезду партии. М., 1934. С. 135.

² Вопросы истории. 1990. № 3. С. 72-73.

³ Вопросы истории. 1990. № 2. С. 107.

Другим главным субъектом власти было Оргбюро ЦК, на заседаниях которого в отсутствие Сталина диктовал все организационные и кадровые решения Каганович. А. Бармин, которому доводилось присутствовать на этих заседаниях, вспоминал, что там "никто не дискутировал больше, разве только для формы; лица, пользовавшиеся доверием Сталина, решали всё авторитарно"¹.

В 30-е годы окончательно сложился вертикальный и горизонтальный механизм тоталитарной власти, при котором партийные органы стали безраздельно господствовать над советскими и хозяйственными. "Первые лица" в территориальных и отраслевых органах управления оказывались всевластными по отношению к низшим звеньям аппарата - и одновременно - бесправными исполнителями воли Сталина, обладавшего абсолютной прерогативой принятия всех важнейших политических решений. При переходе к массовым репрессиям Сталин широко использовал эту властную структуру, обязывая "первых лиц" санкционировать аресты подчинённых им работников или входить в состав "троек", выносящих приговоры.

В соответствии с изменениями политического режима утвердившийся в годы борьбы с легальными партийными оппозициями догмат "Политбюро всегда право, и никто не может быть прав против Политбюро" всё определённое трансформировался в новый догмат - исключительной правоты "вождя".

Правящая верхушка превратилась в обособленную касту, к тому же связанную тесными бытовыми связями. Этот круг был закрыт даже для руководителей, занимавших высокие посты в партийной и государственной иерархии, но не входивших в ближайшее сталинское окружение. "Меня всегда удивляло, - писал Ф. Раскольников, - что вожди Советского Союза так оторвались от народа. Они отгородились от внешнего мира каменной стеной Кремля. Они варятся в собственном соку, живут в призрачном, иллюзорном мире, ощущают биение пульса страны лишь по односторонним сводкам Наркомвнутдела. Кроме ложи Большого театра, где они забиваются в глубину от любопытных взоров публики, и редких официальных смотров-осмотров, они никуда не выезжают. Они живут более изолированно, чем любой монарх, и в свой тесно замкнутый кружок никого постороннего не допускают"².

Замкнутость "верхов" резко усилилась после убийства Кирова. Сталин, опасавшийся контртеррористических актов в ответ на "послекировский" террор, многократно увеличил собственную охрану. Как вспоминал А. Орлов, 35-километровый маршрут Сталина от Кремля до загородной дачи круглосуточно охранялся войсками НКВД, дежурившими в три смены, каждая из которых насчитывала 1200 человек. Во время поездок Сталина на курорты (никуда больше он не выезжал) перед его бронированным поездом и вслед за ним двигались два других поезда, заполненные охраной³.

Недоступность Сталина поднимала значение каждой его встречи и даже телефонного звонка. Продолжавшиеся несколько минут его телефонные разговоры, например, с писателями (Булгаковым, Пастернаком, Эренбургом) воспринимались как некое чрезвычайное событие. Даже короткая беседа с из-

¹ Цит. по: Троцкий Л. Д. Сталин. Т. II. С. 247.

² Раскольников Ф. Ф. О времени и о себе. С. 488.

³ Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. С. 20-21.

вестным партийным деятелем, если этого желал Сталин, немедленно становилась достоянием бюрократических кругов и расценивалась как акт высочайшего доверия. Раскольников вспоминал, как после одной такой беседы со Сталиным во МХАТе ему в течение всего следующего дня звонили по телефону, к нему приходили знакомые и поздравляли: "Каким-то образом все уже знали до мельчайших подробностей мой разговор со Сталиным"¹.

Сталин не только ни разу не выступил перед рабочими, но и посещал заводы (для знакомства с новой техникой, продукцией и т. п.) только во вне рабочее время, не желая встречаться с рабочими лицом к лицу. Общение с трудовыми коллективами он заменял парадными встречами в Кремле, на которые приглашались передовики производства, делегации союзных и автономных республик, участники декад национальной культуры и т. д. Эти встречи, особенно часто устраивавшиеся в 1935-1936 годах, обычно завершались щедрой раздачей орденов и пышными концертами-пиршествами, на которых выступали лучшие мастера искусств. Такого рода общение "вождя" со "знатными людьми" широко рекламировалось печатью.

"Параллельно с рекламной подготовкой "сталинской конституции, - писал Троцкий, - шла в Кремле полоса банкетов, в которых члены правительства обнимались с представителями рабочей и колхозной аристократии ("стахановцы"). На банкетах провозглашалось, что для СССР наступила, наконец, эпоха "счастливой жизни". Сталин был окончательно утверждён в звании "отца народов", который любит человека и нежно заботится о нём. Каждый день советская печать публиковала фотографии, где Сталин изображался в кругу счастливых людей, нередко со смеющимся ребенком на руках или на коленях... При виде этих идиллических фотографий я не раз говорил друзьям: "Очевидно, готовится что-то страшное"².

Символическим подтверждением этого предвидения стала судьба девочки, сфотографированной с букетом цветов на руках у Сталина. Эта фотография облетела в начале 1936 года всю страну. Спустя два года отца девочки - одного из руководителей Бурят-Монгольской АССР А. Маркизова - расстреляли, а сама девочка - Геля Маркизова вместе с матерью была отправлена в ссылку.

Сдвиги в политической жизни сопровождались коренным изменением тональности печати и устной пропаганды. В первые годы революции выступления большевистских лидеров и статьи партийных публицистов отличались остротой критических оценок положения в партии и стране. При этом большевиков не смущало то обстоятельство, что критика допущенных партией ошибок будет подхвачена и использована противниками Советской власти. Положение стало меняться уже в первые годы борьбы с послеленинскими оппозициями, когда в выступлениях "вождей" и в партийных документах стали преобладать мажорные тона, а оппозиционеры обвинялись в очернении действительности, в "клевете на партию". В дальнейшем освещение положения дел в стране стало строиться по формуле "всё идёт от лучшего к лучшему", а печать заполнилась панегириками по поводу "счастливой жизни" советских людей. Просчёты, неурядицы, трудности, которые было невозможно замол-

¹ Раскольников Ф. Ф. О времени и о себе. С. 481.

² Бюллетень оппозиции. 1935. № 65. С. 8.

чать, объяснялись, как правило, происками классового врага или "головотяпством" местных работников.

От всех членов партии, в особенности от бывших оппозиционеров, Сталин требовал постоянного подтверждения успехов "генеральной линии" и тем самым всё глубже погружал их в атмосферу двоедушия и лицемерия. Создание такой атмосферы в партии было необходимым этапом на пути к её самоистреблению.

Говоря о положении "революционеров-антисталинцев", Г. Федотов подчёркивал, что эти "люди, особенно ненавидевшие его, должны больше других льстить ему и доказывать свою верность реальными поступками". Трагизм их положения усугублялся тем, что им приходилось наблюдать, как "злейшие враги социализма пролезают к власти, не уставая клясться именем Маркса и пролетариата, для того чтобы держать в тюрьмах и казнить защитников угнетённых рабочих и крестьян"¹. Тип такого врага социализма (молодой чекист Шарок, стремительно продвигающийся по карьерной лестнице) выразительно обрисован в романах А. Рыбакова.

Говоря о том, что уже в первой половине 30-х годов "в партии вспыхнула тяжёлая эпидемия двуличия", Л. Треппер подчёркивал: "При Ленине политическая жизнь в большевистской партии всегда была оживленной, бурной. На съездах, на пленумах и различных совещаниях в Центральном Комитете все выступавшие откровенно высказывали всё, что думали. Такие демократические столкновения мнений, подчас довольно резкие, только сплачивали партию и укрепляли её жизнеспособность. С момента утверждения Сталиным своей власти над партийным аппаратом даже старые большевики уже больше не осмеливались возражать против его решений или просто обсуждать их. Одни молчали, и сердце их обливалось кровью, другие отходили от активной политической жизни. Хуже того, многие товарищи публично поддерживали Сталина, хотя в глубине души не соглашались с ним. Это отвратительное двуличие нарастало в партии, как снежный ком, и ускоряло процесс "внутренней деморализации".

Вот и приходилось выбирать между официальным положением или даже личной безопасностью, с одной стороны, и революционной совестью - с другой. Многие попросту молчали, гнули спины и смирялись. Высказать своё мнение на какую-нибудь злободневную тему подчас было равнозначно проявлению личной смелости. Говорить с открытым сердцем можно было только с надёжными друзьями, да и то не всегда! А при других собеседниках приходилось снова и снова повторять официальные славословия, публикуемые в "Правде"².

Описывая процесс превращения партии в покорную опору бюрократии и режима личной власти, Троцкий раскрывал несостоятельность взгляда, согласно которому все ужасы термидорианского режима вытекают из неких первоначальных черт большевизма. Такой взгляд, отмечал он, исходит из представления о партии как единственном или всемогущем факторе истории. В действительности же "партия есть временный исторический инструмент - один

¹ Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Т. II. С. 106.

² Треппер Л. Большая игра. С. 47-48.

из многих инструментов и орудий истории... Ограниченность партии, как исторического орудия, в том и выразилась, что с удобного момента партия начала расшатываться, в ней появились трещины. С 1923 года в слабой степени, с 1927 - в грандиозной степени происходит ломки, крушения, разрушения старой большевистской партии и разрушения её кадров". Пока партия жила свободной политической жизнью, многие старые щели, то есть разногласия между её отдельными деятелями и группами, зарубцовывались, полу враждебные группировки сближались, прежние противники примирались. Когда же правящая фракция подавила внутреннюю жизнь партии, эти щели стали расширяться, а противоречия - резко обостряться. Большевистская партия "в старом своём виде, со старыми своими традициями и старым составом всё больше приходила в противоречие с интересами нового правящего слоя. В этом противоречии вся суть термидора... Для установления того режима, который справедливо называется сталинским, нужна была не большевистская партия, а истребление большевистской партии"¹.

Дискредитация, по существу, всех прежних большевистских лидеров создавала вакуум доверия к партии, который заполнялся принимавшим всё более чудовищные формы культа Сталина. Усилия, предпринимаемые мощным пропагандистским аппаратом для насаждения этого культа, несли важную политическую нагрузку. Как подчёркивал Троцкий, "власть Сталина держится не только насильем и не только бюрократической инерцией, но и его искусственным авторитетом как мнимого "вождя мирового пролетариата"².

¹ Троцкий Л. Д. Сталин. Т. II. С. 261.

² Бюллетень оппозиции. 1937. № 62-65. С. 5.

Культ Сталина и фальсификация истории

Создание культа Сталина было неотделимо от насаждения фальсификаторских версий истории большевизма и Октябрьской революции. Переписывание истории партии, ставшее одним из главных идеологических средств утверждения сталинизма, началось со времени первых дискуссий с "троцкизмом" (1923-1924 годы). К середине 30-х годов фальсификаторские кампании привели к изображению Сталина в качестве единственно безупречной фигуры в руководстве партии и к однозначно негативной оценке всех других членов ленинского Политбюро.

Описывая эволюцию историко-партийной литературы, Троцкий писал: "Чем дальше от событий, чем более преднамеренный характер получают позднейшие воспоминания, тем меньше в них фактического содержания. Они превращаются в голословные утверждения на заданную тему и своей сознательной неопределённостью и бессодержательностью напоминают покаяния подсудимых московских театральных судов. Всё вместе придаёт официальной советской историографии характер очень сложный. С этого текста надо смыть или соскоблить по крайней мере два-три слоя позднейших византийских начертаний"¹.

Канонизации Сталина, отмечал Троцкий, парадоксальным образом способствовало почти полное отсутствие упоминаний о нём в воспоминаниях старых большевиков и исторических работах первых послереволюционных лет. "Ни в каких мемуарах или исследованиях, писанных до 1924, пожалуй, даже до 1926 года, мы не найдем каких-либо следов или отголосков руководящей роли Сталина... Даже после того, как в руках генерального секретаря сосредотачивается власть, фигура его не сразу начинает отбрасывать тень прошлого. Традиции партии ещё слишком живы в старшем поколении. Старые большевики ещё на свободе и сохраняют относительную независимость. Даже заведомые пройдохи не смеют ещё открыто торговать ложью из страха стать объектом посмешища и презрения"².

Д. Волкогонов подсчитал, что в III-V томах издания "Революция 1917 года", подготовленных в 1924-1926 годах, когда уже полным ходом шла анти-троцкистская кампания, а Сталин был лидером правящей, фракции, имя Троцкого встречалось 109 раз, а Сталина - всего 10³.

Прошлая деятельность Сталина, как отмечал Троцкий, до начала 30-х годов "оставалась фактически неизвестной не только народным массам, но и партии. Никто не знал, что говорил и делал Сталин до 17-го и даже 23-24-го годов"⁴. Эту мысль фактически повторил Хрущёв, обращаясь к делегатам XX съезда:

¹ Троцкий Л. Д. Сталин. Т. II. С. 151-152.

² Там же. С. 152.

³ Волкогонов Д.А. Троцкий. Кн. I. С. 140.

⁴ Троцкий Л. Д. Сталин. Т. II. С. 155.

"Я, вероятно, не согрешу против истины, если скажу, что 99 процентов из присутствующих здесь мало что знали и слышали о Сталине до 1924 года"¹.

Поскольку большинству коммунистов 20-30-х годов не было что-либо известно о прошлом Сталина, они не имели возможности сопоставлять настоящее с прошлым. "Широкие массы, наоборот, склонны были прошлое выводить из настоящего. Это дало возможность Сталину при помощи аппарата составлять себе биографию, которая отвечала бы потребностям его новой исторической роли"².

В создании своего культа Сталин в полной мере проявил качества "гениального дозировщика". В ходе легальной внутрипартийной борьбы 1923-1927 годов он обвинял в "вождизме" своих противников - сначала Троцкого, а потом Зиновьева и Каменева, одновременно выступая нередко с уничижительными для себя заявлениями ("Сталин - человек маленький", "Сталин никогда не претендовал на что-либо новое в теории" и т. п.). На XIV съезде (декабрь 1925 года) он употреблял понятие "вожди" в третьем лице и с негативной окраской, чтобы настроить партию против её признанных лидеров. Под аплодисменты зала он утверждал, что вождям не будет позволено "безнаказанно ломаться и садиться партии на голову. Нет уж, извините. Поклонов в отношении вождей не будет"³. Комментируя этот факт, Троцкий замечал: "В это время он уже был диктатором. Он был диктатором, но не чувствовал себя вождём, никто его вождём не признавал. Он был диктатором не силою своей личности, а силою аппарата, который порвал со старыми вождями"⁴.

Впервые Сталин был назван единственным вождём партии в ходе шумной пропагандистской кампании, поднятой в декабре 1929 года в связи с его пятидесятилетием. Эта дата как нельзя более удачно совпала с капитуляцией его последних влиятельных противников (бухаринской "тройки") и превращением его в единоличного диктатора страны. С этого времени в советской исторической литературе возникает старательно поддерживаемая, самим Сталиным психологическая аберрация, связанная с упорным стремлением представить его организатором и основным руководителем большевистских организаций Кавказа, влиятельной фигурой периода революции 1905 года и приписать ему ведущую роль в Октябрьской революции. Троцкий считал неправильным объяснять такие попытки "отодвинуть деятельность Сталина назад" только сервилизмом официальных советских историков. "В биографиях явно враждебного характера (а в них нет недостатка) роль Сталина до 1923 г. подвергается почти такому же чудовищному преувеличению, хотя и со знаком минус. Мы наблюдаем здесь тот интересный оптико-психологический феномен, когда человек начинает отбрасывать от себя тень в своё собственное прошлое. Людям, лишённым исторически воспитанного воображения, трудно представить себе, что человек со столь ординарным и серым прошлым мог вдруг подняться на такую высоту"⁵.

¹ Реабилитация. С. 60.

² Троцкий Л. Д. Сталин. Т. II. С. 154.

³ Сталин И. В. Соч. Т. 7. С. 390.

⁴ Троцкий Л. Д. Сталин. Т. II. С. 153.

⁵ Там же. С. 152-153.

Фальсификаторские кампании приобрели особенно широкий размах после публикации в декабре 1931 года письма Сталина в редакцию журнала "Пролетарская революция" под названием "О некоторых вопросах истории большевизма". В этом письме Сталин ввёл термин "троцкистская контрабанда", в которой было обвинено большинство историков партии. Последовавшая за этим "перестройка" историко-партийной науки сопровождалась жестокой критикой воспоминаний старых большевиков, которая распространилась даже на Н. К. Крупскую. 9 мая 1934 года в "Правде" была помещена статья Поспелова, посвящённая воспоминаниям Крупской о Ленине. В статье, занявшей почти целую полосу, Крупская обвинялась в недооценке "ведущей роли" Сталина в революционном движении и создании "ложного впечатления" о положительном отношении Ленина к Троцкому.

Ещё один удар по Крупской был нанесён в августе 1938 года. В постановлении Политбюро о книге М. Шагинян "Билет по истории", посвящённой семье Ульяновых, говорилось: "Осудить поведение т. Крупской, которая, получив рукопись романа Шагинян, не только не воспрепятствовала появлению романа в свет, но, наоборот, всячески поощряла Шагинян, давала о рукописи положительные отзывы и консультировала Шагинян по фактической стороне жизни семьи Ульяновых и тем самым несёт полную ответственность за эту книжку. Считать поведение т. Крупской тем более недопустимым и бестактным, что т. Крупская делала всё это без ведома и согласия ЦК ВКП(б), за спиной ЦК ВКП(б), превращая тем самым общепартийное дело - составление произведений о Ленине - в частное и семейное дело и выступая в роли монопольного истолкователя обстоятельств общественной и личной жизни и работы Ленина и его семьи, на что ЦК никому и никогда прав не давал"¹.

Комментируя воспоминания, появившиеся во второй половине 30-х годов, Троцкий писал, что вдове С. Спандарьяна, который был действительным руководителем Туруханской ссылки, "заставляют, иначе нельзя выразиться, ограбить память своего бывшего мужа в интересах исторической репутации Сталина."² Такое же давление неоднократно производилось... на Крупскую. Она далеко пошла по пути уступок. Но Крупская оказалась всё же несколько стойче, да и память Ленина не так легко обокрасть... Совершенно непростительным представляется этот поход историков на вдов с целью обратить их бывших мужей, дабы заполнить пробелы биографии Сталина. Ничего похожего по злонамеренности, систематичности, беспощадности, цинизму не было ещё в мировой истории"³.

В середине 30-х годов особое внимание сталинистов было направлено на переписывание страниц истории, связанных с дореволюционной деятельностью Сталина. До этого времени в исторических работах об этом периоде жизни партии его имя либо вовсе не упоминалось, либо называлось в перечне имён членов партийных комитетов или арестованных. В многочисленных воспоминаниях о революционной борьбе на Кавказе не содержалось никаких ука-

¹ Правда. 1990, 5 января.

² Троцкий имел в виду статью В. Швейцер "Товарищ Сталин в Туруханской ссылке" (Пролетарская революция. 1937. № 8, С. 161-164).

³ Троцкий Л. Д. Сталин. Т. II. С. 154.

заний на руководящую роль Сталина. Б. Суварин, выпустивший в 1935 году во Франции книгу о Сталине, обратил внимание на то, что в монографии старейшего грузинского большевика Махарадзе об истории закавказских большевистских организаций содержалось лишь одно упоминание имени Сталина¹. В этой связи как нельзя кстати оказалась "инициатива" Берии, сыгравшая решающую роль в его последующем возвышении.

Уже в 1932 году Берия вместе с Багировым открыли шумную пропагандистскую кампанию в связи с публикацией в журнале "Большевик" статьи Сталина "Письмо с Кавказа", написанной в 1902 году. В 1934 году Берия потребовал от закавказских историков показать "гигантскую роль" Сталина как "основоположника, организатора и руководителя большевистских организаций в Закавказье". О том, как выполнялась эта установка, свидетельствуют показания старого большевика Карапетяна, арестованного в 1935 году. На допросе Карапетян сообщил о своей беседе с грузинским историком В. Бибинейшвили, который рассказал, как "его заставили фальсифицировать историю партии, предложив переделать первоначально составленный им текст книги "Камо" и выпятить в новом тексте роль Сталина, хотя Сталин никакого участия в том движении не принимал. Вынужденный исполнить, как он сказал, предложение ЦК КП(б) Грузии, он книгу сдал в печать"². Исправленная под руководством партийных цензоров, книга Бибинейшвили достигла заданной цели: в ней, как писал с умилением М. Кольцов, описывалась "безграничная, почти детская любовь и преданность" Камо к своему "первому воспитателю" - Сталину³.

Новый этап фальсификаторской деятельности Берии начался после выхода в 1934 году третьего издания книги Енукидзе "Большевистские нелегальные типографии". В этом издании сохранились упоминания о многих исторических фактах, которые Сталин считал нужным задним числом "исправить": о совместной работе грузинских большевиков и меньшевиков в 1903-1907 годах, о том, что в эти годы руководителем Тифлисской социал-демократической организации был меньшевик С. Джигладзе, а Сталин состоял у него в помощниках и т. д. Под воздействием оказанного на него нажима Енукидзе был вынужден вступить в "Правде" с признанием своих "ошибок"⁴. Однако и в этой статье он не указывал на "ведущую роль" Сталина в закавказском рабочем движении начала века. Этот "пробел" взялся восполнить Берия, который, создав рабочую группу по подготовке книги о большевистских организациях Закавказья, дал ей установки, как именно следует возвеличивать Сталина. Главным плодом деятельности этой группы стал обширный доклад "К вопросу о создании большевистских организаций в Закавказье" - его автором Берия объявил себя. Во время суда над ним Берия признал, что в подготовке этой работы принимало участие около 20 человек. "Бедия (тогдашний директор филиала Института Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК КП(б) Грузии - В. Р.) и другие лица состави-

¹ Souvarine B. Staline.. Paris, 1935. P. 73.

² Вопросы истории КПСС. 1990. № 3. С. 107.

³ Кольцов М. Человек-легенда. - Правда. 1936. 16 ноября.

⁴ Енукидзе А. К вопросу об истории Закавказских организаций.- Правда. 1935. 16 января.

ли книгу, а я по ней сделал доклад. Затем эта книга была издана под моим авторством. Это я сделал неправильно. Но это факт, и я его признаю¹.

Впервые Берия зачитал доклад 21 июня 1935 года на собрании Тифлисского партийного актива. Чтение происходило на протяжении пяти часов в атмосфере восторженной истерии, бесчисленных оваций. Вслед за этим разделы доклада, один за другим, стали публиковаться в "Правде", а затем там же появилась передовая под названием "Вклад в историю большевизма", в которой доклад именовался "великолепным почином", "прекрасной инициативой" и т. д.². В сентябре 1935 года ЦК дал директиву всем партийным организациям: "Организовать изучение партийным активом, пропагандистами и партийцами доклада т. Берия... дающего новый богатейший материал о роли т. Сталина как вождя и теоретика нашей партии... В дальнейшем ведении занятий использовать доклад т. Берия, как обязательное пособие"³. Доклад был выпущен отдельной брошюрой, выдержавшей впоследствии девять изданий.

Как заявил Микоян в 1953 году на июльском пленуме ЦК, после смерти Сталина Берия сказал членам Политбюро, что "в этой брошюре имеется фальсификация, привел ряд фактов и статей, без доказательств приписанных Сталину; он считал, что это понравится Сталину. Вот эту брошюру Берия сделал трамплином для прыжка на вышку общепартийного руководства, что ему, к сожалению, удалось. Его брошюру стали прорабатывать во всех кружках. Он получил ореол теоретического работника и верного сталинца. Отсюда и дальнейшее - всё это помогло ему втереться в доверие Сталина. "Видишь, Берия молодец, подобрал материал, изучил, работал над собой, написал хорошую книгу", - говорил товарищ Сталин"⁴.

Исходным пунктом брошюры Берии было взято положение Сталина о том, что большевики, работавшие в России, "конечно, имели возможность принести больше пользы для революции, чем находившиеся за границей эмигранты"⁵. Поняв дальний прицел, который заключался в этом высказывании, Берия проводил "идею" о ведущей роли Сталина в руководстве революционным движением не только Закавказья, но и Российской империи в целом. В соответствии с этим в брошюре впервые был выдвинут тезис о двух центрах большевистского движения - в Петербурге, под руководством Ленина, и в Закавказье, под руководством Сталина. В качестве равных по своему значению большевистских изданий в докладе назывались ленинская "Искра" и грузинская газета "Брдзола", представлявшая собой небольшой листок, который вышел всего четыре раза.

В докладе Берии содержалась разнузданная брань в адрес исторических работ и воспоминаний Енукидзе, Орахелашвили, Махарадзе и других грузинских коммунистов. Вслед за появлением доклада поднялась новая волна "разоблачений" "троцкистских контрабандистов", к которым были отнесены все исследователи истории рабочего движения в Закавказье. Енукидзе, исключённый к

¹ Берия: конец карьеры. С. 309.

² Правда. 1935. 10 августа.

³ Вопросы истории КПСС. 1990. № 5. С. 115-116.

⁴ Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 151.

⁵ Сталин И. В. Соч. Т. 13. С. 121.

тому времени из партии, был лишён возможности публично ответить на новые обвинения в его адрес. Махарадзе выступил с покаянной статьёй, которая, по-видимому, помогла ему - единственному из бывших грузинских "национал-уклонистов" - не только избежать расправы, но и сохраниться на высоком посту вплоть до смерти в 1945 году. Орахелашвили - в то время заместитель директора ИМЭЛ - написал два письма Сталину, где протестовал против "злобно-пасквильянтской проработки". Сталин назвал первое из этих писем "неудовлетворительным", а на второе вовсе не ответил¹.

В июне 1936 года группа грузинских старых большевиков была обвинена в "дискредитации доклада тов. Берия", в "троцкистской клевете на этот исторический документ". "Они говорили, - отмечалось в постановлении по этому поводу партколлегии КПК Грузии, - о якобы преувеличенной роли тов. Сталина и о том, что доклад не отражал тех исторических фактов, которые имели место в работе большевиков Грузии и Закавказья"².

Воспоминания и "исследования" дополнялись публикацией фольклорных произведений, призванных показать "любовь" всех народов Советского Союза к Сталину. Естественно, что это фальсифицированное "народное творчество", стихи и песни сказителей, акынов и ашуггов отличались крайне низким художественным качеством. Прочитывая выдержку из сборника "Сталин в песнях народов СССР", Троцкий писал: "Надо прямо сказать: эта поэзия переходит в хрюканье"³.

Негласное требование выступить с произведением, восхвалявшим Сталина, предъявлялось к каждому профессиональному писателю, в первую очередь из числа тех, кто обладал репутацией талантливых мастеров, независимых или даже оппозиционно настроенных (в прошлом) по отношению к советскому режиму.

В начале 1936 года в "Известиях" было опубликовано стихотворение Б. Пастернака "Мне по душе стропивый нор...", написанное по просьбе Бухарина. В нём поэт подчёркивал слитность собственной "малости" и величия Сталина.

*А в те же дни на расстояньи
За древней каменной стеной
Живёт не человек - деянье,
Поступок ростом в шар земной,
Судьба дала ему уделом
Предшествоющего пробел.
Он - то, что снилось самым смелым,
Но до него никто не смел...
В собраньи сказок и реликвий,
Кремлём плывущих над Москвой,
Столетия так к нему привыкли,*

¹ Вопросы истории КПСС. 1990. № 3. С. 117.

² Там же. С. 106.

³ Троцкий Л. Д. Сталин. Т. II. С. 155.

*Как к бою башни часовой.
И этим гением поступка
Так поглощён другой поэт,
Что тяжелеет, словно губка,
Любою из его примет.
Как в этой двухголосной фуге
Он сам ни бесконечно мал,
Он верит в знанье друг о друге
Предельно крайних двух начал¹.*

Касаясь причин появления этого стихотворения, поэт вспоминал: "Бухарину хотелось, чтобы такая вещь была написана, стихотворение было радостно для него". Создание этого произведения Пастернак называл своей "искренней, одной из сильнейших (последней в тот период) попыткой жить думами времени и ему в тон"².

Михаил Булгаков с 1935 года обдумывал замысел историко-биографической пьесы о Сталине. Сталинская тема, по-видимому, волновала писателя с 1930 года, когда состоялся его единственный телефонный разговор со Сталиным, который последний, по словам Булгакова, провёл "сильно, ясно, государственно и элегантно". В 1931 году в письме к Вересаеву Булгаков подчёркивал, что "в отношении к генеральному секретарю возможно только одно - правда и серьёзная"³.

В начале 1936 года Булгаков сказал директору МХАТа, что "единственная тема, которая его интересует для пьесы, это тема о Сталине"⁴. В 1938 году друзья писателя из Художественного театра напомнили ему об этих словах и посоветовали приступить к работе над пьесой с тем, чтобы она была поставлена к 60-летию Сталина.

Избрав сюжетом пьесы деятельность Сталина в Батуме, Булгаков тщательно проштудировал книгу "Батумская демонстрация 1902 года", вышедшую в марте 1937 года с предисловием Берии. В июле 1939 года пьеса "Батум" была представлена в МХАТ, а спустя три недели после этого писатель вместе с постановочной группой выехал в Грузию для изучения материалов на месте. Однако уже в первые часы дороги бригаду нагнала телеграмма, предписывающая ей вернуться в Москву. Вскоре в МХАТ поступило из секретариата Сталина указание (не сопровождавшееся какими-либо разъяснениями) о прекращении работы над спектаклем. По свидетельству Е. С. Булгаковой, во время посещения МХАТа в октябре 1939 года Сталин сказал Немировичу-Данченко, что пьеса хорошая, но ставить её не следует⁵.

Этот факт, представляющийся загадочным для биографов Булгакова, объясняется, на мой взгляд, тем, что Сталин, тщательно следивший за всеми публикациями Троцкого, хорошо знал, как язвительно последний комментирует появление художественных произведений, основанных на фальсифицирован-

¹ Известия. 1936. 7 января.

² Пастернак Б. Собр. соч. в пяти томах. Т. 2. М., 1989. С. 620.

³ Булгаков М. А. Собр. соч. в пяти томах. Т. 3. М., 1990. С. 693.

⁴ Там же. С. 690.

⁵ Там же. С. 694.

ных исторических источниках. Так, в июльском номере "Бюллетеня оппозиции" за 1939 год была помещена статья Троцкого о советском искусстве, в которой, в частности, говорилось: "27 апреля 1938 года правительственный офицюз "Известия" напечатал снимок с новой картины, изображающей Сталина как инициатора тифлисской забастовки в марте 1902 года. Но, как видно из давно опубликованных документов, Сталин сидел в это время в тюрьме, притом не в Тифлисе, а в Батуме. На этот раз ложь слишком уж била в глаза! "Известиям" пришлось на другой день извиниться за печальное недоразумение. Что случилось с злополучной картиной, оплаченной из государственных средств, неизвестно"¹.

Понятно, что Сталин, знавший истинную цену источникам, использованным Булгаковым, не мог не испытывать беспокойства по поводу комментариев, которыми Троцкий непременно откликнулся бы на пьесу о юных подвигах вождя, поставленную в лучшем театре страны.

Нелишне отметить, что Троцкий в то же время, что и Булгаков, осмысливал источники, которые легли в основу пьесы "Батум". Сопоставляя в книге "Сталин" сборник о батумской демонстрации и другие продукты "тоталитарной историографии"² с более надёжными историческими источниками, Троцкий приходил к следующим выводам: версия об исключении Сталина из семинарии за руководство социал-демократическими кружками весьма сомнительна; "воспоминания" о Сталине как непосредственном руководителе и вожаке батумской демонстрации опровергаются материалами процесса над участниками демонстрации, на котором имя Сталина не было названо ни одним из десятков подсудимых и свидетелей; "ритуальные гиперболы" об "огромной" работе Сталина в Батуме не подкреплены никакими документами; в 1903 году Сталин был по приказу Петербургского "Особого совещания" выслан в Сибирь в числе 16 политических преступников, чьи имена "в списке расположены, как всегда, в порядке значительности или преступности... Иосиф Джугашвили занимает в списке одиннадцатое место. Жандармские власти ещё не относили его к числу значительных революционеров"³. (в пьесе Булгакова специальная сцена посвящена обсуждению царём и министром внутренних дел вопроса о высылке Сталина как особо опасного государственного преступника).

Можно полагать, что опасением по поводу разоблачения Троцким фальсификаторских ляпсусов объяснялся неизменный отказ Сталина на предложения многочисленных угодников о написании его биографии. Заявляя, что для этого "ещё не пришло время", Сталин вынашивал мысль о том, что такая биография будет написана Горьким, на которого в этом плане оказывалось сильное давление. "Дорогой Алексей Максимович, - писал в январе 1932 года директор ОГИЗа А. Б. Халатов, - ...Материалы для биографии И. В. мы Вам послали, напишите мне - не нужны ли Вам какие-либо ещё материалы, и когда Вы думаете нам её дать"⁴. По словам А. Орлова, мысль о написании такой книги усиленно внушали Горькому часто посещавшие его Ягода и другие деятели

¹ Бюллетень оппозиции. 1939. № 77-78. С. 6-7.

² Троцкий Л. Д. Сталин. Т. I. С. 45.

³ Там же. С. 65.

⁴ Архив А. М. Горького. Т. X. Кн. I. М., 1964. С. 264.

ОГПУ¹. Однако в архиве Горького не осталось никаких свидетельств того, что он собирался приступить к работе над книгой о Сталине.

Когда стало очевидным, что Горький не напишет биографию Сталина, на эту роль был избран Анри Барбюс. Прибывшему в СССР в сентябре 1934 года французскому писателю были предоставлены обширные материалы для создания книги. Выпущенная в 1935 году огромным тиражом книга Барбюса "Сталин. Человек, через которого раскрывается новый мир" больше никогда в Советском Союзе не издавалась. Причиной тому послужили содержащиеся в ней многочисленные ссылки на свидетельства людей, вскоре ставших жертвами сталинского террора: Енукидзе (его Барбюс называл "одним из людей, выковывавших на Кавказе революционную организацию"²), Орахелашвили, Радека, Бела Куна, Гринько, Пятницкого и других.

Уже первые страницы книги Барбюса были заполнены утверждениями о том, что Сталин - "центр, сердце всего того, что лучами расходится от Москвы по всему миру", и "следуя по путям его жизни, мы соприкасаемся с ещё не опубликованными главами библии человечества". С особым умилением Барбюс писал о "расклеенном на всех стенах плакате с огромными находящими друг на друга профилями двух умерших и одного живого: Маркс, Ленин, Сталин"³.

Повторяя одну из ключевых формул сталинистской пропаганды "Сталин - это Ленин сегодня", Барбюс далее давал понять читателю, что Сталин далеко затмил своими заслугами Ленина. Утверждая, что "ни один революционер в истории так не обогатил практически революцию и не сделал так мало ошибок, как Сталин", писатель объяснял недостаточное распространение этой "истины" тем, что Сталин сознательно умаляет свои заслуги в пользу Ленина. "Любопытно отметить, что Сталин, говоря об осуществлённых под его руководством работах, всегда относит все достижения на счёт Ленина, тогда как значительная их часть принадлежит в действительности ему самому"⁴.

Изображая Сталина признанным героем уже с юных лет, Барбюс приводил слова, якобы сказанные в начале века кавказским стариком-крестьянином, в доме которого размещалась подпольная типография. Этот старик, по словам Барбюса, обращался к двадцатилетнему Сталину таким образом: "Я хочу сказать о тебе нечто такое, что не все знают. Ты - ...герой героев. Ты рожден громом и молнией. Ты ловок и мудр, у тебя великое сердце"⁵.

На заключительных страницах книги Барбюс утверждал, что "не было такого года, начиная с 1917, когда он (Сталин) не совершил бы таких деяний, которые прославили бы его навсегда". В объяснении причин культа Сталина писатель поднимался до мессианских мотивов: "В новой России - подлинный культ Сталина, но этот культ основан на доверии масс и берёт свои истоки в низах. Человек, чей профиль изображён на красных плакатах - рядом с Карлом Марксом и Лениным, - это человек, который заботится обо всём и обо всех,

¹ Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. С. 264.

² Барбюс А. Сталин. Человек, через которого раскрывается новый мир. М., 1935. С. 8.

³ Там же. С. 3-4.

⁴ Там же. С. 109-110.

⁵ Там же. С. 12.

который создал то, что есть, и создает то, что будет. Он спас. Он спасет". Тем же мессианским духом была пронизана последняя фраза книги: "И кто бы вы ни были, лучшее в вашей судьбе находится в руках того... человека, который тоже бодрствует за всех и работает, - человека с головой учёного, с лицом рабочего, в одежде простого солдата"¹.

С удовлетворением наблюдая, какие масштабы приобретает его культ, Сталин в ряде случаев умерял чрезмерное усердие своих приспешников. Так, на письме Всесоюзного общества старых большевиков, в котором предлагалось провести пропагандистскую кампанию, посвящённую его 55-летию, он наложил резолюцию: "Я против, так как подобные начинания ведут к усилению "культа личностей", что вредно и несовместимо с духом нашей партии"².

Любопытные свидетельства об идеологических манипуляциях Сталина и направляемой им пропагандистской машины содержатся в воспоминаниях Л. Треппера, которому доводилось в середине 30-х годов присутствовать на еженедельных совещаниях работников центральных газет в ЦК партии. На одном из этих совещаний заведующий отделом печати ЦК Стецкий заявил, что должен ознакомить журналистов с "личным заявлением товарища Сталина": "Товарищ Сталин очень недоволен культом, который поддерживается вокруг его личности. Каждая статья начинается и оканчивается цитатой из него. Однако товарищ Сталин не любит этого. Больше того, он распорядился проверить полные славословий коллективные письма, подписанные десятками тысяч граждан и попадающие в редакции газет, и выяснил, что эти материалы пишутся по инициативе партийных органов, которые устанавливают для каждого предприятия, для каждого района своего рода норму. Я уполномочен вам сказать, что товарищ Сталин не одобряет подобных методов и просит покончить с этим".

Треппер поспешил рассказать об этом сообщении главному редактору своей газеты. Тот, будучи достаточно искушённым в поведении Сталина и его окружения, заявил, что такая установка будет действовать не более нескольких недель.

Действительно, спустя три недели на очередном совещании Стецкий сообщил тем же журналистам: "Политбюро хорошо понимает искреннее желание товарища Сталина не поддерживать культ вокруг его личности, но оно не одобряет подобную сдержанность. В трудные минуты, которые мы переживаем, товарищ Сталин прочно удерживает в своих руках кормило; его следует поблагодарить и поздравить за то, как он преодолевает трудности на своём посту. Печать должна делать всё возможное, чтобы регулярно подчёркивать роль товарища Сталина"³.

Наиболее дальновидные сталинисты, стремясь завоевать и закрепить устойчивое расположение вождя, целенаправленно инсценировали "всемирную любовь" к нему, которая в действительности отнюдь не представляла спонтанного выражения народных чувств. О механизме формирования культа Сталина, принявшего особенно истерические формы после убийства Кирова,

¹ Там же. С. 111.

² Вопросы истории КПСС. 1990. № 3. С. 104.

³ Треппер Л. Большая игра. С. 63-64.

содержатся выразительные свидетельства в воспоминаниях А. Авдеенко. Вчерашний рабочий, ставший одним из призёров кампании по "призыву ударников в литературу", Авдеенко был избран делегатом Всесоюзного съезда Советов. За день до съезда он был вызван к редактору "Правды" Мехлису. С удовлетворением сообщив, что одна из недавних речей Авдеенко имела большой политический резонанс и была перепечатана почти всеми коммунистическими газетами мира, Мехлис далее, к ужасу писателя, заявил: эта речь "была бы ещё лучше, если бы вы не разъединили Советскую власть и Сталина". Прочитав слова из этой речи: "Я счастлив, смел, дерзок, силен, любопытен, люблю всё красивое, здоровое, хорошее, правдивое - всё благодаря тебе, Советская власть", Мехлис пояснил: "Советская власть - это прежде всего Сталин. Именно его мы должны благодарить за всё, что делалось и делается в стране хорошего. А вы об этом ничего не сказали. Почему? Не ожидал, знаете!.. Кто же должен благодарить Сталина, как не вы, вышедший из самых низов, пролетарий, ставший писателем?! Не лично Сталину нужно ваше благодарственное слово, а стране, партии, народу. Нужно, как никогда ранее. Презренный наймит Николаев стрелял в Кирова, но он рассчитывал, что пуля поразит и величайший всенародный авторитет Сталина, его ум, волю и нашу любовь к вождю народов. Однако он просчитался! Теперь мы будем говорить о любви к вождю везде и всюду, с каждой трибуны... Ну, теперь согласны со мной, что ваша прекрасная речь имела существенный изъян?"¹.

Молодой автор немедленно сообразил, что от него требуется. Уже на следующий день после открытия съезда Советов "Правда" опубликовала под рубрикой "Заметки делегата" статью Авдеенко, в которой он "обстоятельно рассказал, какими бурными аплодисментами встретил съезд появление в президиуме товарища Сталина". "Мехлису очень понравилась моя работа", - вспоминает Авдеенко. А ещё через несколько дней Авдеенко выступил на съезде с речью "За что я аплодировал Сталину", которая заканчивалась словами: "Когда у меня родится сын, когда он научится говорить, то первое слово, которое он произнесёт, будет - Сталин".

В зале вспыхнула буря аплодисментов"².

Включение в текст любого публичного, печатного или устного выступления, безотносительно к его теме, восторженных упоминаний о Сталине стало обязательной нормой. В этом плане показателен следующий факт. Бухарину во время "партийного следствия" по его "делу" (когда он ещё находился на свободе) была предъявлена его записка бывшему "троцкисту" Сосновскому, в которой предлагалось вставить в статью последнего абзац о Сталине. Опровергая обвинение в том, что это предложение носило "специфически-маскировочный характер", Бухарин писал: "Я думал, что иначе умолчание о роли товарища Сталина будет среди всех сотрудников, да и во вне сочтено за какую-то полудемонстрацию: таковы были действительные нормы и сложившаяся практика, я менее всех был подходящим лицом, чтобы их ломать; наоборот, мне самому

¹ Авдеенко А. Наказание без преступления. С. 85-86.

² Там же. С. 86-87.

товарищи неоднократно вставляли соответствующие места, и я с этим соглашался¹.

Неверно было бы объяснять славословия и фальсификаторские акции сталинистов только желанием угодить патологическому тщеславию Сталина. В бюрократически-термидорианской системе культ "первого лица" выполнял важную политическую функцию. "Изучая внимательно и шаг за шагом постепенное преобразование биографии Сталина, как и всей партии, - писал Троцкий, - испытываешь впечатление, будто присутствуешь при формировании мифа. Коллективная ложь приобретает силу естественного исторического процесса. Новая каста привилегированных выскочек нуждается в собственной психологии. Личные притязания Сталина только потому встречаются поддержку и освещение в виде вымыслов, что они совпадают с притязанием правящей касты, которая нуждается в полубоге, как увенчании... В религии сталинизма Сталин занимает место бога со всеми его атрибутами"².

К этому можно добавить меткое наблюдение, принадлежащее Г. Федотову. Замечая, что "Сталин и есть "красный царь", каким не был Ленин", Федотов прибавлял, что при его самодержавном правлении отсутствие монархических титулов "возмещается личной лестью, возведённой в государственную систему". В обилии торжественных эпитетов, придуманных для возвеличивания "одного из самых серых и ординарных людей, выдвинутых ленинской партией", следует различать то, что можно отнести за счёт личного опьянения и одурения властью, и то, что диктуется "государственными соображениями". Сталин "понимает, что, сворачивая с ленинской дороги, его власть нуждается в новой, личной санкции. Сталин должен быть величайшим гением, чтобы иметь право не считаться с догматами Маркса и заветами Ленина"³.

Эти наблюдения дают ключ к пониманию того, почему, невзирая на критику "культа личности", после смерти Сталина в той или иной форме возродился культ "первого лица". И экономически безграмотные реформаторские импровизации Хрущёва, и неприятие каких бы то ни было реформ Брежневым, и обманная "перестройка" Горбачёва, и курс на капиталистическую реставрацию Ельцина представляли собой насилие над историческими законами во имя узкокорыстных интересов "касты привилегированных выскочек"^{4*} и поэтому нуждались не только в социальной демагогии, но и в "личной санкции". Сервильное идолопоклонничество находило выражение в выпуске фильма "Наш Никита Сергеевич", в апологетической кампании по поводу "подвигов" Брежнева на "Малой земле", в подобострастных панегириках, расточаемых Ч. Айтматовым или М. Ульяновым в адрес Горбачёва, наконец, в выражениях преданности Ельцину со стороны "демократической интеллигенции", вплоть до создания Э. Рязановым подобострастного шоу о "семье президента".

¹ Вопросы истории. 1992. № 2-3. С. 16.

² Троцкий Л. Д. Сталин. Т. II. С. 154-155.

³ Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Т. II. С. 91-92.

⁴ Разумеется, мера этого насилия была неодинаковой. Так, многие начинания Хрущёва носили прогрессивный характер и даже угрожали интересам привилегированной касты. Политика же последующих "лидеров" прокладывала дорогу оформлению "предкапиталистического" слоя, формировавшегося путём сращивания правящей бюрократии с главарями теневой экономики, а затем - превращению этого слоя в класс компрадорской буржуазии.

В отличие от последующих лет, когда внимание угодников сосредоточивалось исключительно на фигуре "вождя", культовая атмосфера середины 30-х годов выражалась не только в "главном культе", но и в "малых культах" членов Политбюро и руководителей местных партийных организаций. Посильную лепту в создание этих культов вносило искусство. В живописи особенно повезло "первому маршалу" Ворошилову, чьи портреты были созданы многими известными художниками. В литературе, помимо Ворошилова, чьё имя прославлялось в множестве песен, занял своё место и Каганович. В 1936 году Андрей Платонов опубликовал рассказ "Бессмертие", центральной темой которого он избрал заботу "железного наркома" о подчинённых. Главное место в рассказе занимал ночной телефонный разговор между Кагановичем и начальником дальней станции "Красный перегон" Левиным.

"Левин велел уйти всем, закрыл дверь и снял трубку. - Я ДС Красный Перегон. Слушаю.

- А я Каганович. Здравствуйте, товарищ Левин. Вы почему так скоро подошли к аппарату? Когда вы успели одеться? Вы что, не спали?

- Нет, Лазарь Моисеевич, я только пошел спать.

- Пошли только! Люди ложатся спать вечером, а не утром. Слушайте, Эмануил Семенович, если вы искалечите себя в Перегоне, я возьму, как за порчу тысячи паровозов. Я проверю, когда вы спите, но не делайте из меня вашу няньку...

Далёкий, густой и добрый голос умолк на время. Левин стоял безмолвный; он давно любил своего московского собеседника, но никогда никоим образом не мог высказать ему своё чувство непосредственно: все способы были бестактны и неделикатны.

- В Москве сейчас тоже, наверное, ночь, Лазарь Моисеевич, - тихо произнес Левин. - Там тоже не с утра люди спать ложатся.

Каганович понял и засмеялся... Левин сообщил, как работает станция. Нарком спросил, чем ему надо помочь. Левин не знал вначале, что сказать.

- Вы уже помогли мне, Лазарь Моисеевич. Я теперь передумую сам себя заново... - Меня зима тревожит, товарищ Левин, - медленно сказал Каганович. - Она ещё долго будет идти.

Левин вздрогнул. Интонация раздумья, человечности, тревоги истинной героической души была в этих словах, сказанных точно про себя. Левин выждал время и ответил:

- Ничего, Лазарь Моисеевич... Мы будем работать, зима пройдёт¹.

По стране прокатывалась эпидемия переименования городов, улиц и т. д. не только в честь Сталина, но и в честь других центральных и местных "вождей". Популярность руководителя стала измеряться тем, сколько заводов, колхозов, институтов и т. д. названо его именем. Так, в Узбекистане имя первого секретаря республиканского ЦК Акмаля Икрамова было присвоено десяткам улиц, заводов, колхозов, школ, дворцу пионеров, главному стадиону республики и одному из городов, который стал именоваться Акмальбадом. Аналогичные культы были созданы на Украине, где газеты пестрели привет-

¹ Литературный критик. 1936. № 8. С. 125.

ствиями и славословиями в адрес секретарей республиканского ЦК Косиора и Постышева, которые по числу переименованных в их честь объектов вполне могли сравниться с узбекским руководителем.

Сталинские ставленники на местах не только воспринимали как должное безудержную лесть, но и вступали в негласное соревнование по части насаждения собственных культов, не гнушаясь для этого любыми средствами. Когда в 1933 году Татарская АССР была награждена орденом Ленина, демонстранты носили с песнями по Казани портреты "первого бригадира Татарстана", как стали называть секретаря Татарского обкома Разумова; на республиканской сельскохозяйственной выставке красовались его портреты, изготовленные из различных злаков. В 1936 году секретарь Харьковского обкома Демченко приказал вывесить в дни Первомайских праздников на фасадах учреждений и жилых домов свои многочисленные портреты, распорядившись отпечатать их на бумаге, предназначенной для школьных учебников.

Поощряя вплоть до наступления "большого террора" создание подобных "культов", Сталин с их помощью пестовал когорту перерожденцев, готовых не останавливаться ни перед чем ради сохранения и упрочения собственной власти, "славы" и привилегий. Впервые критика абсурдных форм, которые принимали культовые настроения на местах, прозвучала на февральско-мартовском пленуме ЦК (1937 год), давшем сигнал к расправе над партийными кадрами. Здесь, в частности, приводился типичный пример "трескотни", звучавшей на партийных конференциях в адрес местных "вождей". Один из выступавших на таганрогской партийной конференции назвал доклад секретаря горкома С. Х. Варданяна "поэмой пафоса социалистического строительства, поэмой величайших побед рабочих и трудящихся Таганрога. На фоне этих исторических побед ярко вырисовывается конкретное ленинское руководство нашего горкома и на фоне этом ещё ярче вырисовывается фигура Степана Христофоровича"¹.

Когда подавляющее большинство прославленных подобным образом местных "вождей" были объявлены "врагами народа", культ Сталина принял исключительный характер. Вспоминая об атмосфере официальной Москвы в разгар большого террора, И. Эренбург подчёркивал, что "к началу 1938 года правильнее применить просто слово "культ" в его первичном, религиозном значении. В представлении миллионов людей Сталин превратился в мифического полубога; все с трепетом повторяли его имя, верили, что он один может спасти Советское государство от нашествия и распада"².

Разумеется, слово "все" в данном контексте является явным преувеличением. Подобное восприятие Сталина было характерно прежде всего для "знатных людей из народа", вокруг которых тоже создавалась атмосфера "малых культов". Именно в эти годы были учреждены несколько новых орденов, звания Героя Советского Союза и Героя Социалистического труда, лауреатов Сталинских премий. Проклятия в адрес низвергнутых вчерашних кумиров чередовались с безудержным прославлением рекорсменов-лётчиков, полярников, музыкантов и спортсменов, одержавших победы на международных конкурсах и

¹ Вопросы истории. 1993. № 7. С. 10.

² Эренбург И. Собр. соч. Т. 9. С. 189.

состязаниях. Окружённые ореолом славы, орденосцы и лауреаты в свою очередь не уставали возносить хвалу Сталину, "вырастившему" их.

XLII

Социальная опора сталинистского режима

Сами словосочетания "знатный комбайнер", "знатный строитель", "знатный сталевар" и т. п. наталкивали на воспоминания о "знати" феодальных времён. Данное совпадение имело далеко не случайный терминологический смысл. В прославлении "знатных людей" находил идеологическое оформление процесс перемещения социальной опоры власти.

Характеризуя этот процесс, Г. Федотов справедливо отмечал, что в годы первой пятилетки такой опорой была коммунистически настроенная молодёжь, "всё, что было в России юного, наивно-жизнерадостного, героического, сохранившего веру в социальное знамя... Глубоко было её разочарование к исходу пятилетки, несмотря на цифры технических достижений. В результате стройки Россия оказалась обнищавшей и разорённой¹. Особенно оскорбительным для социалистического сознания был тот очевидный факт, что "режим каторги вне лагерей всего полнее осуществляется для трудящейся бедноты города и деревни. Колхозник и чернорабочий всего более придавлены государством рабочих и крестьян"². В этих условиях власть стала формировать свою новую социальную базу в лице рабочей и колхозной аристократии - стахановцев и активистов.

Если ранее к привилегированным слоям относились "сливки партийцев, испытанных своей беспринципностью, чекисты, командиры Красной Армии, лучшие инженеры, техники, учёные и художники страны", то целью стахановского движения стало "вовлечь в эту новую аристократию верхи рабочей и крестьянской массы, расслоить её, соблазнить наиболее энергичных и сильных высокими окладами и поставить их на недостижимую высоту над их товарищами. Сталин ощупью, инстинктивно повторяет ставку Столыпина на сильных". "Социалистические" стимулы конкуренции, аналогичные буржуазной прибыли, он находит в чудовищно дифференцированной шкале вознаграждений, в бытовом неравенстве, орденах и, наконец, в элементах новой сословности. "Слово "знатные люди" само по себе уже целая сословная программа. Но создание "знатного" сословия не только экономическая необходимость. В ещё большей степени, быть может, это необходимость политическая. Править огромной, сведённой к ничтожеству человеческой массой - и притом ненавидящей власть, - невозможно, не внося классового разделения в эту массу"³.

Социологическая проницательность Федотова проявилась и в том, что при описании социальных изменений в советском обществе он выделял ещё одну категорию, служившую в известном смысле опорой сталинского режима. Выходя за рамки описания социально-имущественного расслоения общества, Федотов обращался к анализу его "психологически-бытового расслоения". Изучение этого среза социальной структуры позволяло увидеть, наряду с людьми

¹ Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Т. II. С. 93-94.

² Там же. С. 112.

³ Там же. С. 94-95.

идеи ту часть населения, которая была безразлична к идейной и нравственной стороне жизни и представляла собой "болото", состоявшее из людей обывательского склада. Эта "аморфная нейтральная среда", "вялая, рыхлая масса", мастерски описанная в произведениях Зощенко, "изворачивается в нелёгкой борьбе за жизнь и хочет кое-как скрасить своё существование. Таких, вероятно, большинство"¹.

Если большевики-ленинцы стремились поднять этот социально-психологический слой до сознательной политической жизни, то Сталин видел в нём своего рода социальный резервуар, из которого он вербовал "новобранцев 1937 года", пришедших на смену нескольким поколениям большевиков. Представители этого слоя, готовые и способные приспособливаться к любому социальному порядку, с чувством известного удовлетворения наблюдали репрессии, обрушивавшиеся своим остриём на остатки ленинской партии, и в конечном счёте извлекали из них карьерные и имущественные выгоды.

Разумеется, наряду с преуспевающими приспособленцами и карьеристами, в стране было и немало людей, обманутых официальной пропагандой, тех, кто, веря сталинским подлогам, вместе с тем сохранял субъективную приверженность коммунистическим идеям (накал возмущения "предательством" старых большевиков во многом объяснялся характером инкриминируемых им преступлений: ведь они обвинялись в особенно нетерпимой для тогдашнего массового сознания измене делу социализма).

Нравственная атмосфера общества во многом по-прежнему определялась деятельностью честных и идейных людей, видящих смысл своей жизни в служении делу Октябрьской революции. Образы таких бескорыстных подвижников ярко раскрыты как в лучших произведениях литературы 30-х годов, так и в более поздних произведениях, освещавших те стороны советской действительности, которые замалчивались в годы сталинизма (романы "Не хлебом единым" В. Дудинцева и "Жизнь и судьба" В. Гроссмана, повесть "Новое назначение" А. Бека и др.).

В статьях 30-х годов Г. Федотов напряжённо пытался "примирить непримиримое", то есть согласовать противоположные, контрастные стороны советской жизни тех лет. Он подчёркивал, что, несмотря на охлаждение социального энтузиазма, от советской молодёжи "веет здоровьем и силой, и притом не злой, а сдержанной, скорее скромной, хотя и уверенной в себе силой"². Федотов решительно не соглашался с теми, кто считал, будто отлив эмиграции безнадежно понизил культурный уровень страны. Он подчёркивал, что из народной среды выделилась новая, огромная по численности интеллигенция. "Сколько талантов родит русская земля во всех областях творчества... Это ново и поистине удивительно. К русской одарённости мы привыкли. Но мы знаем так же хорошо и русский анархизм, неохоту и нелюбовь к социальной и трудовой дисциплине. Новое поколение преодолело эту распущенность, наследие мягкого русского барства. Конец обломовщине!"³.

¹ Там же. С. 115.

² Там же. С. 110.

³ Там же. С. 108.

Немалая часть этого поколения с искренней убеждённо­стью повторяла слова самой популярной в стране песни: "Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек!" Оптимистический настрой многих советских фильмов, мажорная тональ­ность мелодий Дунаевского отражали мироощуще­ние, реально жившее в умах и сердцах миллионов советских людей.

Пользуясь односторонними определениями, будь они со знаком плюс или минус, нельзя ничего понять в том чрезвычайно сложном и противоречивом феномене, который представляли советская действительность середины 30-х годов и её восприятие людьми того времени. Честные воспоминания людей, вступивших тогда в сознательную жизнь, рисуют нам контрастную социальную и психологическую картину, не исчерпывающуюся ни бездумным ликованием, ни испепеляющим страхом, подозрительностью и наущничеством. "Эпоха, на которую пришлось моё детство, - писал А. Д. Сахаров, - была трагической, жестокой, страшной. Но было бы неправильно ограничиться только этим. Это было время также особого массового умонастроения, возникшего из взаимодействия ещё не остывших революционного энтузиазма и надежд, фанатизма, тотальной пропаганды, реальных огромных социальных и психологических изменений в обществе, массового исхода людей из деревни - и, конечно, голода, злобы, зависти, страха, невежества, эрозии нравственных критериев после многих лет войны, зверств, убийств, насилия"¹.

Это причудливое взаимодействие противоположных начал накладывало отпечаток на сознание и поведение не только рядового человека тех лет, но и людей, наиболее искушённых в политике, - старых большевиков, над которыми всё неотвратимей нависал меч сталинского террора.

¹ Знамя. 1988. № 10. С. 17.

XLIII

Капитулянты - старые и новые

Хотя множество бывших оппозиционеров после убийства Кирова оказались в ссылках, тюрьмах и лагерях, их значительная часть вплоть до конца 1936 года оставалась на свободе, а многие покаявшиеся лидеры прежних оппозиционных группировок продолжали занимать ответственные посты.

Говоря о судьбе капитулянтов, Троцкий дифференцировал их на две основные группы. Первая состояла из тех, чья капитуляция не была искренней и кто после вынужденных покаяний продолжал оппозиционную деятельность, теперь уже в подполье. Другая часть капитулянтов, приходившая к выводу, что другого руководства, кроме сталинского, нет, каялась искренне и обещала Сталину верную службу без всякой задней мысли. Такие люди, "конечно, не могли заставить себя верить, что Сталин - отец народов и пр. ...они, хотя и с горьким чувством, жертвовали своей личностью, своим достоинством во имя политической цели, которую они ставили выше всего". Тем не менее Сталин не верил им, потому что вообще не был "способен верить в бескорыстные мотивы, самоотвержение, которое ставит политическую цель выше личного честолюбия и даже личного достоинства". Он ненавидел своих покаявшихся противников двойной ненавистью, так как "знал, что они не считают его великим человеком, а только человеком, занимающим великое место"¹.

Этот личный мотив, всегда игравший важную роль в политической психологии Сталина, усиливался по мере того, как нарастало его обоготворение, "Шла перестройка его биографии, ему приписывались черты, которых он не имел, качества, которыми он не располагал, подвиги, которых он не совершал. Между тем, среди оппозиционеров и вполне искренне раскаявшихся были сотни и тысячи людей, которые с ним близко соприкасались, которые знали его прошлое, которые разделяли с ним тюрьмы и которых нельзя было обмануть, хотя бы они и делали всё от них зависящее, чтобы быть обманутыми. По мере того, как в пропаганде, в печати, в школах поднималась волна отвратительного византийства, Сталин никак не мог терпеть на ответственных административных постах людей, которые знали правду и которые сознательно говорили ложь в качестве доказательства своей верности вождю. К преданным, но знающим прошлое, Сталин относился, пожалуй, с большей враждою, с большей неприязнью, чем к открытым врагам"².

Эти наблюдения Троцкого подтверждаются обнаруженными в личной библиотеке Сталина его пометками на книгах. Так, читая "Курс русской истории", Сталин подчеркнул следующее место: "Чингисхан перебил много людей, говоря: "Смерть побеждённых нужна для спокойствия победителя"³.

В свою очередь бывшие лидеры оппозиций, в 20-е годы крайне критически оценивавшие интеллектуальные ресурсы и нравственные качества Сталина,

¹ Троцкий Л. Д. Сталин. Т. II. С. 263.

² Там же. С. 264.

³ Наше отечество. Т. II. С. 312.

едва ли могли проникнуться иллюзиями о его величии и правоте в 30-е годы, когда его зловещие личные качества приобрели гипертрофированное развитие, а проводимая им политика наносила всё больший ущерб делу социализма. Жёсткая альтернатива, поставленная перед ними Сталиным, - нечеловеческие условия существования в ссылках, тюрьмах и лагерях либо пребывание на второстепенных, но всё же ответственных постах, сопряжённых с бытовым комфортом и материальными привилегиями, - заставляла многих из них делать выбор в пользу безусловного конформизма и скрывать свои истинные мысли нередко даже от родных и друзей. Вместе с тем, конечно, материальное благополучие и призрачные атрибуты власти не могли затмить в их сознании трезвое видение и понимание того, что происходит в стране.

По мере усиления репрессий умножалось число недовольных и озлобленных насилием и несправедливостью. Знакомясь с агентурными сводками НКВД, сообщавшими о росте оппозиционных настроений, Сталин не мог воспринимать политическую ситуацию как вполне стабильную. Насаждая осадное положение в партии и стране, он сам в известном смысле чувствовал себя в осадном положении. "Несомненно, что с тех пор, как он оказался на вершине власти, им владеет неуверенность, ему вообще несвойственная, но всё усиливающаяся, - замечал Троцкий. - Он сам слишком хорошо знает своё прошлое, несоответствие между амбицией и личными ресурсами... и собственное его возвышение кажется ему, не может не представляться ему результатом не только собственных упорных усилий, но и какого-то странного случая, почти исторической лотереи. Сама необходимость в этих гиперболических похвалах, в постоянном нагромождении лести есть безошибочный признак неуверенности в себе. В повседневной жизни в течение лет он мерил себя в соприкосновении с другими людьми, он не мог не чувствовать их перевеса над собой во многих отношениях, а иногда и во всех. Та лёгкость, с какой он справился со своими противниками, могла в течение известного короткого периода создать у него преувеличенное представление о собственной силе, но в конце концов должна была при встрече с новыми затруднениями казаться ему необъяснимой и загадочной"¹.

В ещё большей степени загадочным должно было представляться возвышение Сталина старым большевикам. Всевластие Сталина противоречило традиционным марксистским представлениям об исторической закономерности и роли личности в истории. Веберовская теория харизмы - выбрасывания на поверхность политической жизни вождей, наделяемых их приверженцами атрибутами непогрешимости и исключительности, в большевистской среде была мало известна^{2*}. Явления "вождизма", "фюрерства" казались даже наиболее образованным и дальновидным большевикам естественными лишь для фашистских форм капиталистического строя. Захват Сталиным всей полноты власти не мог не представляться им трагической случайностью, жестокой ошибкой истории, которая должна быть исправлена.

¹ Троцкий Л. Д. Сталин. Т. II. С. 201-202.

² Из большевистских теоретиков идеям М. Вебера уделял серьёзное внимание только Бухарин, который ещё в конце 20-х годов приводил в "Правде" высказывания этого выдающегося социолога и историка о бюрократии и харизматических лидерах.

Обожествление Сталина было для старых большевиков внутренне нетерпимым не только потому, что культ личности противоречил партийным традициям, марксистскому мировоззрению и был насильственно навязан партии. Эти люди, хорошо знавшие Сталина, не могли искренне признать его духовное превосходство. Несмотря на трагическое положение, в котором находились в 30-е годы участники левой оппозиции, в их письмах из СССР, публиковавшихся в "Бюллетене оппозиции", постоянно ощущается не только ненависть и презрение, но и саркастическая ирония по отношению к Сталину. Так же воспринимался Сталин и в среде "правых" (об этом свидетельствуют, в частности, воспоминания А. Авторханова).

"На лицах всех представителей старого поколения большевиков, - писал Троцкий, - он (Сталин) видел или чувствовал ироническую улыбку. Здесь - одна из причин его ненависти к старой большевистской гвардии. Он живёт с опасением, не появится ли какой-либо новый, неожиданный комплекс обстоятельств со знаком минус, который сбросит его вниз"¹.

Если для Сталина возможность возникновения такого комплекса обстоятельств была источником неизменного страха, к концу его жизни переросшего в манию преследования и паранойю, то для большинства деятелей старой партийной гвардии эта историческая возможность служила постоянным источником надежды.

Для политического оформления и объединения оппозиционных сил, способных свергнуть Сталина, необходимы были лидеры, которые могли быть только в среде большевиков - соратников Ленина. Наиболее видные из них (Зиновьев и Каменев, затем Бухарин, Рыков и Томский) в период борьбы с "троцкизмом" блокировались со Сталиным и по существу расчистили ему дорогу к власти. Выступив впоследствии против Сталина, они подпали под зубья бюрократическо-репрессивной машины преследований и идеологической машины фальсификаций, в создании которых сами принимали активное участие. Всё большее унижение, которому Сталин подвергал этих людей, превосходивших его в культуре и интеллекте, но уступавших в воле и мастерстве политической интриги, призвано было служить подтверждением его исторического превосходства. Однако, пока лидеры "зиновьевцев" оставались в живых, а лидеры "бухаринцев" - даже на свободе, сохранялась возможность воссоздания состава ленинского Политбюро, к чему стремились участники подпольных оппозиционных группировок 30-х годов.

Ещё большую опасность представляло для Сталина сохранение в стране множества открытых (хотя и находящихся в тюрьмах и лагерях) и скрытых приверженцев Троцкого, которые не теряли надежды на его возвращение в СССР. "Послекировские" процессы не достигли своей главной цели - обвинения Троцкого и троцкистов в терроризме и сотрудничестве с иностранными разведывательными службами. Даже в закрытом письме ЦК от 18 января 1935 года "самой предательской и презренной" фракционной группой, единственной, которая "сочла возможной прибегнуть к террору, как методу борьбы про-

¹ Там же. С. 202.

тив партии и её руководства", была объявлена не троцкистская, а зиновьевская группа¹.

Поэтому Сталин продолжал вести коварную игру с бывшими лидерами "троцкистской" оппозиции, включавшую вымогательство капитулянтских заявлений от тех, кто на протяжении многих лет отказывался "разоружиться". В 1934 году такие заявления были впервые получены от Сосновского и Раковского. Особенно большое значение имела капитуляция Раковского, которого Троцкий и его приверженцы считали лидером левой оппозиции в СССР. В заявлении, направленном в ЦК ВКП(б), Раковский писал, что к переоценке своего поведения его побудили победа фашизма в Германии, "непрерывный рост международной реакции, направленной в конечном счёте против завоеваний Октябрьской революции и против социалистического строительства в СССР". Раковский повторял обязательные ритуальные формулы о полной и безусловной поддержке генеральной линии и бесповоротном разрыве с троцкистской оппозицией, которая "от мелкобуржуазного уклона внутри коммунистической партии, падая по наклонной плоскости приспособленчества и оппортунизма, превратилась в разновидность социал-демократии и, наконец, очутилась фактически в лагере контрреволюции"². После подачи этого заявления и двухмесячного пребывания на лечении и курорте Раковский был назначен начальником Управления учебными заведениями Наркомздрава РСФСР, а ещё через полгода восстановлен в партии.

Поступок Раковского оказал деморализующее влияние на многих советских оппозиционеров. Н. А. Иоффе вспоминает, что она долгие годы упорно отказывалась от подачи заявления о разрыве с оппозицией, хотя только при этом условии ей разрешалось возвратиться в Москву. Её родные и друзья настойчиво советовали пойти на это "небольшое условие", выдвигая в качестве основного аргумента пример отречения большинства оппозиционных лидеров. В ответ на такие уговоры она неизменно отвечала: "А Раковский?"

После сообщения о капитуляции Раковского Иоффе захотела встретиться с ним. В беседе, происходившей наедине, Раковский объяснил подлинные мотивы своего поступка. Он говорил, что "надо любыми путями вернуться в партию. Он считал, что в партии, несомненно, есть определённая прослойка, которая в душе разделяет наши взгляды, но не решается их высказать. И мы могли бы стать каким-то здравомыслящим ядром и что-то предпринять. А поодиночке, говорил он, нас передавят, как кур"³. На следующий день после этого разговора Иоффе подала просьбу присоединить её подпись к заявлению Раковского.

После капитуляции Раковского единственным "неразоружившимся" видным деятелем левой оппозиции остался Н. И. Муралов. Его брат, работавший ректором сельскохозяйственной академии, и его близкий друг и соратник по фронтам гражданской войны Р. И. Берзин на протяжении нескольких лет уговаривали Николая Ивановича подать заявление об отходе от оппозиции. Параллельно с этим шла "обработка" Муралова чекистами. 19 декабря 1934 года

¹ Реабилитация. С. 194.

² Правда. 1934. 18 апреля.

³ Иоффе Н. А. Время назад. С. 93.

он был вызван в НКВД, где его обвинили в стремлении совершить "контрреволюционный переворот". На это Муралов ответил, что если бы он хотел организовать военный переворот против правящей фракции, то сделал бы это в 1924 году, когда он возглавлял самый крупный в стране Московский военный округ¹.

Под влиянием уговоров и угроз Муралов 9 декабря 1935 года написал капитулянтское заявление в ЦК, а 1 января 1936 года - лично Сталину. Получив это заявление из рук Берзина, Сталин разослал его членам и кандидатам в члены Политбюро. Однако к тому времени игра с оппозиционерами вне застенков НКВД уже подходила к концу. Никакого решения по заявлению Муралова принято не было, а 17 апреля 1936 года он был арестован.

Таким образом, в отличие от сотен и тысяч несломленных рядовых оппозиционеров, томившихся с конца 20-х годов в ссылках и лагерях за отказ отречься от своих убеждений, все бывшие лидеры левой оппозиции прошли через ритуал постыдных отречений.

В игре с "разоружившимися" оппозиционерами, которые оставались на ответственных постах (но только не в партийном аппарате, куда стекались все нити управления страной), немалую роль играли лицемерная демонстрация Сталиным своего личного дружелюбия к ним и прямой материальный подкуп. Так, Г. Я. Сокольников в 1932 году был отозван с поста посла СССР в Англии и более полугодом не получал нового назначения. Однако затем Сталин назначил его заместителем наркома иностранных дел. При этом, как вспоминала Г. Серебрякова, Сталин, подчёркивая своё благосклонное отношение к Сокольникову, сказал, что препятствия на его пути чинились Кагановичем.

"Но я не дал тебя в обиду Лазарю. Он мстит тебе за 19-й год, когда ты ездил в Горький, где он правил вместе и заодно с меньшевиками, - доверительно поведал Сталин Гаре".

Вслед за этим Сталин заявил Ежову: "Николай Иванович, как могло случиться, что у Сокольникова нет дачи? Он заслужил от партии дачу. Надо позаботиться. Человек жизнь партии отдал, командармом был, денежную реформу провёл, нужный стране человек."

И началось строительство дачи. Каждый раз на заседании Политбюро Сталин не забывал спросить, как строится дача.

"Сокольников государственные деньги жалеет, надо отпустить ему на дачу сколько потребуется, - давал он указания Ежову"².

Все эти знаки сталинского внимания не лишили Сокольникова способности к трезвой оценке происходящего. Серебрякова вспоминала, что в начале 1936 года Сокольников сказал ей: "Если так будет продолжаться, Сталин соорудит столбовую дорогу капитализму". Примерно тогда же Сокольников высказал предположение, что Сталин развяжет внутрипартийный террор, в ходе которого будут "сотни тысяч, миллион невинных жертв, и, может быть, ими будут лучшие люди". Правда, в то время Сокольников считал, что такой террор ста-

¹ Николай Муралов. М., 1990. С. 189.

² Смерч. М., 1988. С. 242-243.

нет возможным лишь в случае войны, когда будет легче возродить атмосферу чрезвычайщины и бессудных расправ¹.

Осознание трагизма ситуации в стране и собственного положения ввергало некоторых бывших оппозиционных лидеров в состояние глубокой депрессии. Настроения подавленности и угнетённости были характерны, например, для Рыкова, который на вопрос жены, почему он не посещает заседания ЦК, ответил: "Не могу туда ездить. Мы теперь собираемся не дела решать, а бить себя кулаками в грудь, заверяя в верности Сталину"².

Рыков ощущал себя постоянной мишенью со стороны сталинцев. В. Кривицкий вспоминал, как во время пребывания в санатории для партийной элиты он был поражён тем, в каком одиночестве находился там Рыков. "Все старались держаться от него подальше. В осведомлённых кругах партии Рыков был уже политическим покойником". На организованном в санатории праздновании годовщины Октябрьской революции "бюрократы громко обменивались издевательскими замечаниями о Рыкове... Через некоторое время несколько стопроцентных сталинистов подошли к нему и начали насмехаться. Одним из них был секретарь парторганизации Донецкого угольного бассейна. Он хвастался Рыкову показателями добычи угля в своём регионе:

-Мы делаем большие дела, мы строим социализм. Долго вы и вам подобные будут продолжать будоражить партию?

Рыков не нашелся, что ответить на эту стереотипную фразу, часто повторяемую в Кремле... В зале было немало таких, кто хотел бы поговорить с Рыковым, но ни один не отважился. Их сразу же взяли бы на заметку как оппозиционеров"³.

Повседневно ощущая подобную враждебную атмосферу вокруг себя, Рыков зачастую не находил сил, чтобы скрывать своё угнетённое состояние. На одном из заседаний к нему подошел Ворошилов и осведомился, почему Рыков, всегда отличавшийся весёлостью и общительностью, теперь выглядит таким подавленным, не болен ли он. В ответ на этот вопрос Рыков разрыдался. Рассказав об этом эпизоде жене, он с горечью прибавил: "Как люди не понимают, что в обстановке недоверия, отчуждения, враждебности нельзя быть другим"⁴.

Данный разговор имел трагическое продолжение. О нём рассказал Ворошилов на февральско-мартовском пленуме ЦК (1937 год) при обсуждении дела Бухарина и Рыкова. "На заседании Политбюро Рыков стоял недалеко от стола председательствующего. Я подошел к нему. У него вид был очень плохой. Я спрашиваю: "Алексей Иванович, почему у вас такой вид плохой?"... Он вдруг ни с того, ни с сего, у него руки затряслись, начал рыдать навзрыд, как ребёнок... Я привлек Вячеслава Михайловича и стал с ним разговаривать. Он стал рыдать, трясется весь и рыдает. Тогда мы с Вячеславом Михайловичем рассказали Сталину, Кагановичу и другим товарищам этот случай, и все мы отнесли это к тому, что человек переработался, что с ним физически не всё благополучно". Вслед за этим рассказом Ворошилов заявил, что теперь по-иному рас-

¹ Там же. С. 238.

² Шелестов А. Время Алексея Рыкова. М., 1988. С. 285-286.

³ Кривицкий В. "Я был агентом Сталина". С. 213.

⁴ Шелестов А. Время Алексея Рыкова. С. 283.

ценивает поведение Рыкова: "Когда я, который ему руки не должен был подавать, проявил участие", Рыков разрыдался потому, что "носил на себе груз такой гнусный"¹.

Тяжесть положения бывших оппозиционеров, чувствовавших себя объектами постоянной слежки, усугублялась тем, что они добровольно лишали себя общения с бывшими товарищами - из-за боязни быть обвинёнными в продолжении групповой оппозиционной деятельности. В показаниях, данных вскоре после ареста в 1936 году, Преображенский писал: "После возвращения в партию (в начале 1934 года - В. Р.) я не хотел и фактически не встречался почти с бывшими троцкистами, кроме Радека. У меня был лишь узкий семейный кружок: я, жена П. Виноградская (которую я погубил) и С. Виноградская. Я вёл уединенную жизнь и всё время проводил дома и в Наркомате"².

В тех же случаях, когда капитулянтам приходилось встречаться в официальной обстановке, некоторые из них стремились прежде всего продемонстрировать "искренность" своего "разоружения". На февральско-мартовском пленуме Рыков рассказывал, как Радек, оказавшись с ним наедине на одном дипломатическом приёме, "всячески подчёркивал свою любовь и преданность и полное беспредельное согласие с Политбюро вообще и т. Сталиным в частности. Он хвастался своей необычайной близостью (со Сталиным - В. Р.) и всякими такими вещами, чуть не сказал: "Мой любимый". Он заявил, что Сталин очень заинтересовался порученной ему работой по истории и ценит это"³.

Некоторые бывшие оппозиционеры спасались от трагических предчувствий самообманом, принимая за чистую монету знаки сталинского "доверия". К таким людям, считавшим, что их обойдут аресты, всё шире захватывавшие их товарищей, относился В. А. Антонов-Овсенко. Осенью 1936 года, уже после первого показательного процесса "троцкистов", он был назначен генеральным консулом СССР в Барселоне. После встречи со Сталиным, лично сообщившим ему об этом назначении, Антонов-Овсенко, как вспоминает его сын, вернулся домой радостным и взволнованным. "Еду в Испанию! - с восторгом рассказывал он родным. - Я был у Сталина. Это необыкновенный человек. Какая концентрация воли и ума... Какая колоссальная энергия!"⁴. В Барселоне - центре каталонской левой независимой партии ПОУМ, Антонов-Овсенко принял активное участие в жестокой расправе с находившимися там антифашистами-поумовцами, анархистами и троцкистами.

Преданным сталинистом стал и Н. Н. Крестинский - один из первых оппозиционеров, порвавших с Троцким. Находясь до начала 1937 года на посту заместителя наркома иностранных дел, он, по словам Раскольников, "панически перебежал на другую сторону, если встречал на улице бывшего "троцкиста"⁵.

Такие люди заставляли себя верить, что аресты охватывают лишь тех, кто "в чём-то замешан", а "безупречное" конформистское поведение способно уберечь от расправы.

¹ Вопросы истории. 1992. № 6-7. С. 27.

² Отечественная история. 1992. № 2. С. 92.

³ Вопросы истории. 1992. № 6-7. С. 12.

⁴ Вопросы истории. 1989. № 8. С. 103.

⁵ Раскольников Ф. Ф. О времени и о себе. С. 497-498.

Однако по мере того, как аресты захватывали всё большее число ветеранов партии, даже те из них, кто никогда не принадлежал ни к каким оппозициям, начинали ощущать опасность, нависшую над всеми старыми большевиками. После приезда в Москву в июле 1936 года Раскольников, как вспоминала его жена, вернулся из совнаркомовской столовой "несколько озадаченным. Его поразила необычайная сдержанность его старых товарищей. В Москве царил "заговор молчания"... Некоторые признаки вызвали смутное предчувствие, что за стенами Кремля готовится что-то из ряда вон выходящее"¹.

¹ Канивез М. Моя жизнь с Раскольниковым. - Минувшее. Вып. 7. М., 1992. С. 91-92.

Бухарин: последние годы на свободе

Среди бывших оппозиционеров наибольшей противоречивостью, лабильностью и непоследовательностью отличалось поведение Бухарина. После своей капитуляции в конце 1929 года он неоднократно выражал преданность сталинскому руководству не только в публичных выступлениях, но и в личных письмах Сталину и другим членам Политбюро. Перед прохождением чистки в 1933 году он жаловался в письме Орджоникидзе: "Все меня дразнят тем, что было 5-6 лет тому назад. Но ведь я уже столько лет тому назад встал на работе в общие ряды... Я должен определить себе какой-то жизненный путь дальше так, чтобы от этого была польза для дела. Помогите мне в этом, Серго... Быть может, всё же можно для дела дать мне возможность по-настоящему работать, запретив ставить палки в колёса, и ликвидировать игру на том, что было 5 лет назад"¹.

В феврале 1934 года Бухарин был назначен ответственным редактором "Известий". Вкладывая в эту работу присущую ему энергию, он сделал "Известия" самой яркой и нешаблонной газетой в стране. Помимо статей, публиковавшихся за его подписью, он писал и многие редакционные статьи. В 1936 году в беседе с Б. Николаевским он "раскрыл секрет, по каким признакам можно узнавать в "Известиях" его неподписанные статьи... Все они набирались особым шрифтом"².

Перенеся центр тяжести своих литературно-теоретических интересов на проблему гуманизма, Бухарин пытался превратить редактируемую им газету в рупор пропаганды гуманистических идей. В этом он видел свою политическую миссию, возможность в какой-то мере подтолкнуть развитие событий в сторону демократизации и гуманизации режима. В первом номере газеты за 1936 год Бухарин назвал ушедший год "годом начального расцвета социалистического гуманизма", объявив в подтверждение этого "важнейшим лозунгом целой эпохи" слова Сталина о необходимости "заботы о человеке"³.

Помимо литературной работы, Бухарин часто выступал с докладами и лекциями. Эти выступления укрепляли его популярность, которая, как он отчётливо понимал, не может не вызывать настороженной и даже враждебной реакции Сталина. По свидетельству Л. Треппера, всякий раз, когда Бухарин заканчивал своё выступление, в аудитории возникали жаркие аплодисменты, которые он воспринимал с невозмутимо спокойным видом. "Как-то раз, грустно вглядываясь в разбушевавшийся от восторга зал, он словно ненароком проговорил: "Каждая такая овация приближает меня к смерти!"⁴.

Широкий общественный резонанс вызвал доклад Бухарина на I съезде советских писателей, посвящённый вопросам поэтического творчества. В нём

¹ Вопросы истории. 1988. № 11. С. 48-49.

² Фельштинский Ю. Г. Разговоры с Бухариным. С. 28.

³ Известия. 1936. 7 января.

⁴ Треппер Л. Большая игра. С. 43.

Бухарин пространно рассуждал о сущности социалистического реализма и давал оценки советским поэтам, не свободные от влияния вульгарного социологизма. Доклад, неоднократно прерывавшийся аплодисментами, встретил, однако, серьёзные возражения некоторых делегатов. Резкий тон, в каком они оппонировали Бухарину, был ещё одним свидетельством того, что его политические позиции необратимо подорваны, что полемика с ним опирается на поддержку сверху. Не желая этого признавать, Бухарин саркастически отвечал своим оппонентам, назвав их "фракцией обиженных" (против Бухарина выступили, в основном, поэты, получившие в его докладе нелестные оценки). При этом он прибегнул к политической демагогии, сославшись на одобрение основных положений его доклада "высшей инстанцией". "Когда в начале моего доклада, - говорил Бухарин, - вся аудитория чрезмерно, не по заслугам мне аплодировала, я заявил, что отношу эти аплодисменты к партии, которая поручила мне здесь читать доклад (в то время понятие "партия" стало уже синонимом понятий "аппарат" и "ЦК" - В. Р.). Но т. Сурков начал поучать: здесь, мол, партия ни при чём. У меня, однако, другая информация. Основы доклада соответственными инстанциями рассматривались и утверждались. В этом - одна из функций партийного руководства... Я утверждаю, что никакому товарищу Суркову не удастся оторвать наших писателей от партийного руководства". Назвав "вредной политической мыслью" намёк на то, что писательская организация - оргкомитет съезда "не руководится партией", Бухарин недвусмысленно отождествил партийное руководство с волей "инстанции", под которой в аппаратном лексиконе обычно имелся в виду сам Сталин.

Временами Сталин выказывал Бухарину знаки доброжелательности, создавая впечатление о снятии с него опалы. В 1935 году на банкете, организованном по случаю выпуска слушателей военных академий, он произнес встреченный бурными аплодисментами тост: "Выпьем, товарищи, за Николая Ивановича, все мы его любим и ценим, а кто старое помянет - тому глаз вон!"².

Вместе с тем Сталин продолжал выискивать в работах Бухарина "крамольные" идеи, вынуждая его к новым покаяниям. После появления в "Известиях" статьи Бухарина, развивавшей ленинскую мысль об обломовщине как консервативной традиции старой России, в "Правде" была опубликована редакционная статья "Об одной гнилой концепции", в которой Бухарин обвинялся в клевете на русский народ. Ему было предъявлено требование "исправить свою концепцию"... в кратчайший срок и с необходимой чёткостью"³. Спустя несколько дней Бухарин выразил "своё глубокое сожаление" по поводу допущенного им "неверного утверждения"⁴.

Стремясь убедить Сталина в своей безусловной лояльности, Бухарин не переставал бичевать "троцкистов" и других "неразоружившихся" оппозиционеров и послушно выполнял задания по участию в новых погромных идеологических кампаниях. Так, получив указание открыть посмертную травлю Покровского, он немедленно написал статью, в которой упрекал старейшего

¹ Бухарин Н. И. Избранные труды. Л., 1988. С. 296.

² Ларина А. М. Незабываемое. С. 33.

³ Правда. 1936.10 февраля.

⁴ Известия. 1936. 14 февраля.

большевистского историка в том, что его идеи "привели к целому ряду вульгарных извращений марксизма и духовному обеднению советской исторической науки"¹.

Зная, что он находится под надзором ГПУ (ещё с 1928 года, будучи членом Политбюро), Бухарин тем не менее поддавался на новые изощрённые провокации. Так, он с беспечностью отнесся к тому обстоятельству, что во время его поездок в Ленинград вместе с ним в двухспальном купе неизменно оказывалась одна и та же женщина. Рассказывая об этой истории со слов Бухарина, А.М. Ларина пишет: "Н. И. мало кому доверял и во многих усматривал специально приставленных к нему лиц, но заподозрить, что к нему могли подослать женщину-осведомителя, он не смог. Его не смутило и то, что эта особа отправлялась якобы в командировку в тот же день, что и Н. И., в том же вагоне и в том же купе. В дальнейшем уже не требовалось командировок в Ленинград, достаточно времени было в Москве. По прошествии полутора лет Н. И. сам услышал от той, кому доверялся, объяснение своим командировкам. "Незнакомка", ставшая к тому времени слишком хорошо знакомой, оправдывалась, что якобы заявила в НКВД, что, любя Н. И., отказывается от возложенной на неё неблагоприятной миссии... Не исключено, что её откровение было вызвано боязнью, что до Н. И. всё это дойдёт со стороны"².

Неусыпный контроль над Бухариным принимал всё более унижительные формы. Андре Жид вспоминал, как на другой день после его приезда в Москву Бухарин пришёл к нему в гостиницу. Вслед за ним немедленно появился некий человек, назвавшийся журналистом, который бесцеремонно вмешался в беседу между Бухариным и Жидом. Поняв, что в этих условиях откровенный разговор невозможен, Бухарин прервал беседу и в передней сказал писателю, что надеется с ним снова встретиться. Спустя несколько дней Жид столкнулся с Бухариным в зале, где собрались ответственные лица во время похорон Горького. Бухарин негромко спросил: "Не могу ли я к вам через час зайти в Метрополь?" Услышав эти слова, французский спутник Жида, живший в Москве, шепнул писателю: "Готов держать пари, что это ему не удастся". И действительно, М. Кольцов, наблюдавший, как Бухарин обратился к Жиду, тут же отвёл его в сторону. "Я не знаю, что он мог ему сказать, - пишет Жид, - но, пока я был в Москве, я Бухарина больше не видел. Без этой реплики я бы ничего не понял. Я подумал бы о забывчивости, подумал бы, что Бухарину, в конце концов, не столь важно было меня увидеть, но я никогда не подумал бы, что он не мог"³.

По мере нарастания репрессий над бывшими оппозиционерами Бухарин всё чаще говорил близким людям о неизбежности ещё более страшной волны террора и своей гибели в нём. Как вспоминала Г. Серебрякова, в конце 1935 или начале 1936 года Бухарин сказал Сокольникову: "Не пройдёт и двух лет, и Коба нас всех перестреляет" (тогда же Сокольников конфиденциально передал эти слова Орджоникидзе)⁴. Давно порвавший все контакты со своими учени-

¹ Известия. 1936. 27 января.

² Ларина А. М. Незабываемое. С. 120-121.

³ Два взгляда из-за рубежа. С. 140.

⁴ Смерч. С. 237.

ками и не однажды публично проклявший их, Бухарин примерно в то же время сказал своей дочери: "Я скоро умру, по крайней мере у меня была своя школа"¹.

Опасаясь малейшей "компрометации", Бухарин всячески избегал встреч со своими прежними соратниками по "правому уклону". В письме, направленном 27 августа 1936 года членам Политбюро, он подчёркивал, что "вероятно, с 33 года оборвал даже *всякие личные отношения* со своими бывшими единомышленниками, М. П. Томским и А. И. Рыковым. Как ни тяжела подобного рода самоизоляция, но я считал, что политически это необходимо, что нужно отбить, по возможности, даже внешние поводы для болтовни о "группе". Когда бывший секретарь Томского сообщил ему, что тот находится в полном одиночестве и в глубокой депрессии, и попросил навестить его, чтобы как-то ободрить, Бухарин "не выполнил этой человеческой просьбы, подчинив своё поведение вышеупомянутой политической норме"².

Ещё более постыдно Бухарин вёл себя по отношению к другим бывшим оппозиционерам, над которыми нависала угроза ареста. Хотя он сознавал, что "иногда трудно просто вытолкать публику, которая приходит: это подчас роняет престиж человека, точно он безмерно трусит ("как бы чего не случилось")", он уклонялся от встреч с теми из своих старых товарищей, которые не допускались к Сталину. "Как ни старался я избежать посещения А. Шляпникова, - писал он в том же письме, - он меня всё-таки поймал (это было в этом году, незадолго до его ареста) в "Известиях", просил передать письмо Сталину; я сказал своим работникам, чтобы больше его не пускали, потому что от него "политически воняет" (он ныл: "не за границу же мне бежать" и в таком же роде). Его письма, которые он оставил, я не пересылал, видя его настроения". Как сообщал Бухарин, подобным образом поступал и Радек. Когда однажды Бухарин встретил у него недавно вернувшегося из ссылки Мрачковского, Радек, как бы оправдываясь, сказал, что "он его не мог вытолкать, что велел жене, чтобы больше она его не пропускала, и был очень недоволен его вторжением"³.

При встречах с Зиновьевым и Каменевым Бухарин всячески подчёркивал свою преданность Сталину. Во время одной из таких встреч (на квартире Радека) Зиновьев, чувствуя настроение своих собеседников, "пел дифирамбы Сталину". Не удовольствовавшись этим, Бухарин и Радек заставили его выпить за здоровье Сталина, хотя Зиновьев жаловался на больное сердце, не позволявшее ему употреблять алкоголь⁴.

Более сдержанно вёл себя Каменев, с которым у Бухарина во время одной из бесед произошёл следующий обмен репликами.

Каменев: "Как дела?" *Бухарин:* "Прекрасно, страна растёт, руководство блестяще маневрирует и управляет." *Каменев:* "Да, маневрирует и управляет."

¹ Бухарин: человек, политик, ученый. М., 1990. С. 118.

² Источник. 1993. № 2. С. 7, 12.

³ Там же. С. 11-12.

⁴ Там же. С. 11.

Сообщая об этом разговоре, Бухарин присовокуплял: "Тогда я не обратил достаточного внимания на полуиронический, очевидно, тон (Каменева - В. Р.). Теперь у меня это всплыло в памяти"¹.

В тех случаях, когда встречи с Каменевым неожиданно возникали в неофициальной обстановке, Бухарин всячески уклонялся от каких-либо разговоров с ним. Как рассказывает А. М. Ларина, летом 1934 года они с Бухариным оказались в доме отдыха ЦИК. Там же отдыхал и Каменев, который однажды во время обеда подсел к их столу. "Каменев поздоровался дружелюбно, Бухарин - довольно холодно. Вдруг, оставив обед, он "вспомнил", что у него заседание в редакции и тотчас же, простившись, уехал". Жене он объяснил этот поступок тем, что "удрал от Каменева, чтобы не дать ему тему для "записи" и повод для выступления на очередном съезде"².

Обречённый вести столь противоестественный образ жизни, Бухарин в начале 1936 года подвергся ещё одному испытанию. Он был послан Сталиным за границу в составе делегации, которой было поручено провести переговоры с немецкими социал-демократами о покупке хранившегося у них архива Маркса и Энгельса. Это поручение было проверкой Бухарина, не останется ли он за рубежом (такой поступок Бухарина, многократно отрекавшегося от своих убеждений, не представлял опасности для Сталина, а, напротив, мог служить подтверждением "двурушничества" и "контрреволюционности" бывших оппозиционеров).

Сталин даже разрешил присоединиться в этой поездке к Бухарину его жене, ожидавшей ребенка.

Меньшевик-эмигрант Б. Николаевский, выступавший на переговорах посредником, во время длительной командировки Бухарина не раз имел с ним личные беседы. Записав их содержание, он уничтожил эту запись в конце 1936 года - из опасения, что она может быть выкрадена агентами НКВД и использована против Бухарина (за несколько месяцев до этого были похищены хранившиеся у Николаевского архивы Троцкого). Впоследствии Николаевский воспроизвёл содержание записи по памяти и в 1965 году обнародовал его в интервью, опубликованном "Социалистическим вестником".

До этой публикации многие зарубежные исследователи считали, что изложением бесед с Бухариным является статья Николаевского "Как подготавливался Московский процесс (Из письма старого большевика)", опубликованная в конце 1936 - начале 1937 года. Лишь в 60-е годы Николаевский сообщил, что в этой статье он "использовал некоторые рассказы Бухарина, но не его лишь одного, и освещение дал не то, которое он давал, а то, которое я считал удобным дать в письме, которое должно отражать настроение старого, но не занимающего видного поста большевика. Настроения Бухарина были много более сложны, до полной откровенности он не договаривался"³.

Рассказывая о действительном содержании своих бесед с Бухариным, Николаевский замечал: эти беседы представлялись ему завещанием Бухарина, "правда, во многом недосказанным до конца, быть может, в некоторых частях

¹ Там же. С. 10.

² Ларина А. М. Незабываемое. С. 101.

³ Фельштинский Ю. Г. Разговоры с Бухариным. С. 29.

даже недодуманным, но отражавшим его подлинные искания... Ему явно хотелось высказаться, поделиться результатами своих многолетних дум, и в то же время он явно боялся говорить откровенно...¹.

Из изложения Николаевским содержания бесед явствует, что Бухарин подробно рассказывал о политических событиях первых послереволюционных лет, но с осторожностью говорил о том, что происходило в СССР в последние годы, и почти не упоминал имени Сталина. Тем не менее у Николаевского сложилось впечатление, что главным мотивом настроений Бухарина была сильная внутренняя оппозиция Сталину и надежды на возможные изменения обстановки в СССР. "Бухарин, конечно же, мне говорил далеко не всё и не обо всём, к чему его подводили наши тогдашние разговоры, но он, для меня это несомненно, хотел показать, как велико значение того основного, за что он там (в СССР - В. Р.) вёл борьбу". Особенно часто Бухарин возвращался к вопросу о "нарастании антигуманистической стихии, которая несёт огромную опасность не для России только, но и для всего поступательного развития человечества"².

Николаевский вспоминал, что Бухарин просил его достать последние номера "Бюллетеня оппозиции", а во время пребывания в Копенгагене внезапно сказал: "А не поехать ли на денек-другой в Норвегию, чтобы повидать Льва Давидовича?.. Конечно, между нами были большие конфликты, но это не мешает мне относиться к нему с большим уважением"³.

Разумеется, эта поездка не состоялась, а единственный "контакт" Бухарина с троцкистами носил конфронтационный характер. Когда Бухарин выступал с докладом в Париже, находившиеся в зале французские троцкисты разбрасывали листовки с требованиями освободить репрессированных оппозиционеров в Советском Союзе. Эмигрантская газета "Последние новости" так описывала этот эпизод: "Троцкистов быстро выгоняют из зала. Ничего не заметив, докладчик, увлеченный собой, трясет бородкой и громким голосом кончает под оглушительные аплодисменты публики:

-Мы смотрим вперед, расковываем творческие силы человечества!

А в это время на лестнице бьют троцкистов"⁴.

В письме участникам февральско-мартовского пленума ЦК 1937 года Бухарин представил этот эпизод как "подготовку парижскими троцкистами выстушения против меня и физического против меня нападения... Отсюда вытекает, что троцкисты считают меня своим смертельным врагом, равно как и я считаю их своими смертельными врагами, ибо они - смертельные враги дела, которому я служу"⁵.

В своих воспоминаниях А. М. Ларина оспаривает возможность откровенных, носивших оппозиционный характер бесед Бухарина с Николаевским на том основании, что в её присутствии лишь одна их беседа носила политический оттенок и в ней "Бухарин разговаривал с Николаевским как его полити-

¹ Там же. С. 26.

² Там же.

³ Бухарин об оппозиции Сталину. Интервью с Николаевским - Социалистический вестник. Сб. 4. Декабрь 1965. Нью-Йорк. С. 84.

⁴ Последние новости. Париж, 1936. 5 апреля.

⁵ Вопросы истории. 1992. № 2-3. С. 21.

ческий противник". В этой беседе, по словам Лариной, Бухарин "с искренним увлечением" рассказывал об успехах СССР, а на вопрос о коллективизации ответил, что "коллективизация уже пройденный этап, тяжёлый этап, но пройденный. Разногласия изжиты временем. Бессмысленно спорить о том, из какого материала делать ножки для стола, когда стол уже сделан"¹.

Опровержения Лариной звучат неубедительно: ведь Бухарин встречался с Николаевским и на протяжении нескольких недель до её приезда за границу. Что же касается упомянутой Лариной беседы, то можно предположить: в ней Бухарин хотел обеспечить себе политическое алиби даже в глазах своей жены.

Впрочем, некоторые доверительные высказывания Бухарина в конфиденциальных беседах с Николаевским обнаруживают близость к приведённым Лариной словам. Так, Бухарин, много рассказывавший своему собеседнику об ужасах коллективизации, завершил эти рассказы целой теорией, которую Николаевский называл теорией "человеческого потока". "Нам трудно жить, очень трудно... - говорил Бухарин. - Спасает только вера в то, что развитие всё же, несмотря ни на что, идёт вперед. Наша жизнь, как поток, который идёт в тесных берегах. Вырваться нельзя. Кто попытается выскочить из потока, того подстригают, - и Бухарин сделал жест пальцами, как стригут ножницами, - но поток несется по самым трудным местам и всё вперед, вперед, в нужном направлении... И люди растут, становятся крепче, выносливее, более стойкими, - и всё прочнее стоит на ногах наше новое общество"².

С "теорией потока" смыкались рассказы Бухарина о подготовке новой конституции, после принятия которой, по его словам, "людскому потоку будет много просторнее... Его уже не остановить - и не утнать в сторону!"³. Заявив, что конституция фактически написана им одним (при небольшой помощи Радека), Бухарин утверждал, что в ней "народу отведена много большая роль, чем в прежней... Теперь с ним нельзя будет не считаться". С особой гордостью он рассказывал о том, что в процессе работы над конституцией им была выдвинута идея о "конкурирующих списках на выборах" и даже о создании "второй партии" или "Союза беспартийных" (во главе с Горьким, академиком Павловым и другими видными деятелями интеллигенции), который мог бы выступать на выборах со своим самостоятельным списком кандидатов⁴.

Здесь Бухарин явно выдавал желаемое за действительное, дабы подчеркнуть свою "либеральную" роль. О своей позиции по этому вопросу, занятой на заседании конституционной комиссии, он сообщил в письме, адресованном февральско-мартовскому пленуму ЦК: "Радек очень хитро (и с большой пользой для троцкистов и всех других антисоветских сил) поставил вопрос о праве каждого гражданина выставлять кандидатуры на выборах в Верховный Совет. Я, если не ошибаюсь, трижды выступал против него, мотивируя недопустимость этой нормы, ибо тогда все будут лезть в эту щель и выставлять антисо-

¹ Ларина А. М. Незабываемое. С. 257.

² Социалистический вестник. Сб. 4. Декабрь 1965. С. 101.

³ Фельштинский Ю. Г. Разговоры с Бухариным. С. 81.

⁴ Социалистический вестник. Сб. 4. Декабрь 1965. С. 99.

ветских кандидатов и устраивать большие политические скандалы, если мы будем вынуждены в той или иной дозе этих кандидатов ущемлять"¹.

Поведение Бухарина в годы, предшествующие большому террору, было наиболее ярким примером трагической раздвоенности бывших оппозиционных лидеров, позволившей Сталину расправиться с ними поодиночке. Сам Сталин характеризовал эту трагическую раздвоенность термином "двурушник", прочно введенным им в партийный лексикон. Он сознательно провоцировал своих прежних противников на двурушничество, заставляя их клеймить своих единомышленников и друзей, отправленных на плаху, и тем самым отрезая им пути к перемене своей позиции при любом возможном политическом повороте.

Однако, как справедливо замечал В. Кривицкий, "несмотря на покаяния, которые стали столь частыми, что в них перестали верить, вопреки своему желанию, эти старые большевики невольно поддерживали... новую оппозицию внутри партии, если они фактически и не руководили ею. Положение стало критическим, одних покаяний стало уже недостаточно. Сталин сознавал, что надо искать другие средства. Он должен найти способ не только подорвать авторитет старой гвардии, но и остановить активную жизнь видных членов этой грозной оппозиции"².

Головы Каменева, Зиновьева, Бухарина и других бывших лидеров оппозиции были нужны Сталину не столько сами по себе, сколько как средство дискредитации Троцкого, оставшегося единственным действительным или потенциальным лидером оппозиционных коммунистических сил в СССР и за его пределами. Волна "послекировских" провокаций и подлогов не достигла своей главной цели - объявления Троцкого шпионом и террористом. Миллионы людей были обмануты, но этот обман находился под постоянной угрозой новых разоблачений со стороны Троцкого. Клеветнические наветы гигантского пропагандистского аппарата не ослабили, а лишь укрепили его решимость продолжать непримиримую борьбу против сталинизма.

¹ Вопросы истории. 1992. № 2-3. С. 21.

² Кривицкий В. "Я был агентом Сталина". С. 204.

Троцкий: 1935-1936 годы

IV Интернационал оставался под постоянным прицелом как сталинистов, так и наиболее реакционных антикоммунистических сил. Одновременно с новыми расправами над троцкистами в СССР шли аресты сторонников Троцкого в Германии и других странах с фашистскими и полуфашистскими режимами.

Всё более трудным становилось и положение самого Троцкого, которому французскими властями в 1934 году было предписано поселиться в небольшой деревне, где он находился под строгим надзором полиции. После образования Народного фронта французская компартия резко усилила нападки на Троцкого и требования к правительству о высылке его из страны. В "Письме французским рабочим" Троцкий писал: "Два года тому назад "L'Humanité" повторяла ежедневно: "фашист Даладье вызвал социал-фашиста Троцкого во Францию, чтоб организовать при его помощи военную интервенцию против СССР"... Сейчас эти господа заключили, как известно, с "фашистом" Даладье антифашистский "народный фронт"... Теперь уже господа клеветники начинают говорить... что политика Троцкого и большевиков-ленинцев служит службу не Эррио и Даладье, а Гитлеру"¹.

ОГПУ-НКВД вело непрерывную слежку за Троцким и Седовым и внедряло в их окружение своих агентов. В начале 30-х годов такую роль выполняли братья Соболевичусы, которые подозревались Троцким и его соратниками в провокаторстве и вскоре были изгнаны из рядов международной левой оппозиции. Более успешной оказалась деятельность Зборовского, завербованного ГПУ летом 1933 года. В 1934 году "органами" была проведена глубокая проверка Зборовского и его родственников, находившихся в Советском Союзе и превратившихся в заложников провокатора. В 1935 году Зборовский впервые встретился с Седовым и вскоре стал одним из ближайших его сотрудников. В книге Д. Волкогонова "Троцкий" приводятся десятки донесений Зборовского с информацией о деятельности Троцкого и Седова. В нескольких томах архивного дела НКВД под названием "Издания" содержится множество статей и интервью Троцкого, регулярно переправлявшихся советской резидентурой в Москву.

На основе изучения архивов ОГПУ-НКВД Волкогонов пришёл к выводу, что уже в 1931 году Сталин дал указание об убийстве Троцкого. На первых порах агенты ГПУ провоцировали на осуществление террористического акта белоэмигрантов, стремясь создать для Сталина политическое алиби. В начале 1935 года заместитель начальника иностранного отдела НКВД Шпигельглаз получил через Ягоду сталинский приказ "ускорить ликвидацию Троцкого". Для решения этой задачи была приведена в действие вся советская агентура во Франции. Однако один из крупнейших советских разведчиков И. Райсс, впоследствии перешедший открыто на сторону IV Интернационала, по-видимому,

¹ Бюллетень оппозиции.1935. № 44. С. 6-7.

предупредил Троцкого о надвигающейся опасности и посоветовал ему покинуть Францию. Волкогонов приводит свидетельство чекиста Судоплатова, принимавшего участие в многолетней охоте за Троцким: Шпигельглаз был расстрелян в 1939 году за то, что "он не выполнил задания по ликвидации Троцкого. Тогда такого простить не могли"¹.

Весной 1935 года Троцкий обратился с просьбой о предоставлении политического убежища к правительству Норвегии, где только что состоялись выборы, приведшие к власти Рабочую партию. Эта партия до 1923 года входила в Коминтерн, а после разрыва с ним отказалась и от вхождения во II Интернационал, поскольку считала его политическую позицию слишком правой.

В Норвегии действовали тайные сторонники Троцкого П. С. Куроедов и Р. С. Коган, работавшие шифровальщиками в советском полпредстве. В обеспечении Троцкого информацией о положении в СССР им помогала Е. С. Коган (сестра Р. С. Коган), занимавшая должность технического секретаря в ЦК ВКП(б)². Куроедов умер в 1932 году от туберкулеза. Сестры Коган, расстрелянные в 1937 году за "контрреволюционную троцкистскую деятельность", по-видимому, поддерживали связь с Троцким во время его пребывания в Норвегии.

Агентурные возможности НКВД в Норвегии были намного слабее, чем во Франции. В Москве некоторое время не могли узнать даже норвежского адреса Троцкого, пока Зборовский, контролировавший переписку Седова, не переслал в НКВД письмо Троцкого, где был указан его адрес.

В отличие от того, как это было в Турции и Франции, прибытие Троцкого в Норвегию встретило тёплый приём со стороны её правящих кругов. "Рабочий класс Норвегии и все объективно настроенные люди, - писала правительственная газета "Арбейдербладет", - будут приведены в восторг решением правительства. Норвежский народ считает... что ему оказана честь пребыванием Троцкого в его стране... В условиях, когда, несмотря на свои великие и непреодолимые заслуги, он изгнан из собственной страны, любая демократическая нация должна считать приятным долгом предоставить ему убежище"³. Министр юстиции Трюгве Ли (будущий генеральный секретарь ООН) взял у Троцкого интервью по поводу террора, развязанного в Советском Союзе после убийства Кирова.

Однако вскоре норвежское правительство стало испытывать давление со стороны правительства СССР, совпавшее с давлением правой оппозиции Норвегии, которая подняла в парламенте вопрос об ограничении срока пребывания Троцкого в стране. В результате Трюгве Ли принял решение, запрещавшее Троцкому заниматься политической деятельностью на территории Норвегии, и депортировал из страны его секретаря Яна Френкеля.

Хотя Троцкий активно продолжал свою литературную деятельность, он теперь оказался изолированным даже в большей степени, чем во Франции, и был застигнут врасплох известием о первом московском показательном процессе.

¹ Волкогонов Д. А. Троцкий. Кн. II. С. 303.

² Исторический архив. 1992. № 1. С. 32.

³ Цит. по кн.: Дойчер И. Троцкий в изгнании. С. 341-342.

Подготовка к первому показательному процессу

Расправа с оппозиционерами, обвинёнными в причастности к убийству Кирова и подготовке террористических актов против Сталина, шла в 1934-1935 годах через закрытые военные суды и Особое совещание НКВД. От большинства осуждённых не удалось добиться даже признаний в том, что они что-либо знали о готовящемся убийстве Кирова. Поэтому они получили сравнительно небольшие сроки заключения и ссылки. Официальные сообщения о поспешно проведённых за закрытыми дверями процессах не могли скрыть их топорного характера, обмануть проницательных людей в СССР и за его пределами. Разоблачительный голос Троцкого громко звучал за рубежом и просачивался в Советском Союзе, несмотря на установленную Сталиным информационную блокаду.

Старая большевистская гвардия в подавляющем большинстве оставалась ещё на свободе. Само понятие "старый" применительно к большевикам-подпольщикам, участникам Октябрьской революции и гражданской войны, было даже в середине 30-х годов достаточно условным. Среди тех, кого называли старыми большевиками, было несколько возрастных когорт. Забегая вперед, скажем, что большинство людей ленинского поколения, тех, кому было тогда 60 и более лет (Кржижановский, Бонч-Бруевич, Карпинский, Лепешинский, Стасова, Коң, Коллонтай, Литвинов, Землячка и другие), пережили большой террор, а некоторым из них довелось пережить и самого Сталина. Объектом тотального уничтожения стало поколение 50-летних, а затем 40-летних большевиков. В революционные эпохи политические деятели формируются и выдвигаются рано. Спустя двадцать лет после Октябрьской революции эти люди были полны сил и энергии и в то же время обладали большим политическим опытом. Они были моложе Сталина и в случае осложнений для сталинского режима могли занять руководящее место в партии, заменить состав Политбюро, запятнавший себя соучастием в сталинских преступлениях.

Как мог убедиться читатель этой книги, "сталинский неонэп" означал завершение антибольшевистского переворота. Однако, чтобы окончательно утвердить этот переворот, Сталину необходимо было полностью переставить в сознании миллионов коммунистически мыслящих людей в СССР и за рубежом все политические знаки - представить нынешнее положение страны торжеством большевистского, ленинского дела, а оппозиционеров - злейшими контрреволюционерами и агентами фашизма.

Непременным условием обеспечения стабильности и незыблемости сталинского режима становилось внедрение в массовое сознание версии о существовании грандиозного заговора, нити которого восходят к Троцкому и гестапо. Чтобы избавиться от носителей оппозиционных настроений в СССР и в зарубежных компартиях, требовалось с помощью этой версии возродить атмосферу "чрезвычайщины" и сделать её перманентным состоянием советского общества. Для этого у Сталина был уже испытанный и проверенный метод -

организация показательных процессов с хорошо отрепетированными покаяниями.

Такие процессы (Промпартии, Союзного бюро меньшевиков и т. д.), на которые приглашались представители советской общественности, зарубежные журналисты и дипломаты, ещё в начале 30-х годов изумляли весь мир. Как только сталинская клика сталкивалась с очередным хозяйственным и политическим кризисом, она находила козлов отпущения в виде оппозиционно настроенных к режиму лиц, "признававшихся" на открытых процессах в организации голода, саботажа, диверсий и т. д. Несмотря на разоблачения, появившиеся за рубежом, "западный мир так до конца и не понял, - писал В. Кривицкий, - что советские показательные суды были вовсе не судами, а орудием политической войны. В информированных советских кругах с момента прихода к власти Сталина мало кто не считал показательные процессы с их драматическими признаниями не чем иным, как политическим рычагом, не имеющим ничего общего с отправлением правосудия"¹.

Теперь требовалось возложить вину за всё, что разительно противоречило широковещательным заверениям о "счастливой жизни" советского народа, не на беспартийных специалистов, а на "троцкистов". Для этого нужно было перетряхнуть всю структуру советской власти, дискредитировать и уничтожить основную массу старых большевиков, обвинить в измене, вредительстве и других злодейских замыслах всех коммунистических диссидентов (которые, как видно из предшествующих глав, насчитывались тысячами и десятками тысяч).

Троцкий подчёркивал, что "этот процесс, как и другие процессы сталинской политики, развивался медленно, автоматически и имел свою внутреннюю логику". Когда наступила пора московских театральных процессов, даже показавшиеся участники оппозиции, "хорошо знакомые с условиями оппозиции, хорошо знавшие вождей оппозиции и действительное содержание их работы, становились величайшей опасностью для адского замысла истребления старшего поколения революционеров. В населении оказались рассеяны многие тысячи, десятки тысяч свидетелей оппозиционной деятельности Троцкого, Зиновьева, Каменева и других. Они могли шепнуть ближайшим друзьям, что обвинение есть подлог. От друзей к друзьям это обличение могло распространиться по всей стране. Опасных свидетелей надо было устранить"².

Так замысел открытых процессов вылился в замысел великой чистки. В свою очередь великая чистка была невозможна без "признаний" бывших лидеров оппозиций на открытых процессах в руководстве гигантским заговором, вовлекшим в свою орбиту многие тысячи людей.

Оба замысла обретали конкретные очертания лишь постепенно. "Мнимые планы заговорщиков, разделение ролей между ними - всё это грубо, низменно даже под углом зрения судебного подлога. Сталин пришёл к мысли о добровольных признаниях. Здесь не было заранее задуманного плана. Постепенно подбирались элементы человеческого унижения и самоотречения. Постепенно усиливалось давление. Так противоестественная механика добровольных по-

¹ Кривицкий В. "Я был агентом Сталина". С. 208.

² Троцкий Л. Д. Сталин. Т. II. С. 263-264.

казаний почти естественно выросла из роста силы давления тоталитарного режима¹.

Помимо этих объективных политических предпосылок, для организации открытых процессов над бывшими лидерами партии требовались и субъективные предпосылки, коренящиеся в натуре Сталина: "нужно было знание человека и его потайных пружин, знание не универсальное, а особое, знание человека с худших сторон и умение играть на этих худших сторонах. Нужно было желание играть на них, настойчивость, неутомимость желания, продиктованная сильной волей и неудержимым, непреодолимым честолюбием. Нужна была полная свобода от принципов и нужно было отсутствие исторического воображения (то есть предвидения неминуемого разоблачения в будущем судебных подлогов - В. Р.)". Все эти качества были развиты у Сталина в максимально возможной степени. "Он циник и апеллирует к цинизму. Он может быть назван самым великим деморализатором в истории"².

Именно эти свои качества Сталин полностью мобилизовал в преддверии великой чистки. Им были использованы в полной мере и животный страх, и готовность выслужиться, и желание любыми способами уничтожить конкурента в карьерной гонке, и готовность пойти на любую низость в борьбе за выживание, и садистские наклонности лиц, которым в подвалах НКВД отдавались в полную власть беззащитные люди, и многие другие худшие человеческие стороны, заложенные в сознании или в бессознательном подполье душевного мира.

Разумеется, Троцкий, точно описавший внутреннюю логику сталинских действий, не мог знать о конкретных событиях, которыми был заполнен год, отделявший "послекировские" закрытые суды от первого открытого процесса над старыми большевиками.

Как сообщил на собрании актива НКВД в марте 1937 года заместитель наркома внутренних дел Агранов, в середине 1935 года Ежов заявил ему: "По его (т. е. Ежова - В. Р.) сведениям и по мнению Центрального Комитета нашей партии, существует нераскрытый центр троцкистов, который надо разыскать и ликвидировать". В этой связи Ежов как секретарь ЦК ВКП(б) дал Агранову "санкцию на производство массовой операции по троцкистам в Москве". 5 февраля 1936 года начальник секретно-политического отдела Главного управления госбезопасности НКВД Молчанов, докладывая Ягоде о ходе этой "операции", отметил, что следствие показывает "тенденции троцкистов к воссозданию подпольной организации по принципу цепочной связи между небольшими группами"³.

В начале 1936 года в Москве, Ленинграде, Киеве, Горьком, Минске и других городах было арестовано более 100 троцкистов по обвинению в контрреволюционной и террористической деятельности. 9 февраля заместитель наркома внутренних дел Прокофьев направил местным органам НКВД директиву о "ликвидации без остатка всего троцкистско-зиновьевского подполья...

¹ Там же. С. 270.

² Там же. С. 203-204.

³ Реабилитация. С. 216.

не ограничиваясь изъятием актива". К апрелю 1936 года количество арестованных троцкистов достигло 508 человек¹.

25 марта Ягода в письме Сталину предложил: всех троцкистов, находящихся в ссылке, арестовать и направить в дальние лагеря; троцкистов, исключённых из партии при проверке партийных документов, решением Особого совещания направить в дальние лагеря сроком на 5 лет; всех троцкистов, "уличённых в причастности к террору", расстрелять. Сталин послал эту записку на заключение Вышинскому, который, разумеется, поддержал все эти предложения, подчеркнув, что Ягода "правильно и своевременно поставил вопрос о решительном разгроме троцкистских кадров".

31 марта Ягода направил всем начальникам управлений НКВД директиву, в которой указывалось: "Основной задачей наших органов на сегодня является немедленное выявление и полнейший разгром до конца всех троцкистских сил, их организационных центров и связей, выявление, разоблачение и репрессирование всех троцкистов-двурушников... Следствие по всем ликвидационным троцкистским делам ведите максимально быстро, ставя основной задачей следствия вскрытие и разгром всего троцкистского подполья, обнаружение и ликвидацию организационных центров, выявление и пресечение всех каналов связи с закордонным троцкистским руководством". В тот же день Сталин поручил Ягоде и Вышинскому подготовить соответствующее решение Политбюро, которое было принято опросом 20 мая².

Однако это решение ещё не нацеливало прямо на организацию открытого процесса "троцкистско-зиновьевского центра". По-видимому, впервые распоряжение Сталина о подготовке такого процесса было передано устно высшим чинам НКВД Молчановым на совещании, описанном А. Орловым в книге "Тайная история сталинских преступлений". Собрав около сорока руководящих сотрудников НКВД, Молчанов заявил о раскрытии гигантского заговора, во главе которого стоят Троцкий и другие лидеры оппозиции. Участникам совещания было поручено лично вести следствие по делу об этом заговоре. "Молчанов недвусмысленно дал понять собравшимся, что Сталин и Политбюро считают обвинения, выдвинутые против руководителей заговора, абсолютно достоверными и, таким образом, задачей каждого из следователей является получение от обвиняемых полного признания"³.

Даже руководители НКВД, привыкшие к тому, что Сталин считает главной задачей этого учреждения борьбу с "троцкистами", оказались застигнутыми врасплох этими указаниями. Лишь постепенно им становилось ясно, что "посредством фабрикации обширных антисталинских заговоров, шпионских процессов и террористических организаций" Сталин стремится избавиться "от политических противников и от тех, кто может стать ими в будущем". Сообщивший об этом после своего побега за границу в 1938 году Г. С. Люшков, активный участник следствия по делу "ленинградского террористического центра", "кремлёвскому делу" и делу "троцкистско-зиновьевского объединённого центра", подчёркивал: все эти дела явились результатом не только истериче-

¹ Там же. С. 176.

² Там же. С. 177, 216-217.

³ Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. С. 71-72.

ской подозрительности Сталина, но и "его твёрдой решимости избавиться от всех троцкистов и правых, которые являются политическими оппонентами Сталина и могут представить собой политическую опасность в будущем"¹.

Французский историк П. Бруэ полагает, что замысел первого показательного процесса возник у Сталина после того, как в результате допросов и передопросов 1935-1936 годов были получены сообщения о попытке образования в 1932 году подпольного антисталинского блока, состоявшего из представителей большинства прежних оппозиционных групп². Хотя этот блок был в том же году разрушен благодаря превентивным расправам над входящими в него отдельными нелегальными группировками, тогда ни один из арестованных оппозиционеров не сообщил о переговорах по поводу создания блока, благодаря чему некоторые участники этих переговоров остались на свободе. Известия о грозной попытке блока 1932 года вступить в контакт с Троцким, изгнать Сталина с политической арены и восстановить состав ленинского Политбюро дошли до Сталина, по-видимому, лишь после ареста в мае 1936 года Э. С. Гольцмана, осуществлявшего в 1931-1932 годах связь между инициатором блока И. Н. Смирновым и Троцким.

Получив эти известия, Сталин решил соорудить новую амальгаму, по своей масштабности и чудовищности превосходившую все предыдущие: перемешать факты, связанные с действительной подпольной политической борьбой своих противников, с фантастическими обвинениями в подготовке ими террористических актов и в связях с гестапо.

Даже Ягода и Молчанов, руководившие на протяжении почти десятилетия облавами на оппозиционеров, не сразу поняли, насколько далеко идут сталинские замыслы. Первоначально Молчанов полагал, что можно будет ограничиться "раскрытием террористической группы", связанной с И. Н. Смирновым, и объявить её "троцкистским центром". Ягода на присылаемых ему "показаниях" о директивах Троцкого по организации террористических актов писал: "Неправда", "ложь", "чепуха", "ерунда", "не может быть"³.

Узнав об этих фактах, Сталин решил лично дать "нужное" направление следствию. В июле 1936 года Ежов вызвал Агранова на свою дачу и на этой встрече, носившей конспиративный характер, передал "указание Сталина на ошибки, допускаемые следствием по делу троцкистского центра, и поручил принять меры, чтобы вскрыть троцкистский центр... и личную роль Троцкого в этом деле". Это свидетельство Агранова (содержавшееся в его речи на совещании актива НКВД в марте 1937 года) дополняет информация, сообщённая Ежовым на февральско-мартовском пленуме ЦК 1937 года. Узнав о том, что Молчанов считает выдумкой версию о связи "террористов" с Троцким и гестапо, Сталин "учуял в этом деле что-то неладное и дал указание продолжить его и, в частности, для контроля следствия назначили от Центрального Комитета меня (т. е. Ежова - В. Р.)"⁴.

¹ Реабилитация. С. 183.

² Broue P. Party Opposition to Stalin (1930-1932) and the First Moscow Trial - Ln: Essays on Revolution Culture and Stalinism. P. 106-107.

³ Реабилитация. С. 178, 179.

⁴ Там же. С. 178-180.

В июне 1936 года Сталин через Ежова дал указание руководству НКВД подготовить процесс "объединённого троцкистско-зиновьевского центра". Центральными фигурами на нём от "зиновьевцев" должны были стать Зиновьев, Каменев, Евдокимов и Бакаев, осуждённые в 1935 году на процессе "московского центра", а от "троцкистов" - находившийся с 1933 года в тюрьме И. Н. Смирнов, а также Мрачковский и Тер-Ваганян, репрессированные в 1933 году по делу "Союза марксистов-ленинцев", но вскоре выпущенные на свободу. Помимо этого, на процесс были выведены ещё четыре оппозиционера, арестованные в мае-июне 1936 года, и пять немецких политэмигрантов, не знакомых с остальными подсудимыми. Последняя группа обвинялась в непосредственной подготовке террористических актов против Сталина и других "вождей" по заданиям Троцкого и гестапо.

По свидетельству Кривицкого, даже среди ближайшего окружения Сталина были люди, предостерегавшие его, что инсценировка процесса над ближайшими соратниками Ленина не только произведёт неблагоприятное впечатление в стране, но и повлечёт отчуждение просоветских и прокоммунистических сил на Западе. На эти предупреждения Сталин пренебрежительно отвечал: "Европа всё проглотит"¹.

Для такого прогноза у Сталина были достаточно веские основания.

¹ Кривицкий В. "Я был агентом Сталина". С. 208.

Сталинизм и общественное мнение на Западе

Сложность исторического выбора, вставшего в 30-е годы перед всеми честными и политически мыслящими людьми на Западе, была ярко раскрыта в открытом письме Виктора Сержа Андре Жиду. "Мы боремся с фашизмом, - писал Серж. - Но как бороться с фашизмом, когда в тылу у нас столько концентрационных лагерей?.. Линия обороны революции проходит не только через Вислу и границу Манчжурии. Не менее повелителен долг защиты революции внутри страны - против реакционного режима, установившегося в пролетарской столице и постепенно лишаящего рабочий класс всех его завоеваний". Серж призывал не закрывать глаза на то, что "происходит позади изобретательной и дорогостоящей пропаганды, парадов, шествий, конгрессов... Вы увидите революцию, поражённую в самых её живых тканях и зовущую нас всех на помощь. Согласитесь со мной - замалчивая её язвы и закрывая глаза - ей служить нельзя... Надо всерьёз выбирать между слепотой и открытым взглядом на действительность"¹.

Эти слова отражали одну из самых драматических проблем 30-х годов. Западная демократическая общественность, в своей значительной части отвернувшаяся от Октябрьской революции, совершила поворот в сторону поддержки СССР тогда, когда там завершался антибольшевистский реакционный поворот. "Послекировские" подлоги, ставшие прелюдией к большому террору, происходили при молчаливом попустительстве не только правительств капиталистических стран, но и общественного мнения на Западе^{2*}. "Реформисты и буржуазные демократы, враждебно относившиеся к советской власти в первые, героические годы её существования, - писал Троцкий, - сейчас ищут дружбы с московской бюрократией, охотно именуют себя "друзьями СССР" и соблюдают заговор молчания против преступлений сталинской клики"³. Возвращаясь к этой теме, Троцкий подчёркивал, что "учёные филистеры типа Веббов^{4*}, не видели большой разницы между большевизмом и царизмом до 1923 года, зато полностью признали "демократию" сталинского режима"⁵.

В ряде случаев такое поведение новых "друзей СССР" из среды либеральной интеллигенции объяснялось прямым материальным подкупом, который сталинисты широко практиковали в качестве средства приручения своих зарубежных союзников. В воспоминаниях И. Эренбурга рассказывается, как

¹ Бюллетень оппозиции. 1936. № 51. С. 11.

² Одним из немногих исключений явилась резолюция генерального комитета парижских профсоюзов, в которой выражался "протест против кровавых преследований, выразившихся в расстреле более 100 рабочих, ни соучастие которых в совершённом покушении (на Кирова - В. Р.), ни связь которых с белогвардейцами не установлена" ("Правда". 1935, 20 января).

³ Бюллетень оппозиции. 1935. № 45. С. 1.

⁴ Супруги Сидней и Беатриса Веббы - английские экономисты, идеологи тред-юнионизма и Т. н. фабианского социализма - после посещения СССР в 1935 году написали апологетическую книгу о Советском Союзе.

⁵ Бюллетень оппозиции. 1936. № 50. С. 6.

М. Кольцов, которому Сталин поручал непосредственные контакты с видными западными литераторами, цинично реагировал на их попытки хотя бы робко критиковать советские порядки. Кольцов доверительно говорил Эренбургу: "Х что-то топорщится, я ему сказал, что у нас переводят его роман, наверно, успокоится", или: "У меня спрашивал, почему Будённый ополчился на Бабеля, я не стал спорить, просто сказал, чтобы он приехал к нам отдохнуть в Крым. Поживёт месяц хорошо - и забудет про "бабизм Бабеля". Однажды он с усмешкой добавил: "Z получил гонорар во франках. Вы увидите, он теперь поймёт даже то, чего мы с вами не понимаем"¹.

В книге "Возвращение из СССР" Жид описывал механизмы грубого подкупа зарубежных "гостей", посещавших Советский Союз. Он рассказывал, как двое его товарищей по поездке, у которых должны были выйти книги в Москве, "бегали по антикварным и комиссионным магазинам, не зная, как истратить несколько тысяч рублей, полученных в виде аванса... Что касается меня самого, то я смог лишь слегка почать громадную сумму, потому что мы ни в чём не нуждались, нам было предоставлено всё. Да, всё, начиная с расходов по путешествию и кончая сигаретами. И всякий раз, когда я доставал кошелек, чтобы оплатить счёт в ресторане или в гостинице, чтобы купить марки или газету, наш гид меня останавливала очаровательной улыбкой и повелительным жестом: "Вы шутите! Вы наш гость, и ваши товарищи тоже"².

Жид писал, что с самого начала поездки его настораживали и пугали соблазны и непомерные барыши, которые ему предлагали. "Я ехал в Советский Союз не за выгодами и привилегиями. Привилегии, с которыми я столкнулся там, были очевидными... Никогда я не путешествовал в таких роскошных условиях. Специальный вагон и лучшие автомобили, лучшие номера в лучших отелях, стол самый обильный и самый изысканный. А приём! А внимание! Предупредительность! Всюду встречают, обихаживают, кормят-поят. Удовлетворяют любые желания и сожалеют, что не в силах сделать это ещё лучше... Но это внимание, эта забота постоянно напоминали о привилегиях, о различиях там, где я надеялся увидеть равенство"³.

Когда Жиду с трудом удавалось уклониться от официальных приёмов, вырваться из-под присмотра сопровождавших его лиц и встретиться с рабочими, заработная плата которых составляла 4-5 рублей в день, он невольно вспоминал о банкетах, устраивавшихся в его честь. "Такие банкеты организовывались почти ежедневно и были столь обильны, что уже одними закусками можно было насытиться трижды, не прибегая к основным яствам... Во что же они могли обходиться! Мне ни разу не удалось видеть счёт, и я не могу назвать сумму. Но один из моих спутников, осведомлённый в ценах, считает, что подобный банкет мог обходиться в 300 с лишним рублей с человека, включая стоимость вин и ликёров. А нас было шестеро, даже семеро с переводчиком, кроме того, приглашённых часто бывало столько же, сколько гостей, а иногда и значительно больше". Удрученный всем этим, Жид тщетно пытался убедить

¹ Эренбург И. Собр. соч. Т. 9. М., 1967. С. 133.

² Два взгляда из-за рубежа. С. 132.

³ Там же. С. 132-133.

Кольцова в том, что такое обжорство "не только абсурдно, оно аморально, антисоциально"¹.

Жид пришёл к выводу, что в его "советских приключениях есть нечто трагическое. Убеждённым сторонником, энтузиастом я ехал восхищаться новым миром, а меня хотят купить привилегиями, которые я так ненавидел в старом". Писатель резонно полагал, что его "гостеприимные" хозяева пытались подобными авансами оплатить его будущую книгу, в которой ожидали встретить восторженное описание советской действительности. Злобные выпады, которыми советская печать откликнулась на "Возвращение из СССР", объяснялись писателем, в частности, тем, что он "оказался не слишком "рентабельным"².

Разумеется, апологетические оценки "друзей СССР" были вызваны не только расточительным приёмом, который оказывался им в Советском Союзе, или искусственной изоляцией их во время поездок по стране от всех непривлекательных сторон советской жизни.

Поворот деятелей западной культуры в сторону поддержки сталинизма объяснялся прежде всего кардинальными сдвигами на мировой политической арене. Ещё в начале 30-х годов демократическая общественность Запада, социал-реформистская и тред-юнионистская печать с тревогой и возмущением реагировали на эксцессы насильственной коллективизации и фальсифицированные процессы над беспартийными специалистами. Сообщения об этих событиях не только отталкивали от Советского Союза западную интеллигенцию, но и помогли Гитлеру отнять миллионы голосов у коммунистов, поскольку он уверял, что в случае их победы на выборах подобное ожидает и Германию.

Когда же Гитлер пришёл к власти, то "коричневая чума" стала представляться западным гуманистам наиболее реальной, серьёзной и близкой опасностью. В обстановке острейшего политического кризиса, раздиравшего капиталистический мир, Советский Союз, придерживавшийся не наступательной, а оборонительной стратегии, казался реальной силой, способной противостоять экспансионистским режимам в Европе и Азии, несущим угрозу самому существованию буржуазно-демократических государств, да и устоям человеческой цивилизации вообще. Западные аналитики приходили к выводу, что Сталин отказался от переноса "большевистского эксперимента" в другие страны и всецело озабочен упрочением советской государственности и подготовкой к защите своей страны от иностранного нашествия.

В этих условиях даже деятели реформистского крыла рабочего движения доверчиво воспринимали стереотипы советской пропаганды о Сталине как борнике демократических и гуманистических принципов, считали преувеличенными сообщения о терроре в Советском Союзе и упорно игнорировали предупреждения Троцкого о том, что сталинисты обрабатывают общественное мнение в преддверии новых, ещё более чудовищных расправ. Факты сталинских репрессий, с горечью отмечал Троцкий, хорошо известны рабочей бюрократии капиталистических стран, но "за последние два года она сознательно и злобно замалчивает их"³.

¹ Там же. С. 133-134.

² Там же. С. 134.

³ Бюллетень оппозиции. 1936. № 48. С. 8.

В то время, когда Троцкий призывал все левые и демократические силы к борьбе за защиту революционеров, томившихся и гибнущих в сталинских застенках, даже лучшие деятели западной культуры соблюдали "заговор молчания" по поводу преследований "троцкистов" в Советском Союзе. Когда в 1933 году американский публицист М. Истмен обратился к Т. Драйзеру с просьбой выступить в защиту сторонников Троцкого, арестованных в СССР, писатель ответил: "Я поразмыслил, серьёзно, как на молитве, об этом деле, касающемся Троцкого. Я очень сочувствую его сторонникам в том положении, в которое они попали, но тут встает вопрос выбора. Какова бы ни была природа нынешней диктатуры в России - несправедливая или как хотите, - победа России важнее всего. Я согласен с Линкольном: нельзя менять лошадей при переправе через поток. Пока нынешнее напряжённое военное положение не смягчится - если только существует возможность его смягчения - и пока вопрос о японской опасности не прояснится, я не хотел бы делать ничего такого, что могло бы нанести ущерб положению России. И, с божьей помощью, не сделаю"¹. Так геополитические соображения вытесняли, и отнюдь не у одного Драйзера, заботу о правах человека в Советском Союзе.

Далеко не все западные гуманисты находились всецело во власти иллюзий, заблуждений и самообмана о событиях в СССР. Многим из них была доступна достаточно широкая и правдивая информация. Так, Ромен Роллан, посетивший в 1935 году Советский Союз, пытался помочь некоторым жертвам репрессий и внёс свой вклад в освобождение Виктора Сержа, подняв об этом вопрос в беседе со Сталиным. Вместе с тем сталинистам удалось внушить Роллану, что советским вождям угрожает постоянная опасность со стороны террористов. "Вы себе, наверное, не представляете, - писал 9 декабря 1936 года Роллан С. Цвейгу, - что тамошние деятели живут в окружении убийц. Незадолго до моего приезда сам Сталин чуть не стал жертвой одного из них, прямо в Кремле"^{2*}. Сталина я очень уважаю"³.

Однако по мере того, как Роллан узнавал о новых арестах хорошо знакомых ему людей, в безупречности которых он не сомневался, его охватывала всё большая тревога. На письмо немецкого писателя Г. Гессе, просившего его ходатайствовать за освобождение двух арестованных, Роллан ответил, что в Ленинграде арестован и его друг, которого он знал на протяжении двадцати лет. "Я за него заступался, горячо, как только мог; я писал всем руководителям (два раза - Сталину), писал всем тем, кто его знали и могли ему помочь; и за восемь месяцев не получил ни слова в ответ. Так же обстоит дело со всеми письмами, которые я написал в течение двух лет в защиту большого числа других людей, арестованных или пропавших без вести, мне лично знакомых. Ответ - молчание... Когда был жив Горький, я многое мог сделать через него. Теперь ничего не могу"⁴.

¹ Цит. по: Мотылёва Т. Друзья Октября и наши проблемы - Иностранная литература. 1988. № 4. С. 160.

² Подобная версия не фигурировала даже в официальных сообщениях советской печати.

³ Там же. С. 165.

⁴ Там же.

В дневнике Роллана встречаются записи о "двуликости" Сталина и о советском режиме как строе "абсолютно бесконтрольного произвола, без малейшей гарантии, оставленной элементарным свободам, священным правам справедливости и человечности". Испытывая по этому поводу "боль и возмущение", Роллан тем не менее считал, что не может "высказать ни малейшего осуждения этого режима без того, чтобы бешеные враги во Франции и во всём мире не воспользовались моими словами как оружием, отравив его самой преступной злой волей"¹. Поэтому в публичных выступлениях он продолжал неизменно выступать в поддержку Сталина и повторять клевету о "троцкистах" с таким рвением, что Троцкий даже собирался возбудить против него процесс по обвинению в диффамации.

В открытом письме Сталину, написанном 20 июля 1935 года, Роллан заявлял: "Единственно настоящий мировой прогресс неотделимо связан с судьбами СССР", и поэтому "обязательным долгом во всех странах является защита его против всех врагов, угрожающих его подъёму. От этого долга, - Вы это знаете, дорогой товарищ; - я никогда не отступал, не отступлю никогда до тех пор, пока буду жив"².

Трагическое противоречие заключалось в том, что в абстрактной форме и во всемирно-историческом смысле такая позиция была истинной и прогрессивной. Однако либеральные "друзья СССР" не были способны подняться до мысли, что действительная защита СССР неотделима от борьбы против сталинизма, представлявшего угрозу делу прогресса в Советском Союзе и во всём мире.

Понимание этой исторической диалектики должно было вести каждого человека, которому были дороги социалистические и общедемократические идеалы, в лагерь международной левой оппозиции, формирующегося IV Интернационала. Однако на такой шаг, который мог бы вызвать радикальные изменения в соотношении антифашистских сил, западные гуманисты не могли решиться. Они опасались революции в своих странах с сопутствующими ей неизбежными эксцессами, гражданской войной и т. д. Таким людям "миролюбивый" Сталин, свернувший знамя мировой революции, казался ближе, чем Троцкий с его революционными призывами. Поэтому они предпочитали оставаться в плену иллюзий о возможностях гуманизации и демократизации сталинского режима и вращались в порочном кругу колебаний и опасений в том, что критика сталинизма может сыграть на руку реакционным силам и нанести ущерб Советскому Союзу. Приняв превосходство сосредоточенной в руках Сталина материальной силы за превосходство его исторической правоты, они отождествляли Советский Союз и Сталина и демонстрировали своё единство со сталинистами на международных антифашистских конгрессах, поднимавших престиж и авторитет Сталина.

В 1933 году Г. Федотов писал, что "на Западе обращаются к Москве не только рабочие, но и лучшие представители интеллигенции, задыхающиеся в злобе и хаосе послевоенной Европы, и целые народы, обездоленные Версаль-

¹ Цит. по: Медведев Р. О Сталине и сталинизме. С. 425.

² Роллан Р. Собр. соч. Т. 13. М., 1958. С. 392.

ским миром"¹. Замечая, что Советскому Союзу сочувствуют почти "все порядочные люди в Европе... по крайней мере все люди со встревоженной совестью, устремлённые к будущему", Федотов находил объяснение этому в том, что "человек, имеющий общественный идеал, стремится видеть его уже воплощённым в действительности - настоящей или прошлой. Конкретность воплощения, пусть обманчивая, даёт силы жить и бороться с действительностью отрицаемой"².

Справедливость этого вывода подтверждается словами Андре Жида о своих иллюзиях, разделявшихся и многими другими деятелями западной культуры: "Кто может определить, чем СССР был для нас? Не только избранной страной - примером, руководством к действию. Всё, о чём мы мечтали, о чём помышляли, к чему стремились наши желания и чему мы готовы были отдать силы, - всё было там. Это была земля, где утопия становилась реальностью. Громадные свершения позволяли надеяться на новые, ещё более грандиозные. Самое трудное, казалось, было уже позади, и мы со счастливым сердцем поверили в неизведанные пути, выбранные им во имя страдающего человечества"³.

В условиях очевидного кризиса капиталистической системы и победы такого её страшного порождения, как германский фашизм, А. Жид видел в Советском Союзе живое доказательство "осуществления смутной ещё мечты и неопределившихся желаний"⁴. Эту мысль, содержащуюся в предисловии к изданному в Москве собранию его сочинений, писатель повторил на международном конгрессе защиты культуры, председателем которого он был избран: "СССР для нас теперь зрелище невиданного ещё значения, огромная надежда, скажу прямо, пример"⁵.

Поездка Жида в СССР в 1936 году и была, собственно, вызвана желанием писателя лично убедиться в победе "порыва, способного увлечь всё человечество", "беспрецедентного эксперимента", ради помощи которому "стоит отдать жизнь"⁶. Этим патетическим настроением были проникнуты первые выступления Жида в Советском Союзе. Обуревавшие его восторженные чувства были столь велики, что он даже готов был отказаться от своих представлений о назначении писателя как критика социальной действительности. "До сих пор во всех странах света крупный писатель почти всегда был в той или иной степени мятежником и бунтарем, - говорил он. - ...Сейчас в Советском Союзе вопрос впервые встает иначе: будучи революционером, писатель не является больше оппозиционером. Наоборот, он выражает волю масс всего народа и, что прекраснее всего, - волю его вождей... И это лишь одно из многого, чем может гордиться СССР в эти замечательные дни, которые продолжают потрясать наш старый мир"⁷.

Однако по мере знакомства с Советским Союзом энтузиазм писателя резко шёл на убыль. Его отрезвила и насторожила прежде всего изощённая идеоло-

¹ Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Т. II. С. 17.

² Там же. С. 5.

³ Два взгляда из-за рубежа. С. 64.

⁴ Жид А. Собр. соч. в 4 томах. Т. I. Л., 1935. С.1.

⁵ Известия. 1935.17 июня.

⁶ Два взгляда из-за рубежа. С. 62-63.

⁷ Правда. 1936. 27 июня.

гическая обработка, которой он подвергался со стороны сопровождавших его в поездке официальных лиц, в первую очередь М. Кольцова.

"Я хорошо знаю, - писал Жид, рассказывая о кажущейся откровенности и доверительности Кольцова, - что он не скажет ничего лишнего, но он говорит со мной таким образом, чтобы я мог почувствовать себя польщённым его доверием... Он начинает:

-Представьте себе, наши лучшие рабочие-стахановцы в массовом порядке бегут с заводов. - И как вы это объясняете? - Ну, это - просто. Они получают такую громадную зарплату, что не могут её потратить, даже если бы захотели, на неё пока ещё мало что можно купить. Вот в этом и заключена для нас большая проблема. Дело в том, что люди откладывают деньги, и когда у них накопится несколько тысяч рублей, они компаниями отправляются роскошно отдыхать на нашу Ривьеру. И мы не можем их удержать. Поскольку это лучшие рабочие, они знают, что их всегда примут обратно"¹.

Жид не поверил Кольцову, как не поверил и беззастенчивой лжи приставленного к нему гида, уверявшего его при посещении образцового колхоза, что колхозники сами "распределяют между собой доходы, без каких-либо отчислений государству"². Чувствуя, что его обманывают, писатель стал более пристально вглядываться в окружающую действительность и начал понимать, что она разительно противоречит его былым представлениям о Советском Союзе. Когда же он убедился, что редакторы советских газет вносят дополнения и "уточнения" в его статьи и речи, вычеркивая из них "малейшие критические суждения, то заявил, что отказывается от всего опубликованного под его именем во время пребывания в СССР и расскажет о своих подлинных впечатлениях после возвращения на родину.

Таким рассказом стала книга "Возвращение из СССР", за которую коммунистическая и леволиберальная пресса обвинили Жида в клевете на Советский Союз. Тогда писатель обратился к Троцкому, Виктору Сержу и другим деятелям международной левой оппозиции, от которых получил материалы, подтверждающие его выводы и раскрывающие то, о чём он только смутно догадывался. Во второе издание своей книги Жид включил раздел "Поправки к моему "Возвращению из СССР", в котором писал: "Пришло время для коммунистической партии Франции открыть глаза, чтобы перестали ей лгать. Или, если сказать по-другому, чтобы трудящиеся поняли, что коммунисты их обманывают так же, как их самих обманывает Москва"³.

Опровергая бытовавшее среди западных либералов мнение, будто Сталин стал "жертвой бюрократии, созданной сначала для управления, а потом и для угнетения", Жид отмечал: бюрократы, служащие своим собственным интересам, одновременно служат интересам Сталина. "Чем никчемнее эти люди, тем более Сталин может рассчитывать на их рабскую преданность, потому что привилегированное положение им как подарок. Само собой разумеется, что именно они горячо одобряют режим"⁴. Развращённая привилегиями бюрокра-

¹ Два взгляда из-за рубежа. С. 145-146.

² Там же. С. 77.

³ Там же. С. 131.

⁴ Там же. С. 127.

тия не представляет опасности для Сталина, который "боится только тех, кто довольствуется малым, кто честен и неподкупен"¹.

Главный рычаг политического поведения Сталина Жид видел в объявлении "оппозицией" всякой критики и свободы мысли. "Скоро... в его окружении не останется людей, способных предлагать идеи. Такова особенность деспотизма - тиран приближает к себе не думающих, а раболепствующих"².

Наблюдения над социальными контрастами советской жизни привели писателя к выводу, что "советский рабочий превратился в загнанное существо, лишённое человеческих условий существования, затравленное, угнетённое, лишённое права на протест и даже на жалобу, высказанную вслух"³. Поэтому Жид решительно отказывался признавать советскую политическую систему диктатурой пролетариата. "Да, конечно, диктатура. Но диктатура одного человека, а не диктатура объединившегося пролетариата, Советов. Важно не оболыщаться и признать без обиняков: это вовсе не то, чего хотели. Ещё один шаг, и можно будет даже сказать: это как раз то, чего не хотели"⁴.

Политическое бесправие советских людей, как отмечал Жид, прикрывается мимикрийными формами "самокритики", которая, помимо доноительства и критических замечаний по мелочным поводам, сводится к тому, чтобы "постоянно вопрошать себя, что соответствует или не соответствует "линии". Спорят отнюдь не по поводу самой "линии". Спорят, чтобы выяснить, насколько такое-то произведение, такой-то поступок, такая-то теория соответствует этой священной "линии". И горе тому, кто попытался бы от неё отклониться". С этой идеологической системой примиряются не те, кто делали революцию, а те, кто воспользовались её плодами. Такие люди с готовностью повторяют любую статью "Правды", которая "каждое утро им сообщает, что следует знать, о чём думать и чему верить"⁵.

Подобное приспособленчество и покорность Жид связывал с вытеснением коллективизма мещанским индивидуализмом, с "обуржуазиванием, одобряемым и поощряемым сейчас правительством". Восстановление в СССР личной собственности и права наследования он объяснял тем, что Сталин, готовясь к войне, делает ставку не на революционную солидарность трудящихся, а на силы мелкобуржуазного эгоизма. В результате этого "революционное сознание (и даже проще: критический ум) становится неуместным, в нём уже никто не нуждается... Хотят и требуют только одобрения всему, что происходит в СССР". Тех же, в ком ещё бродит революционный дух и кто отваживается на малейший протест и малейшую критику, проклинают и уничтожают. "И не думаю, чтобы в какой-либо другой стране сегодня, хотя бы и в гитлеровской Германии, сознание было бы так несвободно, было бы более угнетено, более запугано (терроризировано), более порабощено"⁶.

¹ Там же. С. 153.

² Там же. С. 136-137.

³ Там же. С. 121.

⁴ Там же. С. 90-91.

⁵ Там же. С. 78, 79.

⁶ Там же. С. 86-87.

Подытоживая свои наблюдения, Жид с чувством глубокой горечи и тревоги писал, что при сохранении сталинского режима "вскоре от этого прекрасного героического народа, столь достойного любви, никого более не останется, кроме спекулянтов, палачей и жертв"¹. Свою книгу он заканчивал трагическим аккордом: "Советский Союз не оправдал наших надежд, не выполнил своих обещаний, хотя и продолжает навязывать нам иллюзии. Более того, он предал все наши надежды. И если мы хотим, чтобы надежды всё же уцелели, нам надо многое пересмотреть. Но мы не отвернём от тебя наши взгляды, славная и мученическая Россия. Если сначала ты была примером, то теперь - увы! - ты показываешь нам, как революция ушла в песок"².

Несмотря на столь трагические выводы, писатель подчёркивал, что даже ошибки одной страны не дают оснований усомниться в справедливости социалистической идеи, "истины, которая служит общечеловеческому, интернациональному делу"³.

О том, что позиция Жида разделялась многими его современниками, свидетельствовали отклики на его книгу, включённые во второе её издание. В них подчёркивалась иллюзорность представлений о победе социализма в СССР, прежде всего потому, что вновь возникшее там неравенство увеличивается "с регулярностью накатывающихся друг на друга волн"⁴. Старый революционер М. Мартине, порвавший с французской компартией, писал: "Думаю, вы поймёте теперь, что могли испытывать люди, защищавшие Октябрьскую революцию с первого её часа... отдавшие ей безраздельно и увидевшие, как мало-помалу (со времени смерти Ленина) её отвоевывает старый мир"⁵. Бывший немецкий коммунист А. Рудольф, проработавший более трёх лет в СССР, подчёркивал: "В результате тяжких сомнений и мучительной внутренней борьбы я пришёл к тем же самым выводам, что и вы - человек из другой среды и из другой страны... Всё, что происходит в СССР, может дискредитировать саму идею. Эта опасность кажется мне громадной. Громадной потому, что... множество искренних революционеров будет отождествлять СССР с социализмом и сталинскую политику - с социально справедливым строем. И, надо сказать, эта ошибка парализует лучшие силы человеческого прогресса"⁶.

Лишь немногие деятели западной культуры отважились на такую решимость, которую проявил Андре Жид в критике сталинизма. И уж совсем небольшая их часть (например, Андре Бретон, Диего Ривера) пошла дальше по этому пути, признав правоту дела IV Интернационала. Большинство же западных интеллигентов воспринимало "троцкистов" как незначительную секту, которая к тому же придерживается "утопической" идеи мировой революции.

Протестующий голос властителей дум на Западе мог бы в немалой степени сдерживать разгул сталинского террора. Однако они продолжали хранить молчание, тем самым невольно способствуя тому, чтобы этот террор перешёл все

¹ Там же. С. 121.

² Там же. С. 138.

³ Там же. С. 65.

⁴ Там же. С. 158.

⁵ Там же. С. 161.

⁶ Там же. С. 159-160.

мыслимые пределы. В "Поправках к моему "Возвращению из СССР", написанных в июне 1937 года, Жид возлагал значительную долю ответственности за лёгкость, с которой Сталин вершил своё страшное дело, на западных коммунистов и либеральных "друзей СССР". "С кляпом во рту, угнетённый со всех сторон, народ почти лишён возможности к сопротивлению, - писал он. - Увы, игра... уже выиграна Сталиным - под громкие аплодисменты коммунистов всего мира, которые ещё продолжают верить и будут верить ещё долго, что они, по крайней мере в Советском Союзе, одержали победу, будут считать врагами и предателями всех, кто не аплодирует"¹. За мучеников сталинского режима, "которые не смогли, не захотели склонить голову, как от них требовали... никто не вступится. Разве что правые газеты вспомнят, чтобы поносить режим, который они ненавидят. Те же, кому дороги идеи свободы и справедливости, кто борется за Тельмана - Барбюсы и Ролланы - умолкли, они молчат. И вокруг них - ослеплённые пролетарские массы"².

Если в 60-80-е годы репрессии против диссидентов в СССР, не соизмеримые по своим масштабам и жестокости со сталинским террором, вызывали постоянный протест западных правительств и западной общественности, то в 30-е годы гибель сотен тысяч людей в тюрьмах и лагерях не встретила серьёзного негодующего отклика за рубежом. Тому были серьёзные политические основания. В послесталинский период деятельность большинства диссидентов носила открыто антикоммунистический характер, была ориентирована на поддержку капиталистического Запада, прямо апеллировала к нему и способствовала ослаблению "сверхдержавы", противостоявшей сплочённому капиталистическому лагерю. В отличие от этого, в 30-е годы закоренелые враги большевизма понимали, что беспрепятственное проведение великой чистки, антикоммунистической по своей сути, подрывающей экономическую, политическую и военную мощь Советского Союза, служит их классовым и геополитическим интересам³. Характерно, что даже в разгар "холодной войны" 40-х годов Черчилль называл Сталина "великим революционным вождём и мудрым русским государственным деятелем и воином"⁴ и с явным одобрением вспоминал о его расправе со "старой гвардией коммунистов", о "беспощадной, но, возможно, небесполезной чистке военного и государственного аппарата в Советской России и ряде процессов... на которых Вышинский столь блестяще (sic! - В. Р.) выступал в роли государственного обвинителя"⁵.

Конечно, позиция западных гуманистов, замалчивавших, а то и прямо оправдывавших сталинские репрессии, диктовалась иными мотивами, чем позиция буржуазных политиков. Поведение демократической интеллигенции Запада представляло собой её трагическую вину, вызывалось заблуждением всемирно-исторического масштаба. Отход многих из них от безоговорочной поддержки сталинизма произошёл только тогда, когда СССР и международное

¹ Там же. С. 127.

² Там же. С. 137.

³ О том, что забота о правах человека и сегодня не является приоритетной целью правящих кругов капиталистических стран, ярко свидетельствует их реакция на сентябрьско-октябрьские события 1993 года в России.

⁴ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. С. 510.

⁵ Там же. Кн. 1. С. 132.

коммунистическое движение оказались обескровленными, а мир стремительно катился к новой мировой войне. Но даже тогда, слепо надеясь избежать этой войны и видя банкротство политиков буржуазно-демократических государств, сдававших Гитлеру одну позицию за другой, "друзья СССР" закрывали глаза на предательство Сталиным дела социализма и на перспективу его сговора с Гитлером, о которой неустанно предупреждал Троцкий.

Позорное молчание западной интеллигенции было результатом иррационального, но реального выбора: поддерживать ли СССР, который мог уничтожить гитлеризм, или вступить в бескомпромиссную борьбу за права человека в Советском Союзе, тем самым нанося ему геополитический ущерб. Здесь имела место ситуация выбора из двух зол, ни одно из которых не является "меньшим". В таких условиях, как известно, любой выбор оказывается безнравственным¹*

Чем ближе к реальностям такого выбора находится человек - тем тяжелее и отчаяннее становится его выбор. Яркий пример этому - поведение Л. Фейхтвангера. Заглянув в лицо фашизму непосредственно в своей стране, он оказался в той иррациональной плоскости, где любой враг "своего" врага может рассчитывать на поддержку. Поэтому он был обречён на сознательную и бессознательную ложь о Сталине и о положении в СССР.

Именно Фейхтвангеру принадлежала пальма первенства в дезинформировании западной общественности о событиях в Советском Союзе.

¹ Мы не касаемся здесь такой важной темы, требующей специального рассмотрения, как отношение к СССР прогрессивных деятелей Востока, нашедшее выражение в оценках М. Ганди, Р. Тагора, Д. Неру и др. Отметим лишь, что это отношение было особым, глубоко связанным с принципиально отличным от западного уровнем и образом жизни, с жизненной философией миллионов голодных, полностью обездоленных людей. Для Востока в опыте СССР был важен прежде всего прорыв страны из отсталости и той безнадежной нищеты, которую Запад уже забывал, а, может быть, и не знал никогда.

XLVIII

Советский союз глазами Лиона Фейхтвангера

После посещения СССР в конце 1936 - начале 1937 года Фейхтвангер выпустил свою печально знаменитую книгу "Москва 1937. Отчёт о поездке для моих друзей".

Одной из её главных целей было развенчание критических оценок А. Жида. Уже в первые дни пребывания в Москве Фейхтвангер опубликовал статью "Эстет о Советском Союзе", в которой называл книгу Жида "ударом по социализму, ударом по прогрессу всего мира"¹. Однако, как явствует из недавно опубликованных архивных материалов, Фейхтвангера во время его поездки не покидала мысль о правдивости наблюдений Жида. Приставленная к писателю переводчица Каравкина в одном из своих донесений сообщала, что во время подготовки к публикации в "Правде" статьи о Жиде Мехлис предложил Фейхтвангеру переделать некоторые её места, снять критические замечания о культе Сталина. По этому поводу Фейхтвангер излил переводчице "всё своё негодование" и заявил, что оправдываются слова Жида об отсутствии в СССР свободы мнений. Хотя Каравкина поспешила разъяснить писателю, что "отношения советских народов к товарищу Сталину совершенно ложно называть "культом", Фейхтвангер "долго кипятился, говорил, что ничего не будет менять, но когда пришла Мария Остен (сотрудница "Правды" - В. Р.), он уже остыл, смиреннько сел с ней в кабинете и исправил то, что она просила, за исключением фразы о "терпимости", которую ни за что не хотел выбросить"².

В другом донесении Каравкина докладывала о тягостном впечатлении Фейхтвангера от встречи с Димитровым, которого писатель специально посетил для беседы о процессе троцкистов. Фейхтвангер рассказывал, что Димитров очень волновался, говоря на эту тему, "объяснял ему полтора часа, но его не убедил"³.

Кульминационным моментом пребывания Фейхтвангера в СССР стала его трёхчасовая встреча со Сталиным. Рассказывая о ходивших по Москве слухах, И. Райсс писал, что в кругах, где ещё рискуют "откровенничать" среди близких, говорили об отрицательном впечатлении, сложившемся у Фейхтвангера от этой встречи, и передавали друг другу частушку:

"И показался у дверей с каким-то странным видом,

Эх, как бы этот еврей не оказался Жидом"⁴.

Однако, если судить по описанию этой встречи самим Фейхтвангером, Сталин явно сумел "переиграть" своего собеседника. Писатель рассказывал о своих опасениях, что разговор со Сталиным может превратиться "в более или менее официальную приглашенную беседу, подобную тем, которые Сталин вёл два-три раза с западными писателями". В начале встречи эти опасения по-

¹ Правда. 1936. 30 декабря.

² Литературная газета. 1989. 4 октября.

³ Там же.

⁴ Бюллетень оппозиции. 1937. № 60-61. С. 14.

казались ему оправданными: Сталин говорил общими фразами, пересыпанными шаблонными оборотами партийного лексикона. Но затем, как не без гордости сообщал Фейхтвангер, Сталин проникся к нему доверием: "Я почувствовал, что с этим человеком могу говорить откровенно... И он отвечал мне тем же... Не всегда соглашаясь со мной, он всё время оставался глубоким, умным, вдумчивым"¹.

Взаимная откровенность собеседников выразилась, по словам писателя, прежде всего в том, что Сталин не уклонился от обсуждения темы о "безвкуском и не знающем меры культе его личности". Переведя это обсуждение в русло выдвинутого Фейхтвангером аспекта вкуса, он "извинил своих рабочих и крестьян тем, что они были слишком заняты другими делами и не могли развить в себе хороший вкус". Сталин утверждал, что ему "докучает такая степень обожания, и он сам иногда над этим смеётся", однако "всю эту шумиху терпит только потому, что он знает, какую наивную радость доставляет праздничная суматоха её устроителям". Когда же Фейхтвангер привел вовсе абсурдные примеры, например, с установкой сталинского бюста при входе на выставку Рембрандта, Сталин заявил, что "тут действует умысел вредителей, пытающихся таким образом дискредитировать его". Подобными высказываниями Сталин вселил в писателя уверенность, что он, "в противоположность другим стоящим у власти лицам, исключительно скромн"².

В целом повествование Фейхтвангера оказалось выдержанным в духе, всецело отвечающем канонам сталинистской пропаганды. Оно включало три основные темы: 1) благосостояние советских людей; 2) их мироощущение; 3) политический режим.

Говоря о благосостоянии, Фейхтвангер исходил из предоставленных ему официальных данных советской статистики. Он сообщал читателю, что на одного жителя в СССР приходится продуктов больше и лучшего качества, чем в Германии и Италии, что реальная заработная плата советских рабочих выросла с 1929 года на 278 процентов, что каждый работающий пользуется ежемесячным оплачиваемым отпуском, а Москва по степени развитости общественного транспорта находится на первом месте в мире. Прибавляя к этим статистическим данным свои "личные наблюдения", писатель утверждал, что "благодаря электрификации Москва сияет ночью, как ни один город в мире", что в московских магазинах можно "в большом выборе получить продукты питания по ценам, вполне доступным среднему гражданину Советского Союза", и в целом "весь громадный город Москва дышал удовлетворением и согласием и более того - счастьем"³.

В повествование об образе жизни советских людей Фейхтвангер вносил и некоторые "критические" ноты. Он упоминал о жилищной нужде, отсутствии комфорта и наличии "множества мелких неудобств, осложняющих повседневный московский быт". К таким "неудобствам" он относил, например, доступность "бесчисленных домов отдыха" и других социальных объектов только членам профсоюзов, в результате чего, как полушутливо добавлял писатель,

¹ Фейхтвангер Л. Москва 1937. Отчёт о поездке для моих друзей. М., 1937. С. 85-86.

² Там же. С. 63-65.

³ Там же. С. 10-11, 22.

иностранный посол "с тоской стоит в праздничные дни перед рабочими бассейнами для плавания: он никуда не имеет доступа". Выражая уверенность, что в ближайшем будущем исчезнут и "мелкие недочёты", писатель приписывал такую же уверенность советским людям, которые "точно знают, что через два года у них будет одежда в любом количестве и любого качества, а через десять лет и квартиры в любом количестве и любого качества"¹.

Осуждая с особым негодованием высказывания Жида о социальном неравенстве в СССР, Фейхтвангер утверждал, что "товарищ строительный рабочий, поднявшийся из шахты метро, действительно чувствует себя равным товарищу народному комиссару"². Его рассказы о "счастливой жизни" советских людей в ряде случаев основывались на наблюдениях над бытом той среды, в которой он вращался, - учёных, писателей, художников, актёров, которых, по его словам, государство "бережёт, балует почётом и высокими окладами"³. Однако с такой же непрекаемостью Фейхтвангер уверял, что "больше всех разницу между беспросветным прошлым и счастливым настоящим чувствуют крестьяне", которые имеют обильную еду и "ведут своё сельское хозяйство разумно и с возрастающим успехом"⁴.

Такое описание советской действительности, похожее на нарядный лубок, сопровождалось рассказами о "наивной гордости", с которой советские люди воспринимают свою "счастливую жизнь", и о "таком доверии к руководству, какого мне нигде до сих пор не приходилось наблюдать".

Повествуя о политическом режиме, Фейхтвангер, высказывал неожиданную в устах либерального писателя мысль о том, что "никогда правительство, постоянно подвергающееся нападкам со стороны парламента и печати и зависящее от исхода выборов, не смогло бы заставить население взять на себя тяготы, благодаря которым только и было возможно проведение этого (социалистического - В.Р.) строительства"⁵. Такое принуждение со стороны бесконтрольного правительства писатель считал полностью оправданным, поскольку "тяготы", по его мнению, остались уже позади, а "большая часть пути к социалистической демократии уже пройдена"⁶. Правда, он называл некоторые "недочёты" и в этой области, выразившиеся в господстве "стандартизованного оптимизма": "соборания, политические речи, дискуссии, вечера в клубах - всё это похоже, как две капли воды, друг на друга"⁷. Однако, Фейхтвангер не находил "предосудительным" этот "пресловутый конформизм", равно как и политические запреты, распространявшиеся, по его словам, лишь на высказывания о невозможности победы социализма в одной стране без мировой революции. По всем остальным вопросам, как он заявлял, существует полная свобода критики. Свой рассказ о политическом режиме Фейхтвангер завершал утверждением: "Хотя средства, применявшиеся Сталиным, "зачастую и были

¹ Там же. С. 7, 13, 16.

² Там же. С. 34.

³ Там же. С. 41.

⁴ Там же. С. 16.

⁵ Там же. С. 57.

⁶ Там же. С. 53.

⁷ Там же. С. 36.

не совсем ясны,.. Сталин искренен, когда он называет своей конечной целью осуществление социалистической демократии"¹.

Возвращаясь к вопросу о "безвкусно преувеличенном культе Сталина", писатель давал такое объяснение этому "чрезмерному поклонению" и "обожествлению": советские люди "чувствуют потребность выразить свою благодарность, своё беспредельное восхищение. Они действительно думают, что всем, что они имеют и чем они являются, они обязаны Сталину... Народ должен иметь кого-нибудь, кому он мог бы выражать благодарность за несомненное улучшение своих жизненных условий, и для этой цели он избирает не отвлечённое понятие, не абстрактный "коммунизм", а конкретного человека - Сталина". К этому писатель присовокупил излюбленную западными интеллектуалами ссылку на специфические свойства "русской души": "Русский склонен к преувеличениям, его речь и жесты выражают в некоторой мере превосходную степень, и он радуется, когда он может излить обуревающие его чувства"².

Утверждая, что он нигде не находил признаков, указывающих на искусственность любви к Сталину, Фейхтвангер ссылался на то, что в народе якобы ходят сотни "анекдотов" о Сталине, неизменно сводящихся к тому, "как близко он принимает к сердцу судьбу каждого отдельного человека". В подтверждение писатель приводил переданный ему "анекдот" о том, как Сталин "буквально насильно заставил одного чересчур скромного писателя, не заботящегося о себе, переехать в просторную, приличную квартиру". Чтобы читатель не мог подумать, что подобные "анекдоты" спускаются сверху, Фейхтвангер специально подчёркивал, что они "передаются только из уст в уста и лишь в исключительных случаях появляются в печати"³.

Для доказательства того, что всевластие Сталина благополучно сочетается с демократией, Фейхтвангер приводил "шутливые слова" некоего "советского филолога": "Чего вы, собственно хотите? Демократия - это господство народа, диктатура - господство одного человека. Но если этот человек является таким идеальным выразителем народа, как у нас, разве тогда демократия и диктатура - не одно и то же?" Комментируя этот верноподданический (с претензией на некую "смелость" и "оригинальность") софизм, Фейхтвангер замечал, что он "имеет очень серьёзную почву"⁴.

Не менее софистический характер носила трактовка Фейхтвангером вопроса о причинах обильного "засорения" страны вредителями. Осуждая "психоз вредительства", охвативший население, писатель, однако, тут же заявлял: "Если, например, проблема снабжения кожей и обувью "всё ещё недостаточно урегулирована, то, несомненно, виновниками этого являются те кулаки, которые в своё время вредили в области скотоводства". Помимо кулаков, Фейхтвангер считал бесспорными вредителями и тех коммунистов, которые были хорошими борцами в гражданской войне, но не сумели стать умелыми

¹ Там же. С. 65.

² Там же. С. 59-60.

³ Там же. С. 63.

⁴ Там же. С. 58.

руководителями в мирное время. За это их сняли с высоких постов и "понятно, что многие из них теперь стали противниками режима"¹.

В свою книгу Фейхтвангер включил отдельную главу "Сталин и Троцкий" (к ней примыкает глава "Явное и тайное в процессах троцкистов", анализ которой выходит за рамки проблематики нашей книги). Здесь известный мастер политического портрета выступает в роли жалкого ремесленника, превосходящего своим усердием даже подмастерьев сталинской школы фальсификаций.

Мера "объективности" Фейхтвангера ограничилась тем, что он признавал Троцкого "превосходным писателем" и "хорошим оратором, пожалуй, лучшим из существующих"^{2*}. Во всём остальном писатель считал неоспоримым политическое и нравственное превосходство Сталина над Троцким. Выражением этого превосходства он называл распоряжение Сталина поместить портрет Троцкого в "Истории гражданской войны"^{3*}, несмотря на то, что книга Троцкого (по-видимому, "Моя жизнь" -В.Р.) "полна ненависти, субъективна от первой до последней страницы, страстно несправедлива по отношению к Сталину"⁴.

В трактовке личности и судьбы Троцкого Фейхтвангер исходил из того, что Троцкий, будучи "типичным только-революционером", оказался "ни к чему не пригоден там, где требуется спокойная, упорная, планомерная работа", и к тому же отличался "повышенной требовательностью", которая "сделала из него сварливого доктринёра, стремившегося принести и принесшего несчастья, и это заставило огромные массы забыть его заслуги"⁵.

Глава о Сталине и Троцком - яркий пример того, в какой степени публицистическая предвзятость и заданность выводов способны оглушить даже талантливого художника, берущего на себя роль судьи в современном политическом противоборстве. Вступая в сферу, казалось бы, являющуюся его стихией, - обрисовки и характеристики крупнейших политических фигур своего времени, автор искал объяснение судеб их идей и дела не в исторических обстоятельствах, а в особенностях их характеров (в том виде, как они ему представлялись). "Молниеноснейшим, часто неверным внезапным идеям" Троцкого он противопоставлял "медленные, тщательно продуманные, до основания верные мысли" Сталина. Контрастностью личностных черт и образа мышления Фейхтвангер объяснял и взаимную неприязнь Сталина и Троцкого, добавляя при этом к портрету Троцкого самые непривлекательные мазки: "Разве эта красочность, подвижность, двуличие, надменность, ловкость в Троцком не должны быть Сталину столь же противны, как Троцкому твёрдость и угловатость Сталина?"⁶.

¹ Там же. С. 35.

² Наличие нескольких подобных высказываний в книге, видимо, послужило основанием для указания в редакционном предисловии к её московскому изданию, что она "содержит ряд ошибок и неправильных оценок", в которых "легко может разобраться советский читатель".

³ Этот демонстративный маневр Сталина был единственным случаем публикации портрета Троцкого в советской печати 30-х годов.

⁴ Фейхтвангер Л. Москва 1937. Отчёт о поездке для моих друзей. М., 1937. С. 78.

⁵ Там же. С. 79-80.

⁶ Там же. С. 88.

Психологическими различиями Фейхтвангер пытался объяснить и смену ролей Троцкого и Сталина в истории. По его словам, Сталин долгое время "оставался в тени рядом со сверкающим, суетливым Троцким... Он упорным трудом завоевал себе популярность, которая другому легко давалась". В силу всё той же "медленности" Сталина "блеск Троцкого, не всегда неподдельный, в продолжении многих лет мешал заметить действительные заслуги Сталина. Но наступило время, когда идеи только-борца Троцкого начали становиться ошибочными и подгнивать; первым это заметил и высказал Сталин"¹.

Не утруждая себя освещением содержания "подгнивающих" идей Троцкого, Фейхтвангер сводил дело к противопоставлению "революционаризма" Троцкого и "прагматизма" Сталина, благодаря которому тот якобы добился победы над своим противником. Однако "Троцкий не хотел признать себя побеждённым. Он выступал с пламенными речами, писал блестящие статьи, брошюры, книги, называя в них сталинскую действительность иллюзией, потому что она не укладывалась в его теории". Когда же "весь мир признал, что социализм в одной стране построен", Троцкий отказался согласиться с этой истиной, "видной каждому ребёнку"².

Особенно серьёзные трудности возникали перед Фейхтвангером, когда он пытался объяснить, почему в Советском Союзе многие люди верили не "неопровержимым аргументам Сталина" и "очевидным фактам", а "фальшивым возражениям" Троцкого. Читатель узнавал из его книги, что в то время, когда "дело Сталина процветало", "реальная заработная плата повышалась", а крестьяне "всё более возрастающей массой устремлялись в колхозы", немало коммунистов почему-то "не хотели верить в это реальное, осязаемое дело". Такие люди, "поверившие больше в слово Троцкого, чем в дело Сталина", оказались даже среди тех, "другом которых был Сталин, которым он поручил ответственные посты". Они "всё ещё продолжали тянуться к его врагу Троцкому, тайно переписывались с ним и, стремясь вернуть своего старого вождя в СССР, старались нанести вред его - Сталина - делу". За это "они были привлечены к ответственности", однако "Сталин простил их, назначил их снова на высокие посты"³.

В заключительной части главы Фейхтвангер поднимался до патетики в своём сочувствии диктатору за то, что тот "вынужден отдавать очень значительную часть своих сил на ликвидацию вредных последствий блестящих и опасных причуд Троцкого". Он называл ненависть Сталина к Троцкому оправданной, во-первых, потому, что "всем своим существом тот не подходит к Сталину", а во-вторых, потому, что "Троцкий всеми своими речами, писаниями, действиями, *даже просто своим существованием* подвергает опасности его - Сталина - дело. (Курсив мой - В.Р.)". Однако эта ненависть, по уверениям Фейхтвангера, не распространялась на "троцкистов". Утрачивая всякое чувство меры и реальности, писатель утверждал, что Сталин - "великий организатор... великий математик (sic! - В.Р.) и психолог... заведомо окружил себя многими людьми, близкими по духу Троцкому. Его считают беспощадным, а

¹ Там же. С. 82.

² Там же. С. 81, 83.

³ Там же. С. 83-84.

он в продолжение многих лет борется за то, чтобы привлечь на свою сторону способных троцкистов, *вместо того, чтобы их уничтожить, и в упорных стараниях, с которыми он пытается использовать их в интересах своего дела, есть что-то трогательное* (курсив мой - В. Р.)¹.

Так писатель, снискавший во всём мире репутацию гуманиста, создавал софистические конструкции о чрезмерной "мягкости" Сталина - в дни, когда в Советском Союзе гибли сотни тысяч людей по подозрению в малейшем сочувствии к Троцкому и "троцкизму".

Книга Фейхтвангера была высоко оценена Сталиным. В выходных данных к ней значится: "Тираж 200 000. Сдано в производство 23 ноября 1937 г. Подписано к печати 24 ноября 1937 г.". Фейхтвангеру была дана возможность существенно поправить своё тяжёлое материальное положение эмигранта. Он получил высокий гонорар не только за эту книгу, но и за свои романы, ранее опубликованные в Советском Союзе (в то время зарубежные авторы, за исключением избранных "друзей", не получали гонораров за издания переводов их книг в СССР).

Ответом на писания Фейхтвангера о Советском Союзе явилась статья И. Райсса, в которой ставились вопросы, возникавшие у многих людей в Москве: "Столь ли наивен Фейхтвангер? Сознателен ли его подлог?... Чем же объяснить, что Фейхтвангер пошел на прислужничество Сталину?" Рассказывая, что некоторые люди объясняли это желанием Фейхтвангера выторговать таким путём у Сталина голову Радека, Райсс прибавлял: "Пусть это будет только гипотеза, слух, но разве не свидетельствуют они о том, что в Москве искали какое-то особое объяснение поведению Фейхтвангера, так лживо звучали его восхваления Сталина и гнусных процессов".

Райсе подчёркивал: "Человек, не владеющий (русским - В. Р.) языком, видящий Москву из окон кафе "Метрополь", посещающий лишь образцовые учреждения, не может судить о Москве. Подлинную Москву можно описать лишь кровью и слезами, могут описать лишь те, кто знал её в героическую эпоху, кто вместе с народом участвовал в борьбе и пережил предательство революции".

С негодованием разоблачая рассуждения о благосостоянии советского народа, Райсс писал, что благосостояние Фейхтвангер мог встретить лишь "в тех кругах, где он вращался, прежде всего в кругу писателей всех разновидностей, конкурирующих между собой в восхвалениях Сталина. Среди паразитов советской жизни". Только общением с такого рода людьми и одурманенностью официальной ложью можно объяснить, что Фейхтвангер не упоминает "ни единым словом того террора, того ужаса, который сковывает массы, той эпидемии самоубийств, которая всё усиливается в Москве"².

Особенно лживыми Райсс называл утверждения об органичности культа Сталина и искренней приверженности ему большинства советских людей. "Неужели Фейхтвангер не догадывается, - писал он, - что культ Сталина и все популяризирующие Сталина басни исходят непосредственно из сталинской канцелярии, а отнюдь не из народа?" По поводу восторженного описания де-

¹ Там же. С. 88-89.

² Бюллетень оппозиции. 1937. № 60-61. С. 14.

монстраций, проходящих под портретами Сталина, Райсс замечал: "Фейхтвангер и это принимает за чистую монету. Мы же в СССР знаем, что не энтузиазм, а страх гонит массу, дрожащую за своё существование, на подобные демонстрации. Чего стоит один пример вдовы генерала Якира, которая по требованию Сталина обесчестила память своего погибшего мужа".

Конечно, Райсс, опровергая слащавые панегирики Фейхтвангера, не раскрывал всей картины советской жизни того времени. Пожалуй, лишь касаясь изображения Фейхтвангером ликующей советской молодёжи, он давал более дифференцированное освещение действительности: "Разная есть в Советском Союзе молодёжь. Часть её насквозь пропитана национализмом... и торопится занять места, освободившиеся после уничтожения революционного поколения... Но есть в Советской России и другая молодёжь. Не относятся ли к ней те героические комсомольцы, которые погибают на Лубянке со словами: "Да здравствует Троцкий!"¹*?"².

¹ Этот эпизод, присутствующий и в воспоминаниях В. Кривцкого, передан со слов начальника иностранного отдела НКВД Слуцкого, с изумлением рассказывавшего своим близким товарищам о поведении комсомольцев перед казнью, которое ему приходилось лично наблюдать. Такого рода свидетельства, дошедшие до нас, весьма немногочисленны: ведь большинство участников расправ над троцкистами было уничтожено вслед за их жертвами.

² Бюллетень оппозиции. 1937. № 60-61. С. 14-15.

XLIX

Чем Бердяев близок коммунистам

До сих пор мы рассматривали суждения русских и зарубежных авторов самой разной политической ориентации, раскрывающие статический срез советской действительности середины 30-х годов. Теперь обратимся к работам, посвящённым историческому анализу судеб советского общества и содержащим прогноз его дальнейшего развития. Такие обобщающие работы, создававшиеся почти одновременно, принадлежали перу двух крупнейших русских мыслителей того времени - Бердяева и Троцкого, людей с весьма несхожей личной судьбой, приверженных разной идеологии, но отличавшихся в равной степени стремлением к честному духовному поиску. Книги этих авторов несхожи уже по своему жанру. В отличие от книги Троцкого "Преданная революция", представляющей собой фундаментальное историко-социологическое исследование, работа Бердяева "Истоки и смысл русского коммунизма" относится к жанру социально-исторической эссеистики. В ней нет каких-либо статистических данных и социальных примеров, отсутствует строгая система доказательств, которая предшествовала бы философским и социологическим выводам. Эти особенности книги облегчили недобросовестное истолкование её идей советскими диссидентами 70-х, "перестройщиками" 80-х и "демократами" 90-х годов. Отбросив присущую Бердяеву диалектическую гибкость мысли, эти авторы безосновательно изображали его книгу своего рода евангелием антикоммунизма. Из всего богатства бердяевских аргументов и выводов они использовали лишь те, которые были продиктованы невольной озлобленностью эмигранта, недостаточным знанием советской действительности либо тенденциозной предвзятостью религиозного философа.

Между тем в книге "Истоки и смысл русского коммунизма" содержится немало идей, порождённых искренним исканием истины. Отнюдь не отвергая, как это делают ныне Волкогонов и другие современные русские "демократы", позитивного значения революций, Бердяев подчёркивал, что "отвержение всякого смысла революции неизбежно должно повести за собой и отвержение истории. Но революция ужасна и жутка, она уродлива и насильственна, как уродливо и насильственно рождение ребенка, уродливы и насильственны муки рождающей матери, уродлив и подвержен насилию рождающийся ребенок"¹. Эти мысли даже своим образным строем вплотную сближаются с идеями Маркса и Ленина о "муках родов" нового общественного строя в революции.

К идеям Маркса, Ленина и Троцкого близко и пронизательное суждение Бердяева, направленное против "тех христиан, которые считают революцию недопустимой ввиду её насилия и крови и вместе с тем считают вполне допустимой и нравственно оправданной войну. Война совершает ещё больше насилий и проливает ещё больше крови"².

¹ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 108-109.

² Там же. С. 108.

Исходя из этих философско-социологических предпосылок, Бердяев высоко оценивал историческое значение Октябрьской революции, которую он считал не плодом "большевистского заговора", а закономерным результатом предшествующего развития России. Уделяя преимущественное внимание её национальным истокам и содержанию, он отмечал, что не только большевики, но прежде всего широкие солдатские массы "готовы были бежать с фронта и превратить войну национальную в войну социальную"¹. Народ согласился подчиниться лозунгам большевиков, поскольку они дисциплинировали массы и остановили угрожавший России анархический распад.

Безоговорочно признавая народный характер Октябрьской революции, Бердяев писал, что "народ в прошлом чувствовал неправду социального строя, основанного на угнетении и эксплуатации трудящихся, но он кротко и смиренно нёс свою страдальческую долю. Но наступил час, когда он не пожелал больше терпеть, и весь строй души народной перевернулся... Ленин не мог бы осуществить своего плана революции и захвата власти без переворота в душе народа"²: Большевики чутко уловили стремления народных масс и привели в движение не только разрушительные, но и созидательные, "раньше скованные рабоче-крестьянские силы для исторического дела. И этим определяется исключительный актуализм и динамизм коммунизма. В русском народе обнаружилась огромная витальная сила, которой раньше не давали возможности обнаружиться"³.

Касаясь "преступления", с особым неистовством вменявшегося в вину большевикам современными "демократами", - разгона Учредительного собрания, Бердяев со всей определённостью утверждал, что эсеры, получившие большинство голосов на выборах в Учредительное собрание, "оказались ненужными и вытесненными. Ленин сделал всё лучше, скорее и более радикально, он дал больше"⁴. В итоге практической проверки зрелости и жизнеспособности политических сил России большевизм, "давно подготовленный Лениным, оказался единственной силой, которая, с одной стороны, могла докончить разложение старого и, с другой стороны, организовать новое"⁵.

Эти мысли получили ещё более чёткое выражение в книге Бердяева "Самопознание (опыт философской автобиографии)", изданной в 1949 году. Здесь Бердяев выражал решительное несогласие с точкой зрения тех белоэмигрантов, которые считали, что "большевистская революция сделана какими-то злодейскими силами, чуть ли не кучкой преступников, сами же они (деятели "белой" России - В. Р.) неизменно пребывают в правде и свете"⁶. Он утверждал, что "вина и ответственность за ужасы революции лежат прежде всего на людях старого режима", которые поэтому не могут быть "судьями в этих ужасах"⁷.

¹ Там же. С. 114.

² Там же. С. 102.

³ Там же. С. 112.

⁴ Там же. С. 102.

⁵ Там же. С. 114.

⁶ Бердяев Н. А. Самопознание. (Опыт философской автобиографии). М., 1990. С. 210.

⁷ Там же. С. 214.

Бердяев не всегда проводил разграничение между коммунизмом как мировоззрением, идеологической доктриной и как реальным политическим движением. Более того, иногда он называл коммунизмом социально-экономический уклад и политический режим, установившиеся в СССР к середине 30-х годов. Однако, когда он говорил о коммунизме как научной доктрине, разработанной Марксом, содержание этой доктрины характеризовалось им достаточно объективно. Он называл Маркса замечательным социологом и высоко оценивал его "гениальное учение... о фетишизме товаров". Признавая правоту марксистов в оценке капитализма, он подчёркивал, что буржуазные идеологи, обличающие коммунизм, "лишь делают более рельефной правду коммунизма... Именно капиталистическая система прежде всего раздавливает личность и дегуманизирует человеческую жизнь, превращает человека в вещь и товар, и не подобает защитникам этой системы обличать коммунистов в отрицании личности и в дегуманизации человеческой жизни. Именно индустриально-капиталистическая эпоха подчинила человека власти экономики и денег, и не подобает её адептам учить коммунистов евангельской истине, что "не о хлебе едином жив будет человек"... "Не о хлебе едином жив будет человек", но также и о хлебе, и хлеб должен быть для всех. Общество должно быть организовано так, чтобы хлеб был для всех, и тогда именно духовный вопрос предстанет перед человеком во всей своей глубине. Недопустимо основывать борьбу за духовные интересы и духовное возрождение на том, что хлеб для значительной части человечества не будет обеспечен"¹.

"Большую долю правды" Бердяев усматривал и в "социально-экономической системе коммунизма" (в том виде, в каком она обосновывалась в марксистском учении). Он соглашался с марксистской идеей, согласно которой человек в соединении с другими людьми призван регулировать и организовывать социальную жизнь. Особенно привлекала Бердяева коммунистическая идея социального равенства. Отвергая излюбленный аргумент антикоммунистов о том, что ликвидация классовых различий приведёт к нивелировке человеческих индивидуальностей, он подчёркивал: личностные различия между людьми только ярче выявятся после уничтожения классовых различий: "Человек должен отличаться от человека по своим личным качествам, а не по своему социальному положению, классовому или сословному"².

Напоминая, что отвержение имущественного неравенства было одной из основных идей первоначального христианства, Бердяев писал: "У большей части учителей церкви мы находим осуждение богатства и богатых, отрицание собственности... такие резкие суждения о социальной несправедливости, связанной с богатством и собственностью, что перед ними бледнеют Прудон и Маркс". Лишь позднее иерархи церкви "начали защищать господствующие классы богатых, власть имущих"³.

Отмечая, что "с коммунизмом связана мировая проблема", Бердяев противопоставлял марксистское учение не идеологии фашизма ("совсем уж переходного" и поэтому недолговечного, по его мнению, явления), а доктрине эко-

¹ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 150-151.

² Там же. С. 145.

³ Там же. С. 139-140.

номического либерализма, имеющей значительно более глубокие корни в истории и большую будущность, чем фашизм. Он выделял два противоположных принципа общественного устройства. "Один принцип гласит: в хозяйственной жизни преследуй свой личный интерес, и это будет способствовать хозяйственному развитию целого, это будет выгодно для общества, нации, государства. Такова буржуазная идеология хозяйства. Другой принцип гласит: в хозяйственной жизни служи другим, обществу, целому и тогда получишь всё, что тебе нужно для жизни. Второй принцип утверждает коммунизм, и в этом его правота". Представления об "утопичности" этого принципа возникли, по мнению Бердяева, в результате "выдумывания" буржуазной политической экономией неких вечных экономических законов и "экономического человека". "Но экономический человек преходящий. И вполне возможна новая мотивация труда, более соответствующая достоинству человека"¹.

Раскрывая очевидные противоречия между марксистской доктриной и реальностями сталинизма, Бердяев писал, что тираничность и жестокость последнего "не имеет обязательной связи с социально-экономической системой коммунизма. Можно мыслить коммунизм в экономической жизни, соединимый с человечностью и свободой"².

Правильно оценивая роль и место интернационалистских идей в марксистской доктрине, Бердяев подчёркивал, что Сталин порвал с этими идеями и превратился в "государственника восточного, азиатского типа", тогда как "Троцкий остаётся интернационалистом, продолжает утверждать, что коммунизм в одной стране не осуществим, и требует мировой революции"³.

Описывая эволюцию советского режима, Бердяев объяснял возникновение сталинизма глубокими сдвигами в социальной структуре общества и власти, которых не сумел предвидеть Ленин в своём программном труде "Государство и революция". Эти сдвиги выразились в возникновении новых форм угнетения трудящихся, порождённых развитием "колоссальной бюрократии, охватывающей, как паутина, всю страну и всё себе подчиняющей. Эта новая советская бюрократия, более сильная, чем бюрократия царская, есть новый привилегированный класс, который может жестоко эксплуатировать народные массы. Это и происходит... Чудовищное неравенство существует в коммунистическом государстве... Переходный период может затянуться до бесконечности. Те, которые в нём властвуют, войдут во вкус властвования и не захотят изменений, которые неизбежны для окончательного осуществления коммунизма"⁴. Эти суждения Бердяева обнаруживают несомненную близость к суждениям автора книги "Преданная революция" - разумеется, за исключением того, что Бердяев, в отличие от Троцкого, считал фатально неизбежным такой путь эволюции большевистского режима.

Справедливо утверждая, что проблема коммунизма не сводится лишь к новой организации общества, а представляет и проблему новой душевной структуры человека, Бердяев признавал неизбежное воздействие социально-

¹ Там же. С. 151.

² Там же. С. 116-117.

³ Там же. С. 118, 120.

⁴ Там же. С. 105.

экономических условий на духовную и нравственную жизнь личности. В этой связи он подчёркивал, что "нельзя создать нового человека и новое общество, объявив хозяйственную жизнь обязательным делом чиновников государства. Это есть не социализация хозяйства, а бюрократизация хозяйства. Коммунизм, в той форме, в какой он вылился в России, есть крайний этатизм. Это есть явление чудовища Левиафана, который на всё накладывает свои лапы"¹ (курсив мой - В. Р.). И эти положения близки к многочисленным высказываниям Троцкого о социально-политической сущности сталинистского режима.

Совпадение взглядов Троцкого и Бердяева проявляется также в суждениях последнего о прогрессивности лишь такого варианта свержения бюрократического абсолютизма, когда оно будет осуществлено "организованной силой, которая способна была бы прийти к власти не для контрреволюции, а для творческого развития, исходящего из социальных результатов революции"².

Ещё более отчётливо эта мысль выражена в книге "Самопознание". Здесь Бердяев подчёркивал "совершенную неизбежность прохождения России через опыт большевизма... Возврата нет к тому, что было до большевистской революции, все реставрационные попытки бессильны и вредны, хотя бы то была реставрация принципов февральской революции"³.

Эти бердяевские прогнозы оправдались, хотя и с историческим запозданием на полвека и с некоторыми модификациями, неизбежными при реализации всякого социального прогноза. Отсутствие организованной политической силы, способной в своих реформаторских устремлениях исходить из социальных результатов Октябрьской революции, обусловило "ползучее" движение капиталистической реставрации, ввергнувшее в состояние анархии и хаоса Советский Союз, а затем - его распавшиеся республики.

Бердяев пронизательно определил и социально-психологические предпосылки успеха сил капиталистической реставрации, порождаемые внутренними противоречиями сталинистского режима. Он отмечал, что русский коммунизм "психологически сделал больше завоеваний, чем экономически", породив молодое поколение, которое "понимает задачу экономического развития не как личный интерес, а как социальное служение". Однако иссякание этого коммунистического энтузиазма под давлением тоталитарного государства способно привести к появлению шкурничества и актуализации "опасности обуржуазивания"⁴. Действительно, негативный социальный пример разложившейся бюрократии, единственным мотивом поведения которой стал инстинкт самосохранения, способствовал иссяканию нравственной энергии и энтузиазма советского народа, утверждению в его самых разных слоях шкурнических, мелкобуржуазных инстинктов. Этот процесс, развивавшийся на протяжении десятилетий, явился одной из главных причин перерождения "перестройки" в "дикую капитализацию" и распад советского общества.

¹ Там же. С. 151-152.

² Там же. С. 120.

³ Бердяев Н. А. Самопознание. (Опыт философской автобиографии). С. 212.

⁴ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 119-120.

"Преданная революция"

Летом 1936 года Троцкий закончил книгу "Что такое СССР и куда он идёт?", изданную во многих странах под названием "Преданная революция". Само это название указывает на главную тему книги, представлявшей итог многолетних размышлений о судьбах победоносной народной революции, устоявшей под натиском внешних и внутренних врагов, но преданной изнутри силами, формально выступавшими от её имени.

В "Преданной революции" самые сложные теоретические проблемы излагаются в чёткой и лаконичной манере, что делает её доступной пониманию любого образованного человека. Тем не менее эта книга, как справедливо указывал И. Дойчер, является самой трудной работой Троцкого. Её восприятие требует диалектического мышления, отвергающего плоские формально-логические конструкции и применение категорических законченных определений для характеристики динамичных и незавершённых исторических процессов.

Но для современного читателя это, пожалуй, не самая большая трудность. Может быть, ещё более сложным для него будет столкновение с непрерываемостью коммунистических убеждений автора "Преданной революции". Трагический опыт дважды преданного социализма пошатнул уверенность многих в осуществимости коммунистических идей. Хотя, строго говоря, этот опыт поставил под вопрос не сами эти идеи, их подлинный смысл, а средства, методы, пути их реализации. Но в обыденном сознании - и это психологически понятно - недоверие к средствам легко перемещается на цели. Чтобы противостоять этому сдвигу, не столько стихийному, сколько умело и настойчиво провоцируемому, необходимо воссоздать историю и самих коммунистических идей, и попыток их воплощения.

В решении этой задачи трудно переоценить значение "Преданной революции". В своём анализе её автор исходил из того, что термидор великой русской революции остался уже далеко позади. Смена установленного большевиками общественного режима бонапартистским абсолютизмом произошла не сразу, а несколькими этапами, посредством малых гражданских войн бюрократии против революционного авангарда.

Реконструируя и развивая - на основе анализа успехов и поражений социалистического строительства - марксистскую концепцию социализма, Троцкий основное внимание уделял тем специфическим особенностям развития советского общества, которые не были предвидены марксистскими теоретиками прошлого и творцами Октябрьской революции.

Троцкий подчёркивал, что к марксистской теории нельзя относиться фетишистски, она "не есть вексель, который можно в любой момент предъявить действительности ко взысканию"¹. Если новый исторический опыт обнаружил

¹ Троцкий Л. Д. Преданная революция. С. 93.

ошибки и пробелы теории, то её следует пересмотреть, исправить ошибки и восполнить пробелы. Только на этом пути можно понять причины возникновения разительных противоречий между марксистской доктриной и советской действительностью.

Неоднократно возвращаясь к разоблачению сталинистского мифа о победе социализма в СССР, Троцкий называл основные критерии построения социализма: экономический (достижение более высокой производительности труда, чем в передовых капиталистических странах), социальный (достижение степени социального равенства, принципиально невозможной при капитализме) и политический (утверждение самоуправления трудящихся, непосредственного народовластия, представляющего более высокий тип политического устройства по сравнению с самыми демократическими буржуазно-парламентскими режимами).

Главным критерием как высшей, так и низшей фазы коммунизма Троцкий считал степень развития производительных сил. В связи с этим он высмеивал традиционные суждения буржуазных идеологов о принципиальной невозможности мотивации труда, не основанной на экономическом принуждении. "Материальной предпосылкой коммунизма должно явиться столь высокое развитие экономического могущества человека, когда производительный труд, переставая быть обузой и тяжестью, не нуждается ни в каком понукании, а распределение жизненных благ, имеющихся в постоянном изобилии, не требует - как ныне в любой зажиточной семье или в "приличном" пансионе - иного контроля, кроме контроля воспитания, привычки, общественного мнения. Нужна, говоря откровенно, изрядная доля тупоумия, чтобы считать такую, в конце концов, скромную перспективу "утопичной"¹.

Социализм, или низшая фаза коммунизма - это такое общество, которое в силу недостаточно высокого развития хозяйства и культуры *ещё* не способно обеспечить распределение по потребностям, но *уже* обладает развитыми производительными силами, достаточными для сужения сферы действия буржуазных норм труда и распределения и последовательного движения к полному социальному равенству - основному условию всестороннего развития всех членов общества.

При социализме должно постепенно ослабевать экономическое и тесно связанное с ним государственное принуждение - наследство классового общества, не способного строить отношения человека к человеку иначе, как в форме экономических фетишей и ставящего на их охрану самый грозный фетиш - государство. О действительной победе социализма можно будет говорить лишь с того исторического момента, когда деньги начнут утрачивать свою магическую силу, а государство станет освобождаться от функций административного принуждения. Смертельный удар денежному фетишизму будет нанесён на той ступени общественного развития, когда рост общественного богатства отучит людей от скарредного отношения к каждой лишней минуте работы и от унижительного страха за размеры вознаграждения, когда деньги потеряют способность приносить счастье или повергать в прах.

¹ Там же. С. 41-42.

Понимая, что наиболее трудной стадией построения социализма является первоначальная стадия, Троцкий уделил ей особое внимание. Он напоминал, что марксисты никогда не исчерпывали вопрос о победе социализма обобществлением средств производства. Юридические формы собственности приобретают разное социальное содержание в зависимости от степени развития производительных сил. Существующие в СССР формы собственности в сочетании с американской техникой во всех отраслях хозяйства позволили бы быстро достичь первой фазы коммунизма. Эти же формы собственности при отставании производительности труда в несколько раз от уровня, достигнутого передовыми капиталистическими странами, породили "переходный режим, судьба которого ещё не взвешена окончательно историей"¹.

Низшей фазой коммунизма Маркс называл такое общество, которое должно возникнуть на основе обобществления производительных сил в самых передовых для своей эпохи капиталистических странах. Это определение явно не подходит к Советскому Союзу, который значительно отстаёт от ведущих стран капитализма в техническом и культурном отношении. Поэтому советское общество следует называть не социалистическим, а подготовительным к социализму или же промежуточным между капитализмом и социализмом.

Другое определение социализма, "односторонность которого вызывалась пропагандистскими целями", выражено в известной ленинской формуле "Советская власть плюс электрификация всей страны". Между тем в СССР власть перешла от Советов к бесконтрольному бюрократическому аппарату, а на душу населения производится втрое меньше электроэнергии, чем в Соединенных Штатах Америки. Поэтому общественный строй СССР может быть охарактеризован формулой "бюрократическая власть плюс одна треть капиталистической электрификации"².

Даже если бы в Советском Союзе не произошло бюрократического перерождения властных отношений, он должен был бы пройти через длительную переходную эпоху, предполагающую сохранение норм буржуазного права и рыночных отношений. В эту эпоху товарно-денежный оборот должен не сокращаться, а, наоборот, чрезвычайно расширяться. Это обусловлено прежде всего тем, что все отрасли промышленности преобразуются и растут, возникают новые отрасли, и все они вынуждены количественно и качественно определять своё отношение друг к другу. Одновременно происходит ликвидация потребительского крестьянского хозяйства и замкнутого семейного уклада, что означает "перевод на язык общественного оборота и тем самым денежного обращения всей той трудовой энергии, которая расходовалась раньше в пределах крестьянского двора или в стенах частного жилья. Все продукты и услуги начинают впервые в истории обмениваться друг на друга"³.

Кроме того, успешное социалистическое строительство немислимо без включения в плановую систему личной материальной заинтересованности производителей, которая может плодотворно проявиться лишь тогда, когда на

¹ Там же. С. 54.

² Там же. С. 56.

³ Там же. С. 60.

её службе "стоит привычное, надёжное и гибкое орудие: деньги"¹. Поэтому государственный план должен представлять не закон или директиву, а рабочую гипотезу, которая постоянно корректируется на основе сигналов, поступающих со стороны рынка. Для такой корректировки необходима устойчивая денежная единица - единственное пригодное орудие воздействия населения на хозяйственные планы, прежде всего на количество и качество предметов потребления. "План не может опираться на одни умозрительные данные. Игра спроса и предложения остаётся для него ещё на долгий период необходимой материальной основой и спасительным коррективом"².

При товарном хозяйстве производительность труда может измеряться не иначе, как себестоимостью и ценами на производимую продукцию. Цены должны выступать не административной, а экономической категорией, отражающей реальную себестоимость, то есть общественно необходимые затраты труда. Назначение же "устойчивых цен" государственной властью означает восстановление утопических воззрений эпохи военного коммунизма. Оно открывает дорогу денежной инфляции, которая в свою очередь неизбежно порождает кредитную инфляцию, ведёт к замене реальных величин фиктивными и разъедает плановое хозяйство изнутри. Ещё более тяжёлые последствия влечёт придание рублю по бюрократическому произволу разной покупательной силы в разных отраслях народного хозяйства и для разных слоёв населения. На этом пути исчезает всякое соответствие между индивидуальным трудом и индивидуальной заработной платой, и тем самым убивается личная заинтересованность производителя. "Командуя рублём", бюрократия лишает себя необходимого орудия для объективного измерения успехов и неудач народного хозяйства.

Необходимость сохранения рыночных отношений в обществе, строящем социализм, впервые получила развёрнутое обоснование в докладе Троцкого о промышленности на XII съезде партии (1923 год). В нём подчёркивалось, что создание экономических предпосылок для победы социализма (подъём производительных сил) достигается путём применения капиталистических методов оплаты труда по его индивидуальной производительности. Не только мелкотоварное сельское хозяйство, но и государственная промышленность нуждается в выработанных капитализмом методах хозяйственного расчёта, учёте себестоимости продукции, денежной оплате товаров, включая товар "рабочая сила".

Сохранение этих буржуазных норм организации труда и распределения приводит к тому, что государство в переходный период приобретает двойственный характер: социалистический, поскольку оно охраняет общественную собственность от попыток капиталистической реставрации, и буржуазный, поскольку оно охраняет распределение жизненных благ, основанное на капиталистическом мериле стоимости. Напоминая, что при характеристике второй функции переходного государства Маркс и Ленин называли его до известной степени "буржуазным" государством, хотя и без буржуазии, Троцкий замечал:

¹ Там же.

² Там же. С. 23.

"В этих словах нет ни похвалы, ни порицания; они просто называют вещи своим именем"¹.

Выполнение переходным государством буржуазной функции обусловлено тем, что рыночные отношения всегда порождают социальное расслоение, т. е. материальные преимущества меньшинства, требующие охраны принудительной силой государства. Методы административного принуждения, а вместе с ними и само государство будут отмирать по мере экономического подъёма нового общества, позволяющего последовательно смягчать имущественное неравенство. Политическим следствием этого процесса должны стать укрепление внутренней сплочённости и консолидации общества и тем самым ликвидация социальных условий, благоприятствующих капиталистической реставрации.

Исходя из этих посылок, Троцкий формулировал следующую "социологическую теорему": сила применяемого массами в рабочем государстве принуждения прямо пропорциональна силе эксплуататорских тенденций или опасности реставрации капитализма и обратно пропорциональна силе общественной солидарности и всеобщей преданности новому режиму.

Аналогично обстоит дело с бюрократизмом, рост которого прямо пропорционален степени развития имущественных привилегий меньшинства и обратно пропорционален степени достигнутой обществом социальной гармонии. Если бы после окончания гражданской войны, подавившей стремление эксплуататорских классов вернуть утраченное ими экономическое и политическое господство, демократические Советы сохранили бы "свою первоначальную силу и независимость, но оставались бы вынуждены в то же время прибегать к репрессиям и принуждениям в объёме первых лет (революции - В. Р.), это обстоятельство могло бы уже само по себе возбуждать серьёзное беспокойство"².

Однако предвидение теоретиков и строителей СССР, что "насквозь прозрачная и гибкая система Советов позволит государству мирно преобразовываться, растворяться и отмирать в соответствии с этапами экономической и культурной эволюции общества", не оправдалось. "Жизнь... и на этот раз оказалась сложнее, чем рассчитывала теория"³.

Вместо ожидавшегося ослабления государственного принуждения и ликвидации бюрократического "паразита" произошло укрепление позиций бюрократии и превращение бюрократизма, первоначально представлявшегося пережитком прошлого, в систему управления. Вместо сбрасывания обществом "смирительной рубашки государства" и прежде всего такой его крайней формы, как диктатура, государство Советов - "трудно даже обнять мыслью этот контраст! - ...приняло тоталитарно-бюрократический характер"⁴.

Для объяснения причин такой кардинальной деформации советского государства Троцкий концентрировал внимание на объективных противоречиях строительства социализма в отсталой и изолированной стране, которые ис-

¹ Там же. С. 48.

² Там же. С. 91.

³ Там же. С. 239

⁴ Там же. С. 92.

пользовал сталинизм, представлявший собой грандиозную бюрократическую реакцию на Октябрьскую революцию.

Объективными предпосылками выделения нового правящего слоя Троцкий считал частичное уничтожение пролетарского авангарда в гражданской войне; поглощение части этого авангарда аппаратом управления; наконец, усталость и разочарование пролетарских масс после долгих лет войны и разрухи, вызвавшие их относительно безучастное отношение к борьбе между правящей фракцией и левой оппозицией. Однако только этими факторами нельзя объяснить подъём бюрократии над массами и сосредоточение ею всех судеб обновлённого общества в своих руках. Возникновение нового привилегированного слоя должно было иметь более глубокие социальные причины.

Отмиранию государства и даже его освобождению от бюрократического паразита препятствовали не психологические пережитки прошлого и не сопротивление остатков старых господствующих классов, как гласила чисто полицейская доктрина Сталина, а "неизмеримо более могущественные факторы, как материальная скудость, культурная отсталость и вытекающее отсюда господство "буржуазного права" в той области, которая непосредственнее и острее всего захватывает каждого человека: в области обеспечения личного существования"¹.

Эти факторы не нашли отражения в ленинском прогнозе о перерастании диктатуры пролетариата в "полугосударство". Ленин не успел сделать всех необходимых выводов из объективных противоречий рабочего государства, которое на протяжении определённого времени не получает поддержки со стороны пролетарских революций в других странах. Разработанная под его руководством и принятая в 1919 году Программа партии указывала, что режим пролетарской диктатуры перестает быть государством в старом смысле слова, то есть аппаратом по удержанию в повиновении большинства народа. Однако она объясняла обнаружившиеся уже в первые годы революции проявления бюрократизма лишь непривычкой масс к участию в управлении и специфическими трудностями, связанными с гражданской войной. Исходя из этого, она предписывала чисто политические меры, защищающие общество от возрождения чиновничества, оторвавшегося от народа и вставшего над ним: выборность и сменяемость всех чиновников, контроль за ними со стороны масс, упразднение привилегий бюрократии и т. п.

Однако вскоре за непосредственными трудностями, препятствовавшими сведению функций государства к учёту и контролю, обнаружились трудности более глубокого, социально-экономического характера. Неуклонное сужение сферы государственного принуждения предполагало наличие в обществе хотя бы относительного материального достатка. Но именно это необходимое условие смягчения социальных противоречий и конфликтов в молодой Советской республике отсутствовало.

Опыт развития Советского государства обнаружил то, чего не сумела с достаточной ясностью предвидеть теория. Если его первой функции - ограждению социальных завоеваний революции от попыток капиталистической ре-

¹ Там же. С. 50.

ставрации - вполне отвечало государство вооружённых рабочих, то для реализации второй функции - регулирования и охраны неравенства в области распределения и потребления - оказалось необходимым наличие особой социальной группировки - бюрократии, представляющей собой буржуазный орган даже в подлинно рабочем государстве, не подвергнувшемся перерождению.

Власть демократических Советов выступала помехой созданию материальных преимуществ для социальных групп, наиболее нужных для обороны, развития науки, промышленности, культуры и т. д. Охранять преимущества меньшинства не склонны те, кто этих преимуществ лишены, - в данном случае рабочие и крестьянские массы, объединённые в Советы. Эту функцию взяла на себя бюрократия, превратившая властвование в свою специальность и ставшая "могущественной кастой специалистов по распределению", обособившейся и выросшей на "совсем не "социалистической" операции - отнять у десяти и дать одному"¹.

Чем беднее общество, вышедшее из революции, тем с большей силой должна возрождаться в нём борьба за необходимые предметы потребления и тем более сурово должен действовать "закон" железной необходимости выделять и поддерживать привилегированное меньшинство. В этих условиях к экономическому фактору, диктующему использование капиталистических методов оплаты труда, прибавляется политический фактор в лице самой бюрократии, социальный спрос на которую "возникает во всех тех положениях, когда налицо имеются острые антагонизмы, которые требуется "смягчать", "улаживать", "регулировать" (всегда в интересах привилегированных и имущих и всегда к выгоде для самой бюрократии)"². Будучи по своей социальной природе охранительницей неравенства и материальных преимуществ меньшинства, бюрократия "снимает, разумеется, сливки для себя самой. Кто распределяет блага, тот никогда ещё не обделял себя. Так из социальной нужды вырастает орган, который далеко перерастает общественно необходимую функцию, становится самостоятельным фактором и вместе с тем источником великих опасностей для всего общественного организма"³.

Гипертрофированно развил вторую функцию государства ("сторож неравенства"), бюрократия превратилась в "чудовищное и всё растущее социальное извращение, становящееся, в свою очередь, источником злокачественных болячек общества"⁴. Разрешив собственный "социальный вопрос" и оказавшись вполне удовлетворённой существующими социальными отношениями, она стала мощной преградой на пути социалистического развития общества, то есть его движения к народовластию и социальному равенству.

Такая эволюция общественного режима в СССР не была фатально predetermined. Уже на первых этапах бюрократически-термидорианского перерождения советского общества левая оппозиция выдвигала социалистическую альтернативу этому процессу, предполагавшую в первую очередь ликвидацию власти бюрократического аппарата над партией, советами и профсоюзом.

¹ Там же. С. 53.

² Там же. С. 45.

³ Там же. С. 96.

⁴ Там же. С. 196.

зами. Эта альтернатива оказалась отброшенной в ходе ожесточённой внутрипартийной борьбы. Для обеспечения победы в этой борьбе правящая фракция вступила в негласный социальный союз с новой буржуазией города и деревни, вырвавшейся в условиях нэпа. Однако очень скоро она столкнулась с сопротивлением кулака, который, вопреки прогнозам её идеологов, не захотел эволюционно "вырастать в социализм". Доведя своей ошибочной политикой социальные противоречия до остроты антагонизмов, бюрократия оказалась вынужденной вступить в борьбу с кулаком, которая вылилась в многолетнюю конвульсивную войну с большинством крестьянства.

Победив кулака, бюрократия не проявила готовности самой вырастать в социализм, то есть отказаться от своих привилегий и господствующих политических позиций в обществе. Захват ею всей полноты власти в стране, где средства производства принадлежат государству, породил новые, никогда ещё не встречавшиеся в истории социальные отношения, позволяющие ей присваивать себе львиную долю национального дохода.

Троцкий подчёркивал, что упрочение и легализация этих отношений способны привести к полной ликвидации социальных завоеваний Октябрьской революции; но пока (т. е. ко времени написания "Преданной революции") данный процесс далёк от своего завершения. Все общественные отношения в СССР опираются на государственную и колхозную собственность, открывающую возможность роста хозяйства и культуры. Национализация земли, промышленности и банковского дела, государственная монополия внешней торговли ставят относительно узкие пределы накоплению денег и затрудняют их превращение в капитал. Властные, статусные и имущественные привилегии бюрократии ещё не меняют социально-экономических основ советского общества, поскольку они вырастают не из основных форм собственности, которые вырабатывал для себя каждый имущий класс в прошлом, а из имущественных отношений, которые созданы Октябрьской революцией. Будучи лишённой классовых основ своего господства, бюрократия вынуждена поддерживать плановое хозяйство, ликвидация которого отбросила бы СССР на десятки лет назад.

Эта прогрессивная сторона деятельности бюрократии, которая проявляется в период переноса в СССР капиталистической техники, будет всё больше утрачиваться по мере экономического роста страны. "Строить гигантские заводы по готовым западным образцам можно и по бюрократической команде, правда, втридорога. Но чем дальше, тем больше хозяйство упирается в проблему качества, которое ускользает от бюрократии, как тень. Советская продукция как бы отмечена серым клеймом безразличия. В условиях национализированного хозяйства качество предполагает демократию производителей и потребителей, свободу критики и инициативы, т. е. условия, не совместимые с тоталитарным режимом страха, лжи и лести"¹.

Качественный прогресс экономики немислим без самостоятельного технического и культурного творчества, которые убивает бюрократизм. Его язвы не

¹ Там же. С. 228.

столь заметны в тяжёлой промышленности, но зато разъедают отрасли, непосредственно обслуживающие население.

Наступление сталинского неонэпа не смягчило, а обострило противоречия советского общества. Бюрократия отказалась от сопутствовавших насильственной коллективизации захватов личного имущества и даже стала поощрять личное накопление как стимул заинтересованности в результатах труда. Вместе с тем провозглашённая в новой конституции "охрана личной собственности" служит в первую очередь тому, чтобы легализовать "особняк бюрократа, его дачу, его автомобиль и все прочие "предметы личного потребления и удобства", которые он присвоил себе на основе "социалистического" принципа: "от каждого - по способностям, каждому - по труду"¹.

В динамике хозяйственного подъёма, достаточной для возникновения более высоких потребностей у всех, но совершенно не достаточной для их удовлетворения, заложено пробуждение мелкобуржуазных стяжательских appetитов. Их взрывчатая сила проявляется не только в среде относительно немногочисленных единоличников и кустарей, но и во всех других социальных группах, пронизывает всё хозяйство страны и выражается в стремлении "как можно меньше дать обществу и как можно больше получить от него"². В свою очередь государство, находящееся, с точки зрения официально декларируемых социальных целей (изобилие, равенство, всестороннее развитие личности и её высокая культурная дисциплина), "гораздо ближе к отсталому капитализму, чем к коммунизму", стремится "выжать из каждого как можно больше и дать ему в обмен как можно меньше"³.

Эта противоположность устремлений государства и населения обуславливает рост государственного угнетения и принуждения по отношению к трудящимся и их ответную реакцию в форме хищничества и спекуляции. Наряду с этим сталинский неонэп с его экономической либерализацией порождает факторы, способствующие активизации борьбы трудящихся против бюрократического абсолютизма. Вопрос о расценках, игравший незначительную роль в условиях карточной системы, побуждает рабочих к протесту против ликвидации свободы профессиональных союзов и против бюрократического деспотизма при назначении директоров, мастеров и т. д. Подобно этому колхозы и колхозники, научившись переводить свои расчёты с государством на язык цифр, не захотят терпеть назначения их руководителей местными бюрократическими кликами. Государственная торговля и потребительская кооперация в гораздо большей степени, чем раньше, попадают в зависимость от потребителей. Наконец, последовательный переход к денежному расчёту должен пролить свет на наиболее потаённую область: законные и незаконные доходы бюрократии. "Так в политически задушенной стране денежный оборот становится важным рычагом мобилизации оппозиционных сил"⁴.

Отмечая незавершённость или даже зачаточный характер всех этих процессов, Троцкий отвергал доктринёрские требования дать советскому обществу

¹ Там же. С. 216.

² Там же. С. 195.

³ Там же. С. 214.

⁴ Там же. С. 228.

законченное определение типа "социализм", "государственный капитализм" и т. п. Он подчёркивал, что принятие любой подобной категорической формулы будет означать теоретическое насилие над динамичной общественной формацией, которая не имеет прецедентов в истории и аналогов в современном мире.

Исходя из анализа основных тенденций советского общества, Троцкий строил прогноз его дальнейшего развития, сводящийся в конечном счёте к двум вариантам решения основного противоречия переходной экономики: между общественными формами собственности и буржуазными нормами распределения. Это противоречие "не может нарастать без конца. Либо буржуазные нормы должны будут в том или ином виде распространиться и на средства производства, либо, наоборот, нормы распределения должны будут прийти в соответствие с социалистической собственностью"¹. Если имущественное неравенство будет расти и дальше, то буржуазные нормы распределения, уже давно переросшие все пределы, допустимые в обществе, которое строит социализм, разрушат социальную дисциплину планового хозяйства, а следовательно - и государственно-колхозную собственность^{2*}.

Вероятность реализации этого, условно говоря, "контрреволюционного" варианта возрастает в силу того, что социальные завоевания Октябрьской революции охраняются не самими трудящимися массами, а бюрократией - сторожем "нечестным, наглым и ненадёжным". Она выполняет эту общественно-необходимую функцию с чудовищными издержками, чреватая взрывом всей системы, который может полностью смести все результаты революции. При возникновении такого социального взрыва "административный нажим не мог бы спасти положения уже по тому одному, что бюрократический аппарат первый стал бы жертвой прорвавшихся противоречий и центробежных тенденций". Его полярные фланги неизбежно распределились бы по разные стороны баррикад. С этого момента "партийная традиция - у одних, страх перед нею - у других перестанут связывать официальную партию воедино"³.

Лишь после такого социального взрыва окончательно решится вопрос о судьбе СССР, сводящийся к альтернативе: возрождение социалистической революции на более высоких основах либо реставрация капиталистического строя. В политическом плане эта альтернатива сводится к тому, "чиновник ли съест рабоче государство или же рабочий класс справится с чиновником"⁴.

Правление бюрократии во многих отношениях подготавливает реставрацию капиталистических отношений. Во-первых, бюрократия, желая сохранить репутацию своей непогрешимости, отождествляет собственную слепоту, свои ошибки и преступления с социализмом и тем самым "опорочивает социализм в глазах рабочих и особенно крестьян. Она как бы сознательно стремится заставить массы искать выхода вне социализма"⁵.

¹ Там же. С. 202-203.

² Здесь и далее мы рассматриваем прогнозы, содержащиеся не только в "Преданной революции", но и в других работах Троцкого.

³ Бюллетень оппозиции. 1931. № 20. С. 9, 10.

⁴ Троцкий Л. Д. Преданная революция. С. 236.

⁵ Бюллетень оппозиции. 1933. № 33. С. 4.

Во-вторых, бюрократия своим некомпетентным управлением расточает огромную часть национального богатства и тем самым превращается в величайший тормоз развития производительных сил. "Дальнейшее беспрепятственное развитие бюрократизма должно было бы неизбежно привести к приостановке экономического и культурного роста, к грозному социальному кризису и к откату всего общества назад"¹.

В-третьих, присваивая себе львиную часть национального дохода, бюрократия обрекает массы на жалкие условия существования, вызывает их всё более острое недовольство и расшатывает моральные скрепы советского общества.

В-четвёртых, повышение социальной роли бюрократии "в форме командования", удушение ею партии, Советов и профсоюзов привело к атомизации трудящихся, которые оказались лишены политических ресурсов в виде демократических институтов и процедур, необходимых для относительно безболезненного разрешения социальных антагонизмов.

Если эти антагонизмы, накапливающиеся под прессом репрессивного давления, вырвутся наружу, они откроют дорогу стихийно-разрушительным силам в экономике. "Каждый трест и каждый завод начнёт нарушать идущие сверху планы и директивы, чтобы собственными средствами обеспечить свои интересы. Сделки между заводами и частным рынком за спиной государства из исключения станут правилом. Борьба между заводами за рабочую силу, за сырьё, за рынки сбыта автоматически вызовет борьбу рабочих за лучшие условия труда. Неизбежная на этих путях ликвидация планового начала означала бы не только восстановление внутреннего (свободного - В. Р.) рынка, но и прорыв монополии внешней торговли. Правления трестов быстро приблизились бы к положению частных собственников или агентов иностранного капитала, к которому многим из них пришлось бы обратиться в борьбе за существование"². Наиболее преуспевающие предприятия могли бы превратиться в акционерные компании или найти другую переходную форму собственности, например, с участием рабочих в прибылях. "Падение нынешней бюрократической диктатуры, без замены её новой социалистической властью, означало бы, таким образом, возврат к капиталистическим отношениям, при катастрофическом упадке хозяйства и культуры"³.

Этот упадок неизбежно вызовет резкое падение жизненного уровня рабочих, ответной реакцией которых станут массовые стачки как орудия самообороны. "Расшатка режима найдёт, конечно, бурный и хаотический отголосок в деревне и неизбежно перекинется в армию. Социалистическое государство рухнет, уступив место капиталистическому режиму, вернее, капиталистическому хаосу"⁴.

Троцкий считал не исключённым, что такой социальный переворот, выделяющий новый имущий класс на развалинах взорванной общественной собственности и планового хозяйства, будет осуществлён самой бюрократией, ко-

¹ Бюллетень оппозиции. 1933. № 36-37. С. 8.

² Бюллетень оппозиции. 1931. № 20. С. 10.

³ Троцкий Л. Д. Преданная революция. С. 208.

⁴ Бюллетень оппозиции. 1933. № 36-37. С. 9.

торая перестанет довольствоваться привилегиями в сфере потребления и попытается оформиться во владельцев или акционеров предприятий и концернов, экономически экспроприрующих государство. Если же такой переворот будет осуществлён открыто буржуазной партией, то "она нашла бы немало готовых слуг среди нынешних бюрократов, администраторов, техников, директоров, партийных секретарей, вообще привилегированных верхов"¹. Одним из предвестников такой эволюции бюрократии и возможным каналом буржуазной реставрации Троцкий считал восстановление права наследования. Бюрократия "чувствует собственное господство неполным, незавершённым без возможности завещать свои материальные привилегии потомству. Вопрос *наследственного права* ведёт к вопросу о дальнейшем расширении рамок *частной собственности*"².

Оценивая перспективы развития СССР по пути буржуазной реставрации, Троцкий подчёркивал, что русский капитализм второго издания не сможет стать простым продолжением дореволюционного капитализма. В силу разделения мирового рынка между передовыми капиталистическими странами и гигантски возросшей роли мирового финансового капитала возможен лишь откат России к капитализму с компрадорской буржуазией, насыщенному такими противоречиями, которые исключают возможность его прогрессивного развития. "Русский капитализм мог бы быть теперь только кабально-колониальным капитализмом азиатского образца... Реставрация буржуазной России означала бы для "настоящих", "серьёзных" реставраторов не что иное, как возможность колониальной эксплуатации России извне". Поэтому советский режим, "помимо открываемых им социалистических перспектив, есть единственно мыслимый для России в нынешних мировых условиях режим *национальной независимости*"³.

Раскрывая призрачность иллюзий об "эволюционном" возврате России к капитализму, Троцкий подчёркивал, что буржуазная контрреволюция "могла бы (если бы могла) достигнуть своей цели не иначе, чем через многолетнюю гражданскую войну и новое разорение страны, поднятой советской властью из развалин"⁴. Столь же призрачной Троцкий считал мысль о возможности установления контрреволюционными силами демократического политического режима. Он подчёркивал, что "только заведомые глупцы способны были бы думать, что капиталистические отношения, т. е. частная собственность на средства производства, считая и землю, могли бы восстановиться в СССР мирным путём и привести к режиму буржуазной демократии. На самом деле капитализм мог бы - если вообще мог бы - возродиться в России только в результате свирепого контрреволюционного переворота, который потребовал бы в десять раз больше жертв, чем Октябрьская революция и гражданская война. В случае низвержения Советов место их мог бы занять только истинно-русский фашизм, перед зверством которого режимы Муссолини и Гитлера по-

¹ Троцкий Л. Д. Преданная революция. С. 209.

² Бюллетень оппозиции. 1937. № 54-55. С. 50.

³ Бюллетень оппозиции. 1930. № 11. С. 4.

⁴ Там же.

казались бы филантропическими учреждениями"¹. В таком политическом режиме "во всяком случае найдут своё место элементы термидорианства и бонапартизма, т. е. большую или меньшую роль будут играть большевистско-советская бюрократия, гражданская и военная, и в то же время самый режим будет диктатурой сабли над обществом в интересах буржуазии против народа"².

О судьбе этих прогнозов Троцкого можно сказать то, что он сам говорил о судьбе прогнозов Энгельса, которые нередко опережали "действительный ход дальнейшего развития". "Мыслимы ли, однако, вообще исторические прогнозы, - замечал в этой связи Троцкий, - которые, по французскому выражению, не сжигали бы некоторые посредствующие этапы? В последнем счёте Энгельс всегда прав. То, что он в письмах Вишневецкой говорит о развитии Англии и Соед. Штатов, полностью подтвердилось только в послевоенную эпоху, 40-50 лет спустя, но зато как подтвердилось!.. Какой нужно иметь медный лоб всем этим Кейнсам, чтоб объявлять прогнозы марксизма опровергнутыми?"³.

Если бы крупномасштабные исторические прогнозы обладали способностью реализовываться точно в тех формах или в те сроки, которые предполагались их авторами, то они походили бы на то, что религиозные люди называют пророчеством, а сама история носила бы мистический характер. Сила научного прогноза состоит в том, что он правильно предугадывает основные тенденции исторического развития, неизбежно модифицируемые множеством исторических, в том числе случайных, обстоятельств, которые даже самый великий ум не может предвидеть во всей их конкретности.

Подобно прогнозам Энгельса, "контрреволюционный" вариант прогноза Троцкого реализовался с полувековым запозданием, но зато с поразительной точностью. Не предвидевший некоторые посредствующие этапы, обусловившие наступление капиталистической реставрации, Троцкий чрезвычайно достоверно обрисовал первые этапы самого этого процесса, который и сегодня, после девяти лет горбачевской "перестройки" и ельцинских "реформ", ещё крайне далёк от своего завершения.

Отнюдь не исключено, что этот процесс будет повернут вспять теми тенденциями, которые были описаны в альтернативном варианте прогноза Троцкого, предполагавшем победу "дополнительной" социальной революции, которая произойдет под знаменем борьбы против социального неравенства и политического бесправия масс. Подобно тому, как французская буржуазия "дополнила" революцию 1789-1793 годов политическими революциями 1830 и 1848 годов, которые не нарушали экономических основ общества, так и советский рабочий класс мог бы дополнить Октябрьскую революцию политической революцией, при которой будут сохранены и наполнены подлинно социалистическим содержанием основы экономического уклада или социальный фундамент, установленный Октябрьской революцией. Если бюрократия будет низвергнута слева, то её место займет советская демократия. "Национализиро-

¹ Бюллетень оппозиции. 1935. № 41. С. 3.

² Бюллетень оппозиции. 1930. № 17-18. С. 30.

³ Троцкий Л. Д. Дневники и письма. С. 84-85.

ванное хозяйство будет сохранено и преобразовано в интересах народа. Развитие в сторону социализма получит новый могущественный толчок"¹.

Если бюрократия попытается сопротивляться этому процессу, то против неё придется применить "меры полицейского порядка", намного менее болезненные для общества, чем гражданская война, неизбежная в случае контрреволюционного социального переворота.

Существо политической революции состоит не в замене одной правящей клики другой, а в утверждении непосредственного народовластия и в кардинальном изменении на этой основе методов управления экономикой. Такая революция может победить лишь при наличии обновлённой марксистской партии, которая "уничтожила бы чины и ордена, всякие вообще привилегии и ограничила бы неравенство в оплате труда жизненно необходимыми потребностями хозяйства и государственного аппарата. Она дала бы молодёжи возможность самостоятельно мыслить, учиться, критиковать и формироваться. Она внесла бы глубокие изменения в распределение народного дохода в соответствии с интересами и волей рабочих и крестьянских масс. Но поскольку дело касается отношений собственности, новой власти не пришлось бы прибегать к революционным мерам. Она продолжила и развила бы дальше опыт планового хозяйства. После политической революции, т. е. низложения бюрократии, пролетариату пришлось бы в экономике произвести ряд важнейших реформ, но не новую социальную революцию"².

Основную задачу "Преданной революции" Троцкий видел в том, чтобы представить в ней программу социалистического возрождения советского общества, которое должно начаться с восстановления свободы критики, выборов, собраний, печати и профессиональных союзов. Это даст возможность перенести советскую демократию в область хозяйства, что позволит освободить общество от огромных накладных расходов, вызываемых бесконечными бюрократическими ошибками и зигзагами.

Новая социалистическая власть должна будет ограничить буржуазные нормы распределения пределами строгой экономической необходимости, чтобы в дальнейшем, по мере роста общественного богатства, заменять их "поравнением" населения в относительном достатке, а затем - во всё более полном благосостоянии. Не ставя задачей предугадать конкретные формы перехода к социальному равенству, Троцкий описывал динамику социалистического распределения следующим образом. Предлагая для наглядности перевести социально-экономические отношения при социализме на биржевой язык, он писал, что в таком случае "граждан можно представить как участников акционерного предприятия, в собственности которого находятся богатства страны. Общественный характер собственности предполагает распределение "акций" поровну и, следовательно, право на одинаковую долю дивиденда для всех "акционеров"... Теоретически доход каждого гражданина складывается, таким образом, из двух частей, $a+b$, т. е. дивиденд плюс заработная плата. Чем выше техника, чем совершеннее организация хозяйства, тем большее место занимает a по

¹ Бюллетень оппозиции. 1937. № 62-63. С. 6.

² Троцкий Л. Д. Преданная революция. С. 209.

сравнению с *b*, тем меньшее влияние на жизненный уровень оказывают индивидуальные различия труда¹.

Такой путь развития распределительных отношений не был испробован ни одной из стран, именованных социалистическими. Во всех них, развивавшихся по советской модели, возникли новые системы неравенства и привилегий и производный от них рост бюрократизма. Этим определялась динамика нарастания социальных и политических антагонизмов, которые привели в конечном счёте к крушению общественных режимов в большинстве стран с бюрократически деформированной национализированной собственностью и плановым хозяйством.

"Преданная революция" имела сложную историческую судьбу. Некоторые её идеи, вырванные из контекста и превратно истолкованные, легли в основу теорий бывших "троцкистов", перешедших после смерти Троцкого на позиции антикоммунизма. Среди этих теорий наибольшую известность приобрела теория "революции управляющих" американского социолога А. Бернхайма.

По-иному складывалась эволюция Д. Оруэлла, чей роман "1984" как сталинисты, так и буржуазные идеологи считали антикоммунистическим произведением. Между тем Оруэлл не отказался в этой книге полностью от своих "троцкистских" убеждений 30-х годов. Приводимые в романе обширные отрывки из вымышленной "книги Эмануэля Голдстейна" в значительной своей части представляют переложение идей "Преданной революции" - прежде всего содержащейся в ней критики нового социального неравенства и сталинского тоталитаризма. Да и само изображение борьбы между Старшим Братом и Голдстейном выступает явным слепком с борьбы между Сталиным и Троцким.

Роман "1984" пронизан не свойственным Троцкому духом исторического пессимизма и безысходности. Это объясняется тем, что он создавался в годы "холодной войны", когда Оруэллу могущество сталинизма в контролируемых им странах представлялось беспредельным, а дело Троцкого - безнадежно проигранным. В этой связи можно напомнить, что в те годы даже большинство троцкистов, называвших себя преемниками IV Интернационала, считали неизбежным существование переродившихся рабочих государств на протяжении столетий.

После XX съезда КПСС в советской общественной мысли возродились некоторые идеи, близкие идеям "Преданной революции". Однако оформлению этих идей в стройную научную систему препятствовали половинчатость официальной критики прошлого и сохранявшийся строжайший запрет на знакомство с работами Троцкого. Даже в самые "либеральные" годы Хрущёвской "оттепели" дозволенная критика распространялась лишь на наиболее одиозные преступления Сталина (да и то с многочисленными оговорками), но отнюдь не на политический режим, всевластие бюрократии и партийной олигархии и т. д.

В постановлении ЦК КПСС от 30 июня 1956 года "О преодолении культа личности и его последствий", определившем жёсткие границы разрешённой критики, был резко одернут даже П. Тольятти за его робкое предположение о

¹ Там же. С. 199.

том, что советское общество, возможно, пришло "к некоторым формам перерождения"¹.

В СССР было запрещено даже использование самого термина "сталинизм", по-прежнему считавшегося "троцкистским". Если в советских официальных работах, посвящённых критике "ревизионизма" и "буржуазной идеологии", приводились обширные цитаты критикуемых авторов, то работы по критике "троцкизма" по-прежнему обходились без каких-либо ссылок на высказывания Троцкого. Труды Троцкого, в том числе изданные в СССР, в отличие от трудов антикоммунистов, вплоть до конца 80-х годов не выдавались даже лицам, допущенным в спецхраны советских библиотек. Социальный инстинкт безошибочно подсказывал невежественной и косной бюрократии постсталинских времён, какого рода идеи представляют наибольшую угрозу её господству.

Несколько дальше, чем в СССР, шла критика сталинизма в некоторых других социалистических странах и в компартиях европейских капиталистических стран. Но даже среди коммунистических диссидентов, объявленных руководством своих партий "ревизионистами", не оказалось почти ни одного автора, который осмелился бы назвать себя "троцкистом".

Ещё сильнее жупел "троцкизма" воздействовал на умы советской гуманитарной интеллигенции. Это явилось одной из главных причин того, что её стремление к очищению советского общества от язв сталинизма вскоре трансформировалось в отождествление сталинизма с социализмом. Родившаяся в этой среде "контридеология", находившая выход в самиздатовских и "тамиздатовских" формах, устремилась всецело по антикоммунистическим путям. Давление этой контридеологии, выплеснувшейся на страницы советских официальных изданий на волне "перестройки" и "гласности", обусловило стремительное перерастание критики сталинизма в критику марксизма и большевизма. Идеёное влияние "Преданной революции" и других работ Троцкого, публикация которых стала возможной в СССР лишь с 1990 года, оказалось перекрыто массивным антикоммунистическим походом, на службу которому были поставлены средства массовой информации.

Главной причиной того, что издание "Преданной революции" не встретило широкого отклика в советском обществе начала 90-х годов, явилось исчезновение в СССР подлинно коммунистического менталитета, который был выжжен сталинским террором вместе с несколькими поколениями большевиков. Принципиально иная судьба ожидала бы эту книгу, если бы она проникла в нашу страну в середине 30-х годов, когда созвучные ей идеи бродили в умах множества советских людей.

Влияния "Преданной революции" на сознание современников глубоко опасался Сталин, к которому копия её рукописи поступила (через Зборовского) ещё до выхода книги в свет. В распоряжении Сталина оказались и подробные сведения о том, в каких зарубежных странах и издательствах готовится публикация "Преданной революции". Д. Волкогонов высказывает резонное предположение, что знакомство с этой работой могло стать определяющим фактором в принятии Сталиным решения осуществить грандиозную чистку в СССР и в

¹ КПСС в резолюциях. Т. 7. С. 214.

рядах зарубежных коммунистических партий¹. Ведь одно дело - отдельные работы Троцкого, выпускавшиеся малым тиражом, каждая из которых содержала критику лишь некоторых аспектов сталинизма. Другое дело - систематическое и концентрированное изложение этой критики в книге, изданной во многих странах мира.

На разоблачения и альтернативные идеи Троцкого Сталин, подобно Старшему Брату в книге Оруэлла, был способен отвечать единственно доступным ему методом - гигантской волной политических провокаций и расправ с теми, кто мог воспринять "троцкистские" идеи и бороться за осуществление политической программы, изложенной в "Преданной революции".

О механизме осуществления этой беспрецедентной в истории по масштабам и зверствам чистки я предполагаю рассказать в своей следующей книге "1937".

¹ Волкогонов Д. А. Троцкий. Кн. II. С. 186.

Заключение

Чем отчётливей выступала неудовлетворённость масс горбачевской "перестройкой" и ельцинскими "реформами", открывшими дорогу "дикому капитализму", тем с большей рьяностью прокапиталистические идеологи внедряли в массовое сознание мысль о том, что истоки тяжчайших страданий, пережитых и переживаемых нашим народом, следует искать в изначальной ущербности коммунистической идеи и социалистического выбора, сделанного в 1917 году. В поддержку этой антиисторической версии не было выдвинуто никаких новых фактов или аргументов. Научные изыскания и доказательства были подменены тиражированием хлестких демагогических статей, апеллирующих не к разуму, а к эмоциям, не к истине, а к мнению. События прошлого стали освещаться столь же предвзято и произвольно, как в сталинской историографии, при механической смене оценочных знаков. Если раньше вся послеоктябрьская история представлялась непрерывной цепью побед "генеральной линии", одержанных в борьбе с "врагами народа", то теперь она стала изображаться как сплошная череда насилий и преступлений, которые якобы неизбежно вытекали из попыток реализации "коммунистической утопии". Как и в годы сталинизма, фальсификация исторического прошлого стала главным идеологическим плацдармом, с которого массовому сознанию навязывались ложные оценки явлений настоящего и перспектив будущего.

Поскольку новые исторические мифы были первоначально пущены в обращение под флагом "плюрализма мнений", уместно рассмотреть вопрос о соотношении истины и мнения. Мнение - это категория социальной психологии, характерная черта обыденного сознания. Истина - категория науки и научной идеологии, представляющей проект будущего, основанный на честном и объективном анализе прошлого и настоящего. Мнение - это суждение о социальных явлениях и процессах, не получивших научного осмысления из-за недостатка достоверной информации. Роль мнения велика в суждениях о будущем, которое по своей природе всегда многовариантно и представляет "веер" исторических возможностей, ни одна из которых не реализуется в "чистом" прогнозном варианте. Мнение играет важную роль и при оценке настоящего, современных социальных процессов и тенденций, которые носят незавершённый, "становящийся" характер, в силу чего полная и всесторонняя информация о них недоступна субъекту мнения, будь то "человек с улицы", политик, публицист или учёный-исследователь.

Однако при анализе и оценке исторического прошлого роль мнения существенно сужается. Ни один человек, знакомый с соответствующими историческими фактами, не сочтёт корректным суждение типа: "по моему мнению, Ленин не предлагал съезду партии сместить Сталина с поста генсека". То же самое в принципе относится к суждениям об исторических тенденциях и закономерностях, которые складываются из совокупности действительных исторических фактов и поэтому требуют от исследователя столь же объективной фиксации, как и единичный исторический факт.

Как бы предвидя нынешнюю антикоммунистическую истерию, выдающийся советский философ М. А. Лифшиц писал: "Заменить истину мнением нельзя - так думали ещё в древности. Мнения бывают разные, и правило "на вкус и цвет товарища нет" нужно соблюдать, пока речь идёт, например, о сравнительных преимуществах двух футбольных команд... Однако совсем другое дело - вопросы мировоззрения, общественной справедливости, человеческого достоинства, самые общие, святые, принципиальные темы, сильно затрагивающие сердце человека. Когда происходит подобный спор, отделаться ссылкой на мирное сожительство различных мнений уже нельзя... Но хуже всего, когда явления, известные под именем "догматизма", оставляют после себя неверие в истину, которой так злоупотребляли, желание довольствоваться мнением, держась подальше от всякой идейной непримиримости. Всё, что могло бы напомнить её, вызывает молчаливое, а иногда и открытое возмущение, ибо за этим сразу видят грубые обвинения и прочие моральные или, вернее, аморальные факты, действительно связанные с так называемым догматизмом". В этих условиях неизбежно рождается "догматизм наизнанку", "волна отталкивания, желания делать наоборот, всегда возникающая после принудительного навязывания в упрощённом и одностороннем виде самых верных истин"¹.

Эта волна, выплеснувшаяся на страницы советской печати с конца 80-х годов, направлена на ценностную переориентацию массового сознания. Прорыв к исторической правде в сравнительно немногочисленных научных публикациях опрокинут множеством публицистических статей, апеллирующих к т. н. "здравому смыслу". Под флагом "деидеологизации" и "нового мышления" в сознание миллионов людей внедряется худший вид идеологии - социальная демагогия, камуфлирующая своекорыстные интересы новой буржуазии, рвущейся к классовому господству и к власти.

Идеологи этого класса, называющие себя "демократами", подобно сталинистам, относятся к марксизму как к некой застывшей религиозной догме, на этот раз "еретического" характера. Между тем марксизм представляет собой открытую мировоззренческую систему, постоянно обновляющуюся и обогащающуюся на основе обобщения нового исторического опыта и новых научных открытий. В особой мере это относится к вопросам социалистического строительства, которые, как не раз подчёркивали Маркс и Энгельс, не могут быть априорно регламентированы во всех деталях. Эти основы марксистского метода и миропонимания были жесточайшим образом извращены идеологами сталинизма и постсталинизма, которые именовали "ревизионизмом" малейшее отклонение от духа и буквы последних "партийных документов", лозунгов очередного "вождя" или "лидера", объявляемых аутентичным истолкованием или даже "развитием" марксистской теории.

Нынешняя массивная обработка массового сознания в антикоммунистическом духе облегчается тем, что советская официальная пропаганда на протяжении десятилетий использовала понятия марксистской теории для характеристики отнюдь не социалистических процессов и отношений. Поэтому столь важно очистить эти понятия от вульгаризаторских напластований, вер-

¹ Лифшиц М. А. Искусство и современный мир. М., 1973. С. 10-11.

нуть им подлинный смысл, обогатить их содержание путём научного анализа всего исторического опыта XX века. Существенной опорой в этом деле выступает идейно-теоретическое наследие "позднего марксизма" - левой оппозиции 20-30-х годов.

Официальная советская историография в течение шести десятилетий скрывала реальные факты борьбы большевиков-ленинцев (так называла себя левая оппозиция) с тоталитарным режимом и выдвигавшиеся в ходе этой, борьбы идеи, альтернативные сталинизму. Это было относительно легко сделать, поскольку сталинский политический геноцид выжег в советском обществе все элементы, которые выступали носителями большевистского типа социального сознания. Предпринятые после XX съезда КПСС попытки восстановления исторической правды и очищения коммунистической идеологии от сталинистских парадигм носили половинчатый и непоследовательный характер прежде всего потому, что все они обходили запретную тему "троцкизма".

В результате всего этого в сознании советской интеллигенции, оппозиционно настроенной по отношению к существующему режиму, утвердилась ложная историческая версия, согласно которой альтернатива внутрипартийной борьбы после смерти Ленина сводилась к выбору: единоличная власть Сталина или единоличная власть Троцкого. Высмеивая подобную мещанскую интерпретацию смысла борьбы непримиримых течений внутри партии, левая оппозиция ещё в 20-е годы указывала на действительную альтернативу, стоявшую перед СССР: либо развитие партийной, советской и профсоюзной демократии, перерастающей в социалистическое самоуправление народа, либо узурпация всей полноты власти сталинской бюрократией.

Рассмотренный в этой книге исторический период был периодом окончательной кристаллизации сталинизма как общественной системы. Этому процессу сопутствовала непрерывная череда идеологических кампаний, знаменовавших всё более угнетающее подавление духовной свободы, творческого поиска в науке и искусстве. Результатом этого стал глубочайший кризис коммунистической идеологии.

В первые годы после Октябрьской революции политическая практика большевизма направлялась теоретической мыслью, формировавшейся в процессе коллективных идейных исканий и дискуссий. С утверждением сталинизма теория оказалась всецело подчинённой прагматическим целям текущей политики и тем самым обречённой на деградацию. Идеология стала сферой фабрикации догматических дефиниций и демагогических лозунгов. Сталинизм, не способный к созданию собственной теоретической доктрины, породил крайне эклектичную идеологическую систему, менявшуюся в зависимости от очередных политический зигзагов. Нормами духовной жизни советского общества и зарубежных коммунистических партий стало нагнетание идеологической напряжённости и свирепой непримиримости к "уклонам" в собственной среде.

Это патологическое соединение эклектичности с агрессивностью сделало официальную идеологию внутренне слабой, утратившей собственную логику развития, психологическую достоверность и нравственный стержень. Именно поэтому она оказалась абсолютно беспомощной перед лицом антикоммуни-

стического натиска в период "перестройки". Уже первые разрозненные залпы провозвестников "нового мышления" буквально парализовали её.

В середине 30-х годов определились новые черты внутренней политики сталинизма - опора на государственный национализм и коррумпирование интеллигенции. Они не укрепили внутреннюю устойчивость политического режима, а лишь умножили число его противников, прежде всего в рядах партии. Хотя предельно обострившаяся в годы первой пятилетки социальная напряжённость ослабла, во всех классах и социальных группах советского общества сохранялось недовольство последствиями насильственной коллективизации и растущим социальным неравенством. На это социальное недовольство сталинская олигархия была способна отвечать лишь дальнейшим ужесточением государственного террора, представлявшего собой превентивную гражданскую войну против носителей актуальной или потенциальной угрозы для господствующего режима. Другой политической функцией этого террора была попытка перенести вину за переживаемые массами бесчисленные страдания и лишения с правящей клики на "классовых врагов" и их "агентуру" внутри партии.

Социальные и политические процессы в Советском Союзе развивались в тесной связи с процессами, происходившими в капиталистических странах. С одной стороны, острота глобальных противоречий капитализма благоприятствовала укреплению позиций СССР на международной арене. Несмотря на ошибки и преступления сталинской клики, Советский Союз превратился в одну из сильнейших мировых держав. Зарубежные военные специалисты, присутствовавшие на учениях Красной Армии, убеждались в её высокой технической оснащённости и выдающихся полководческих качествах её командного состава. Усилению международного влияния и авторитета СССР способствовали успехи советской дипломатии, в огромной степени обязанные таким её ярким деятелям, как Литвинов, Крестинский, Коллонтай, Раскольников, Карахан, Юренев и другие старые большевики. Внутренняя консолидация и спайка народов СССР представляли резкий контраст положению в Британской и других колониальных империях, которые под давлением освободительной борьбы угнетённых народов вступали в полосу распада.

С другой стороны, трагические события в Советском Союзе, объявленном сталинистской пропагандой "страной победившего социализма", - насильственная коллективизация, непрерывно нараставшие репрессии и судебные подлоги, рост социального неравенства и удушение духовной свободы - ослабили притягательную силу коммунистических идей в сознании миллионов людей в капиталистических странах. Зарубежные компартии превратились из революционной силы в средство подчинения рабочего движения государственным интересам СССР в том виде, как их понимал Сталин. Политика сталинизированного Коминтерна морально подрывала и политически разоружала мировое революционное движение в тот исторический период, когда возникли наиболее благоприятные за всю историю условия для его победы.

Хотя глобальный структурный кризис капитализма не завершился свержением капиталистических режимов ни в одной стране мира, можно с полным основанием говорить о том, что международная революция в 20-30-е годы

произошла. Её основными этапами были революционные бои в Германии (1923 год), китайская революция 1925-1927 годов, английская всеобщая стачка 1926 года, революционный кризис в Германии (начало 30-х годов) и Франции (1934-1936 годы), восстание в Австрии (1934 год), гражданская война в Испании (1936-1939 годы). Эта героическая эпоха продолжалась и после второй мировой войны, когда победоносно завершились социалистическая революция в Китае и национально-освободительные революции во многих странах Азии и Африки. Последними вспышками второго тура социалистических революций были победы революционных сил на Кубе и в странах Индокитая.

Исход революционной борьбы в послевоенные годы был бы несравненно более успешным, если бы Сталин не обрёл на поражение революционное движение Франции и Италии (запретив коммунистам этих стран вооружать рабочих и повести их на захват власти), а затем - в Греции (предав коммунистов в развернувшейся там гражданской войне). Таким образом, социально-политический кризис в странах Европы либо не дошёл до революционного взрыва, либо завершился потоплением коммунистических сил в крови. Новые режимы утвердились лишь в тех европейских странах, которые оказались под прямым геополитическим давлением сталинизма.

Подобно тому как может потерпеть поражение революция в одной стране, потерпела поражение и международная революция. Однако влияние этой преданной и побеждённой революции не осталось бесследным. "Во время контрреволюции фильм как бы начинает развёртываться в обратном порядке. Он никогда не доходит до конца. Часть завоеваний революции всегда сохраняется"¹. После революционных потрясений 30-40-х годов оказалось невозможным сохранение капиталистических отношений в том виде, в каком они существовали прежде, - ни в отдельных странах, ни в глобальном масштабе.

Конечно, результаты революционной борьбы народных масс оказались бы несоизмеримо более весомыми в случае победы международной социалистической революции. Такая историческая возможность была отнюдь не исключена в 30-40-е годы. Для её претворения в действительность не хватало только одного фактора - подлинно революционного руководства.

Читатель, внимательно и непредвзято ознакомившийся с фактами, приведёнными в нашей книге, не сочтёт преувеличением вывод о том, что противоборство сталинизма и "троцкизма" к середине 30-х годов превратилось в одно из основных политических противоречий эпохи. Борьба этих течений, идейная сила каждого из которых была обратно пропорциональна его материальной мощи, имела исторический шанс завершиться победой "троцкизма", завоевывавшего всё новых приверженцев во всём мире. Великая чистка 1937-1938 годов понадобилась Сталину именно потому, что только таким путём можно было обескровить набиравшее силу движение IV Интернационала, помешать ему превратиться в ведущую революционную силу эпохи, дезориентировать и деморализовать мировое общественное мнение, способное в противном случае стать восприимчивым к усвоению "троцкистских" идей.

¹ Троцкий Л. Д. Сталин. Т. II. С. 240.

Вынужденный в этих условиях уделять всё возрастающее внимание разоблачению сталинских провокаций и подлогов, Троцкий вместе с тем продолжал обобщать новый исторический опыт и формулировать на этой основе новые революционные выводы. Его насильственное отторжение от государственной деятельности в известном смысле стало его своеобразным преимуществом, поскольку дало возможность сконцентрировать усилия на развитии марксистской теории, осмыслении не предвиденных его предшественниками деформаций в социалистическом строительстве и международном коммунистическом движении. Это осмысление осуществлялось на таком уровне, который до сего времени недостижим для нашего обществоведения, долгие годы жившего на скудном и отравленном сталинско-сусловском идеологическом пайке или (если говорить о самиздатовских и "тамиздатовских" авторах) повторявшего зады западной советологии. Предваряя первую публикацию в нашей стране дневниковых записей Троцкого 30-х годов, В. Козлов и Е. Плимак справедливо отмечали, что теоретический уровень современной социологической и исторической науки в СССР "пока вообще не позволяет подойти к ряду проблем... социологии революции, к которым прямо выводят дневники и письма го^{1*}и²".

Непредвзятое изучение событий 30-х годов даёт ключ к постижению основных тенденций последующего исторического развития. Оно показывает, что структурный кризис мирового капитализма "сработал" в пользу сталинизма. Продуктами накалившихся до предела внутренних противоречий капитализма стали, вслед за победой фашизма в Германии, вторая мировая война и распад мировой колониальной системы.

В своих прогнозах Троцкий в известном смысле недооценил глубину этих противоречий, которые позволили сталинизму не только выжить, но и распространить своё влияние на другие страны. Троцкий считал, что СССР сможет выйти без поражения из грядущей войны только при условии, что ему на помощь придёт революция на Западе или на Востоке. Допуская возможность возникновения в войне с фашизмом военно-политического союза СССР с США и Англией, он полагал, что в этом случае союзники воспользуются затруднениями Советского Союза, чтобы потребовать далеко идущих уступок капитализму.

В действительности вторая мировая война началась как война между двумя капиталистическими группировками и на первых порах вовлекла в свою орбиту все крупные европейские державы за исключением СССР. После нападения Гитлера на Советский Союз оформилась военно-политическая коалиция СССР с крупнейшими буржуазно-демократическими государствами. Хотя в 1941-1942 годах Советский Союз не раз оказывался на грани катастрофы, героическая борьба советского народа с фашизмом в конечном счёте заставила союзников СССР примириться с отпадением от капиталистической системы новых стран, включавших треть населения земного шара.

¹ В ещё большей мере это относится к статьям и книгам Троцкого, с которыми данные исследователи в момент написания своей статьи, по-видимому, не были ещё знакомы.

² Козлов В., Плимак Е. Концепция советского термидора - Знамя. 1991. № 7. С. 160.

Вторая мировая война, подобно первой, вызвала мощный подъём революционных сил. Но если после первой мировой войны коммунистические партии в большинстве стран мира только нарождались (это явилось главной причиной поражения революционной волны 1918-1923 годов в Европе), то после второй мировой войны эти партии, значительно выросшие в своей численности, оказались обречены на то, чтобы развиваться в смиренной рубашке сталинизма. Альтернативные сталинизму коммунистические силы, обескровленные довоенными и послевоенными чистками, не сумели оформиться в сильное и влиятельное международное движение^{1*}.

Развитие т. н. "социалистического лагеря" привело не к усилению, а к новому ослаблению притягательной силы коммунистических идей, скомпрометированных негативным примером "реального социализма" уже не только в СССР, но и в других странах с национализированной собственностью и плановой экономикой, где повторились (с некоторыми модификациями) ошибки и преступления сталинизма.

Вместе с тем господствующие классы капиталистических стран сумели извлечь из кризисов 30-40-х годов уроки для своей внутренней и внешней политики. Перед лицом угрозы со стороны мировой социалистической системы произошла консолидация и интеграция крупнейших капиталистических государств, обусловившая возможность их нового экономического подъёма. В своих прогнозах 30-х годов Троцкий отнюдь не исключал такой перспективы, во всяком случае для Европы. "Не может быть никакого сомнения в том, - писал он, - что, если бы смести прочь внутренние таможенные перегородки, капиталистическая Европа, после некоторого периода кризисных перегруппировок и приспособлений, высоко поднялась бы на основе нового распределения производительных сил"².

Основное противоречие современной эпохи Троцкий видел в том, что "производительные силы окончательно переросли рамки национальных государств и приняли, прежде всего в Америке и Европе, отчасти континентальный, отчасти мировой масштаб"³. Продуктами этих противоречий между производительными силами и национальными границами он считал первую мировую и надвигающуюся вторую мировую войну. В преддверии новой войны он подчёркивал, что "упадок Европы вызывается как раз тем, что она экономически раздроблена между почти четырьмя десятками квазинациональных государств, которые, со своими таможенными, паспортами, денежными системами и чудовищными армиями на защите национального партикуляризма, стали величайшим препятствием на пути экономического и культурного развития человечества"⁴.

Считая наиболее благоприятным выходом из этой раздробленности создание Социалистических Соединённых Штатов Европы, Троцкий вместе с тем полагал, что в случае сохранения гегемонии сталинизма в международном

¹ Последним массовым социалистическим движением, направленным против сталинизма, явилась "Пражская весна", подавленная советской интервенцией.

² Бюллетень оппозиции. 1930. № 6, С. 10.

³ Там же. С. 13-14.

⁴ Троцкий Л. Д. Преданная революция. С. 193.

коммунистическом движении свои пути к экономической и политической интеграции будет искать мировой капитал. Именно в этой связи он напоминал: "Не раз уже бывало в истории, что, когда революция оказывалась не в силах разрешить своевременно назревшую историческую задачу, за разрешение её вынуждена браться реакция"¹.

Конечно, за несколько десятилетий поиска путей решения транснациональных задач капитализм не сумел преодолеть кричащие глобальные противоречия (прежде всего противоречия между передовыми и зависимыми странами). Тем не менее к исходу XX века он оказался более устойчивым, чем "социалистическое содружество", на протяжении многих лет раздиравшееся внутренними конфликтами и окончательно взорванное горбачевской "перестройкой".

Распад СССР, Югославии и Чехословакии, поворот более двадцати государств, возникших на их развалинах, равно как и других стран Восточной Европы, в сторону капиталистической реставрации явились крупнейшим историческим поражением социализма. Однако это поражение не означает необратимого поражения коммунистических идей. Их жизнеспособность будет всё сильнее выявляться по мере обострения новых глобальных противоречий, возникших в последние десятилетия нашего века и впервые в истории поставивших человечество перед проблемой собственного выживания.

Гигантская пропасть между экономическим уровнем и благосостоянием населения в передовых и отсталых капиталистических странах не сужается, а растёт. Не только относительное, но и абсолютное обнищание сотен миллионов людей в "третьем" и "втором" (бывшем социалистическом) мире, непрерывное воспроизводство в этой зоне межнациональных и гражданских войн, отчётливо вырисовывающаяся претензия США на роль мирового жандарма, их грубое вмешательство во внутреннюю жизнь других государств - всё это ощутимые признаки жестокого социального и политического регресса, противодействовать которому невозможно на путях капиталистического развития.

Особенно трагично положение республик бывшего СССР, совершающих откат к отсталому полуколониальному капитализму. Коррупционное перерождение правящих клик в 70-80-е годы и прямое предательство ими своих партий на рубеже 90-х годов предельно ослабили здесь подлинно коммунистические силы. Непременным условием возрождения этих сил, единственно способных спасти свои народы от ещё более страшной катастрофы, является реконструкция и развитие большевистской (ленинской, "троцкистской") концепции социализма, глубокое переосмысление трагического опыта прошлого и извлечение из него серьёзных политических уроков.

¹ Бюллетень оппозиции. 1930. № 6. С. 14.

Оглавление

Введение	2
I Экономическая либерализация в СССР	13
II Судьбы мирового капитализма в 30-е годы.....	26
III Новая стратегия Троцкого. Строительство IV Интернационала.....	29
IV XVII съезд: "победители" и "обозники"	36
V XVII съезд. Итоги тайного голосования.....	44
VI Состав ЦК XVII съезда. Новые выдвиженцы Сталина.....	48
VII Объективные и субъективные причины сталинского террора.....	53
VIII "Правовой фундамент" массовых репрессий	58
IX Почему Киров?	62
X Убийство Кирова	66
XI Первые версии и первые подлоги.....	71
XII Начало расправы над "зиновьевцами"	76
XIII Процесс Николаева-Котлынова	82
XIV Процесс "Московского центра"	85
XV Процесс ленинградских чекистов.....	92
XVI Как было организовано убийство Кирова.....	96
XVII "Кировский поток"	101
XVIII Неудавшиеся амальгамы.....	106
XIX "Кремлёвское дело".....	110
XX Цели сталинских амальгам	113
XXI Ломка судеб и душ.....	116
XXII Оппозиционеры в ссылках, лагерях и тюрьмах	119
XXIII Сталинский террор и судьбы большевизма.....	130
XXIV Оппозиционеры в подполье.....	132
XXV Партийные чистки.....	138
XXVI Сталинизм и фашизм	147
XXVII Сталин и Гитлер	156
XXVIII Разрыв Сталина с идеей мировой революции	160
XXIX Деградация Коминтерна.....	163
XXX Полигика Народного фронта.....	170
XXXI "Французская революция началась"	176
XXXII "Коммунизм разгромлен во всём мире"	179
XXXIII Сталинская дипломатия - явная и тайная.....	181
XXXIV Мир привилегий	188
XXXV Социальная поляризация и нищета низов.....	201
XXXVI Стахановское движение	208

XXXVII	Социальная политика сталинизма в зеркале "сталинской конституции"	215
XXXVIII	Извращения марксизма и реставрация национально-государственной идеи	223
XXXIX	Борьба с "национал-уклонизмом"	233
XL	Политический режим	240
XLI	Культ Сталина и фальсификация истории	245
XLII	Социальная опора сталинистского режима.....	260
XLIII	Капитулянты - старые и новые	263
XLIV	Бухарин: последние годы на свободе.....	271
XLV	Троцкий: 1935-1936 годы.....	279
XLVI	Подготовка к первому показательному процессу.....	281
XLVII	Сталинизм и общественное мнение на Западе	287
XLVIII	Советский союз глазами Лиона Фейхтвангера.....	298
XLIX	Чем Бердяев близок коммунистам	306
L	"Преданная революция"	311
	Заключение	328